

В. В. ВИНОГРАДОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

В. В. ВИНОГРАДОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Докл. Букопатов

В. В. ВИНОГРАДОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И
ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

Настоящий том является третьей публикацией пятитомного издания «Избранных трудов», подготавливаемых Комиссией по литературному наследству акад. В. В. Виноградова, и входит в общий план издания. Он включает в себя избранные статьи по исторической и современной лексикологии, значению слов и фразеологизмов, теории и практике словарного дела. Статьи печатаются без каких-либо изменений, лишь в отдельных работах начала 50-х годов произведены оговоренные в комментариях сокращения. Библиографический аппарат и иллюстративные примеры унифицированы и выборочно проверены. Тому предпослана вводная статья, а в его конце помещены комментарии, библиография работ В. В. Виноградова по данной тематике, а также именной указатель.

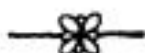
Редакционная коллегия

М. П. АЛЕКСЕЕВ, Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ, В. Г. КОСТОМАРОВ,
Д. С. ЛИХАЧЕВ, Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Н. И. ТОЛСТОЙ, Н. Ю. ШВЕДОВА

Ответственный редактор тома

В. Г. КОСТОМАРОВ

ТРУДЫ
академика
Виктора Владимировича
ВИНОГРАДОВА
в области лексикологии,
фразеологии, семасиологии и лексикографии

В. В. Виноградов сказал свое весомое слово во многих отраслях современной отечественной филологии. Одной из сквозных тем, проходящих через все полу столетие его напряженного творчества, было исследование русских слов: их истории, смысловой структуры, взаимодействий значений и употреблений, их самых различных свойств, сторон, особенностей. При этом конкретный анализ подчинялся общему концептуальному замыслу, который складывался и уточнялся по мере накопления проанализированного фактического материала.

Лексикологическая концепция В. В. Виноградова тесно связана со взглядами Л. В. Щербы, а также с работами М. М. Покровского и Ш. Балли. В центре исследовательского интереса у В. В. Виноградова стояло именно отдельное слово. Полагая, что «как название, как указание на предмет, слово является вещью культурно-исторической» («Русский язык», изд. 2, стр. 17), он уже в блестящем этюде 1928 г. «О слове *азинья* в русском литературном языке» очертил исходные позиции лексикологического исследования: неотделимость любого слова от его исторических корней, от структурной специфики русского языка, от всей окружающей языковой обстановки; взаимная обусловленность разных сторон слова и их обусловленность всеми лексическими и нелексическими категориями языка в их «диалектическом синхронизме»; необходимость учета особенностей эпохи, народного быта, литературы, общественного сознания, социальной жизни русского народа, органической частью истории и культуры которого является весь язык.

Историзм исследования рисовался в качестве необходимой предпосылки для проникновения в нынешнее состояние и последовательно сопрягался с изучением слова в его формах и функциях, в его лексико-семантических и фразеологических связях, характерных для современного русского литературного языка. Поиск исследовательского метода, соответствующего неповторимости каждого отдельного слова и принципиально исключающего изучение лексики под одним каким-либо «универсальным» углом зрения, был продолжен в ряде этюдов 30—40-х годов и обобщен в публикации «Лексикологические заметки» (1941), где было дано обоснование особого научного направления, столь прославившего имя В. В. Виноградова, — истории русских слов и выражений. Это направление, разрабатывавшееся им до последних дней жизни, установило живую связь между этимологическими штудиями и лексикологическими исследованиями современного литературного языка. Оно связывалось также с лексикографией, с критическим анализом словарей, с поиском

оптимальной подачи и точнейшего истолкования слов. Материал по истории слов и выражений обильно включался в самые разные работы — по лексикологии, по грамматике, по стилистике и языку писателей.

В пределах ограничений, заданных общим планом издания «Избранных трудов» (см. публикацию Комиссии по литературному наследству акад. В. В. Виноградова — ВЯ, 1971, № 2, стр. 163—164), настоящий том не может даже частично воспроизвести эту замечательную часть творчества ученого. Им исследовано более 200 русских слов и выражений, и можно лишь надеяться на быстрее воплощение замысла Комиссии об издании словаря-сборника этих работ; помещаемый в библиографии к настоящему тому алфавитный список изученных В. В. Виноградовым слов и выражений не учитывает материалы, включенные в «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (М., 1934; изд. 2 — М., 1938) и некоторые другие работы, часть которых осталась в рукописном архиве ученого.

Изыскания по истории и особенностям отдельных слов создавали питательную почву для теоретических обобщений. Соответственная теория оформлялась именно как историческая лексикология, связываясь первоначально — в тех же «Лексикологических заметках» — с вопросом об историческом словаре русского литературного языка XVIII—XX веков, а затем естественно включаясь в общеязыковедческую концепцию автора.

Концепция русского слова представала перед В. В. Виноградовым, по меньшей мере, в виде «Грамматического учения о слове» (показательный подзаголовок классической грамматической монографии — «Русский язык», М., 1947; изд. 2 — М., 1972) и в виде лексикологического учения о слове, которое не нашло при жизни автора систематического и полного воплощения в монографии, хотя он параллельно и работал над ней, руководствуясь своим известным тезисом: «Изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно» («Русский язык», изд. 2, стр. 12).

В лексикологическое учение о слове, которое должен по возможности представить настоящий том, у В. В. Виноградова, несомненно, входили семантико-фразеологические исследования. К этому учению органически примыкали также лексикографические задачи. Но его ядром замышлялась именно научная лексикология — подчеркнуто историческая и подчеркнута основанная на обильном и разнообразном материале истории отдельных слов, их разрядов или групп.

В соответствии с этой логикой том разделен на три раздела: «Историческая лексикология», «Фразеология. Семасиология» и «Лексикография». Внутри каждого отдела материалы располагаются в хронологическом порядке их публикации при жизни автора. Все работы воспроизводятся без каких-либо существенных изменений, за исключением незначительных сокращений, обозначенных в тексте и оговоренных в комментариях.

Составителем выправлены очевидные опечатки и ошибки (например, в обширной цитате из Н. П. Гилярова-Платонова — Собр. соч. М., 1899, т. II, стр. 266—267, приведенной в первом разделе статьи «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии»).

В ходе частичной проверки цитат и иллюстративных примеров проведена унификация библиографического аппарата всех публикуемых работ. В ряде случаев — в интересах унификации — изменена форма подачи

цитат и примеров из художественной литературы, а также разбивка текста на абзацы.

Приведены в соответствие с современной нормой имена и фамилии зарубежных авторов, например: А. Сешеа, Ш. Балли (в разных публикациях встречались формы Ш. Бальи, А. Сэшей). Последовательно используется термин «сращение», наряду с которым в ряде работ, например в статье по фразеологии 1947 г., применялся термин «срощение».

Публикуемые тексты не всегда сохраняют индивидуальную пунктуацию В. В. Виноградова, в частности излюбленные им эмфатические тире: «Оно — химическое соединение растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей. Это — своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания... фразеологические единства — являются потенциальными эквивалентами слов» («Об основных типах фразеологических единиц», стр. 253 и 348 первоначального издания); «А. А. Потебня со всей решительностью настаивает на необходимости видеть в исторической семантике слова — центр истории языка... Понимание смысловой структуры слова у М. М. Покровского — механистическое. В этом отношении отрыв русской академической науки о языке от передовых материалистических теорий слова и значения — был особенно очевиден и болезнен» («Из истории лексикологии», стр. 8 и 16 первоначального издания).

*

Прежде чем приступить к краткой содержательной характеристике выделенных в настоящем томе трех тематических разделов, представляется целесообразным оговорить условность такого разбиения. Как уже замечено, научная лексикология для В. В. Виноградова есть только историческая лексикология, вытекающая из исследований истории отдельных слов и выражений. Принципиальным поэтому оказывается то обстоятельство, что в этюдах по отдельным словам и выражениям даются многочисленные теоретические обобщения, что самый выбор отдельных слов для обособленного анализа диктуется общей концепцией и проясняет ее, что теоретические статьи щедро оснащаются иллюстрациями и доказательствами, состоящими из подробного рассмотрения отдельных слов. Исключение из тома этюдов по истории слов и выражений, т. е. органической части в принципе единого исследовательского комплекса, по необходимости влечет за собой заметные лакуны, не позволяющие полностью воспроизвести лексикологическое учение В. В. Виноградова и, тем более, представить ход его становления и развития.

Еще больше условность тематической группировки работ ученого предопределяется свойственной ему переплетенностью и взаимосвязью исследований разных тем, отражающей его понимание сущности языка. Наряду с историзмом и признанием социальности языка, его связи с обществом В. В. Виноградов возводил в принцип учет теснейшей связи всех его сторон и явлений как сложной системы взаимообусловленностей. В его учении о слове как раз наглядно переплелись изыскания в области грамматики и в области лексики, взаимно обогащаясь, открывая новые пути анализа, наталкивая на самобытные обобщения.

Эта творческая манера, требовавшая изучать грамматический строй с учетом лексики, обусловила понимание слова как системы форм и значений, как конструктивного единства лексических и грамматических яв-

лений. Учение о слове — основной единице лексики и грамматики — привело к включению в грамматические работы проблем значения слов, их функций и семантических группировок, а в лексикологические — многих морфологических и синтаксических вопросов. Структура слова в ее цельности изучается В. В. Виноградовым и в грамматических, и в лексикологических трудах, причем ее собственно лексико-семантическая сторона, смысловая структура слова представлена в публикациях разной общей тематической направленности.

Явление полисемии рассматривалось, например, В. В. Виноградовым в самых разных работах, а его статьи по омонимии вообще не поддаются тематическому разбиению. Крайне условно воспроизведение статей «О грамматической омонимии в современном русском языке» (1940) и «Об омонимии и смежных явлениях» (1960) в грамматическом, а заметки «Об омонимии в русской лексикографической традиции» (1967) в настоящем, лексикологическом, томах «Избранных трудов». Ведь сам автор в поиске законов соотношения лексического и грамматического в слове исходил из единства явления и из задач обработки омонимов в словарях, отчего теория омонимии активно разрабатывалась им и в лексикографических исследованиях. В статьях, посвященных специально омонимии — в трех указанных и в оставшихся за пределами данного издания (конечно, не по причине трудности тематического отнесения, а из-за ограниченности объема!) «О процессах развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных руссизмов и древнеславянизмов» (1966), «Об омонимии служебных слов в современном русском языке» (1967), «Процессы устранения омонимии в русском литературном языке XVIII—XIX вв.» (1969), «К изучению вопросов омонимии» (1969), «Омонимы из гнезда „стрела“» (1969) и др., одинаково обильно представлен как лексико-семантический, так и морфолого-синтаксический материал.

Разнесение работ В. В. Виноградова по томам данного издания и, тем более, по разделам внутри каждого тома осложняется тем, что параллелизм в разработке магистральных направлений научного поиска приводил часто к отпочкованию боковых ответвлений, становившихся новыми, «промежуточными» отраслями науки.

Органическое сочленение грамматики и лексики в учении о слове укрепило, например, мысль о целесообразности выделения словообразования из традиционного объема морфологии, представления его граничной полосой, мостом между грамматикой и лексикой, определяющим их неразрывную историческую и синхроническую связь и взаимную балансировку. Учение В. В. Виноградова о русском словообразовании органически вписывалось и в грамматическое учение о слове, и в историю русского языка, и в лексикологию, лексикографию, и в стилистику, культуру речи, но было прежде всего самостоятельной дисциплиной. Поэтому весьма условно помещение в настоящем томе статьи «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка» (1951), а в грамматическом томе — работ «Вопросы современного русского словообразования» (1951) и «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (1952), содержащих значительный материал из истории и семантики слов и их разрядов.

Аналогично фразеология, отдельность которой как лингвистической дисциплины связана с именем В. В. Виноградова, создавалась на стыке его лексико-семантических и грамматико-синтаксических разысканий.

Родившись от смежного изучения слова, словосочетания и предложения в грамматике, она попала в параллельное рассмотрение с лексикологией и в свою очередь породила учение о свободных и связанных значениях, о смысловой структуре слов. Характерно, что конспективное изложение публикуемых в настоящем томе статей по фразеологии сам автор включил в свои грамматические труды (подробнее об этом ниже).

Разработка лексикологии в целом органично переплеталась не только с грамматикой, но и с другими глобальными направлениями многогранного исследовательского поиска В. В. Виноградова: с общей теорией языка (см. хотя бы статью «Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания» — ВЯ, 1952, № 2, стр. 3—43), с историей русского языка и проблемами формирования национальных литературных языков у славян, с текстологией, языком и стилем писателей, со стилистикой и культурой речи. В сущности, во всех публикациях ученого много ценного материала по лексике, фразеологии и семантике, далеко не всегда повторявшегося в его собственно лексикологических работах.

Подчеркивая принципиальную и органичную взаимосвязь своих исследований в разных областях, В. В. Виноградов часто включал в текст прямые указания на дальнейшие и смежные объекты и пути анализа. Так, статьи по фразеологии заканчиваются призывом вовлечь в ее изучение наряду с грамматикой и лексикологией стилистику, а статья «К истории лексики русского литературного языка» (1927) — призывом продолжить изучение церковнославянского наследия в сфере синтаксиса с учетом стилистической интерпретации форм и функций словосочетаний.

Целостность представления лексикологического учения В. В. Виноградова о русском слове и убедительность разбивки публикуемых работ на разделы затрудняются, наконец, заданным объемом тома. За его пределами, кроме оговоренных этюдов по истории слов и выражений, остаются историографические труды «Русская наука о русском литературном языке» («Уч. зап. МГУ», вып. 106, т. 3, кн. I, 1946, стр. 22—147), статьи о творчестве В. И. Чернышева и М. М. Покровского (что отчасти компенсируется критическим изложением их взглядов на лексику и семантику в воспроизводимой статье «Из истории лексикологии»), а также ряд других работ, непосредственно связанных с лексикологией и лексикографией (см. в библиографии весь отдел II и в отделе I номера 11, 13, 17, 20—21, 23—27, 32 и др.).

Творческое наследие В. В. Виноградова огромно, и составитель вынужден ограничиться классическими трудами и работами, наиболее ясно иллюстрирующими самый ход научной мысли ученого. Полное и системное изложение его лексикологического учения потребовало бы кропотливого изучения всего творчества и вряд ли вообще достижимо лишь воспроизведением написанного им. Это особенно справедливо в отношении ядра этого учения — исторической лексикологии, которой посвящается первый раздел настоящего тома.

*

В отличие от семантико-фразеологических и даже лексикографических, историко-лексикологические исследования оказались менее обобщенными в прижизненных публикациях В. В. Виноградова. Он просто не изложил их монографически, хотя они были широко известны в науч-

ных кругах — не только по опубликованным частям, но именно по системе идей, оглашенной в разных докладах, беседах, лекциях (в читанных спецкурсах по словообразованию, эвристике, текстологии и специально — по лексикологии), в отзывах на диссертации.

Составитель не мог в такой ситуации ограничиться законченными статьями и не обратиться к тезисам, авторским аннотациям, даже второстепенным работам, пытаясь по возможности проиллюстрировать развитие взглядов ученого, процесс определения тематики и путей исследования, хотя и не занимаясь собиранием отрывков из работ в иных областях и из лексикологических работ, написанных в соавторстве.

Лексикологические интересы определились уже в ранних трудах В. В. Виноградова. Написанные не ранее 1926 г. (и публикуемые сейчас прежде всего для иллюстрации хода становления взглядов ученого) «Заметки о лексике „Жития Саввы Освященного“» показывают, что первоначально лексика служила ему лишь материалом для решения вопроса о происхождении памятника и шире — вопросов истории русского языка. Поставленные здесь попутно проблемы роли и места славянизмов в русском словаре становятся темой ставшей классической работы «К истории лексики русского литературного языка» (1927), предопределившей ныне общепризнанные в отечественной науке представления о типах славянизмов, об истории и составе современной лексики. Статья писалась под влиянием идей Л. В. Щербы, отчего принципиально интересным выступает его примечание к данной статье, публикуемое нами в комментариях к тому.

Понимание русского литературного языка как сложного органичного сплава исконных восточнославянских и старославянских элементов, обогащавшегося деятельностью писателей, влиянием диалектов и иноязычными заимствованиями, развивалось и уточнялось В. В. Виноградовым всю его творческую жизнь (наиболее полная сводка его взглядов на соотношение церковнославянской и народной восточнославянской стихий дана в книге «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка». М., 1958). Оно в значительной мере обуславливалось анализом состава русского лексикона, пробуждая уже самостоятельный интерес ученого к лексикологии, получавшей с самого начала принципиально историческое освещение. «У лексикологии, — писал он, — как учения о составе и системе словаря, о закономерностях исторических изменений систем лексики и их внутренних взаимоотношениях с условиями быта, производства, с формами материальной культуры и социальных мировоззрений остается свой материал, свой метод и свой объект исследования» («Русский язык», изд. 2, стр. 12).

Собственно, задача лексикологии сводилась к возможно полной переработке необозримого лексического материала, к такой его систематизации, которая бы отразила живой словарь в его внутренней сущности, в смысловой и причинной связи слов, их реальной индивидуальности. В этом смысле этюды, посвященные отдельным словам, — лишь главы и параграфы единого исследовательского предприятия. Задача мыслилась разрешимой только на фоне общей истории русского языка и при учете конкретной судьбы слов и их разрядов, соприкасаясь на втором плане уже со стилистикой, изучением языка писателей, а также словообразованием и вообще грамматикой.

Решению этой величественной задачи В. В. Виноградов хотел посвятить большую монографию под названием «Материалы и исследования

в области исторической лексикологии русского литературного языка». К сожалению, книга не была закончена, хотя в конце 40-х и середине 50-х годов фигурировала в издательских планах. В ней предполагалось с позиций последовательного историзма и функционализма, на громадном фактическом материале (лишь в главе, посвященной смысловому преобразованию старославянизмов в русском языке, по свидетельству автора, мыслилось дать иллюстрации из истории значений ста слов!) осветить проблему слова и значения, пределы тождества слова, особенности и пути исторической динамики смысловой структуры слов, понятия «славянизм», «русизм», «заимствование», роль народной лексики — все основные категории русской лексикологии и семантики.

Мы обладаем лишь авторской аннотацией этого замысла, которой сам В. В. Виноградов придавал большое значение. Она дополняется тезисами (прочитанного в Ленинграде и не сохранившегося доклада) того же 1945 г. «Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения». К ней примыкает также заметка «Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков» (1946). Вместе эти три публикации воспроизводятся нами как документ, кратко, но наиболее системно очерчивающий лексикологическую концепцию ученого.

В их свете становится ясно, что законченные и известные работы «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии» (1953) и «Из истории лексикологии» (1956) были при всей их злободневной самостоятельности лишь выборками или даже главами из планировавшейся рукописи. Отражая острые дискуссии 50-х годов по общетеоретическим вопросам языкознания, полемика вокруг лексикологических проблем приняла публицистический — до односторонности — характер. Вероятно, лишившись нужного для научного творчества беспристрастного покоя, В. В. Виноградов и не смог завершить свою монографию.

Тем не менее, имея за собой объективно исследованный материал и строго научную концепцию, эти работы, как и тоже пронизанная полемикой статья «О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии», написанная в соавторстве с О. С. Ахмановой и В. В. Ивановым (ВЯ, 1956, № 3, стр. 3—24), внесли в отечественную лексикологию ощутимый вклад. Особого внимания в них заслуживает оригинальное толкование связи словаря с историей народа, доказательство национальной специфики семантико-смысловых связей и обусловленностей слов и их разрядов, анализ особенностей развития устойчивого «корневого ядра» и его базовой роли в обогащении разных лексико-семантических пластов и всей лексики в целом.

Последняя мысль естественно уводила в область производства слов, преодолевая грань между грамматической и семантической сторонами этого процесса и заставляя оснащать работы по словообразованию обильным историко-лексикологическим материалом. Особенно наглядно это демонстрирует статья «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка» (1951), непосредственно вписывающаяся в тематику исторической лексикологии и воспроизводимая в данном разделе настоящего тома.

Таким образом, лексикологические исследования оказались у В. В. Виноградова органически связанными, с одной стороны, с историей языка, изучением исторического состава русской лексики (особенно роли в ней славянизмов), судьбой отдельных слов, с другой же стороны, со структурными проблемами, грамматическим анализом путей и способов обра-

зования русских слов. В то же время выдвинутая в них идея национальной специфики словаря, требовавшая семантического подхода, нашла себе место — несколько неожиданно, но органично — в исследовании русской фразеологии.

*

Первоначально изучение фразеологизмов связывалось В. В. Виноградовым, несомненно, с проблемой определения слова, словосочетания и предложения. Ставя в центр разработки грамматического учения о слове морфологическую и синтаксическую семантику, он естественно заинтересовался материалом, нарушавшим нормальные соотношения слова и словосочетания. Своеобразие материала оказалось таково, что пришлось вывести его в особую область науки о языке.

В классических статьях «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946) и «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947) В. В. Виноградов впервые в отечественной науке убедительно очертил круг относящихся к этой области вопросов. Развивая мысли А. А. Шахматова и ряда зарубежных ученых, прежде всего Ш. Балли, он предложил принципы разграничения и классификации идиоматических групп на основе степени их неразложимости и устойчивости, показал пути истолкования их исторической природы. Описав характерные свойства трех типов фразеологических единиц — сращений, единств и сочетаний, он наглядно показал богатство русского языка как в своеобразии конструктивных моделей, так и самом инвентаре идиом.

В соответствии с исходным замыслом конспективное изложение исследования было использовано в грамматических трудах: в связи с рассмотрением структуры и типов слов оно вошло во введение к книге «Русский язык» (как § 4. «Основные типы фразеологических единиц в русском языке», изд. 2, стр. 23—30) и в связи с рассмотрением правил образования словосочетаний — во введение к синтаксическому тому академической «Грамматики русского языка» (как § 26. «Словосочетания и фразеологические единицы», т. II, ч. 1, М., 1954, стр. 58—62). Но значение исследования явно шире: был сделан очевидный вклад в лексикологию, в историю русского лексикона.

В рамках учения о фразеологии возникла и новая тема, собственно семасиологическая. Анализ фразеологических сочетаний, являющихся аналитическими единствами, выявил роль несвободных значений слов, показав вообще зависимость сочетательных потенций слова от характера его семантики. Задача особого изучения фразеологически связанных и свободных значений слов пришла в естественное соприкосновение с разрабатывавшимся В. В. Виноградовым в грамматике представлением о смысловой структуре слова, шире, о лексеме, а также с его пониманием омонимии как семантической границы слова. Решению этой задачи посвящалась работа «О свободных и связанных значениях слова», которая не увидела света, хотя автор и ссылался на нее как на опубликованную (см. его прим. к статье «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» на стр. 162 настоящего издания и комментарий к ней).

К теме семасиологического изучения смысловой структуры слова В. В. Виноградов обратился вновь в 1953 г. уже на иной основе. 19 июня он прочитал на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР доклад, по которому вскоре опубликовал статью

«Основные типы лексических значений слова» — едва ли не лучшую из всего написанного им. Проблема свободных и связанных значений была поставлена здесь в широком контексте именно семасиологической проблематики, впервые в советской лингвистике явившись связанной с «фразовым окружением» и со смысловой структурой слова, понимаемой как семантическое единство системы его значений, определяемое национальной спецификой словаря, семантической системой языка в целом и его стилей.

Шедшее от грамматики изучение смысловой структуры слов в связи с их составом и формами (см. классическую статью «О формах слова», воспроизводимую в грамматическом томе «Избранных трудов») В. В. Виноградов переименовывает с осуществлявшимся в лексикологии исследованием исторических изменений в значениях слов и их разрядов, раскрывающим историю формирования свойственных русскому языку законов объединения и разъединения понятий, т. е. национально-семантическую систему как специфичное отражение истории общества, познавательной деятельности народа (см. тезисы «Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения» в первом разделе настоящего тома). На этом пути наглядно выявляются характерные для русского языка группировки понятий и соответственное распределение слов вокруг основных центров значений; в основу семантической системы слов кладется различие значений свободных, фразеологически связанных, функционально-синтаксически закрепленных и конструктивно обусловленных.

Связь с понятием, более или менее прямолинейная в сфере свободных (прямых номинативных и производно-номинативных) значений, в других типах значений «настолько слита со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа» («Основные типы лексических значений слова», стр. 192). Этот общий тезис особенно ярко доказывается примером экспрессивно-синонимических и фразеологически связанных значений в целом, что и оправдывает отнесение этой статьи — при всей ее самостоятельности — к разделу «Фразеология. Семасиология».

Новый угол зрения, открывший собственно семасиологические штудии и очертивший контуры семантической теории русского слова, открывал, как это всегда бывало у В. В. Виноградова, дополнительные перспективы в изучении стилистики, истории языка в целом и в других областях, особенно же в лексикографии — с ее важнейшими задачами создания исторических словарей и толковых словарей современного языка, адекватных языковой действительности, точно и убедительно изображающих смысловую структуру, систему значений каждого отдельного слова.

*

В. В. Виноградов был видным лексикологом. Начиная со II тома он участвовал как составитель и редактор (совместно с Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным, С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским, Д. Н. Ушаковым) в работе над «Толковым словарем русского языка», вышедшим под общей редакцией Д. Н. Ушакова (т. I — М., 1935; т. II — М., 1938; т. III — М., 1939; т. IV — М., 1940; 2-е фотоофсетное издание — М., 1947—1948). Кроме большого числа словарных статей, ему принадлежит в этом за-

мечательном издании разработка весьма трудной словарной проблемы — принципов толкования служебных слов, их значений и функций; с его же активным участием были выработаны принципы стилистических и грамматических помет.

В. В. Виноградов был также ответственным редактором «Словаря языка Пушкина» («Проект словаря языка Пушкина» — М., 1949; «Приложения», т. I — М., 1956; т. II — М., 1957; т. III — М., 1959; т. IV — М., 1961), деятельно вмешивался в работу над семнадцатитомным «Словарем современного русского литературного языка» — и как критик, и как член главной редакции, в работу над историческими и иными словарями русского языка. Практическая лексикографическая деятельность тесно увязывалась у него с желанием теоретически осмыслить ее основные проблемы, трудности, перспективы.

В. В. Виноградов кропотливо изучал русскую лексикографическую традицию, обращаясь к разным словарям не только в поисках материала, например, для своих историко-лексических изысканий, но и с целью изучения их принципов и особенностей. Результаты этих наблюдений изложены им в популярном очерке «Толковые словари русского языка» (1941); он обильно включал критические соображения по поводу различных словарей и в другие, самые различные по тематике публикации.

Специально критике словарей посвящены помещаемые в третьем разделе настоящего тома статьи «О некоторых вопросах теории русской лексикографии» (1956) и «Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры» (1968), а также статья «Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания» (ВЯ, 1966, № 6, стр. 3—26). Несмотря на полемическую направленность, эти работы интересны множеством конструктивных предложений и составляют несомненный вклад в отечественную теорию лексикографии. Пожалуй, важнейшей проблемой, освещенной В. В. Виноградовым в статьях о словарях современного языка, была омонимия; этой проблеме посвящена также публикуемая в настоящем разделе тома заметка «Об омонимии в русской лексикографической традиции» (1967).

Несколько особняком стоит работа «Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII—XX вв.» (1941), явившаяся своеобразной предтечей определяющего все лексикологические разыскания В. В. Виноградова замысла монографии по исторической лексикологии.

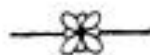
*

Работы В. В. Виноградова в области исторической лексикологии, фразеологии, семасиологии и лексикографии оказали громадное влияние на развитие советского языкознания.

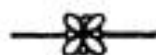
В ненаписанном пока исследовании роли акад. В. В. Виноградова в отечественной науке о языке его работы в области изучения русского словаря в самом широком смысле слова, несомненно, будут оценены весьма высоко и поставлены на весьма почетное место.

В. Костомаров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

К ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 1. В русском языкознании укрепилось такое определение литературной речи: это — «произносимый общерусский язык, народный источник которого московский говор и ему подобные («акающие» говоры) с примесью церковнославянского элемента»¹. От Ломоносова через зачинателей всестороннего научного описания литературного языка — Бодуэна де Куртенэ и Шахматова — это определение с несущественными вариациями повторяется во всех курсах, руководствах и отдельных статьях². Едва ли с ним можно согласиться, так как своеобразие литературного языка обусловлено не столько его фонетико-морфологической базой, сколько особенностями его лексики, семантики и синтаксиса. Поэтому и в принятом определении литературной речи представляется ценным лишь указание на исключительную роль церковнославянских элементов в ее истории. В общих характеристиках этапов развития литературного языка самый процесс его эволюции рисуется как вытеснение первоначальной церковно-книжной стихии разговорно-речевыми лексемами³. При всей упрощенности этой исторической схемы, которая к тому же страдает смешением разных жанров литературно-книжной речи с говорами разговорно-интеллигентского языка, в ней существенно сознание (хотя и не определенное), что миграция церковнославянизмов — центральная проблема истории русской литературной речи.

Отсюда ясно, что сама точность в определении понятия русского литературного языка и в понимании его взаимоотношения с народными говорами зависит от предварительного выяснения вопроса о церковнославянизмах.

§ 2. В самом деле, структура литературного языка определяется двумя существенными признаками: 1) своеобразием грамматической системы, 2) лексикологическим инвентарем. Но из такого определения и вытекает необходимость разграничения в сфере литературной речи двух

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка. «Филол. зап.» (Воронеж), 1881, вып. IV—V.

² Ср.: А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. СПб., 1913, стр. 22—23; Он же. Очерк основных моментов развития литературного языка. — В кн.: История русской лит-ры до XIX в., т. I. Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1916; А. И. Соболевский. Русский литературный язык. «Труды I съезда преподавателей русского языка», СПб., 1904; Е. Ф. Карский. Главнейшие течения в русском литературном языке. «Варшавские унив. известия», 1893, № 4; Е. Ф. Будде. Краткий очерк истории русского литературного языка. СПб., 1908; Р. Кошутич. Грамматика руског језика. Пг., 1919; В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Казань, 1913; А. В. Михайлов. Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма. Варшава, 1911.

³ Ср.: А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка; Он же. Очерк основных моментов развития литературного языка.

предельных понятий, которые реализуются в многообразии смешанных форм: понятий речи литературно-книжной и литературно-разговорной. Обе эти речевые системы представляют как бы два круга, сливающиеся некоторой частью своей грамматической структуры и словаря, но зато другими сторонами далеко выходящие за пределы друг друга. И вместе с тем каждая из этих сфер является лишь фоном для лексикологической и стилистической дифференциации, обуславливающей деление письменной речи на жанровые разновидности (язык газеты, язык деловых бумаг и т. п.), разговорной речи — на жаргонные типы (жаргон школьный, жаргон газетчиков и другие профессиональные и т. п.).

Следовательно, с точки зрения социальных расслоений и культурно-общественных функций литературный язык представляет сложную систему взаимодействий между устной и письменной речью, с одной стороны, и между профессионально жаргонными типами и письменными жанрами, с другой стороны. Пестрота смешения языковых форм в литературной речи усложняется еще примесью этно-диалектических различий. Кроме того, литературный язык — не только орудие социальных взаимодействий, но и форма индивидуально-творческих воздействий. Отсюда тесная его связь с языком литературных произведений, при посредстве которых входят в его систему индивидуальные новообразования семантического (особенно в области фразеологии) и синтаксического порядка. Нередко индивидуально-художественные речевые построения определяют нормы последующего развития литературно-книжной речи (например, язык Пушкина, Тургенева и т. п.).

Таким образом, изучение литературного языка, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к определению системы литературной речи и к выяснению истории ее форм, должно быть одновременно и диалектологическим и стилистическим.

В этих же двух аспектах надо ставить и вопрос о церковнославянизмах как одной из стихий литературной речи. Это не только проблема «заимствованных слов». Это вопрос об организации письменной речи, о миграции ее форм в разные типы разговорной речи, о взаимодействии устной и письменной стихии в истории русского литературного языка, об индивидуальных построениях на фоне его эволюции и их роли в общем движении литературных форм.

§ 3. Между тем понятие о церковнославянизмах в истории русского литературного языка не раскрыто полностью. Обычно церковнославянизмами называются слова «болгарского» (югославянского) происхождения, и критерием для выделения этих заимствованных слов является метод фонетического сопоставления морфем, опирающийся на сравнительную грамматику славянских языков. Однако количество обособляемых таким путем церковнославянизмов ничтожно сравнительно с общей массой церковно-книжных лексем, бытовавших в письменной и разговорной интеллигентской речи. В этом убеждает хотя бы перечень в курсе А. А. Шахматова тех из них, которые еще употребительны в современном литературном языке. А, кроме того, в словах, составленных из нескольких морфем, легко по «церковнославянскому» типу одной из них заключить об общем церковно-книжном характере целостного слова. Такие заключения у исследователей обыкновенны, но мало убедительны: ведь соответствующие лексемы могли возникнуть в обыденно-интеллигентской речи посредством сочетания морфологически-действенных ча-

стей, которые в своем генезисе восходят к разным языковым стихиям. Теоретически этот процесс морфологической ассимиляции признается всеми исследователями церковнославянизмов⁴, но на практике часто игнорируется и во всяком случае не обставлен никакими методологическими предостережениями. Например, А. А. Шахматов относит к церковнославянизмам все слова, содержащие префикс *со-* вместо ожидаемого (после выпадения *ъ*) *с*, в том числе: *согреть* (ср. обычное в народных говорах *согреть самовар* и т. п.), *собирать* (ср. *собрать*). Любопытно, что в «Церковном словаре» П. Алексеева⁵ ни одно из этих слов не приведено. И вообще сам по себе голый факт наличия префикса *со* (вместо «законного» *с*) без определения его функций не может служить достаточным свидетельством в пользу церковно-книжного характера слова, особенно при наличии двух следующих согласных (ср. народно-диалектические лексемы: *сохватать* — холмогорск.⁶, *сорядить*, *солаживать*, *сощипнуть*, *совенчаться*, *солюбовать*, *сомениться* — смоленск.⁷, и т. п.). И обратно: префикса *со* не имеют такие явные заимствованные «церковнославянизмы»: *сподвизатися* (Филипп. 1.27 и 4.3)⁸, рядом *сподвижник*; *сляianie* (Григ. Наз. 41)⁹, *схождение*¹⁰, *сляцатися* (согнуться; Псал. 37.7)¹¹ и т. п. Ср. также древнерусские параллели к современным формам: *свершити*, *счетати*, *счинение*, *скровной* «тайный», *сблаговолити* и т. п.¹² Ср. у Карамзина: *сопутник* при позднейшем и современном *спутник* и т. п.

Таким образом, ясно, что метод сравнительно-фонетического сопоставления лексем приводит (при наличии явных признаков) лишь к разрешению вопроса о церковно-книжном происхождении некоторых морфем, к определению церковно-книжных элементов, которые, вошедши в организм литературной речи, подвергались здесь своеобразному осмыслению и вступали в различные соединения при возникновении новых лексем, приводит к установке церковно-книжного морфологического инвентаря. Этот вывод представляется бесспорным как по отношению к основам — корням, так и словообразовательным аффиксам. Однако даже тогда, когда прозрачно сочетание в одной форме разнородных морфологических частей — русских и «церковнославянских», например, при подведении чисто русских слов под грамматическую категорию церковно-болгарского образования, историки русского языка произвольно распространяют термин «церковнославянизм» на целостные слова и смешивают историко-морфологическую точку зрения с лексикологической. Так, А. А. Шахматов пишет: «Разумеется, в разговорной речи... причастия производятся и от чисто русских слов, но, например, *запаханный* остается таким же церковнославянизмом, как

⁴ См.: С. К. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893, стр. 46; А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 58.

⁵ П. А. Алексеев. Церковный словарь или истолкование речений славенских древних... ч. I—III. СПб., 1794 (далее сокр.: «Церковный словарь» П. Алексеева).

⁶ А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. СПб., 1907. («Сб. ОРЯС», т. 83, № 5), стр. 273.

⁷ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 854.

⁸ «Церковный словарь» П. Алексеева, ч. III, стр. 108.

⁹ Там же, стр. 72.

¹⁰ Там же, стр. 143.

¹¹ Там же, стр. 78.

¹² См.: там же, стр. 41, 69 и 144.

пашущий, замороженный — как *хоронящий*»¹³. Очевидно, что в понятие «церковнославянизм» в этом случае влагается совершенно иное содержание, чем по отношению к таким «заимствованным» словам, как *властелин, бразды правления, вождь* и т. п.

Смещение морфологической и лексикологической точек зрения практически безвредно при таких условиях, когда раскрытие генезиса морфологических частей слова совпадает с разрешением вопроса о генезисе целостной лексемы, т. е. когда слово состоит из одной морфемы или из нескольких, но однородных по своему происхождению — и притом сросшихся в заведомо давнее время (как удостоверяют свидетельства памятников и общеграмматические наблюдения). Однако и при этих условиях морфологический анализ слова не разъясняет всех тех вопросов, которые стоят перед лексикологией. Принципиальное же разграничение этих двух точек зрения всегда необходимо. И необходимость этого обособления особенно осязательна при изучении тех формальных отслоений церковно-книжной речи, которые в процессе словоизменения органически сплетались с чисто русскими лексемами. Из этих рассуждений — вывод, что историки русского языка при исследовании церковнославянизмов применяли, главным образом, морфологическую точку зрения, нередко смешивая ее с лексикологической, и что полезно определить границы, цели и методы применения каждого из этих двух подходов.

1. Морфологическая точка зрения.

§ 4. Морфологический анализ может установить элементы русской церковно-книжной речи, «морфемы» ее (как коренные, так и аффиксальные), выяснить их происхождение и функции как словообразующих или словоизменяющих частей в разные эпохи жизни литературно-книжного языка, описать процесс их умирания или распространения в разговорно-интеллигентской речи. Основа такого анализа — сравнительная грамматика славянских языков, и его критерий — метод фонетического сопоставления (например, суффикс *-зь* в словах *жизнь, казнь, кознь, боязь, болезнь, приязнь* и т. п.) церковно-«болгарский», так как в народном русском языке из него получилась бы морфема *-зь* (ср. диалектическое *казень* Олон.¹⁴) или *-сь* (по отпадении *н*)¹⁵; ср. судьбу аналогичного сочетания *-сь* на конце слов *плесень, песень* и *песен* — родит. множ., *басень* и *басен* и т. п.¹⁶ Этот метод опирается на историю звуков русского языка во всех его диалектических разветвлениях и на систему звуковых соответствий в языке древнецерковнославянском¹⁷. Морфемы основные — носители вещественного значения — определяются в своем происхождении главным образом при посредстве этого метода историко-фонетических сравнений. При выяснении же генезиса морфем аффиксальных он сопровождается методом историко-сравнительного выделения форм словоизменения и словообра-

¹³ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка, стр. 55.

¹⁴ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 241; М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 127.

¹⁵ Ср.: в Шунгенском говоре Костромского уезда. Примеры в кн.: Н. Виноградов. О народном говоре Шунгенской волости, Костромской уезд. СПб., 1904, стр. 51.

¹⁶ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 241.

¹⁷ Необходимо включить, конечно, в число фонетических примет и ударение; ср. *пó-слушник*.

з о в а н и я¹⁸. Звуковые соответствия здесь могут и не играть существенной роли: отсутствие той или иной морфемы в русских народных говорах — при наличии ее в литературном языке — и возводимость ее к соответствующим формам языка древнецерковнославянского — достаточные свидетельства в пользу церковно-книжного происхождения этой морфемы (так, например, определяется происхождение суффикса *-ствие* в словах *бедствие*, *шестствие*, *бесчувствие* и т. п.¹⁹; впрочем, имеют значение для уяснения генезиса этой морфемы побочные указания от других форм той же категории, как *царствие*, *странствие* и т. п.; так устанавливается генезис суффикса *-чий* в словах *кормчий*, *зодчий*²⁰; суффикса *-енец* в словах *первенец*, *младенец*; так узнается происхождение формы словообразования причастий на *-нный* и т. п.). Однако применение этого метода формальных сравнений не может быть сведено к простому вычитанию суффиксальных примет русской народной речи из запаса соответствующих форм литературного языка и к оправданию церковно-книжного характера остатка ссылками на морфологию древнецерковнославянского языка. Дело в том, что многие из литературных форм словообразования проникли в народные говоры, которые всегда живут в тесном взаимодействии с литературной речью (например, широкое распространение суффикса *-тель*; ср. *старатель* у амурских казаков²¹, *полюбитель* в Череповецкой губ.²²; в Парфенках Рузского уезда «*радитель*, *пъкупáтиль*, *пъгубíтиль*, даже *риндáтиль* (арендатор)»²³; *быватель* в Весьегонском уезде Тверской губ. (по сообщению И. А. Фалева), *ходатель* вместо *ходатай* в Вятской губ. (Васнецов) и т. п. Ясно, что установить «заносный» характер таких морфем можно лишь путем тщательного исследования морфологической системы соответствующих народных говоров, через определение их роли в ней. Кроме того, изучение функций этих заимствованных морфем также открывает общие пути их передвижений в пределах русского языка, разграничивая их значения первичные и производные (ср. усвоение народными диалектами причастных церковнославянских суффиксов, в том числе и *-енный* в функции формообразующего элемента превосходной степени: *проваленный*, *страшеный*, *богатенный* и т. п. в Кашинском говоре²⁴ и др.). Таким образом, не механическое вычитание из литературных суффиксов — тех, которые общи с народно-диалектическими, а детальное сравнительное изучение их во всем разнообразии диалектическом и функциональном — вот метод обособления церковно-книжных (по происхождению) форм. Однако и в рамках самого литературного языка могло быть не внешнее усвоение

¹⁸ Ср. подтверждение церковно-болгарского происхождения суффикса *-зь* в ссылке на формы *жи-сть*, *боле-сть* в народных говорах.

¹⁹ Любопытные соображения об истории этого суффикса в общеславянском церковно-литературном языке древнего периода см. у П. А. Лаврова в его разборе книги акад. В. М. Истрина [«Slavia» (Praha), 1926, № 4].

²⁰ А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. СПб., 1891, стр. 5.

²¹ А. Б. Карпов. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. «Сб. Второго отделения Российской Академии наук», т. 37. СПб., 1909, стр. 15 («*Старатель* — приисковый рабочий, который работает в одиночку при промывке золота»).

²² М. Г. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910, стр. 66 («*Полюбитель* — друг, любовник»).

²³ Н. Н. Дурново. Описание говора дер. Парфенок Рузского уезда Московской губернии. — РФВ (Варшава), 1903, № 3—4, стр. 86.

²⁴ И. Т. Смирнов. Кашинский говор. СПб., 1904, стр. 169.

нового суффикса, которого раньше никогда не было в нем, а лишь возрождение умиравшей, произвольной морфемы, которая в единичных случаях все же обособлялась (например, суффикс *-тель* в слове русском *житель* при неразложимости другого чисто русского слова *волостель*). И, как свидетельствуют факты, допустима другая возможность: не возрождение чисто русской морфемы в ее прежней функции, а заимствование новой функции для уже имевшегося суффикса. Например, суффикс *-ыня* (*ыни*) — русский. Но отвлеченное значение качества ему в народных говорах не свойственно (ср., с одной стороны, образование при его посредстве имен лиц и животных женского пола: *барыня*, *гусыня* и т. п.; с другой — от прилагательных — имен неодушевленных конкретных: *простыня*, ср. *косынка*). Надо думать, что эта функция вошла в литературный язык из «церковно-болгарского» обихода (в таких словах, как *гордыня*, *твердыня*, *святыня*, *милостыня*, *благодстыня* и др.²⁵). Любопытно, что в диалектах народной речи некоторые из слов, образованных при посредстве суффикса *-ыня*, преобразуются, получая морфему *-ина*: *милостина* — в говоре Парфенок Рузского уезда (Дурново).

Таковы методы историко-морфологического выделения «церковнославянских» элементов. Изложенные два не могут привести к исчерпывающему реестру этих элементов, так как в результате лексикологического изучения количество церковно-книжных морфем должно быть значительно увеличено. Но они неотразимо влекут к одному выводу, который целесообразнее формулировать сейчас же: с объективно-морфологической точки зрения понятие «церковнославянизм» не может быть оправдано. И в этом аспекте термин «церковнославянизм» лучше вовсе не употреблять.

§ 5. В самом деле, историко-морфологической точке зрения предостоят два вопроса основных: 1) о происхождении морфемы с известной функциональной значимостью и 2) об ее судьбах на почве русской речи.

Изучение эволюции той или иной морфемы, вышедшей из церковного языка, в разновидностях русской литературной речи, если оно ведется сравнительно-историческим путем, т. е. изолированно, должно быть ориентировано не на установку «церковнославяности» разных типов ее сращений с другими морфемами, а на описание всех форм ее сочетаний. Ведь эта морфема соединялась с другими в большинстве случаев безотносительно к вопросу о сфере ее первоначального возникновения. Войдя в организм того или иного жанра литературной речи, церковно-книжная морфема (если она делалась произвольной) подвергалась характерным для этого говора соединениям и изменениям — наравне с исконно родными ему словесными элементами. И если исследователь изучает историю такой морфемы независимо от соотношения ее со всеми другими морфемами в сменяющихся системах литературного языка, независимо от того, как эта морфема предстояла сознанию различных поколений в разных диалектах литературной речи, — он не вправе называть «церковнославянизмами» те новые словообразования, в которые она вошла. Например, морфема *сласт-* «церковно-книжного» происхождения обособляется и теперь в слове *сластена*, которое, однако, не может быть названо «церковнославянизмом» по той простой причине, что его никогда

²⁵ F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II. Wien, 1875, S. 143—145.

не было в церковном языке²⁶. То же придется повторить о словах: *перекорность, гражданственность, письменность, будущность* и т. п.

Таким образом, с историко-морфологической точки зрения классификацию «церковно-книжных» морфем удобнее производить по их происхождению, по месту их первоначального жительства. Изучение их последующей судьбы на русской почве в этом аспекте должно быть сравнительно-описательным и исходить из генетической классификации их, как уже данной. Но тогда еще ярче обнаруживается ненужность употребления в этом смысле термина «церковнославянизм».

§ 6. По происхождению «церковно-книжные» морфемы в русском литературном языке — трех категорий: 1) «югославянизмы»²⁷, 2) церковноруссизмы и 3) литературнографизмы (если можно допустить это слово). В самом деле, в том, что теперь называют «церковнославянизмами» или «церковнославянскими элементами», рядом с такими явно заимствованными морфемами, как неполногласные формы, формы с фонетическими рефлексам болгарских сочетаний *жд*, *шт* на месте праславянских *дј*, *тј* (*вождь, свящу*) и т. п., смешаны в грудку морфемы, фонетический облик которых и морфологическое строение не содержит никаких следов заимствования. Таковы, например, формы с сохранением ударяемого *е* взамен ожидаемого *о* (*отместка, честный, лестный, учебный*), таковы морфемы *со-*, *во-* (хотя бы в словах *созывать, содержать, вооружить, водворить*) и вообще формы с *о* и *е* на месте неслоговых *ъ* и *ь* (*купечество, молодечество, купеческий, человеческий* и т. п.).

Эти фонетические приметы, на основе которых историки русского языка, как Шахматов, Соболевский, Карский, Будде и др., относят соответствующие формы к «церковнославянизмам», могли возникнуть во всяком случае уже на почве русского языка. Действительно, морфемы, сохранившие ударяемое *е* перед твердыми согласными, своим фонетическим обликом говорят лишь о своей принадлежности русской церковной и, даже шире, русской торжественной литературной речи, которую долго (едва ли не до XVII—XVIII вв.) не затрагивал как закономерный процесс переход *е* в *о*, происходивший в народных говорах на глазах исторической традиции (XII—XIII вв.). Среди форм без перехода *е* в *о*, конечно, есть «заимствованные» слова. Но их заимствование выясняется лексикологическим изучением и отнюдь не определяется современным произношением их, их фонетической оболочкой (*жертва, крест, скверна* и т. п.). Ведь некоторые из форм с таким произношением — явно русского происхождения. Например, у Богдановича *сестёр* в рифме с *пещёр*, у Пушкина в стихотворении «Городок»: *льёт — свет* и т. п. Кроме того, с чисто морфологической точки зрения нельзя считать «церковнославянскими» все те морфемы (с сохранением ударяемого *е*), которые имеются в русских народных говорах, конечно, с соответствующими фонетическими вариациями. Например, *перст*, ср. вятское *пёрст* (Васнецов)²⁸. Но против

²⁶ См.: Э. А. Вольтер. Разыскания по вопросу о грамматическом роде. СПб., 1882, стр. 114 (о суффиксе *-ена*).

²⁷ «Югославянизмы» (или болгаризмы) — термин чисто условный. Им обозначаются морфемы, своей структурой выдающие не-русское свое происхождение. Само собой разумеется, что изучение в сравнительно-историческом плане форм церковно-литературного языка у славянских народов (или вернее: изучение взаимодействий литературных языков у славян) должно точнее раскрыть состав этих заимствованных слов и хронологию их проникновения в русский язык.

²⁸ Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

того, что они прошли через церковно-русскую среду, что эти морфемы — «церковноруссизмы», нельзя спорить.

Точно так же формы с звуками *о* и *е* на месте *ъ* и *ь*, которые подлежали исчезновению, нельзя считать *en passe* заимствованными. Мысль А. А. Шахматова о церковном произношении всех орфографических *ъ* и *ь* по «болгарской» указке как *о* и *е*²⁹ следует решительно видоизменить в смысле признания в русской церковной речи особого типа морфологических ассоциаций, которые создавали своеобразные категории прояснения глухих. Конечно, в некоторых из этих категорий можно на основании побочных соображений узнать «болгаризмы» (быть может, лучший термин — «югославянизмы»). Например, сюда надо отнести формы *упование*, *умовение*, древнее *забование*. Однако само по себе выделение морфем по признаку наличия *о* и *е* (на месте тех древних *ъ* и *ь*, которые в русских народных говорах исчезли) может помочь лишь одной задаче: указать, какие морфемы прошли через церковно-русскую среду или вышли непосредственно из нее в разговорно-литературную речь, указать «церковноруссизмы». И это тем более, что в самой церковной речи многие из таких форм получили устойчивое функциональное обоснование в позднее время (в XVI—XVII вв.) после второй волны «югославянского» влияния в России. Так, морфемы *во*, *со-* с теми их функциями, которые отличают литературную речь от народных говоров, широко распространились (на месте ожидаемых *в-*, *с-*) под влиянием грамматической теории в церковном русском языке именно в эту эпоху. Это доказано Л. Л. Васильевым³⁰ и затем утверждалось В. А. Богородицким³¹.

По-видимому, церковноруссизмами же должна быть признана большая часть тех суффиксов, которые, сохранившись в народных говорах только в скудных остатках, обнаруживали яркую продуктивность в литературном языке. Например, суффиксы *-ство* без ударения, *-тва* в функции знака действия, *-ица* для обозначения действующего лица женского рода при присоединении непосредственно к глагольной основе (*жрица*, *чтица*, *богородица*, *мироносица* и т. п.) и др.

Необходимо помнить о возможности своеобразных суффиксальных переразложений на церковно-русской почве. Так на ней возник суффикс *-итва* в словах *колитва* «заколение, резание животного, убиение»³², *жнитва*³³ и т. п.

Наконец, последняя категория морфем, обособляемых с историко-морфологической точки зрения среди «церковнославянизмов», — это «литературнографизмы», т. е. такие дублиеты народно-русских морфем, которые возникали в разных жанрах литературной речи независимо, под влиянием письма. Правда, они могут быть возведены к «церковно-болгарскому» влиянию в конечном пределе, но лишь в той мере, в какой графика вообще пришла к нам из Болгарии, или могут быть отнесены к «церковноруссизмам», но лишь в том смысле, что нормы орфографии

²⁹ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., § 414, стр. 254 и 268.

³⁰ Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. «Изв. ОРЯС», 1908, т. XIII, кн. 3, стр. 206—208.

³¹ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 463, прим. I.

³² «Церковный словарь» П. Алексеева, ч. II, стр. 37.

³³ Ср. протест против этого слова у В. П. Светова в статье «Некоторые общие примечания о языке российском» («Акад. известия», ч. III. СПб., 1779; цит. по: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 254).

создавались в церковной письменности. Однако от «болгаризмов» и «церковноруссизмов» их отличают, во-первых, отсутствие непрерывности фонетической традиции при устойчивости книжной традиции графической (в разные эпохи жизни разговорно-литературного языка эти формы могли, так сказать, самозарождаться из графики; ср. в современном литературном произношении: *безухий, строгий, крепкий* и т. п.³⁴), во-вторых, нейтральность показаний их разговорно-русских эквивалентов по вопросу о «церковно-книжности» слова: никак нельзя, например, по произношению *-ье* (т. е. *je*) вместо *-ие* заключать о чисто народном характере данной лексемы, об ее «не церковнославянском» типе. На почве самой церковной речи не могли существовать одновременно и безразлично (в смысле «семантической», функциональной окраски) обе формы — *ие* и *ье*. С представлением одной из форм, однако, соединялось (не всегда осознаваемое книжно образованными людьми) отнесение ее к книжной, следовательно, архаической традиции. Поэтому в те эпохи жизни литературно-книжного языка, когда были сильны стремления к архаизации его строя под влиянием тех или иных культурно-исторических причин, например в XV—XVII вв., грамматической нормой могла быть утверждаема одна из таких форм, как «правильная», «литературная» в отличие от «просторечной». Но в последующие периоды опять сохранились лишь отголоски старых правил (например, в противопоставлении, характерном для половины XVIII—начала XIX в., «славянских» и «русских» форм), а фактически обе формы — книжная и разговорная употреблялись как равноправные, отличаясь лишь иногда по стилистическим функциям, в одном и том же литературно-языковом жанре.

Выделение «литературнографизмов» разоблачает методологическую ошибочность таких формулировок, как у И. И. Огиенко: «Отглагольные существительные на *-ние* — славянизмы, русские подобные формы имеют *-нье*: желание — желанье»³⁵; или у С. К. Булича: «Формы — *одеяние* и *даяние* должны быть признаны церковнославянскими на основании суффикса *-ние*, вместо которого в русском языке должно быть *-нье*»³⁶.

Следуя этому рецепту, исследователь мог бы исключить из «церковнославянизмов» лексемы *восхищенье* (у Пушкина: «Зрит он с сладким восхищеньем»); «тогда бы, в сердечном восхищенье рассыпался на грудь»), *сочиненье* («так, это сочиненья, презревшие печать»), *наслажденье* («он исчез, как наслажденье, как веселый сон любви») и т. п. — и, наоборот, отнести к «церковнославянизмам» слова, которых не было в церковном языке: *развитие, голосование, возникновение, исчезновение* (эти слова явились в 40-х годах). Таким образом, разряд «литературнографизмов» подвижной: он находится в тесном взаимодействии с «церковноруссизмами», из них возникает и ими пополняется.

Итак, с морфологической точки зрения в истории русского литературного языка определяются три типа морфем, которые бытовали в церковно-книжной речи: «заимствованные литературнославянизмы», «церковноруссизмы», «литературнографизмы». Здесь, конечно, уясняется лишь часть церковно-книжного морфологического ин-

³⁴ Ср. у А. А. Шахматова в «Очерке современного русского литературного языка» замечания по поводу них: «Такое произношение возникает под влиянием письма, но возможно, что оно держалось в литературной речи непрерывно» (стр. 49).

³⁵ И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915, стр. 65.

³⁶ С. К. Булич. Церковнославянские элементы..., стр. 114.

вентаря. Остальная может быть выделена лишь в результате лексикологического изучения (ср. церковные грецизмы и т. п.).

§ 7. Устранив от найденных трех типов церковно-книжных морфем название «церковнославянизмов», необходимо признать их морфологическими показателями церковнославянизмов (иногда, впрочем, мнимыми). Но прежде чем раскрыть условия их показательности, напомним о другой классификации «церковно-книжных морфем» не по происхождению, а по строению и функциям. С генетическим делением их перекрещивается иное — тоже на три класса: одни из этих морфем, указатели вещественных отношений, морфемы-основы организуют лексические категории; другие — формы словообразования — обуславливают объединения слов в грамматико-семантические группы; третьи — формы словоизменения — создают грамматические разряды. Однако ни в одном из этих трех классов наличие церковно-книжной морфемы не может служить безусловным показателем принадлежности всех слов, подводимых под эту категорию, к «церковнославянскому» языку.

Основная морфема церковно-книжного характера является надежным показателем «церковнославянизма» (т. е. «церковнославянской» лексемы) лишь в словах морфологически простых. Под морфологически простыми надо понимать слова, на русской, литературно-книжной почве всегда представлявшиеся в своей номинативной функции неделимыми или традицией засвидетельствованные как исконные основы производных слов. Таковы, например, слова: *болезнь* (отсюда *болезненно* — славянизм; есть свидетельство Шипкова), *властелин*, *прозябать*, *качество* (ср. в «Святосл. Сб.» 1073 г.), *разврат*, *помощь*, *изгнание* и другие подобные.

Менее достоверна показательность основной церковно-книжной морфемы в словах морфологически составных неясной или молодой традиции, даже при отсутствии противоречивых морфологических признаков в словообразовании. Так, нельзя назвать «церковнославянизмами» лексемы: *потребн-ость*, *будущн-ость*, *гражданственн-ость*, *современн-ость* и другие, хотя морфологические приметы «церковнославяности» налицо. Свидетельства современников рождения этих слов говорят, что их в церковном языке, как особом жанре, никогда не было. И, наконец, тогда, когда в составном слове суффиксы или вообще какие-нибудь морфологические части явно намекают на «просторечную» струю, основная морфема, сама относясь к церковно-книжному инвентарю, не делает церковнославянизмом всей лексемы, например: *врем-янка*, *временщик*, *врачиха* и т. п.

При всех этих ограничениях необходимо еще помнить, что морфологические показатели говорят лишь о принадлежности лексемы, как точки приложения значений, к «церковнославянизмам», но совсем не определяют характера и круга ее значений как «церковнославянизма». Например, морфологически оправдано отнесение слова *община* к «церковнославянизмам», но отнюдь не во всех значениях, в каких оно употребительно с начала XIX в. Еще в «Общем церковно-славяно-русском словаре» П. Соколова (1834) *община* определяется так: «то, что принадлежит многим, складчина» (с приведением цитаты из книги «Левит»: *солжет к другу о вдании или общине*)³⁷. Раньше в «Церковном словаре» П. Алексеева было дано близкое к этому толкование, но с несколько

³⁷ П. Соколов. Общий церковно-славяно-русский словарь, ч. II. СПб., 1834, стр. 72.

иными оттенками: «Община — соединенное пребывание или нераздельное имений и прочих потребных к жизни вещей употребление»³⁸. Но Н. Греч в своих «Чтениях о русском языке» (1840), доказывая, что «язык возмужалый... производит новые слова приспособлением существующих к выражению требуемого смысла», приводил в качестве иллюстрации: «Так, у нас недавно стали употреблять слово *община* в смысле „une commune“»³⁹. Ср. значения слов *прелесть*, *прелестный* и т. п.

Проблема узнавания в производных словах церковнославянизмов получает иное, более глубокое и полное решение при перенесении ее в плоскость «синхронического» (по Соссюру) исследования. В этом плане прежде всего определяется, осознавалась ли в системе данного состояния литературного языка известная «церковно-книжная» (по происхождению) морфема как элемент церковной речи и, следовательно, как носительница особой семантической окраски. Если да, то является следствие, что и производные от нее в ту эпоху слова не только подчинялись особым нормам словообразования, не принимая просторечных суффиксов, но и получали ту же «церковнославянскую» семантическую окраску, относились к тому же жанру литературной речи. При выпадении же известной церковной морфемы для языкового сознания эпохи из сферы церковной речи, очевидно, и все ее сращения того времени не включались современниками в церковнославянизмы. Например, А. Шишков свидетельствует, что слова *нрав*, *враг*, *владеть*, *награда* (ср. *наградные деньги*) не считались в его время «славенскими» (так же, как *злодеяние*, *злодей*, но *дею* — «славенский глагол») ⁴⁰.

Однако все эти вопросы (и смежные с ними, например о взаимоотношении слов одного гнезда при утрате «церковнославянской» окраски у некоторых из них) выходят за пределы морфологической точки зрения. Путь их решения — семантический анализ, определение смысловых соотношений лексем одного «гнезда» между собой или с их синонимами или с их лексическими потенциальными эквивалентами из других жанров литературной речи. Например, в «Словаре Академии Российской» (1789) лексема *влас* «волос» и производные от нее (*власатый*, *власяница*, *власяничный*, *власяный*, *безвласый*, *беловласый*) обозначены как «славянизмы», исключая наречие *власно* «волос к волосу, точь в точь, ни дать ни взять», которое выделено из их среды как простонародное⁴¹. Ясно, что прояснить этот процесс морфологический анализ не поможет, ответ на недоумение можно искать лишь у семантики.

Поэтому целесообразнее весь цикл этих вопросов рассмотреть отдельно при определении соотношения смыслов лексем в данной системе

³⁸ «Церковный словарь» П. Алексеева, ч. II, стр. 223.

³⁹ Н. И. Греч. Чтения о русском языке, ч. I, СПб., 1840, стр. 25.

⁴⁰ А. С. Шишков. Рассуждение о красноречии священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка. СПб., 1811, стр. 50.

⁴¹ Впрочем, при наличии такой этимологизации и при осознании различия в семантической окраске этих сфер лексема *власно* не отрывается от высокого и среднего слога. Так, у Ломоносова:

Возьмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ;
Он слово Божие употреблял напрасно.
В Системе света вы тож делаете власно.

литературного языка и при изучении взаимодействия слов, которые одновременно бытовали в разных профессионально-сословных или классовых расслоениях литературной речи. Так, рядом с морфологической и лексикологической намечается еще третья точка зрения на церковнославянизмы — семантическая.

Возвращаясь к морфологической точке зрения, приходится признать, что и формы словообразования могут служить несомненными показателями церковнославянизмов лишь в том случае, если наличие их в определенном круге слов засвидетельствовано непрерывной традицией или если они никогда не были живыми в русской литературной (не-церковной) речи. Так, суффикс *-нь* (*жизнь, боязь* и т. д.) является верным признаком церковнославянизмов потому, что он никогда не был производителен в литературном языке. То же следует приписать таким суффиксам, как *-чий* (на русской почве возник суффикс *-ачей*: *казначей, трубачей*), *-ыня* в значении отвлеченного качества и т. п. Но показательность форм словообразования самих по себе понижается, иногда до нуля, когда речь заходит о суффиксах, которые в разные эпохи жизни литературного языка обладали большой продуктивностью, например суффиксах *-ость, -тель, -ство, даже -изна*. Например, *трогательный, занимательный* — не церковнославянизмы, так как глаголы, от которых они произведены, по словам Ломоносова, у славян в употреблении не были (§ 439). Конечно, строение основной морфемы имеет большое значение при определении ценности показаний суффикса, однако не абсолютное. Такие слова, как *будущность, начитанность, обработанность, сдержанность, вдохновитель, вдохновительница* и т. п. без всяких колебаний можно было бы отнести к церковнославянизмам, если бы не было достоверных свидетельств о том, как и где они возникли (например, у Шишкова, Греча, Даля и др.).

Но все же очень существенно расширить пределы исторической морфологии церковнославянских элементов до задачи: воспроизвести чередование и смену типов морфологических комбинаций в образовании слов. Эти наблюдения над типами морфологических сочетаний в памятниках церковной письменности могут проверяться анализом типов словообразования в системах разных жанров книжно-светского языка, в языке деловом, приказном и языке разговорно-интеллигентском. Однако лишь в связи с критериями лексикологического и семантического ряда они ведут к надежной истории церковнославянизмов.

Еще менее можно считать формы словоизменения безусловными показателями церковнославянизма, особенно если они не входили органически в основную часть слова, как, скажем, в образованиях многократного вида глаголов на *-ать* (*расхищать, повреждать, убеждать* и т. п.).

И опять эта проблема (как и вопрос об основных морфемах) может быть перенесена в иную плоскость — рассмотрения роли различных форм словообразования и словоизменения в сменяющихся системах разных жанров литературного языка на фоне изменений в характере их взаимодействий с церковно-книжной речью. И тогда опять прежде всего встает вопрос о той семантической церковнославянской окраске, которая соединялась с известными формами в ту или иную эпоху. Лучше и легче всего он решается тогда, когда есть непосредственные свидетельства современников (грамматиков, литераторов). Например, была эпоха в жизни литературного языка, когда сама способность глагола производить причастия на *-щий* служила лексическим признаком его «церковнославяности». Ломоносов в своей «Грамматике» (§ 435) писал, что образования

на *-щий* «весьма непристойны произведенные от простых Российских (глаголов), которые у славян неизвестны: *говорящий, чавкающий*» (ср. § 338, § 448; также о степенях сравнения — § 210). Та же мысль повторялась в последующих грамматиках конца XVIII—начала XIX в., например у Барсова.

Любопытно, что и форма причастия прошедшего времени (на *-вший*; о ней у Ломоносова § 437) для сознания русских литературно-образованных людей 30-х годов XIX в. представлялась еще «церковнославянизмом», изменяя весь смысловой тон облеченного в нее слова. В «первом письме трех тверских помещиков к барону Брамбеусу»⁴², которое направлено против церковнославянизмов и связанного с ними длинноумия, анализируется газетная фраза: «Г. П-ов, уже отличившийся на поприще русской литературы изданною им в прошлом году прекрасною небольшою книжкою, дарит нас теперь и прочая». «Здесь нет ни *сего*, ни *оного*, ни *коего*: но разве это по-русски?» — спрашивают авторы письма и предлагают такую русскую редакцию: «Господин такой-то, который уже в прошлом году отличился прекрасною книжкою, дарит нас теперь и прочая...»

Однако при таком направлении исследования проблема происхождения (в смысле церковного возникновения) остается в стороне. Чисто русские (или лучше общерусские) формы словообразования и особенно словоизменения, консервативно пребывая в церковном языке, после исчезновения своего из разговорной речи, могут в последующие эпохи ощущаться как показатели «церковнославянской» (например, формы инфинитива на *-ти*, формы двойственного числа и т. п.).

Таким образом, задача исследователя здесь сводится к определению тех типов морфологической комбинации, которые осознавались в хронологически разных системах литературной речи как «церковнославянские». И, естественно, те лексемы, которые в соответствующие периоды литературного языка облекались в эти «церковнославянские» формы, и ощущались тогда как церковнославянизмы. Корнеслов Шишкова, который в своих попытках реформы литературной речи опирался на словопроизводство, а не на словоупотребление, дает очень яркие иллюстрации к этой мысли. Так как на своей позиции этимолога он легко мог справиться с основами-корнями русскими и славенскими, то он готов был сводить все различие русского и славенского языков к разнице в грамматических системах. В своем «Рассуждении о красноречии священного писания» он писал: «Станем разуметь под именем Славенского языка наречие священного писания, а под именем Русского наречие светских книг. В чем состоит разность между сими двумя наречиями? Без сомнения в некотором токмо изменении слов, а не в разделении оных на славенские и русские» (стр. 49). И еще раньше: «Собственно под именем языкаразумеются корни слов и ветви, от них происшедшие. Когда оные в двух языках различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменования слов и ветвей оных находятся в самом языке, тогда оные всякому наречию общи, выключая разве такое, которое совсем от корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болес наречие, но совсем иной язык. Где ж примечаем мы то в нашем наречии? Мы не имеем ныне двойственного числа, не говорим *ядоста, идоста, ногама, рукама*, но говорим *ядят, идут, руками, ногами*; мы у тех же самых имен и глаголов изменили только окончание, следовательно, разность не в языке, а в наре-

⁴² «Библиотека для чтения», т. 22. СПб., 1837.

чи, нимало не уклонившемся через то от разума и свойств языка» (стр. 45). Легко понять, что «церковными» с этой точки зрения могут оказаться все архаические формы, которые застыли в книжной традиции церковного обихода, но уже исчезли из разговорного узуса и из литературно-книжного «светского» языка. Но ведь при такой постановке вопроса открываются две стороны:

1. При лексикологическом подходе знание функциональной значимости той или иной формы в известную эпоху помогает определить относимость слов к церковнославянской стихии: те слова, которые могли в это время облекаться в «церковнославянские» (или «словенские» — по древней терминологии) формы, очевидно, казались современникам церковнославянизмами, т. е. находились ими в том круге церковных книг, который был в обращении. Так, например, можно относить *воевать* к церковнославянизмам на основании *воюющий* у Ломоносова (§ 448), *венчать*, *питать* — на основании образований *питаемый*, *венчаемый* в ту же эпоху (§ 439).

2. В словах лексикологически нейтральных, т. е. принадлежавших одновременно и церковно-книжному и разговорно-литературному языку (особенно при близости сфер значений), формы словоизменения обуславливали семантическую дифференциацию между такими лексическими «двойниками»⁴³. Эти лексические «двойники» — чрезвычайно существенный, можно даже сказать, центральный вопрос при изучении семантического взаимодействия церковнославянской и русской лексики в истории литературной речи. Совлечение с них морфологического покрова «церковнославяности» вело к растворению вообще «церковнославянизмов» в разговорной речи и к устранению церковнославянских «двойников» иного типа, т. е. с морфологическими различиями в строении основы (*корова*—*крава*), так как и здесь различие стало восприниматься (конечно, в разных жанрах практической речи без семантических и звуковых тонких нюансировок) как различие семантически не мотивированной формы. Об этом говорит так «первое письмо трех тверских помещиков к барону Брамбеусу» («Библиотека для чтения», 1837, № 5—6): «Многие и по сю пору думают, что они возвысили свою мысль и сами стали удивительней, когда вместо обыкновенных, чистых форм русских придали своим словам формы необычайные, славянские, противные и гармонии и строению слов нашего языка; когда вместо *борода*, *корова*, *волосы*, *золото*, *молодой* написали *брада*, *крава*, *власы*, *злато*, *младой* и так далее. Пустая надутость! Жалкая игра в звуки! Ничего не может быть пошлее, мелочнее, смешнее, как искать украшения в наружной форме слов... это ремесло творцов шарад, а не художников слова» (стр. 85).

Таким образом, и здесь на анализе форм словообразования и словоизменения обнаруживается необходимость конструировать понятие «церковнославянизм» с лексикологической и семантической точек зрения.

2. Лексикологическая точка зрения

§ 8. С лексикологической точки зрения понятие «церковнославянизм» может быть оправдано как условный термин. Однако в нем легко смешать два ряда признаков, которые должны быть решительно разделены. Прежде всего под «церковнославянизмом» склонны исследователи понимать лексему общеславянского церковно-литературного языка, который

⁴³ А. С. Шишков. Рассуждение о красноречии... стр. 56—57, 60.

в своих разветвлениях вырос из языка древнецерковнославянского. И вот мне кажется, что вопрос о церковнославянском языке как общеславянском литературном языке известных исторических эпох надо резко отделить от вопроса о «церковнославянизмах» и церковнославянском языке как особой разновидности русской литературной речи. Это — два близких, но различных вопроса⁴⁴. В истории русского языка церковнославянизмами могут быть названы лексемы, бытовавшие и создававшиеся в русской церковной речи, пока она была живой, органически развивавшейся разновидностью литературного языка. Основной метод их нахождения — филологическое изучение церковнославянских текстов — священного писания и церковных книг до XVIII в. (включительно) и выделение из них лексем, которые имеют в своей структуре морфологические признаки церковно-славяности или не противоречат им. Впрочем, надо помнить, что некоторые фонетические приметы «церковно-болгарского» заимствования могли быть даже отрицательными — при прозрачности церковнославянского формального состава или при несомненности вещественного отношения к церковному кругу. Проф. С. К. Булич, как и большинство ученых, по вопросу о критериях был иного мнения. Он считал лексическое различие «самым ненадежным и несущественным признаком», морфологическое — «не вполне надежным», а «единственно-надежным» — критерий фонетический⁴⁵. Но уже А. А. Шахматов указал на возможность совлечения фонетического «болгарского» покрова с явно церковнославянских лексем. Так, с XII до начала XIV в. ряд памятников (особенно новгородских) старательно вытравляет сочетание *жд* в церковно-книжных морфемах, подставляя русские эквиваленты. Однако нет никаких оснований такие лексемы, как *рожество*, *утверженье*, *тожество* и т. п., не причислять к церковнославянизмам⁴⁶. Таким образом, при столкновении критериев — фонетического, формального и предметно-смыслового (гезр. «культурно-исторического») предпочтение явно должно отдаваться двум последним (тем более, если «сомнительное» слово засвидетельствовано церковными текстами). А. Шишков указывает на то, что в позднейшие эпохи русские лексемы искусственно получали церковнославянскую фоническую огласовку: «Вместо *жуца*, думая писать возвышенным слогом, пишут *жуца*, которое слова значит *шалаш*»⁴⁷. Из памятников раннего времени сходные примеры приводил акад. А. И. Соболевский в рецензии на книгу С. К. Булича.

Однако лучше в целях точности перечислить те фонетические признаки, которые явно могут не иметь решающего значения при выделении церковнославянизмов из церковных книг. Их немного: *ж* вместо *жд* в пределах XII—XIV в., *ј* (ъ) вместо *и* — на всем протяжении исторической традиции.

⁴⁴ При сравнительно-историческом изучении литературных языков у славянства, которые создавались на основе древнецерковнославянского, центральными проблемами будут принципы взаимодействия и заимствования; при построении истории церковнославянской стихии на русской почве существеннее всего момент освоения и приспособления лексем к системе русского литературного языка известной эпохи. В этом плане должен воспроизводиться и период второго юго-славянского влияния (XIV—XVI вв.).

⁴⁵ С. К. Булич. Церковнославянские элементы... стр. 106.

⁴⁶ Ср. также сходные рассуждения проф. Н. Н. Дурново в его работах по изучению церковнославянских отслоений в графике и в фонетике древнерусского литературного языка.

⁴⁷ А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Изд. 2. СПб., 1818, стр. 67.

Но количество церковнославянских лексем, которые можно без сомнения найти по ясности морфологических показателей, сравнительно ограничено. Такие лексемы, как *истина* (ср. свидетельство Лудольфа 1696 г.), *доить* (в смысле: «кормить грудью»; ср. А. Шишков. «Рассуждение о красноречии...», стр. 71—72), *лж*, *чело*, *чета*, *мышца*, *злодей*, *сонм*, *ков* (в смысле: «лукавство, обман»), *персть* «земля», *почить*, *лукавый*, *дева*, *вспять*, *втуне*, *свада*, *привет* и т. п., не имеют никаких морфологических признаков своей «церковнославянскости». Конечно, самый факт нахождения их в церковных книгах в связи с отсутствием в их облике специфически-просторечного, русского колорита много значит⁴⁸. Однако церковный язык даже в книгах дан смешанным. Бедность диалектологических словарей народного языка (великорусских и особенно белорусских и малорусских, которые чрезвычайно важны при определении церковнославянизмов) и отсутствие памятников (вроде семейной переписки и т. п.) литературно-разговорного языка от древнейших эпох способствуют неясности лексикологического разграничения церковно-книжных и литературно-разговорных лексем. Поэтому естественно искать принципов лексического ограничения — иных, кроме морфологических. И прежде всего — находятся — терминологические.

§ 9. Термины вещей церковного обихода и быта, обозначения понятий, которые входят в христианскую идеологию — религиозную, теоретико-философскую и моральную: в ее эволюции на русской почве, по культурно-историческим соображениям должны быть рассмотрены как церковнославянизмы. В вульгарной передаче этот критерий формулируется в смысле «отнесения религиозных, церковных и отвлеченных понятий к церковнославянской лексике». Но, конечно, далеко не все обозначения отвлеченных понятий войдут сюда. Такие лексемы, как *влияние* в современных смыслах, *развитие*, *красивость*, *утонченность*, *расположение духа*, *сосредоточиться* и т. п., не могут быть названы церковнославянизмами. В обычном понимании нет места чрезвычайно существенному для истории литературной речи разграничению церковного языка (или диалекта) от диалекта «славянского» (т. е. литературно-книжного, «высокого» языка), который проходил исторически через интересные полосы двуязычного смешения понятий (например, в XVIII в. с французским языком).

Очевидно, необходимы вспомогательные методологические критерии. Укажу четыре основных:

1. Во-первых, терминологическая парность «однопредметных» лексем в литературном языке облегчает узнавание церковнославянизмов. При существовании двух терминов для обозначения одной и той же вещи или идеи уже в раннюю эпоху происходила диалектическая дифференциация. При этом любопытно, что, если эта «синонимия» была уже дана на почве церковного языка, то одна из лексем, общая с разговорной речью, как бы устранилась из церковнославянского обихода. Например, Лудольф, Ломоносов и другие единогласно исключают из церковнославянизмов глагол *говорити* (старославянское *глаголати*).

Ср. такие пары: *правда* — *истина* (у Лудольфа); *сегодня* — *днесь* (у него же); *лоб* — *чело*; *топор* — *секира*; *строю* — *зижду* и т. п.

При такой парности имеет большое значение наблюдение над типами

⁴⁸ Ср. такие слова, как *мзда* «возмездье», *недра*, *одр*, *решиться* и др., которые вообще не свойственны диалектам народной речи.

морфологического построения и над ударениями: *петух* — *петел*; *старик* — *старец*; *скороход* — *скороходец*; *доброта* — *доброта́* и т. п.

2. Пересечение в одной лексеме («омонимы») двух рядов значений, явно не согласующихся, также содействует обособлению церковнославянизмов, особенно при наличии текстовых свидетельств. Например:

квас — напиток, квас и закваска («мал квас все смешение квасит» Гал. V, 9). Примечание из «Словаря Академии Российской»;

дух — запах, вонь и в метафизическом, отвлеченном смысле — душа, настроение;

ходить — двигаться (русское) и поступать («в законе ходить» Псал. 77; «по званию своему ходить»). Пример из «Рассуждения о старом и новом слоге» А. Шишкова, стр. 333;

тощий — пустой, худой и т. п. («тощий желудок, тощая лошадь») и бесплодный, напрасный, неудовлетворенный и т. п. («возвратишася тщи. . . изыду тощ»). Там же, стр. 320. Ср. *тищный*;

дряхлый — старый и печальный;

положить — в буквальном смысле: класть и определить, назначить («положить в разорение»);

живот — часть тела, имущество и жизнь;

плоть — перхоть на голове и телесность.

3. В-третьих, наблюдения над эмоциональной окраской слов, над характерной для них системой смысловых ассоциаций, над их тенденцией к сочетанию с определенными группами лексем также существенны для узнавания церковнославянизмов. Легче всего производить такие опыты путем сопоставления эмоционального ореола и смысловых ассоциаций слов в пределах одного лексического «гнезда». Например, в лексемах *дар*, *даровать*, *даровитый*, с одной стороны, и, с другой: *даровой*, *даром*, *подарок* и т. п. нетрудно вскрыть разные истоки ассоциативных течений. То же в таких группах: *верить*, *доверять*, *веритель*, *верительные письма* и т. п. — *веровать*, *правоверный*, *старовер* и т. п.; *корить*, *укорять* и т. п. — *укоризна*, *покорить*, *покорный* и т. п.; *мудрить*, *мудренный*, *умудриться* и т. п. — *мудрый*, *мудрец* и т. п.

4. В-четвертых, едва ли не наиболее ценным приемом изучения церковнославянской лексики должно быть признано фразеологическое описание: систематизация фразовых сращений по сферам смыслового содержания и шире — составление фразеологического каталога церковнославянизмов. Часто не изолированные слова были носителями церковнославянских значений, но фразовая комбинация слов, поодиночке иногда народно-русских, и включенная в них система метафорических смыслов. А. Шишков очень остро вооружался против голого разграничения лексем — русских и славенских — вне «состава речи»: «Многие новейшие писатели. . . не о том рассуждают, что такое-то слово в таком-то слоге высоко или низко; таковое суждение было бы справедливо; но нет о каждом слове особенно, не в составе речи, говорят: это славенское, а это русское. Сие неудобно-возможное разделение основывают они на том мечтательном правиле, что которое слово употребляется в обыкновенных разговорах, так то русское, а которое не употребляется, так то «славенское»⁴⁹.

На почве фразеологического изучения может легче всего раскрыться система представлений, идей, образов и метафорических смыслов, кото-

⁴⁹ А. С. Шишков. Рассуждение о красноречии. . . , стр. 48.

рая конструировала церковно-книжную речь, и легче будет тогда исследователю собрать в лексиконе куски этой системы — церковнославянские лексемы с их типическими значениями. Примеры церковнославянских фраз: *земля кипящая* (или *текущая*) *медом и млеко* (Второзак., 26—9; Исх. 3, 8; 13, 5). Ср. у Ломоносова: *текут млеко и медом реки*.

Реки воспещут (или *плещут*) *руками*. Ср. у Ломоносова: *руками реки воспещите, берега Невы руками плещут*, или у него же:

А вам, дражащие супруги,
Вам плещут ныне лес и луги,
Вам плещут реки и моря⁵⁰.

Ср. в статье В. С. (В. П. Светова) «Некоторые общие примечания о языке Российском» («Акад. известия». СПб., 1779, ч. III, сентябрь) примеры фраз для «высокого рода сочинений в прозе и стихах»: *восходящу солнцу на высоту небесную* вместо «простого» *когда солнце восходило* или *когда рассветало*; *гнев Божий пролетит* вместо *Бог прогневется*; *вижу восходящую брани тучу* вместо *се война подымается* и т. д.⁵¹

Таким образом, методы лексикологического изучения приводят к установке инвентаря церковно-книжных лексем и фраз. Конечно, при этом определяются основные типы их «церковнославянских» значений и указывается — на основании свидетельств текста — время появления лексемы или новых ее значений.

Однако уже а priori можно утверждать, что проектируемый церковнославянизмов словарь не вберет в себя много таких лексем, которые, пребывая только в литературной речи, чуждые народным говорам, и по своей структуре и по общей направленности своих смыслов соприкасаются с церковнославянизмами. Эти лексемы возникают в «славенском», т. е. литературно-книжном языке в разных его жанрах, из церковного инвентаря морфем, но к церковному обиходу приспособлены не были. Дело в том, что церковнославянская лексика послужила основной морфологической и семантической базой языка литературно-светского, письменной общелитературной *κοινῆ*. И само собой разумеется, что лексемы церковной речи здесь не только осложнялись новыми значениями или видоизменяли прежнее, приспособляясь к новой языковой системе, но и разлагались на свои морфемы, которые, вступая в сочетания с инородными смысловыми частями, образовывали новые семантические и лексические единства. Поэтому рядом с составлением словаря церковнославянизмов необходимо вести учет «славяно-русских» лексем, т. е. тех, которые, не

⁵⁰ Ср.: И. И. Солосин. Отражение языка и образов св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова. «Изв. ОРЯС», 1913, т. XVIII, кн. 2; ср. в стихах Анны Ахматовой:

Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу
«Подорожник».
Ранят тело твоё пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих
«Белая стая».
Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света
«Белая стая».

⁵¹ Ср. мою статью «О символике А. Ахматовой». — «Литературная мысль» (Пг.), 1923, № 1, стр. 91—138.

употребляясь в церковной речи, все же в своем семантическом облике и морфологическом строении не заключают ничего специфически-народного, «просторечного», а являются характеристическим достоянием общерусского литературно-книжного языка. Впрочем, «славенский» язык, который до начала XIX в. определял нормы разных литературно-книжных жанров не только в их общественно-бытовых, но и эстетических функциях, находился в непрестанно колеблющемся взаимодействии со сменяющимися системами церковной речи и в силу этого сам постоянно менялся, впитывая в себя разные влияния и в органическом развитии направляясь в разные стороны. Взаимоотношение церковнославянских и «славенских» лексем может вполне уясниться лишь при выходе за пределы лексикологического изучения в область семантических сопоставлений.

3. Семантическая точка зрения

§ 8. Семантический анализ вопрос о церковнославянских лексемах переносит в иной план. Для семантики существен не подбор слов в азбучном порядке или в идеологической, «вещной» системе, не их хронологическая расстановка, не обособление церковнославянской речи как особой разновидности литературного языка; для нее стоит другая задача: уяснение системы смысловых соотношений церковнославянизмов с другими лексическими слоями литературной речи в каждую эпоху, определение принципов смены таких систем. А дальнейшая цель семантического изучения — открытие закономерности повторяющихся соответствий в переломе значений у церковнославянизмов, попадавших в разные жанры литературного языка.

Семантический анализ предполагает уже решенными проблемы морфологические и лексикологические. И кроме того, он всегда выходит за пределы собственно церковно-книжной речи, устанавливая смысловое взаимодействие лексем во всех одновременно существующих формах литературного языка. Конечно, церковнославянизмы той или иной эпохи укладывались в самостоятельную семантическую систему. Она может быть установлена путем внутреннего, смыслового анализа церковных лексем, которые открываются при изучении всего живого для данной эпохи круга церковных книг.

Однако это лишь первый шаг семантического исследования. Искомая система смыслов, конструирующая речь, ярче выступит на фоне «синхронических» систем других жанров литературного языка, тем более, что все эти системы существовали не изолированно, а внедряясь одна в другую, взаимно пересекаясь. Поэтому для семантического анализа очень важно знание общего состава и количества тех жанровых и профессионально-классовых расслоений литературного языка, которые обособлялись самими современниками, например, собственно церковно-книжного диалекта, «наречия словенского» как особого литературно-книжного, высокого жанра, административно-канцелярского языка в их разновидностях и языка разговорно-интеллигентского в его жаргонах. Одни и те же церковные лексемы могли проходить через разные речевые сферы, обслаиваясь значениями, которых в церковном языке не имели. Так, *управа благочиния* «полиция», *председатель*, *заседатель* и т. п. создались в деловом, канцелярском языке. Однако вопрос о соотношении этого языка с церковно-книжным является в сущности второстепенным по сравнению с проблемой о семантическом взаимодействии речи «церковнославянской» и речи разговорно-интеллигентской, между которыми мос-

том был «славенский» язык. И главная задача здесь уяснить те процессы, которые в разные эпохи определяли семантические границы между словами — «церковными» и «русскими» и сближение их в языке «славенском», постепенно вобравшем в себя «просторечную» стихию и ее ассимилировавшем. Ведь в сущности «славенский» язык, в актах длительных ассимиляций с разговорно-диалектической речью переживший большие потрясения и отбросивший часть своих (не имевших близких родичей в «просторечии») лексем, и лег в основу современного разговорного интеллигентского языка.

Остановиться на некоторых таких процессах из жизни церковнославянизмов значит наметить общие линии семантического анализа⁵². Бросаются в глаза следующие явления:

1. Процесс семантических взаимопроникновений. При фонической одинаковости лексем в двух «гнездах» — церковном и просторечном («славянском» и «русском») и при близости основных значений у них открыт был путь к совпадению двух семантических рядов в одном, к их органическому слиянию. В таких случаях церковные, книжные и разговорно-речевые ассоциации смысловые как бы примирялись, сочетаясь без резкой границы в одной лексеме. Чтобы убедиться в этом, достаточно углубиться в семантическое ядро таких слов, как *жить* (*нечем жить, честно жить* и т. п.), *просить, свет, труд, конец, начало, ясный, верх, земля, солнце* и т. п.

Иногда же церковнославянизмы прямо этимологизировались на фоне созвучных «просторечных» слов. Например, этот процесс характерен для истории литературного языка первой трети XIX в. (ср. употребление церковнославянизмов у Пушкина, замечания Плетнева и т. п.). Впрочем, раньше А. Шишковым и его сторонниками предпринята была противоположная попытка семантического приспособления просторечных «русских» лексем к созвучным в основной части «церковнославенским», подвергавшимся этимологизации на архаический лад.

2. Процесс семантических перегруппировок. По мере того как некоторые из церковнославянских лексем со всеми своими значениями усваивались разговорной речью и теряли свой «высокий» эмоциональный тембр, их функции в рамках церковно-книжной (и «славенской») речи начинали выполнять близкие к ним по предметному смыслу другие слова. Или было так: слова, общие разговорной и церковно-книжной (шире — «славенской») речи, превращались в чистые «славянизмы», устранялись из просторечия, если в нем еще у них были синонимы. Для перевода большинства выражений и слов «просторечия» существовали в каждую эпоху более или менее фиксированные фразы и слова церковно-книжного, «высокого» жанра. И обратно: были славенские (чаще всего взятые из церковно-книжной речи, реже созданные в недрах самого «славенского» языка) эквиваленты для просторечных фразовых клише и отдельных слов. И вот, когда переставала ощущаться как «славянизм» (понятие, с XVII в. включавшее в себя «церковные» лексемы в их служении целям не только церковной письменности, но и общелитературным интересам) известная церковная лексема, впитанная просторечием, или когда от метался из «славенского» языка тот или иной церковнославянизм как чрезмерно архаическое образование, происходила замена их налич-

⁵² Подробнее на проблемах семантики церковнославянизмов предполагаю остановиться в статье: «Семантика церковнославянской стихии в языке Пушкина».

ными «славенскими» синонимными словами, которые в соответствии с этим менялись в своей семантической окраске. Например, в Словаре Академии Российской (т. I, стр. 754) глагол *владеть* и производные *владелец*, *владельческий*, *владение*, *владетель*, *владетельный* (кроме слова *владыка*) не обозначены как «славенизмы». Наоборот, из примеров видно, что эти лексемы считаются «русскими», хотя и встречающимися в церковных текстах⁵³. Кстати вспомнить об этом и свидетельство А. Шишкова («Рассуждения о красноречии...», стр. 50) о том, что без осознания «славенскости» в разговоре употреблялись в его время такие слова, как *нрав*, *враг*, *владеть*, *награда*. Глагол *владеть* в Словаре прямо называется простонародным. Ясно, что формы лексемы «владеть» в славенской речи все более и более должны были уступать место тем, которые в Словаре указаны как его «славенские» синонимы: *обладать* и *владычествовать*. Точно так же Шишков засвидетельствовал, что в его время слово *конь* было обслено церковно-книжными ассоциациями и «не употреблялось в разговоре» (ср. у нас: *купить коня* «детскую игрушку», *конь* в шахматной игре, *коняжка* и т. п.); «по просту» же говорилось: *лошадь*. Очевидно, это соотношение установилось не потому, что лексема *конь* была чужда «русскому» языку, но потому, что слова *лошадь* не было в церковно-книжной речи, которая поэтому присвоила себе в исключительное пользование лексему *конь* (А. Шишков, «Рассуждения о красноречии...», стр. 63).

Ср. другие пары: *трактир*, по-славенски — *гостиница* (в «Словаре Академии Российской», т. V; ср. С. К. Булич, стр. 81), *бдеть* — *бодрствовать*; *молодой* — *юный* (после исчезновения *младый*) и т. п.

3. Процесс осознания архаизмов как церковнославянизмов. Ввиду того, что церковнославянизмы всегда были соединены с особым оттенком архаической значительности, являлась в языковом сознании разных эпох тенденция к объединению в общем лексическом плане с церковнославянизмами всех вообще возрождающихся архаизмов. Конечно, чаще всего это непосредственное ощущение современников не вступало в противоречие с исторической действительностью, так как по направлению к прошлому господство церковной стихии в литературно-книжной речи было безраздельнее. Однако нередко получались резкие противоречия, и в число церковнославянизмов попадали явные общеруссизмы. Некий А. Петров издал в 1831 г. «Опыт словаря древних славянских слов и речений». В нем, конечно, перепутаны народно-русские лексемы с церковнославянскими. Но любопытно, что в сравнении с укрепившимися в сознании когда-то «церковнославянскими» словами *юный*, *возлюбить*, *едва*, *помощь*, *рубеж*, *смерд*, *похищать*, выступали как «славенизмы» древнерусские лексемы *ун* (стр. 34), *улюбити*, (там же), *одва* (стр. 19), *посиалье*, *сумежье* (стр. 28), *сморода* (стр. 29), *умыкати* (стр. 33) и т. д. Любопытно, что Ф. Буслаев в своей книге «О преподавании отечественного языка» (М., 1844), в которой он в вопросе о церковнославянизмах прикнул к предшествующей традиции, опиравшейся на непосредственное языковое чутье, не отделяет церковнославянизмы от архаизмов вообще (ср. также: С. К. Булич, стр. 101 и след.).

4. Процесс затенения исконных значений у церковнославянских лексем переводными новообразо-

⁵³ Любопытно, что *овладеть* значитсся как славянизм, но такой отметки нет при слове *завладеть*.

ваниями. Осязательнее всего этот процесс можно проследить в эпоху двуязычия русской интеллигенции (XVIII—начало XIX в.), когда происходило морфологическое приспособление «славенских» лексем к французским. В результате создавались новые значения, которые почти ни в какой семантической связи с ранее данными могли и не находиться: *влияние* (*influence*), *утонченный* (*raffiné*), *сосредоточить* (*concentrer*), *отношения* (*rapporto*) и т. п., или связь эта была довольно отдаленной: *положение* (*situation*), *развивать* (*developper*), *расположение духа* (*disposition d'esprit*) и т. п. Поэтому славенская речь в одном из своих жаргонов в XVIII в. принимает форму смешения церковнославянской морфологии с французской семантикой.

5. Процесс морфологической ассимиляции, уничтожавшей «двойниковые» формы. В сущности, в нем надо различать два акта, которые могут соприкасаться, даже совпадать или протекать независимо. Прежде всего в одном ряду форм «двойниками» было большинство образований, связанных с известной лексемой. Скажем, *чистая вода* — это лексема была общей и для «славенского» и для русского языка. Однако некоторые формы ее могли быть специфически славенскими, например: *от чистья воды*. Наличие таких форм обуславливало потенциальную двойственность, «двудialeктичность» этой лексемы. Так, А. Шишков, разбирая стихи:

От сей спасительной и чистья струи
Меня, о муж святой, при жажде напои

признает славенизмами в них *от чистья, святой и напои*; «попросту» из *чистой, святой, напои* («О красноречии...», стр. 60). Естественно, что «славенский» язык в своем морфологическом строе был подвижнее, чем «церковно-книжная» в собственном смысле речь. Ведь он больше впитывал в себя разговорно-речевых элементов и медленно, с перебоями, но все же двигался по пути сближения с морфологической системой живой, разговорной речи. Наличие множества лексических «двойников», разбивавшихся по двум морфологическим системам влекло неотразимо к выработке компромиссных, смешанных форм (*ночныя* и т. п.) или же лишало «славенские» формы ореола «славенскости», придавая им характер архаических пережитков. То, что выпадало из вновь образовавшейся (путем приспособления к разговорной речи) морфологической системы «славенского» языка, подлежало исчезновению. Отсюда открывался путь к устранению двойственности, «двуязычности» ряда лексем, которые переходили целиком в «русскую» речь и, соответственно, меняли свою семантическую окраску. Вопросу о смене морфологических систем церковной речи посвящены работы Классовского и Булича. Однако необходимо учитывать, что не всегда выпадение из системы славенского языка морфологической и семантической обозначало выход в архаизмы. В некоторые эпохи понятие «славенского» языка не включало в себя понятие церковной речи как более узкое, а, напротив, противопоставлялось ему. Так было у Карамзина и его продолжателей, которые боролись против смешения этих понятий, против мнимого славяно-российского языка⁵⁴. Любопытно,

⁵⁴ Карамзин резко различал также архаизмы и церковнославянизмы. Он боролся лишь с церковнославянизмами, вернее с некоторыми их типами, иронически приравнивая их к «древнегрецизмам» (*неискусобрачный, подобосущный* и т. п.), но открывая широкую дорогу «архаизмам», «древнеруссизмам» (понимаемым довольно условно как лексемы и фразы художественно-светской и исторической древнерусской письменности) в некоторые жанры литературно-книжного языка.

что разграничение элементов славенских и церковных у самого Карамзина покоилось отнюдь не на исторических предпосылках. Как указывает Грот, формы *ыя* в родительном падеже (*святыя*), *осмый на десять* и т. п. Карамзин охотно употреблял в период острой борьбы с языком «церковных книг». Таким образом, процесс морфологической ассимиляции славенской и разговорно-русской речи приводил к семантическому «снижению» общих лексем, к уничтожению их раздвоенности. Здесь инициатива семантических применений исходила от морфологических процессов.

Другая сторона этого процесса обнаруживает иные тенденции. При однородности форм словоизменения и словообразования известная лексема в основной части могла раздваиваться, раскалываться на русскую и «славенскую». Пример из трудов А. Шишкова: «У нас... о простом лице говорится *сидит*, о высоком же — *седит*» («О красноречии...», стр. 21). Но «высокая» форма должна была обслаиваться ассоциациями с иным тембром от слов *сел*, *заседасть* и т. п., которые фонетически ближе к «высокой» лексеме, семантически — к «низкой». Все эти факторы вели к морфологическому смещению лексем *седит* и *сидит* и к уничтожению одной. Разновидности этого процесса сложны.

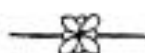
6. Процесс фразовых разложений. На нем мне уже приходилось останавливаться в статье о стиле протопопа Аввакума⁵⁵.

На других процессах нет необходимости останавливаться при конструировании понятия о церковнославянизмах. То, что сказано, достаточно ясно рисует лестницу восхождения: через морфологический инвентарь церковно-книжной речи, описанный и систематизированный, исследователь подходит к проблеме лексикона церковнославянизмов; но он не должен остановиться на этом поле мертвых костей: собрав их, историк языка воскрешает жизнь их в прошлом. И к этой вершине, с которой раскрывается ему всесторонне понятие о церковнославянизмах, ведет его семантика. Лишь она имеет дело с соотношением разных лексических рядов в сложном многообразии жанров и диалектов литературного языка⁵⁶.

⁵⁵ «Русская речь», вып. 1. Пг., 1923, стр. 195—293.

⁵⁶ Во всей статье проблемы синтаксиса сознательно не затрагивались. Знаю, что эволюция письменно-синтаксических форм литературного языка может быть раскрыта лишь на фоне церковнославянской традиции. Но вопросы синтаксиса в моем понимании так тесно сплетаются со стилистической интерпретацией форм и функций словосочетаний, что я предпочитаю о церковнославянских синтаксических явлениях в русском литературном языке говорить отдельно — в связи с проблемой общей методологии исторического синтаксиса русской литературной речи.

ЗАМЕТКИ О ЛЕКСИКЕ «ЖИТИЯ САВВЫ ОСВЯЩЕННОГО»

«Житие Саввы Освященного в рукописи XIII в.» нельзя отнести к памятникам, обследованным всесторонне и окончательно. Работы О. Koless (Archiv für Slav. Philol., V. XVIII), В. Н. Мочульского («К истории малорусского наречия. Житие св. Саввы Освященного по пергаменной рукописи XIII в.» — «Зап. имп. Новороссийск. ун-та, т. 62, 1894), И. В. Ягича (Критические заметки по истории рус. яз. СПб., 1889), А. Е. Крымского («Филология и погодинская гипотеза», Киев, 1904, «Древне-Киевск. говор» и др.), Л. Л. Васильева (Изв. ОРЯС, 1908, кн. 3) и других касаются лишь вопросов фонетики и морфологии, их не исчерпывая. Кроме того, «Житие Саввы» было как материал вовлечено в круг споров около «погодинской гипотезы». И от этого внимание исследователей приковано было лишь к ограниченной сфере языковых признаков этого памятника. Во всяком случае, проблемы лексического анализа «Жития» оставались в стороне (если не считать случайных выписок у В. Н. Мочульского). А между тем лексика этого памятника представляет интерес с двух точек зрения: 1) как материал для изучения истории движения слов в русском литературном языке, который создавался на почве церковнославянского в его сложных смешениях, и 2) как материал для изучения истории словаря того общеславянского церковно-литературного языка, который лег в основу отдельных литературных языков славянских народов, как, например, русского.

Для применения этой последней точки зрения предварительно необходимо доказать «югославянское», во всяком случае, нерусское происхождение перевода. Тем более, что акад. В. М. Истриным высказано предположение о возможности относить перевод этого памятника к деятельности русских переводчиков половины XI в.¹

Не подлежит сомнению, что «Житие Саввы» представляет собою список, впрочем, значительно обрусевший, с «болгарского» оригинала. За это определенно говорят сохранившиеся в графике черты древнего оригинала (тысоуца длъзѣ, мена з и л, переход о в оу в твор. п. ед. ч., может быть, мена љ и и, оконч. -оусу моу и др.) и лексика «Жития Саввы»². В «Житии Саввы» нет ни одной из ярких лексических особенностей русских переводов, которые выдвинуты акад. А. И. Соболевским в качестве критерия при решении вопроса о месте перевода³. Слова, общие древнерусским и церковнославянским текстам, в «Житии Саввы» употребляются в значениях, свойственных этим последним, например: *страда*ти (всегда:

¹ В. М. Истрим. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Л. (1920—1930), т. II, 1922, стр. 282.

² См. данные историко-литературные в исследованиях Д. И. Абрамовича и С. П. Розанова («Изв. ОРЯС», т. III, 1898, кн. 4; т. XVI, 1911, кн. 1).

³ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. — В кн.: «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии».

πάσχειν), ллати (не о собаке; см. 523 7: год ουλακχше — καιροῦ ἐπιτηδεῖου δραζόμενοι)⁴, село (σκηνομα; ср. то же значение в 1 и 2 кн. Царств. публ. библ. F № 1, 461)⁵, скотъ (κτηνος)⁶ и др.

Более детальное рассмотрение словарного материала Жития Саввы, опирающееся на разыскания в области лексики акад. А. И. Соболевского, приводит нас к мысли о сложности словаря Жития Саввы⁷.

В нем находим слова кирилло-мефодиевских переводов: алкание, алкати, бесѣдсвати (λογους κινεῖν), заповѣда, когыга, ковачегъ, кзникы (βιβλος, γράματα), кзназа (ἀρχων), азыкъ (ἔθνος; ср. в Житии Саввы συνεῖνος того же языка 397 3)⁸, подроужие, пророкъ, риза, черносриецъ⁹, иереи, крастити, крастъ, ликъ, литourgия, мсци, пропаги¹⁰, вьскрасение¹¹, влижнии (ὀπλησιον), лоукавъ (πονηρος), сьтаръ (θυσιαστήριον)¹², неприазниъ¹³, блдыка,³ попъ, старшишина, соуперникъ (ἀντιδικος)¹⁴, спудъ¹⁵, стрсити дом¹⁶, лоуна¹⁷, лоученикъ¹⁸.

Встречаем в «Житии Саввы Освященного» слова, чуждые кирилло-мефодиевским переводам и церковнославянским текстам южнославянского происхождения: изволити (ἐκλέγεσθαι 15, ἐπιλέγεσθαι 173), рачити (рачиге приати — θελήσате δέξασθαι 173)¹⁹.

Из других слов²⁰ отметим: [крамоуаникъ, ср. Никод. еванг., в легенде о Вяч. Чешск.; сьщение — κοινωνία, ср. в легенде, в Номокационе Иоан. Схоласт.²⁰; скаанъ — ἐλεεινος, в легенде miser; полата — πολάτιον, в легенде palatium; погосуити 171, ср. в легенде — promissio — погосуени; сьборанъ — καθολικος, ср. в легенде²¹; паръ, [преца,² ср. в Законе Судном и в Жит. Мефодия²²; великъ дна в Житии Саввы 209 2 — ἐορτή, ср. в Никод. Еванг. in quotidiana solemnitate — на вьд великы дни²³; судосити — εὐρεῖν, ср. в Никод. Еванг.²⁴; сьбатыни — святость, ср. в Синайск. Треби., в Бесед., Киевск.

СПб., 1910 («Сб. ОРЯС», т. 88, № 3), стр. 162—177. — В списке русских переводов нет упоминания о «Житии Саввы». Правда, очень употребительные в «Житии Саввы» формы 3 л. ед. ч. аориста вроде *ыи, ѿ, вьзъ*, нача можно истолковывать как указание на русское происхождение перевода, но они легко объяснимы как возникшие под пером русских переписчиков (см. там же, стр. 164).

⁴ Там же, стр. 166, прим.

⁵ А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты моравского происхождения. — РФВ (Варшава), 1900, № 1—2, стр. 164.

⁶ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов..., стр. 166.

⁷ Мы упоминаем лишь те слова, которые по тем или другим соображениям выдвигаются акад. А. И. Соболевским.

⁸ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 50.

⁹ Там же, стр. 53.

¹⁰ Там же, стр. 50.

¹¹ Там же, стр. 53.

¹² А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты..., стр. 164.

¹³ Там же, стр. 166.

¹⁴ Там же, стр. 170.

¹⁵ Там же, стр. 173.

¹⁶ Там же, стр. 170.

¹⁷ Там же, стр. 156.

¹⁸ Там же, стр. 157.

¹⁹ Ср. в Беседах Григ. Двоеслова (А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 51), в Никод. Еванг. (там же, стр. 53), в 1 и 2 кн. Царств, Публ. библ. F № 1, 461 (Он же. Церковнославянские тексты..., стр. 164).

²⁰ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 142.

²¹ Там же, стр. 98.

²² Там же, стр. 116.

²³ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 57.

²⁴ Там же, стр. 84.

отрывках²⁵; скъно — *suris*, ср. скънце в Бесед., Никод. Еванг., в 1 и 2 кн. Царств²⁶; село — *skhynca*, ср. в Бесед., Никод. Еванг. и в 1 и 2 кн. Царств²⁷; херсугъ — *skhptov*, ср. в 1 и 2 кн. Царств²⁸; къзълбиги 279 8—9, ср. прикъзълбикъ *auslog* в легенде²⁹, прѣзълбити — увлечь в слове о св. Троице Клим. Слов.³⁰; сугворити — украсить³¹; мсуца или мсуца — *zibovac*, ср. Похвала кресту Клим. Слов.³²; вѣдити 15, 16, ср. в мучен. св. Вита³³, в Никод. Еванг.³⁴, в Жит. Мефодия³⁵; прѣмоудити, ср. в Житии Мефодия мсудити³⁶; възпитѣти — *trǣpiti*, в Никод. Еванг., прѣпитѣти в Жит. Мефодия³⁷, напитѣти в Похвале кресту³⁸; мсужьба — литургия, ср. в Жит. Мефодия в Номоканоне Иоан. Схоласт.³⁹; късликиа — там же⁴⁰; мотыка, ср. в Чтен. из миссала⁴¹; пспскаство, ср. в Жит. Кирилла⁴² и Жит. Мефодия⁴³, в Номоканоне Иоан. Схоласт.; праскъранъ — православный, ср. в Жит. Мефодия⁴⁴, в молитвах Синайск. Треби.⁴⁵; боларинъ ср. в поуч. на Рожд. Христ.⁴⁶, в похвале св. Никол. Климента Слов.⁴⁷; попецига, ср. в Жит. Мефодия⁴⁸ и в словах Клим. Слов.⁴⁹; ѿпоудити, ср. в Слов. Клим. Слов. распждити⁵⁰, в Святосл. Изб. 1073⁵¹; чадъ, ср. в Номоканоне Иоан. Схоласт.⁵²; истрѣбити — *filocaliti*, — ср. трѣбити — *anachairiti* в Жит. Бенедикта по сербск. сп.⁵³; исказа — *louti*, ср. фдоріа в Номоканоне Иоан.

²⁵ Там же, стр. 105.

²⁶ А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты..., стр. 164.

²⁷ Там же, стр. 164.

²⁸ Там же, стр. 165.

²⁹ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 98.

³⁰ Н. Л. Тулицкий. «Слово о св. Троице, о твари и о суде» Климента Словенского. «Изв. ОРЯС», 1904, т. IX, кн. 3—4, стр. 213.

³¹ Там же, стр. 213; ср.: А. И. Соболевский. Из области древней церковнославянской проповеди. «Изв. ОРЯС», 1903, т. VIII, кн. 4, стр. 61.

³² А. И. Соболевский. Из области..., стр. 61.

³³ А. И. Соболевский. Мучение св. Вита в древнем церковнославянском переводе. «Изв. ОРЯС», 1903, т. VIII, кн. 1, стр. 279.

³⁴ А. И. Соболевский. Мучение папы Стефана по русскому списку XV в. «Изв. ОРЯС», 1905, т. X, кн. 1, стр. 117.

³⁵ И. Попова. Паннонское житие св. Мефодия по древнейшему из дошедших списков со стороны своего языка. — РФВ, 1914, № 1—2, стр. 129.

³⁶ Там же, стр. 129. — Впрочем, ср.: *помоданъвше* — 70 (А. М. Лукьяненко. О языке Несторова «Жития преподобного Феодосия Печерского». Варшава, 1907, стр. 78).

³⁷ Там же, стр. 129; ср. в рукописи Венской придворн. библ. № 137 — С. М. Кульбакин. Материалы и заметки по славяноведению. — ЖМНП, 1905, май, стр. 11.

³⁸ А. И. Соболевский. Из области..., стр. 61.

³⁹ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 142.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ А. И. Соболевский. Глаголическое житие св. папы Климента. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. 3, стр. 220—221.

⁴² А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты..., стр. 173.

⁴³ И. Попова. Паннонское житие св. Мефодия..., стр. 129.

⁴⁴ А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты..., стр. 173.

⁴⁵ Там же, стр. 171.

⁴⁶ Там же, стр. 175.

⁴⁷ Л. В. Стоянович. Новые слова Климента Словенского. «Сб. ОРЯС», т. 80, 1905, кн. 1, стр. 141.

⁴⁸ Рец. П. А. Лаврова на труд Л. В. Стояновича. «Изв. ОРЯС», 1906, т. XI, кн. 1, стр. 442.

⁴⁹ Л. В. Стоянович. Указ. соч., стр. 193.

⁵⁰ Там же, стр. 206.

⁵¹ F. Miklosich. Lexicon palacoslovenico-graeco-latinum. Wien, 1862, стр. 789.

⁵² А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 143.

⁵³ А. И. Соболевский. Церковнославянские тексты..., стр. 206.

Схоласт.⁵⁴; μαλοπούριτζа — τεσσαρακοστή, ср. в Номоканоне Иоан. Схоласт.⁵⁵; каженикѣ — εὐνοῦχος, в Номоканоне Иоан. Схоласт.⁵⁶, ср. в Житии Саввы скопѣцѣ⁵⁷; належати, ср. ὁ ἐπικείμενος⁵⁸; ка знака⁵⁹; благодѣтъ⁶⁰; истрѣрна — λακκος⁶¹; расколѣ⁶² и др.

Кроме того, приведем некоторые слова, не попавшие в словари Миклошича, Востокова и «Материалы» Срезневского или упоминаемые в них, но в Житии Саввы имеющие своеобразное значение: кзмириги — πολιίζειν 67 5—6, ср. кзмирансѣ мѣсто — ὁ πολιθεὶς τόπος 95 2; домашнаа — στρατόπεδον 301 11; законаникѣ — νομοθετής 37 1⁶³; златоплача — ὁ τρακтуτής 427; свѣщаница — κοινοβιον 195 17⁶⁴; опарно мѣсто — τόπος συμφωδής 105 1; про-
страно — ἀπλῶς, ср. пространѣство — ἀπλοτής, ср. то же слово в Ефр. Кормч; Крф. 138⁶⁵; пзрты сзпладаны (вин. падеж) — κεντιοναρια πολύρραφα 273 1. дакѣнѣство — ἀρχαιότης 37 6, ср. дакѣнии — αρχαίος в Панд. Ант.⁶⁶; оуличаници — σελεντάριοι⁶⁷.

Христианская терминология Жития Саввы довольно бедна: в соответствии греческ. πρεσβύτερος, ἱερεύς находим слова: а) презвѣгер, б) поп, в) иерен⁶⁸. Для передачи μοναχός употребляются чернеца и черноризецѣ⁶⁹.

Κοινωνία⁷⁰ переводится через комзкание и свѣщениѣ⁷⁰; λειτουργία — через литоургия и слоужба⁷¹; κανονάρχης — црѣвѣникѣ и црѣвѣра и т. п.

Любопытно, что слово свѣщеникѣ соответствует в Житии Саввы греческому ἱεράρχης 169 8 (scil. — ἀρχιεπίσκοπος); ἐγκαίμια передается всегда русским свѣщениѣ. Такое расширенное значение слова свѣщеникѣ находим еще в каноне Клименту, папе Римскому (миней за ноябрь 1097 г.) и в Номоканоне Иоанна Схоластика⁷². Еще заметим: сѣтигѣлѣство — ἱεραρχία 29, 14—15.

Для определенных выводов о месте возникновения перевода Жития Саввы (за пределами Руси) лексический материал не представляет достаточных данных.

⁵⁴ А. И. Соболевский. Материалы и исследования. . . , стр. 146.

⁵⁵ Там же, стр. 142.

⁵⁶ Там же, стр. 146.

⁵⁷ С. М. Кульбаким. Охридская рукопись Апостола конца XII в. София, 1907, стр. СXXX.

⁵⁸ А. И. Соболевский. Глаголическое житие св. папы Климента. «Изв. ОРЯС», 1912, т. XVII, кн. 3, стр. 217.

⁵⁹ П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, стр. 73; С. П. Обнорский. К литературной истории «Хождения» Арсения Селунского. «Изв. ОРЯС», 1914, т. XIX, кн. 3, стр. 200.

⁶⁰ А. И. Соболевский. Глаголическое житие св. папы Климента, стр. 220.

⁶¹ F. Miklosich. Указ. соч., стр. 268; ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. (1890—1912), стр. 1143.

⁶² Там же, стр. 785.

⁶³ Миклошич и Срезневский дают значения: νομικός, εὐνομος, legitimus, iuris consultus, sacerdos.

⁶⁴ F. Miklosich. Указ. соч., стр. 484.

⁶⁵ И. И. Срезневский. Материалы. . . , стр. 1579.

⁶⁶ Там же, стр. 623.

⁶⁷ F. Miklosich. Указ. соч.; У И. И. Срезневского в «Материалах»: оуличаници — привратники.

⁶⁸ А. И. Соболевский. Номоканон Иоанна Схоластика. — В кн.: Материалы и исследования. . . , стр. 141.

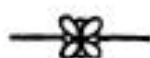
⁶⁹ Там же, стр. 121.

⁷⁰ Там же, стр. 142.

⁷¹ Там же,

⁷² Там же, стр. 143.

СЛОВО И ЗНАЧЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИКО-ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

1. История значений слова может быть воспроизведена лишь на широком фоне истории лексико-семантических систем данного языка. Понятия лексической системы и слова как элемента этой системы соотносительны. В этом — корень одного из основных противоречий историко-лексикологического исследования слова.

2. Историко-лексикологическое изучение слова нельзя отождествлять и сливать с историко-этимологическим. Последовательность и ход изменений значения слова, разъяснение тех реальных исторических условий, в которых протекали эти изменения, остаются по большей части за пределами этимологического исследования.

3. Для истории значений слов (так же как и для истории лексических систем) имеет громадную важность вопрос о пределах тождества слова — при многообразии его фонетико-морфологических и предметно-смысловых превращений и изменений (критика учения Ф. де Соссюра о тождестве языкового знака).

4. Методика исследования языковых тождеств включает в себе много спорного и неясного (вопрос о «самозарождении» однотипных и омонимных слов в разных лексических системах языка и т. п.).

5. Симптомом тождества слова признается непрерывность его историко-семантического развития.

6. В историко-лексикологическом аспекте под непрерывностью исторического существования слова понимается как активное употребление соответствующего слова в разных последовательно менявшихся системах языка, так и пребывание его, иногда на протяжении целых столетий, в архивном фонде данного языка или в его пассивном словаре.

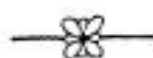
7. Диспропорция между современным понятием слова (или понятием о слове) и пониманием слова на других стадиях развития языка или в других лексических системах языка создает противоречия в определении самой лексической единицы как объекта исторического исследования.

8. Точно так же идеологические противоречия между современным мировоззрением и семантическими системами далекого прошлого часто приводят к искажению смысловой перспективы в истории слова.

9. Субъективные свидетельства современников о семантическом строе слова, о понимании его в ту или иную эпоху, о времени его появления должны быть подвергнуты исторической критике. Субъективные показания этого рода имеют вспомогательное, направляющее значение, служа средствами историко-семантической и историко-стилистической ориентировки.

10. Но вместе с тем нельзя забывать, что объективно-исторический анализ семантических изменений слова — лишь производная, опосредствованная форма непосредственного анализа самих говорящих субъектов.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Под этим заглавием мною закончена работа, представляющая собою попытку наметить, а частично и разрешить основные вопросы и задачи исторической лексикологии и семантики русского литературного языка. Объем работы — 40 печатных листов.

Исследование распадается на 9 глав. В первой, вводной главе устанавливаются задачи исторической лексикологии и раскрывается понятие о лексическом строе и о лексической системе языка.

Вторая глава посвящена проблеме слова и значения как объекта историко-лексикологического исследования. Здесь разъясняются основные антиномии историко-семантического исследования. Например, реконструкция истории значений отдельного слова не мыслима вне связи ее с историей лексических систем, которые пока еще не восстановлены по отношению к прошлым периодам развития русского языка и недостаточно ясно очерчены для современности. Тут же освещаются опасности модернизации значений слова, опасности перенесения современных мировоззрений и категорий мышления на далекие эпохи и т. п. В заключение главы разбираются вопросы о пределах тождества слова — при исторических изменениях его смысловой структуры — и о непрерывности семантического развития слова.

В третьей главе анализируется лексический состав русского литературного языка с исторической точки зрения. Доказывается условность и историко-семантическая недифференцированность понятий «славянизм» («старославянизм» или «церковнославянизм»), «русизм» и «заимствование» и приводятся конкретные иллюстрации этого положения (на материале истории значений более 50 русских слов).

Четвертая глава носит заглавие «Основные проблемы изучения народной лексики в составе русского литературного языка». Здесь описываются и характеризуются разные исторические напластования в общерусском лексическом фонде. Прежде всего выделяется общеславянское наследие в словаре русского языка, затем указываются слова, общие русскому языку и отдельным группам славянских языков или отдельным другим славянским языкам. Далее, после характеристики общевосточнославянской народной лексики выдвигается вопрос о методах и способах изучения народно-областных элементов в составе древнерусского литературного языка. После этого предлагается ряд наблюдений над процессами «олитературивания» диалектной лексики в истории русского языка XVIII и XIX вв. и высказывается несколько соображений об историческом ритме разных диалектных волн в эту эпоху. Выделяются севернорусские, среднерусские и южнорусские элементы в словаре современного русского литературного

языка, освещается взаимодействие литературного языка в сфере лексики с народно-профессиональными диалектами и жаргонами, и исследуются пути и методы литературной ассимиляции всех этих разнородных словесных групп или разрядов. Завершается эта глава характеристикой значения народной лексики для исторического развития стилей русского литературного языка.

В пятой главе дается описание наиболее типичных семантических процессов, характеризующих формы и способы воздействия народно-поэтической, народно-областной и жаргонно-профессиональной лексики на словарь русского литературного языка (с иллюстрациями из истории значений нескольких десятков слов или разрядов слов).

Шестая глава занимается основными проблемами изучения так называемых славянизмов в составе русского литературного языка. В общем понятии «славянизма» (или «церковнославянизма») дифференцируется несколько конкретных лексико-семантических категорий, характерных для русского исторического литературно-языкового процесса. Прежде всего выдвигается поставленный акад. А. А. Шахматовым вопрос о болгаризмах в составе древнерусского языка дописьменного периода, затем подвергаются анализу древнерусские «старославянизмы» и их разные типы. В связи с этим подчеркивается громадное значение для истории русского языка проблемы семантического и стилистического взаимодействия старославянизмов и восточнославянизмов в структуре древнерусского литературного языка до конца XIV в. Разрешение этой проблемы во многом зависит от изучения самостоятельных книжных образований в русском языке XI—XIV вв. На эту мощную и разнообразную славяно-русскую лексическую основу русского литературного языка древнейшего периода в XV—XVI вв. наслаиваются новые словарные пласты югославянизмов. Они пока еще не исследованы. Поэтому особенно существенно определить их главные морфологические типы, а в связи с разрешением этой задачи уясняется вопрос и о русских литературно-книжных словообразованиях XV—XVII вв.

Вслед за этими вопросами возникает проблема «славенизмов» и «славеноруссизмов» в русском литературном языке XVIII в. Кроме того, именно в эту эпоху происходит обособление категории «церковнославянизмов». На фоне этих новых процессов в истории лексического строя русского литературного языка подвергаются анализу и изучению методы приспособления старославянских, ново-юго-славянских и славенорусских (или «славенорусских») слов к выражению семантической системы западноевропейских языков в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. В заключение главы говорится о формах и способах национализации и демократизации старорусской книжной лексики в русском литературном языке XIX в. и дается общее освещение проблемы книжно-славянского наследия в русском литературном словаре XIX и начала XX в.

В седьмой главе описываются основные семантические процессы, характеризующие историю старославянских, позднейших югославянских и славенорусских элементов лексики в структуре русского литературного языка (с иллюстрациями из истории значений около 100 слов).

Восьмая глава трактует об основных задачах изучения заимствованных слов в составе русского литературного языка. Здесь сначала очерчивается круг проблем истории заимствований в аспекте номинативной семантики. В своем существе все эти проблемы сводятся к проблеме истории русской культуры в свете или в зеркале заимствованных слов. Но для исторической семантики русского языка еще важнее исследование про-

цессов слияния чужих слов с лексическими системами русского языка в их истории, процессов русификации заимствований. С этим исследованием тесно связана классификация разных видов заимствований. Вместе с тем заимствование нельзя рассматривать как пассивный процесс подчинения одного слова другому. Воздействие чужого языка на русский чаще всего являлось средством ускорения уже наметившихся в самом русском языке семантических изменений. В этом отношении представляют огромный исторический интерес наблюдения над лексическими взаимодействиями между русским языком и другими славянскими языками с XVI—XVII вв.

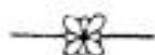
Из сферы изучения заимствований должна быть особо выделена проблема интернациональной лексики (терминологии) в системе русского литературного языка. Для исторической семантики русского языка чрезвычайно существенно определение национального своеобразия, оригинальных черт русской народности в смысловой структуре русского интернационального лексического фонда.

Кроме того, до сих пор еще недостаточно оценена важность вопроса об общеславянской международной лексике в составе славянских литературных языков XVIII—XIX веков. Указанием на ряд относящихся к этой теме лексических явлений и заканчивается восьмая глава.

В последней, девятой главе схематически излагаются главные семантические процессы, характеризующие историю разных заимствованных слов на почве развития русского литературного языка.

В кратком заключении подчеркивается значение конкретных историко-лексикологических исследований из области отдельных языков для науки об общих исторических закономерностях развития семантического строя разных языковых структур.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА В СТРУКТУРЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вопрос об общем лексическом фонде в структуре разных славянских языков уже давно привлек к себе внимание филологов. В 1865 г. знаменитый лингвист А. Шлейхер прислал в Петербургскую Академию наук написанную им статью «Всеславянский словарь». В этой статье он развивал мысль о необходимости «удобного и подручного списка соответствующих слов всех славянских наречий». Такой всеславянский словарь дал бы возможность судить о составе и объеме общеславянского лексического фонда и о словарных своеобразиях отдельных славянских языков. «Наш словарь, — писал А. Шлейхер, — не должен занять место отдельных словарей отдельных наречий. Однако ж, кажется, полезно привести эти слова отдельных наречий, в которых явится корень (или форма корня), находящийся в других (например, русск. *простыть*, коренная форма *сты-*, сколько я знаю, находится только в русском наречии). Таких слов немного»¹. При этом имеется в виду отнюдь не этимологический словарь славянских языков, а сокровищница их живого лексического инвентаря. Вошли бы сюда и заимствованные слова, по крайней мере, те, которые вошли в общее употребление в нескольких славянских языках. По мнению А. Шлейхера, «с сочинения такой книги, можно сказать, началась бы новая эпоха славянской науки».

На статью А. Шлейхера «Всеславянский словарь» откликается акад. И. И. Срезневский своими «Замечаниями о словаре славянских наречий». Акад. И. И. Срезневский присоединяется к тому мнению, что «улучшение понимания взаимных соотношений славянских наречий можно ожидать... всего более от словаря, где бы все славянские наречия были сопоставлены равномерно и равно верно, с одинаковою отчетливостью». В этом словаре должно быть обращено особенное внимание «на оттенки значения и на круг употребления слов в разных наречиях и на переменные их значения и употребления в разное время» (ср. начало осуществления этого замысла в таких трудах, как польский словарь С. Линде или корнеслов русского языка К. Шимкевича). «Каждому, хоть несколько понимающему славянские наречия и хоть несколько вникающему в черты их отличия, должно быть очевидно, что очень значительная, главная часть их состава принадлежит всем им сообща, а менее значительная многим или нескольким, и что все это является в каждом из них в особенном образе соответственно с особенными требованиями его звучности» (т. е. его фонетической системы). И. И. Срезневскому представляется целесообразным в качестве

¹ «Мнения о словаре славянских наречий А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневского». СПб., 1866 (Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Акад. наук, т. I, № 2).

«передового, заголовочного слова» в таком всеславянском лексиконе брать слово старославянского языка как языка самого богатого «общеславянским достоянием». Вместе с тем И. И. Срезневский указывает на неоконченный «Slovník všeslovanský s přídatnými významy německými» (Прага, 1852) Иосифа Франты Шумавского². Путем обзора существовавших тогда словарей отдельных славянских языков И. И. Срезневский приходит к выводу, что «за составление общего славянского словаря браться еще рано». Выяснение общеславянского фонда, по мнению Срезневского, целесообразно было бы начать с составления словаря старославянского наречия, «дав в нем место указаниям и по всем тем славянским наречиям древним и новым, по которым можно собрать материалы». «Или же, взяв несколько другой круг слов, сопоставить в словаре сравнительно только те слова, которые, по их употреблению в большей части славянских наречий, можно назвать общеславянскими». И. И. Срезневский призывал «начать систематический подбор материалов для общеславянского словаря».

Мысль о всеславянском словаре вспыхивала и в 60-х и 70-х годах. Но лишь в середине 80-х годов XIX в. (1885) вышел в свет «Краткий словарь шести славянских языков (русского с церковнославянским, болгарского, сербского, чешского и польского), а также французский и немецкий» под редакцией проф. Ф. Миклошича (СПб., М., Вена, 1885. Составители: Ф. Миклошич, В. Никольский, Ст. Новакович, А. Маценауер, А. Брюкнер). Это — параллельный словарь только пяти славянских языков. Задача его была практическая — дать западным и южным славянам в руки пособие для чтения русских книг и вместе с тем показать сродство русского языка в словарном отношении с другими славянскими языками. В этом словаре около 40 тыс. слов. Уже в этом словаре, очень несовершенном и неточном, содержащем много ошибок и не имеющем строго научного характера³, ярко выступает широта и многообразие общеславянского словарного фонда (сверх интернациональной лексики).

Расцвет сравнительно-исторического языкознания в последней четверти XIX в. решительным образом повлиял и на постановку проблемы общеславянского словарного фонда и на методы ее разрешения. Из русских исследователей уже А. С. Будилович в своем исследовании «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» (1878—1884) пытался установить основные лексико-семантические сферы общеславянского языка, относящиеся к верованиям, явлениям природы, занятиям, промыслам, ремеслам, рукоделиям, яствам и питьям, одеждам и украшениям, хозяйственным постройкам и сооружениям, домашней утвари, посуде и снарядам, играм и музыкальным орудиям и т. п.

Исследования, направленные на восстановление общего славяно-балтийского словарного фонда (ср. словарь Р. Траутмана)⁴ и общеславянской лексической системы, привели к очень существенным результатам. Значительность этих результатов и, вместе с тем, громадная роль этого общеславянского лексического наследия в истории отдельных славянских языков непосредственно очевидны хотя бы по тому материалу, который содержится в «этимологических словарях» славянских языков (Ф. Миклошича, Э. Бернекера, А. Г. Преображенского и особенно в до сих пор еще

² Замечания акад. И. И. Срезневского о словаре славянских наречий. — В кн.: «Мнения о словаре...»

³ См. рецензию акад. В. И. Ламанского на этот словарь. — ЖМНП, 1885, декабрь, стр. 239—250.

⁴ R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

не напечатанном славянском этимологическом словаре Г. А. Ильинского). На характеристике общеславянской лексической системы останавливался в последних своих трудах проф. А. М. Селищев (см. его «Славянское языкознание», т. I). Родовая и семейная терминология, названия совокупности членов рода и племени, обозначения родовых, родственных, общинных собраний и взаимоотношений, некоторые выражения военного быта (например, *знамя*), разнообразные понятия общественной жизни и обозначения общественных отношений между людьми (*честь, цена, мир, месть* и т. п.), слова и фразы, связанные с земледельческим бытом (*соха, серп, рожь, просо, овес, гумно, ток, зерно, мука* и т. д.), с скотоводством (*вол, корова, бык, овца, конь, сметана* и т. п.), с ткацким и другими народными ремеслами и промыслами (*нить, пила, нож, ткать* и другие подобные), многие обозначения народных музыкальных инструментов (*рог, гусли, свирель* и т. п.) и многое другое, охватывающее сложный и разнообразный круг предметов, явлений и свойств, — все это является непосредственным наследием общеславянской лексики. Проблема лексических новообразований, возникших в общеславянском языке, интересовала многих ученых и особенно А. Мейе (ср., например, не восходящие к индоевропейской старине, общеславянские названия частей тела: *нога, колено, кость, уста* и др.). Понятно, что при общности живых и продуктивных моделей словообразования на основе этого общеславянского фонда слов и морфем в истории отдельных славянских языков возникали совершенно однородные слова и разряды слов.

Но, естественно, наряду с такими общеславянскими сериями слов и даже целыми семантическими категориями их, в истории отдельных славянских языков были свои дифференциальные словарные приметы, характеризующие лексическую систему того или иного славянского языка. Например, в русском языке наряду с общеславянским лексическим наследием легко выделить слова, общие русскому языку и языкам отдельных славянских групп — западной или южной, и даже более узкие лексические круги, сближающие русский язык с каким-нибудь одним из славянских языков.

Вот несколько иллюстраций. Такие слова, как *блкнуть, блеклый* (ср. *поблкнуть*), *моргать, подошва, почва, свежий, хворать, мотылек, кочерга* и другие подобные, находят себе ближайшие соответствия лишь в западнославянских языках. Некоторые слова вроде: *весна, гриб, деготь, сосна, хвост* являются общими у русского языка не только с западнославянскими, но и словинским языком. Многие русские слова находят себе параллели и соответствия только в югославянских языках (например, *пир, смотреть, согы, коровай* и др. под.). Правда, во многих случаях не всегда возможно с достаточной точностью решить вопрос, что перед нами — исконное ли сходство народно-славянских словообразований или плод влияния югославянской письменности (например, в отношении слов *рать, ратный, решить, скудный* и т. п.).

Исследование разных исторических взаимодействий славянских языков (например, русского и болгарского, сербского, русского и польского и т. д.) поможет определить новые пласты лексической общности между разными славянскими языками и соответствия между ними в процессах семантических изменений и в методах словообразования. В этом направлении представляют особенный интерес наблюдения над течением сложного процесса формирования национальных языков у отдельных славянских народов и над той внутренней семантической опорой, которую находили при этом

отдельные славянские народы в лексической сокровищнице другого славянского языка (например, болгары и отчасти чехи в русском языке)⁵.

Много писалось и говорилось об общеевропейском или интернациональном запасе слов и выражений, об общности семантических систем европейских языков (в том числе и славянских), о «европейском мышлении». Между тем не менее важное значение для славянской филологии имеет вопрос о междуславянской или общеславянской лексике, терминологии и фразеологии, относящейся к сфере основных понятий культуры и цивилизации (например, таких, как *личность, право, человек* и другие подобные). Обычно указывалось (особенно резко А. Мейе) на своеобразное, изолированное положение чешского национального языка в кругу славянских языков: будто бы словарь чешского литературного языка в значительной если не в большей своей части состоит из чешских национальных новообразований, чуждых как польскому, так и другим славянским языкам⁶. Но работы В. Кипарского (*V. Kiparsky. Über Neologismen im Tschechischen. «Slavia», 1931, X, S. 700—717; Über den tschechischen «Okzidentalismus» — «Slavia», 1933, XII, S. 1—25*) сильно пошатнули утверждение А. Мейе и обнаружили тесную связь чешского языка с польским и русским языками в сфере отвлеченной и философской терминологии.

⁵ Ср., например, работы проф. Б. Цонева о русско-болгарских словарных параллелях, проф. Т. Маретича о русских и чешских словах в хорватском языке и др. под.

⁶ См.: *A. Meillet. Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris, 1918, p. 313; ср. также: «Revue des études slaves». Paris, 1921, t. I, p. 13.*

ОБ ОСНОВНОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ И ЕГО СЛОВООБРАЗУЮЩЕЙ РОЛИ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

I

Соотношение и взаимодействие разных сторон или компонентов языковой системы (словарного состава и «основы языка» — основного словарного фонда и грамматического строя) обусловлено разным характером их связей с историей общества, разными видами отражения в них истории народа и — соответственно — разными темпами и разными закономерностями их изменений. Будучи строительным материалом, из которого по законам грамматики, придающей языку стройный, осмысленный характер, строится речь, словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения. Поступая в распоряжение грамматики, он получает величайшее значение. Без него немыслим никакой язык. В нем прямо и непосредственно отражается все многообразие общественной жизни — от производства до базиса, от базиса до всех видов надстройки. Словарный состав языка является наиболее подвижным, наиболее чувствительным к изменениям конструктивным элементом языка. Почти непрерывные изменения словарного состава, в которых отражается прямая и непосредственная связь языка с производством и всеми другими сферами общественной деятельности, состоят в утрате некоторого количества устаревших слов, в пополнении гораздо большим количеством новых слов, в развитии новых значений у сохраняющихся и активных слов, в образовании новых выражений.

В области истории словарного состава особенно наглядно и осязательно проявляются, хотя и с своеобразными модификациями, основные законы развития языка — и прежде всего разные закономерности связи развития языка с историей общества, с историей народа в разные периоды — и разнообразные внутренние законы развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка.

В словарном составе языка, представляющем собой систему разных лексико-семантических разрядов или рядов слов, не все элементы одинаково подвижны и чувствительны к изменениям. Величайшим достижением советского языкознания является разграничение в лексике языка — основного словарного фонда, очень устойчивого, сохраняющегося в течение ряда эпох, определяющего и обуславливающего — вместе с грамматическим строем — общенародный характер языка, взаимопонимание всех членов коллектива и — в соответствии с этим — единство языка в его историческом развитии, — этого внутреннего ядра лексики — и всего прочего словарного состава языка на данном этапе его исторического развития. При этом основной словарный фонд дает языку базу для образования новых слов, т. е. является главной устойчивой материальной и структурной основой обогащения и развития словарного состава

языка. Необходимость различения устойчивых, более или менее «константных», постоянных элементов словаря языка, и элементов неустойчивых, находящихся в непрерывном изменении, давно уже осознавалась и привлекала к себе внимание <...> Однако внимание лингвистов обычно было направлено на частичные, иногда случайные, нередко вызванные внешними причинами факторы развития лексического состава языка, а также на побочные, второстепенные сферы лексики, на ее периферийные, так сказать, участки. Такая постановка вопроса не определяла и не разъясняла ни закономерностей изменений в лексике языка, ни истории способов словообразования, ни законов пополнения словаря языка путем использования его собственных материальных ресурсов.

Так, проф. Д. К. Зеленин, рисуя очень яркую картину жизни синонимов в вятском народном говоре, устанавливает в нем наличие устойчивых и неустойчивых элементов лексики. «Строго устойчивыми, — пишет Д. К. Зеленин, — являются собственно одни термины — названия различных орудий и других предметов домашнего обихода. Во всем прочем каждый, можно сказать, говорит по-своему, пользуется своими словами и выражениями; даже более: в каждом данном случае употребляются часто иные слова-синонимы по сравнению с точно таким же следующим случаем. При переспрашивании (повторении вопроса по недослышке ответа и т. д.) крестьянин очень редко ответит теми же самыми словами, что в первый раз, а всегда — новым оборотом речи. На этой почве в народном языке мы встречаемся с поражающим богатством и разнообразием синонимов. Для выражения понятий: *ударить*, *бить*, *есть*, *говорить*, *врать* и множества других существует по несколько десятков синонимических слов»¹.

Таким образом, наблюдения Д. К. Зеленина над устойчивыми и неустойчивыми, изменчивыми элементами словаря, до некоторой степени освещающая богатство и разнообразие народного русского речетворчества, подчеркивая необходимость изучения стилистики народной речи, не давали в то же время никакого материала, никаких общетеоретических основ для понимания закономерностей развития словарного состава языка или говора. Они лишь подчеркивали значение экспрессивных, выразительных факторов в развитии лексики.

Вопроса об устойчивых и неустойчивых категориях в словарном составе языка касался также проф. Л. П. Якубинский в статье «Несколько замечаний о словарном заимствовании»². По мысли Л. П. Якубинского, характер и состав словарных заимствований определяется лексическим строем языка, обусловлен лексической системой самого заимствующего языка. От таких лексических заимствований, которые являются результатом международного обмена предметами и понятиями, необходимо отличать другой тип заимствований, когда происходит замена своего слова чужим или возникновение наряду с своим словом другого — синонимичного или синонимобразного. Обычно изучается заимствование названия, вызванное заимствованием самой вещи. «Исследование здесь должно идти по формуле «*Wörter und Sachen*», причем его сложность зависит от того, насколько в руках исследователя имеется

¹ Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. «Сб. ОРЯС», 1903, т. 76, кн. 2, стр. 15.

² «Язык и литература», т. I, 1926, вып. 1—2 (изд. Научно-исследовательского ин-та сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском гос. ун-те).

соответствующий культурно-исторический материал и насколько сложно его раздобывание и истолкование»³. Явления заимствований иного рода, малоисследованные и более трудные с теоретической точки зрения, тесно связаны с общим вопросом об изменениях словаря языка, о заменах одних слов другими, о возникновении синонимов, об обогащении словаря. Основным материалом для разрешения этих теоретических проблем лексикологии и семантики служат для Л. П. Якубинского балтийско-финские заимствования в русских говорах Архангельского и Олонецкого края.

Ссылаясь на Жильерона, Л. П. Якубинский выдвигает необходимость различения двух лексических категорий — устойчивых и неустойчивых слов. Устойчивы слова, относящиеся к самым жизненным и, так сказать, постоянным явлениям и проявлениям общественного существования. К неустойчивым элементам словаря, напротив, относятся термины, не имеющие непосредственного отношения к хозяйству и насущному, как бы типическому, быту или не являющиеся предметом широкого языкового обмена, а также, быть может, подробные, т. е. названия частей или названия частные, осуществляющие детализацию. Тут царит особенная пестрота и разнообразие обозначений в пределах той или иной речевой среды. Эти неустойчивые словарные категории особенно легко поддаются заменам и подвергаются иноязычному вытеснению. «Замена-заимствование есть частный случай замены вообще»⁴. Таковы, например, олонецкие заимствования из финского для обозначения летучей мыши (*елак*), бабочки (*липка*), лягушки (*мутикашки*) и т. п. Свои выводы Л. П. Якубинский основывает на большом лексическом материале, относящемся к названиям животных и хозяйственных орудий, предметов домашнего обихода и кушаний.

Заимствование слов может быть обусловлено также мотивами экспрессивного подбора, эстетической выразительности, побуждениями эфемистического или какофемистического (грубословного) порядка (ср. олонецк. *кярзя*, *гурба* — о лице; первоначально — о морде разных животных). Заимствованию содействуют и суеверные табу.

Экспрессивные факторы ведут не только к заимствованию-замене, но и к заимствованию синонимических или синонимобразных групп слов. Так, в категории выразительных и изобразительных («картинных») слов наряду с существующими словами постоянно имеют тенденцию возникать новые слова, которые либо более энергично и свежо удовлетворяют выразительным эмоциональным заданиям речи, либо по-новому «изображают данное представление»⁵. «В этих категориях слов, — утверждает Л. П. Якубинский, — происходит перманентное обновление, которое может осуществляться и за счет своего языкового материала и в условиях взаимодействия с иноязычным населением, за счет иноязычного»⁶.

Заимствуются эмоциональные эпитеты, именные характеристики, глаголы, связанные с звуковой изобразительностью, со значением речи, понимания, еды, выразительные обозначения переживаний и разных эффективно окрашенных бытовых действий.

³ «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, стр. 2—3.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 6.

Такого рода заимствованные слова являются как бы «прозвищами». По словам Л. П. Якубинского, «как не всякое лицо вызывает возникновение прозвищ, и притом не в одинаковом количестве, так и не всякое значение обрастает синонимобразными словами, а также, если обрастает, то не в одинаковом количестве»⁷. «Комплектование синонимобразных групп, возникающих в языке в связи с изобразительными и выразительными словами, может осуществляться не только путем использования своего материала, но и через словарное заимствование»⁸.

Таким образом, в статье Л. П. Якубинского, не без влияния отчасти Д. К. Зеленина, а отчасти Балли (Bally), сделана попытка установить внутренние закономерности заимствований слов из чужого языка — в тех случаях, когда заимствованные слова не приходят вместе с новыми вещами или понятиями, а также разграничить устойчивые и неустойчивые элементы лексики в народных говорах, выяснить социальные причины и мотивы непрерывной изменчивости некоторых разрядов слов. Однако никаких перспектив для изучения общих закономерностей словарного состава языка в его основном ядре, пополнения его новыми словами или для определения правил образования слов в историческом развитии лексики эта статья не открывает. Она лишь еще раз подчеркивает роль экспрессивных факторов в процессе обновления и изменения отдельных семантических сфер слов, совсем не затрагивая вопроса о законах развития устойчивых элементов словаря, а также о законах образования новых слов. В попытках разрешения этого вопроса наблюдается своеобразный параллелизм развития нашей отечественной и западноевропейской буржуазной науки, при этом наша лингвистика нередко опережала западноевропейскую.

Очень своеобразно, хотя и совершенно ошибочно, пытался разрешить этот же вопрос об устойчивых и неустойчивых, подвижных элементах языка — с позиций так называемого нового учения о языке проф. В. И. Абаев в статье «Язык как идеология и язык как техника»⁹. По мнению В. И. Абаева, «идеологическая семантика» языка преходяща, а «технизованные средства» языкового выражения устойчивы и способны переходить из эпохи в эпоху. «Каждый элемент речи, — писал В. И. Абаев, — может быть носителем известного технического значения, соответствующего какому-нибудь действительно существующему в объективном мире факту или отношению. Эта техническая значимость образует «ядро», устойчивое и способное переходить из эпохи в эпоху, из одной общественной среды в другую, так как оно суммирует эмпирический опыт, основанный на тождестве предметного эквивалента данного восприятия у людей различных эпох и формаций. Это объективное, технически-эмпирическое «ядро» значимости может окутываться, обволакиваться рядом субъективных, привходящих идеологических представлений, настроений и ассоциаций, которые полностью обусловлены состоянием сознания и опыта людей данной эпохи и данной общественной среды и, следовательно, так же неустойчивы и преходящи, как всякие другие формы идеологии»¹⁰. Следовательно, В. И. Абаев, злоупотребляя семантикой, целиком переносит в область семантики и проб-

⁷ «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, стр. 18.

⁸ Там же, стр. 19.

⁹ В. Абаев. Язык как идеология и язык как техника. — В сб.: «Язык и мышление». М.—Л., 1934, вып. II.

¹⁰ Там же, стр. 36.

лему устойчивого и изменчивого в развитии языка. С этой точки зрения все структурные элементы языка являются безразличными и однородными, так как их «материальная форма» в окаменелом виде будто бы унаследована от отдаленных эпох речетворчества. «Все без исключения элементы речи: слова, морфологические образования, целые речевые категории, как, например, грамматический класс и род, синтаксические обороты, как, например, так называемая пассивная конструкция, — все они подвержены десемантизации и технизации и поэтому все они сплошь и рядом своей современной материальной формой связаны не с современными же, а бесконечно отдаленными нормами мышления и речетворчества, что, однако, не мешает им успешно обслуживать технические нужды современной коммуникации»¹¹. Теория В. И. Абаева не отвечает и не может ответить на вопрос, какие элементы или области лексики подвергаются технизации и какие отмирают вместе с породившей их идеологией.

В. И. Абаев придает решающее значение внешним факторам и причинам развития языка. «Признав, что корни языковых изменений скрыты в тайниках семантики и что, следовательно, темп языковой эволюции зависит от темпа процессов, совершающихся в языковой семантике, — заявляет В. И. Абаев, — легко понять, что всякие крупные перемены в жизни общества: междугрупповое смешение, переворот в хозяйстве, глубокие общественно-политические потрясения и сдвиги, изменение классовой структуры общества, — все это сопровождается катастрофическими последствиями для языка»¹². Кроме того, В. И. Абаев постоянно ссылается на «технические нужды общественной коммуникации», как на фактор изменений в языке. «Как срубленное дерево, попадая в технический оборот, принимает форму нужных человеку предметов, так язык, оторванный от взрастившей его идеологической почвы, становится ареной игры разнообразнейших сил и влияний, среди которых на первом месте стоят технические нужды общественной коммуникации»¹³.

Таким образом, «новое учение о языке», признававшее стадиальные «взрывы» основной формой движения языка, естественно, не могло ни правильно поставить, ни правильно решить вопрос об устойчивом словарном ядре и формах его связи с общим словарным составом данного языка. Принцип «единства глоттогонического процесса» не допускал такой постановки вопроса.

II

В западноевропейском буржуазном языкознании также делались попытки разграничить устойчивые и неустойчивые, изменчивые элементы лексики. Из относящихся к этому вопросу теорий наиболее типична та, которая связывает различия в степени устойчивости языковых явлений с различиями функций языка. Коммуникативная функция языка с характерной для нее тенденцией к типизации, к интеллектуальному обобщению средств языкового общения требует постоянства, «константности» фактов и категорий языка. По словам Балли, тенденция интеллектуальная выступает как фактор, препятствующий изменению

¹¹ В. Абаев. Язык как идеология... стр. 39.

¹² Там же, стр. 52.

¹³ Там же, стр. 46.

языка. Наоборот, главная задача языка в его экспрессивной функции — создание неологизмов с целью воздействия на окружающих. Одним из средств такого воздействия является употребление все новых и новых слов, обозначающих понятия, сильно эмоционально окрашенные. Однако эта психологическая внеисторическая концепция не приводит к разграничению разных слоев и категорий в самом словарном составе языка по степени их устойчивости или по их роли в языке как средстве общения и обмена мыслями. Она в конце концов ограничивается лишь типичным для буржуазного языкознания общим противопоставлением лексики как случайного и изменчивого элемента языка стабильной и интеллектуально организованной грамматике. «Тенденция экспрессивная, по словам Балли, обогащает язык элементами конкретными, продуктами аффектов и субъективизма говорящего; она создает новые слова, выражения; тенденция интеллектуальная, аналитическая, устраняет эмоциональные элементы, создает из части их формальные принадлежности. Экспрессивная тенденция работает для словаря, а тенденция аналитическая (интеллектуальная) — для грамматики»¹⁴.

Теории этого рода можно назвать психологическими и — отчасти — стилистическими. Во всяком случае они мало заботились об исторических закономерностях изменений словарного состава языка — в связи с историей общества, об определении структурно-семантического ядра лексики и последовательности его развития, о внутренних законах словообразования, присущих языку, об исторически меняющейся словообразовательной базе языка.

В этом отношении характерно заявление Ж. Вандриеса, что словарь — «это непрерывный кругооборот приобретаемых и утрачиваемых слов»¹⁵. Однако почти тут же Ж. Вандриес пишет: «Для обычного общения существует у всех людей словарь приблизительно одинакового объема. Говорят, что неграмотному крестьянину нужно для такого общения 300 слов: примем эту цифру, хотя она, конечно, значительно ниже действительной. Но ведь и образованный барин нуждается для своего обихода не в большем словаре; вся разница только в том, что у него другие слова. Но этот барин может знать и словарь простолюдина и пользоваться им при случае. Тогда в его распоряжении будет два словаря: один для салона, другой для деревни». И тут же делается в высшей степени показательная ссылка на афоризм Duclos¹⁶, не оставляющая никаких сомнений в том, что Ж. Вандриес механически представляет словарный состав языка как конгломерат или собрание коллекций классовых, сословных, профессиональных и т. п. словарей: «Придворного, владеющего низким языком, мне кажется, почти можно сравнить с ученым, знающим иностранные языки». Таким образом, Ж. Вандриесу представляется, что даже владея своим родным национальным языком, мы фактически имеем дело «с несколькими словарями, смыкающимися и накладывающимися друг на друга, обыкновенно не смешиваясь, пользование которыми зависит от обстоятельств»¹⁷.

Такое антинародное, вульгарно-механистическое, буржуазно-аристо-

¹⁴ Ch. Bally. *Le langage et la vie*. Paris, 1926, стр. 26—28, 70 и след.; ср.: М. Н. Петерсон. *Язык как социальное явление*. «Уч. зап. Ин-та языка и лит-ры РАНИИОН», т. I. М., 1927, стр. 16—17.

¹⁵ Ж. Вандриес. *Язык*. М., 1937, стр. 181.

¹⁶ «*Considérations sur les mœurs*». Paris, 1767.

¹⁷ Ж. Вандриес. *Указ. соч.*, стр. 180.

кратическое понимание словарного состава общенародного языка и его общественного употребления решительно отвергается советским языкознанием <...>.

III

Сравнительно-историческое языкознание с другой точки зрения подходило к признанию необходимости выделения наиболее древнего и устойчивого корневого ядра в словаре того или иного языка и создаваемых на его основе, исторически изменяющихся производных лексических образований, к которым присоединялись также разнообразные «заимствования» из других языков.

Из сравнительно-исторической «праязыковой» схемы развития систем родственных языков, хотя бы славянских, вытекала тенденция фиксировать, например, общеславянский, затем восточнославянский, а вслед за этим и великорусский лексический фонд как устойчивое и общее ядро словарного состава русского языка. Может показаться, что это общее унаследованное от языка-основы и затем несколько возросшее, «исконное» словарное достояние русского языка и есть основной словарный фонд языка. Возможно, что у некоторых представителей традиционного сравнительно-исторического языкознания были и даже существуют такие сближения и ассоциации. В этом случае проблема основного словарного фонда русского языка свелась бы к его так называемому исконному славянскому «корнеслову».

Так, по словам проф. Л. Андрейчина, современный «болгарский язык имеет несколько сот первичных корней. Но если собрать слова, образованные от этих корней в литературном языке и в народных говорах, то их число превысит 50 тысяч»¹⁸.

Проф. Ф. П. Филин в своей дискуссионной статье «Против застоя, за развитие советского языкознания»¹⁹ ставил в вину «компаративистам» именно то обстоятельство, что они придают слишком большое значение унаследованному от праязыка исконному лексическому фонду <...> Между тем представление о таком фонде чрезвычайно существенно для сравнительно-исторического изучения групп (или семей) родственных языков. Однако нельзя не признать, что, например, исконно славянский фонд в составе русского языка, представляемый в типичном для сравнительно-исторического языкознания абстрактно-этимологическом плане, имеет мало общего с основным словарным фондом русского языка в его конкретно-историческом развитии. Обычно такой древнейший «исконный» фонд в составе того или иного языка лишь схематически выделяется на основании данных сравнительно-исторического изучения родственных языков, но не рассматривается в его живом историческом движении и развитии — в связи с историей народа и не подвергается историческому исследованию как семантическая и словообразовательная база последующего обогащения словарного состава языка.

Так, проф. Й. Балашша, опираясь на достижения сравнительно-исторического угро-финского языкознания, характеризует «древнейший лексический фонд венгерского языка» и относит к нему общие для угро-финских языков слова, которые указывают на духовную жизнь «простого патриархального народа, занимавшегося рыболовством и охотой» (названия членов семей, частей тела, таких явлений природы, как *небо*, *свет*,

¹⁸ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. Пер. с болг. М., 1949, стр. 52.

¹⁹ «Правда» от 30 мая 1950 г.

вода, мороз, лед, гора и т. п., животных, растений и их частей, ископаемых, орудий производства, жилища и его частей, пищи; местоимения и местоименные наречия; часто употребляющиеся в быту глаголы; прилагательные с значениями: *молодой, старый, сладкий, горький, твердый, мягкий, кислый, теплый* и т. д.; числительные от одного до восьми, названия некоторых десятков, названия сотни, тысячи)²⁰. А далее об этом древнейшем лексическом фонде лишь говорится, что он был «богаче того, который можно представить себе по данным истории языка», и что он «служит основой венгерского языка», и вслед за этим рассматриваются «наслоившиеся на него за долгую историю языка заимствованные элементы и, наконец, новые слова, образованные живым языком»²¹, — вне всякой связи с основным лексическим фондом <...>.

IV

В нашем отечественном языкознании были попытки обосновать понятие основного лексического фонда как семантически однородной, однотипной и, следовательно, семантически универсальной словарной базы любого языка. Именно так ставился вопрос об основном лексическом фонде в тех работах В. И. Абаева, в которых применялся сравнительно-исторический метод лингвистического исследования.

В. И. Абаев полагал, что «существует некий основной лексический фонд, охватывающий круг необходимых в любом человеческом обществе понятий и отношений, без которых трудно себе мыслить человеческую речь, если не считать самых ранних, начальных стадий глоттогонии, о которых мы можем только смутно догадываться и которые характеризовались, по-видимому, беспредельным полисемантизмом. Этот строго ограниченный круг насущных и необходимых для всякого языка слов образует то, что можно назвать основным лексическим минимумом»²².

Следовательно, в концепции В. И. Абаева понятие об основном лексическом фонде сочетается и связывается с учением о единстве глоттогонического процесса и о стадильности в развитии языка и мышления. Основной лексический фонд или основной лексический минимум для В. И. Абаева — один и тот же по своей семантике, по «кругу выражаемых им понятий и отношений» для всех языков мира на определенной стадии их развития. «Сюда относятся основные местоимения, первые числительные, основные анатомические и космические названия, основные термины родства и социальные термины, глаголы, выражающие самые насущные, элементарные действия и состояния; в отдельных случаях сюда же приходится относить названия ряда животных и растений, поскольку имеются основания постулировать знакомство народа с этими животными и растениями с незапамятных времен»²³.

О том же универсальном основном лексическом фонде и притом в еще более определенных выражениях говорит В. И. Абаев в работе «Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка»²⁴. Здесь этот общий для всех языков по своему семантическому содержанию основной

²⁰ *И. Балашиа*. Венгерский язык. Пер. с венг. М., 1951, стр. 13—14.

²¹ Там же, стр. 78 и след.

²² *В. И. Абаев*. О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском. — В кн.: *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 116.

²³ Там же, стр. 116.

²⁴ Там же.

лексический фонд противопоставляется «словам-понятиям, потребность в которых возникает только в определенных условиях географии, естественной среды и культурного развития», т. е. тем словам, которыми определяются и создаются различия в составе основного словарного фонда у разных языков и у разных семей языков.

«Но, — пишет В. И. Абаев, — есть в языке известный ограниченный круг слов-понятий, без которых нельзя себе мыслить ни одно человеческое общество, в каких бы широтах оно ни жило и какова бы ни была его культура, техника, экономика. До сих пор не обнаружено народа, который не умел бы называть некоторых частей тела: голову, руку, ногу, глаз, ухо, рот и пр.; не имел бы слов для обозначения главнейших космических понятий, как небо, солнце, луна, звезда, земля, вода, день, ночь и т. п.; не знал бы некоторых терминов родства и социальных отношений: мать, брат, сестра, сын, дочь и др.; не отличал бы в языке черного от белого, горячего от холодного, большого от малого, старого от молодого и т. п.; не умел бы считать хотя бы до десяти, до пяти или до трех; не пользовался бы местоимениями «я», «ты», «мы», «вы», «кто», «что» и др., не выражал бы в языке самых элементарных действий и состояний: «стоять», «лежать», «идти», «кушать», «пить», «рождать», «умирать», «смотреть» и др.

Перечисленные категории абсолютно необходимых в любом обществе слов-понятий, — продолжает В. И. Абаев, — образуют основной, неотчуждаемый, «общечеловеческий» фонд языка, по сравнению с которым другие категории слов, нужных обществу только в данных условиях природы, хозяйства и культуры, могут рассматриваться как фонд «специальный», конкретно-исторический»²⁵.

Таким образом, В. И. Абаев считает рекомендуемый им для всех языков мира «основной лексический фонд» общечеловеческим, внеисторическим и статическим. Это — своеобразный метафизический фундамент существования языка. «Язык в своей истории, — по словам В. И. Абаева, — может сильно изменять, обогащать или терять свой «специальный» фонд, не переставая быть самим собой, тогда как потеря основного фонда была бы для языка равносильна катастрофе»²⁶. Следовательно, основной фонд у В. И. Абаева лишен развития, он не может обогащаться. В. И. Абаев прямо противопоставляет его «обогачителю фонду». Спрашивается, для чего В. И. Абаеву понадобилось сконструированное им «универсально-значимое» понятие «основного лексического фонда»? Только для определения «генетической принадлежности и генетических связей языка»?²⁷

«Понятно само собою, — пишет В. И. Абаев, — что когда мы по фактам языка хотим доискаться до происхождения народа и выяснить, с какими другими народами он стоит в первоначальном родстве, мы должны главное внимание обратить на те категории слов, которые входят в основной фонд, а не в обогательный: на названия частей тела; на главнейшие космические названия; на обозначения родства; на обозначения общераспространенных различий цвета, величины, пола, возраста и т. п.; на числительные хотя бы первого десятка; на местоимения; на употребительнейшие глаголы (обозначения действий и состояний).

²⁵ В. И. Абаев. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка. Там же, стр. 16.

²⁶ Там же.

²⁷ В. И. Абаев. О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском, стр. 117.

В осетинском большинство слов этого круга идет из индоевропейского»²⁸. Нельзя не отметить, что — при всем различии точек зрения — категории слов, относимые В. И. Абаевым к основному лексическому фонду языка, удивительным образом совпадают с теми разрядами слов, которые А. Мейе считает «принадлежащими к основной части общеиндоевропейской лексики»²⁹.

V

Основной словарный фонд — это понятие конкретно-историческое, это устойчивая, но исторически развивающаяся лексико-семантическая и словообразовательная база общего словарного состава данного языка в его историческом движении. Основной словарный фонд языка на протяжении всех периодов его исторического развития связан, хотя и по-разному, с лексикой этого языка нитями закономерных словообразовательных отношений. Следовательно, основной словарный фонд влияет на способы и формы обогащения общего словарного состава языка, определяет внутренние закономерности его исторического развития. Развитие всего словарного состава языка, в свою очередь, не может не отражаться на развитии его основного словарного фонда. Таким образом, между основным словарным фондом какого-нибудь языка и включающим его в себя общим словарным составом этого языка наблюдается тесная структурная взаимосвязь, определяемая внутренними законами исторического развития языка. Разные лексико-семантические и словообразовательные системы или разряды общего словарного состава языка базируются, как на своих опорных и вместе с тем отправных пунктах, на словах, принадлежащих к основному словарному фонду. Например, в современном русском языке *высотник* от *высотный* через *высота* связано со словом *выс-ок-ий*; ср. *выше*, *высь*, *выситься*, *повысить* — *повышать*, *возвысить*, *превысить*, *высший*, *вышина*, *вышка* и т. д. *Скоростник* от *скоростной* через *скорость* базируется на относящемся к основному словарному фонду слове *скорый*, которое является опорным пунктом живой лексической группы: *скоро*, *наскоро*, *скорость*, *скоростной*, *ускорить* — *ускорять* и разнообразных рядов сложных слов с первой частью *скоро-* (*скороход*, *скоропелка* и т. д.).

Таким образом, многочисленные ряды или системы словопроизводных слов современного русского языка исходят из основного словарного фонда как из своей словообразовательной и семантической базы. В этих словообразовательных рядах или системах устойчивым является не только то слово — корневое или непроеизводное, которое, принадлежа к основному словарному фонду, как бы скрепляет внутреннее единство того или иного из этих рядов, но и некоторые производные слова и, что особенно важно, — некоторые типические модели словообразования, исторически устойчивые способы образования слов. Общеизвестно, например, что производство отвлеченных имен существительных от основ качественных имен прилагательных посредством суффикса *-ость* развивается в русском литературном языке на протяжении всех периодов его письменно засвидетельствованной истории (ср. в «Слове о полку Игореве»: *рѣпость*, *буесть*; ср. там же: *буиство*, *мужество*).

²⁸ В. И. Абаев. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка, стр. 16—17.

²⁹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 386—415.

Была высказана еще во второй половине XIX в. мысль, что элементы словообразования отличаются иногда даже большей устойчивостью, чем флексии, которые бывают изменчивы, как и их синтаксические функции. «Назначения суффиксов постояннее, крепче», — писал А. Л. Дювернуа³⁰.

При более глубоком проникновении в историю словарного состава языка открывается и другая сторона во взаимодействии между основным словарным фондом и прочим словарным составом языка. Основной словарный фонд, давая языку базу для образования слов, вместе с тем определяет в значительной степени исторические пути словотворчества, направляет и упорядочивает общественную практику образования новых слов, соответственно закономерно развивающимся и исторически меняющимся типам и категориям словопроизводства.

Вот несколько иллюстраций из истории словарного состава русского языка, свидетельствующих о том, что способы образования новых слов от одних и тех же слов, вошедших в основной словарный фонд, в разные периоды развития языка могут изменяться.

1. Система живых морфологических и лексических отношений, свойственная языку, определяет строй словообразования. Например, слово *наука* (древнерусские *наукъ* и *научение*) в русском литературном языке еще с XVI—XVII вв. приобрело книжный отпечаток. Имя прилагательное к нему было образовано посредством словосложения. Эту функцию до 40-х годов XIX в. выполняло слово *наукообразный*. Например, у Герцена в дневнике под 18 августа 1843 г. о Шеллинге: «По мере того как он развивает свою положительную науку, становится тягостнее и неловче; чувствуешь, что его решение не разрешает, что все покрыто туманом, не свободно. Мало-помалу он совершенно оставляет *наукообразный* путь и теряется в самом эксцентрическом мистицизме, объясняет сатану, чудеса, воскресение, сошествие духа au pied de la lettre». У В. Г. Белинского в письме Н. В. Станкевичу (29 сентября—8 октября 1839 г.): «Мне сладко думать, что я, лишенный не только *наукообразного*, но и всякого образования, сказал первый несколько истин, тогда как премудрый университетский синедрион порол дичь».

Казалось бы более естественным и прямым сразу образовать к слову *наука* имя прилагательное *научный* (ср. *азбука*—*азбучный*, *скука*—*скучный* и т. д.). Но *научный* прежде всего связывалось с глаголом — *научить* (ср. *приметный* — *приметить*, *отличный* — *отличить*, *преступный* — *преступить*, *привычный* — *привыкать* и т. д.). Кроме того, слово *научный* соединяло бы в один лексический ряд *научить* и *наука*, внушая представление о том, что наука — это действие и его результат по глаголу *научить* (но ср. *учить* — *научить*, *приучить*, *отучить* и т. д.). В народной речи значение действия и было присуще слову *наука* (например: *отдавать в науку*); ср. у И. А. Крылова:

Это, щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

У Пушкина в «Евгении Онегине»: «Его пример — другим наука».

Сомневаться в том, что слово *наука* входило в основной словарный фонд русского языка XVIII—XIX вв., не приходится. В XIX в. образу-

³⁰ А. Дювернуа. Об историческом наложении в славянском словообразовании. М., 1867, стр. 2—3.

ется слово *научный* и тем самым устанавливается словообразовательная и грамматическая связь между словами *наука* — *научить* — *научный*.

Доктор А. Тарасенков, лечивший Гоголя, вспоминает свой разговор с Гоголем: «Не помню почему-то я употребил в рассказе слово *научный*; он (*Гоголь*) вдруг перестал есть, смотрит во все глаза на своего соседа и повторяет несколько раз сказанное мною слово: «научный, научный», а мы все говорим «научнообразный»; это неловко, то гораздо лучше»³¹.

В разборе словаря Даля акад. Я. К. Грот отмечал в качестве новообразований 20—50-х годов XIX в. слова: *научный, проявление, деятель, даровитый, отчетливый, настроение, творчество, сопоставление, сдержанность, плоскогорье* и пр.³²

2. Из большого и семантически разнообразного ряда слов, содержащих в своем составе корневой элемент *дум-* (*думать, дума*; древнерусские *думьный, думьць, думьникъ, думьца* и др.) выделяются своим морфологическим строем и своеобразием своих производных ответвлений глаголы *задуматься* и *вдуматься*. От них произведены такие значительные слова, как *задумчивый, задумчивость* (ср. также *призадуматься*) и *вдумчивый, вдумчивость*. Все эти слова довольно позднего происхождения (ср. глаголы без *-ся*: *думать, подумать, выдумать, задумать, придумать, надумать* и т. д.; ср. также *раздуматься, додуматься*).

О глаголе *задуматься* известно, что он возник не раньше XVII в. Никаких следов его употребления в русских текстах раннего времени найти не удалось. А. П. Евгеньева в автореферате своей диссертации «Язык былин в записях XVII в.» пишет: «В „Повести“ XVIII в. о Михайле Потоке есть ряд слов, не зарегистрированных Срезневским в его „Материалах“, а в картотеке Древнерусского словаря Академии наук представленных только единичными цитатами XVIII в., но являющихся словами современного русского литературного языка, например: *задуматься, ссужать, наскучить, подлый* и т. д.»³³

Русскому слову *задуматься* есть соответствия в других славянских языках — в украинском *задумуватися, задуматися*, в польском *zadumać się* и в чешском *zadumati se*. Не подлежит сомнению, что все эти славянские слова сравнительно недавнего происхождения и что между ними есть тесная связь. *Задуматься* образуется от *думать* по типу *засмотреться, заглядеться, заговориться, засидеться, загуляться, зажиться* и т. п. по живому народному словообразовательному глагольному типу, установившемуся не раньше XV—XVI вв. От *задуматься* образуется *задумчивый* также в соответствии с активным для той эпохи способом производства имен прилагательных от глагольных основ. *Задумчивый* возникло в русском литературном языке в XVIII в. и было связано с его простым и средним стилями.

В комедии М. Попова «Немой»: «Но я желал бы видеть тебя повеселее: *задумчивость* твоя меня сокрушает» (в речи барипа)³⁴. В комической опере того же М. Попова «Анюта»:

А! батюшко, тебя и не видала я,
А это все, ей, ей, *задумчивость* моя!

(Из речи Анюты)³⁵.

³¹ А. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя. М., 1902, стр. 10.

³² «Филологические разыскания». СПб., 1899, стр. 14.

³³ «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 4, стр. 172.

³⁴ М. И. Попов. Досуги или собрание сочинений и переводов, ч. 2. СПб., 1772, стр. 23.

³⁵ Там же, ч. 1, стр. 96.

В комедии М. Попова «Отгадай и не скажу»: «Он в такой *задумчивости*, что и меня не видит»³⁶.

Русские слова *задумчивый*, *задумчивость* свойственны как литературной речи, так и народным говорам. Они обычны и в украинском языке — *задумчивість*, *задумчивий* (ср. также украинские *задума*, *задумка*, польские *zadum* и *zaduma*; чешское *záduma*; русское областное *задумка*; украинское *задумувати*, польские *zadumas*, *zadumać się*, чешские *zadumati*, *zadumati se*). Не подлежит сомнению, что чешские *zádumčivost*, *zádumčivu* образованы под воздействием русского языка. В. Кипарский в своей работе о неологизмах в «Логике» Антонина Марека³⁷, считающегося творцом чешской философской терминологии, признает слово *zádumčivost* новообразованием Марека (в соответствии немецкому *Schwärmerei*; ср. в польском языке начала XIX в. *zadum* — *Tiefsinn*, *Melancholie*) и связывает его с соответствующим русским словом³⁸.

В русских толковых словарях слова *задумчивый*, *задумчивость* отмечены с конца XVIII в. В «Словаре Академии Российской» они рассматриваются как общерусские, свойственные средним стилям литературного языка. В академическом «Словаре русского языка» под редакцией А. А. Шахматова приведены примеры употребления этих слов из сочинений Крылова, Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Киреевского³⁹.

Значения глагола *задуматься* — *задумываться* не потерпели очень существенных изменений на протяжении XVIII—XIX вв. Основное значение — всецело предаться думам, размышлению, погрузиться в думы, мысли — лишь углубилось в своих признаках, в своем содержании, расширило свои контексты, особенно в романтических стилях художественной речи 20—30-х годов (ср. у Гоголя в «Майской ночи»: *задумавшийся вечер*).

Кроме того, в глаголе *задумываться* наметилось еще два оттенка. Один развился на почве осмысления состояния глубокой *задумчивости* как признака душевного заболевания, как болезненной меланхолии. *Задумываться* в просторечии стало обозначать: впасть в меланхолию, в душевное расстройство. Например, у Салтыкова-Щедрина в «Невинных рассказах»: «Мавра выражалась скромнее и говорила, что барин *задумывается*, что на него *находит*».

Другой оттенок значения глагола *задуматься* был связан с теми модальными качествами, которые вносила в употребление его экспрессия отрицания или увещания, гипотетичности. В *задуматься* выступал намек на нерешительность, и в связи с этим *не задуматься* получило смысл: смело и без колебаний решиться. Например, у С. Т. Аксакова в «Семейной хронике»: «Она знала, что Алексей Степанович *не задумается* умереть за нее»⁴⁰. На основе глагола *задуматься* сложился в XVIII в. производный глагол — *призадуматься*, получивший более яркую народную окраску.

Прилагательное *задумчивый*, сначала выражавшее значение: склонный предаваться думам, погруженный в себя, в свои мысли, стало в 10—30-х годах XIX столетия излюбленным словом так называемой романтической литературы. Экспрессия этого слова сгустилась, его смысловой

³⁶ М. И. Попов. Досуги..., ч. 2, стр. 148.

³⁷ А. Marek. Logika nebo umnice. Praha, 1820.

³⁸ V. Kiparsky. Ober Neologismen im Tschechischen, «Slavia», 1931, ročn. X, seš. 4.

³⁹ Словарь русского языка, т. II. СПб., 1907, стр. 1025—1026.

⁴⁰ Там же, стр. 1028.

вес увеличился. В нем выступили новые оттенки: мечтательный, отличающийся глубокой сосредоточенностью, молчаливо-замкнутый в себе (и несколько загадочный). Слово *задумчивый* начало применяться как эпитет к очам, глазам, голове, лицу и т. д. Ср. у Л. Толстого тенденцию к разрушению «романтической» фразеологии: «Хлопотунья-хозяйка отворяет скрипящие ворота, выгоняет *задумчивых* коров на улицу» («Отрочество»).

Смысловая эволюция прилагательного *задумчивый* отражалась и на употреблении слова *задумчивость*. Но сверх этого слово *задумчивость* прочно вошло в состав нескольких экспрессивных образных выражений, сложившихся в романтическом стиле первой трети XIX в.: *выйти из задумчивости*, *погрузиться в задумчивость*, *очнуться от задумчивости*, *рассеять* или *разогнать задумчивость* и т. д. Легко заметить, что некоторые из этих фразеологических контекстов являются общими у слова *задумчивость* с словами *грусть*, *печаль*, *уныние*.

По способу образования с словами *задуматься* и *задумчивый* тесно связаны слова *вдуматься* и *вдумчивый*. Эти слова возникли в русском литературном языке значительно позднее — не ранее 20—40-х годов XIX в. Они не зарегистрированы ни одним толковым словарем русского языка до Далева словаря. У Даля читаем:

«*Вдуматься*, *вдумываться* во что — углубляться мыслию, обдумывать, обсуждать дело основательно со всех сторон; освоиться с чем, обдумывая. *Задача не мудрая, а не вдумавшись, не решишь*. *Вдумчивый* — кто может вдумываться во что, склонен вдумываться, вникать мыслию, постигать умом. *Вдумчивость* же — принадлежность, свойство вдумчивого»⁴¹. В слове *вдумчивый*, кроме значения «склонный», «способный глубоко вникать, вдумываться во что», развивается позднее оттенок: «выражающий вдумчивость, серьезную, сосредоточенную мысль»⁴².

3. Слово *народ* вошло в основной словарный фонд русского языка уже в древнейший период его развития и легло в основу группы производных слов *народный*, *народник*, *народство* (в значении «множество») и др. под.⁴³ В самом начале XVIII в., а может быть, и в XVII в., от слова *народ* образуются глаголы *обнародить* и *обнародовать* в значении «заселить, населить народом». Но несколько позднее те же слова начинают приспособляться к передаче значений французского глагола *publier* (ср. *publication* — публикация) и получают значение «объявить всенародно, дать знать во всенародное известие» (см. «Словари Академии Российской» XVIII и начала XIX в.). Ср. у М. М. Щербатова: «Положено время выкупа оным именьям два года по *обнародованию*, что оно продано»⁴⁴. А. П. Сумароков в своей статье «О правописании» писал о «таких непристойностях в язык наш введенных», как *обнародовать* в значении «опубликовать», *преследовать* в значении «добиваться»⁴⁵.

Наряду с *обнародовать* в XVIII в. с тем же значением «опубликовать» употреблялись образования *обнародствовать* и *обнародить*. Ср. у Ант. Кантемира в Сатире V:

⁴¹ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. Изд. 2. СПб.—М., 1880, стр. 427.

⁴² Словарь русского языка, т. I. СПб., 1891, стр. 357.

⁴³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. (1890—1912), т. II, 1895—1902, стр. 320—321.

⁴⁴ Словарь русского языка. Изд. 7. М.—Л. (1930—1936), т. XIV, вып. 4, 1935, стр. 581—582.

⁴⁵ А. П. Сумароков. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе, ч. X. М., 1787, стр. 14.

... Обнародствуя все, что тот объявлял в тайну
Как другу...

У того же Кантемира в Примечаниях к Сатире I: «Писал... для одного только провозждения своего времени, не намерен будучи *обнародить*».

Во второй половине XVIII в. слово *обнародовать* в значении: «объявить всенародно», «сообщить официально к всеобщему сведению», «опубликовать» вошло в официально-деловую речь (ср., например, в «Полном собрании законов» № 17 264 1794 г.: «Повелеваем утвержденный нами... манифест приказать... напечатать и ... торжественно, единообразно и повсюду в единое время *обнародовать*») ⁴⁶. Но параллельно с *обнародовать* в газетно-публицистических стилях русского языка с начала XIX в. употреблялся и синоним *опубликовать*, укрепившийся, очевидно, под влиянием слова *публикация*.

*

Так, на базе основного словарного фонда, под влиянием идущих от него толчков и импульсов, обогащается словарный состав русского языка. Так как основной словарный состав развивается вместе с развитием языка и его словарного состава и постепенно приобретает элементы нового качества, новой структуры, то, следовательно, было бы антиисторично и ошибочно представлять его отношение к возникшим и вновь возникающим на его базе производным словам в традиционном абстрактно-этимологическом плане.

Основной словарный фонд языка вовсе не исчерпывается корневыми словами, которые входят в него как его ядро. В своем конкретно-историческом развитии, изменяясь и пополняясь, он — в зависимости от потребностей общества и в соответствии с внутренними законами исторического развития языка — по-разному используется в истории словообразования. Даже одни и те же слова, принадлежащие к основному словарному фонду, дают в разные периоды развития языка начало разным словообразовательным цепям или сериям. Способы образования слов на базе основного словарного фонда исторически изменчивы.

Само собой разумеется, что внутренние законы развития языка, обнаруживающиеся в истории словообразования, охватывают и правила сочетания морфем в словесные единства.

Произвольный сдвиг в формах словообразования, в правилах сочетания морфем изменяет всю систему словаря. Показательны такие произносимые Пифией стихи из 4-й части «трагикомической поэмы» Н. Осипова «Вергилиева Енеида, вывороченная наизнанку» (1796):

Как едки трои не посутчишь,
Так на тошне заживотит;
На всем нытье ты зажелудчишь
И на ворчале забрюшнит.
А если позубит жевало,
Не засердчит уж тосковало,
И все уйдило прочь сгрустит;
Сбедятся кучи все в забудку,
Скручинишь всю свою избудку,
И улетело столодит и т. д.

⁴⁶ Словарь русского языка. Изд. 7, т. XIV, вып. 4, стр. 581.

Эти «тарабарские враки бабы Сивиллы» построены на очень простом принципе перемещения именных и глагольных основ у соседних слов и на унификации именного отглагольного словообразования с помощью суффиксов *-жа* и *-ло*. Получается «отборный штиль в изворот». Например: «Как едки трои не посутчишь» вместо: «Как трои сутки не поешь»; «Не засердчит уж тосковало» вместо: «Не затоскует уж сердце»; «И все уйдяло прочь сгрустит» вместо: «И вся грусть прочь уйдет» и т. д.

Ср. в рассказе Лескова «Овцебык» язык разбойника: «Теперь дай спотыкаловки, да едаловки, а то зубаревы девки от работы отвыкли».

VI

При изучении развития словообразовательных функций основного словарного фонда необходимо учитывать исторические изменения в соотношении непроеизводных и производных основ, необходимо вникать в разнообразные процессы формирования новых лексических центров словообразования, процессы пополнения самого основного словарного фонда вновь возникающими непроеизводными словами.

Например, едва ли можно сомневаться в принадлежности к основному словарному фонду современного русского языка слов *плот*, *плотина*, *плотный* (откуда *плотность*, *уплотнить*) и *плотник*. С точки зрения современного живого общественного понимания и употребления все они должны быть признаны словами непроеизводными⁴⁷. Каждое из этих слов, кроме изолированного *плотина* (ср., впрочем, у Даля *плотинный*, *плотинщик*), является началом особой словообразовательной цепи: *плот*, *плотовой*, *плотовщик*; *плотный*, *плотность*, *плотно*, *плотнеть*, *уплотнить* — *уплотнять*, *уплотниться* — *уплотняться*, *уплотнение*, *уплотненный*, *уплотненность*; *плотник*, *плотничать*, *плотницкий* — *плотнический*, *плотничество*, *плотничий* (*плотничья артель*), *плотничный* (*плотничный инструмент*).

Любопытно, что уже с 20—30-х годов XIX в. начинают развиваться переносные значения в глаголе *сплотить* и производных от него словах: *сплоченный*, *сплоченность*, *сплочение*, все более и более отдалявшие этот лексический ряд от профессиональных *плотить*, *сплотить*.

Перед историком восточнославянских языков стоит также задача исследовать историю обособления слов *плот*, *плотить* от *плести*, *плеть*, *плетень* и т. п.

Точно так же едва ли в современном русском языке можно относить к одной лексической группе и считать непосредственно связанными цепью словопроизводства *сметь* (*посметь*) и *смелый* (*смелость*, *смельчак*, *осмелеть*, *осмелиться* — *осмеливаться*; ср. древнерусское *смелство* «дерзасть»).

Можно указать множество таких этимологических серий слов, которые в истории русского языка разделились на несколько самостоятельных словообразовательных баз, отчасти вошедших и в состав основного словарного фонда. Например:

- а) *спеть*, *спелый*, *спелость*, *переспеть*, *выспевать*, *доспевать* и т. д.;
- б) *спех*, *спешить*, *спешка*, *наспех*, *спешный*, *поспешить*, *поспешный* и т. д. (ср. *подоспеть*);
- в) *успех*, *успевать*, *успеваемость*, *успешный*, *успешно*, *безуспешный* и др. под.

⁴⁷ См.: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М. (1910—1916), т. II, 1914—1916, стр. 77.

В историческом развитии словарного состава русского языка сюда же примыкали имевшие сложную семантическую историю слова *приспех*, *приспешник* (первоначально помощник встряпне, в изготовлении хлебов, затем лаборант и позднее — клевет, приверженец), *доспех* и др. Из книжных славянизмов с этими «гнездами» слов связаны *преуспейние*, *преуспевать*, с одной стороны, и *споспешествовать* (ср. поспешение), с другой⁴⁸.

Особый интерес для исторического исследования представляют многочисленные лексические и словообразовательные группы, возникшие от слова *след* и производных от него *наследник* и *последний*, которые также вошли в состав основного словарного фонда русского языка. В качестве иллюстрации достаточно представить общую схему дифференциации разных словообразовательных и семантических рядов в этой сфере.

С одной стороны, *след*, *следить*, *выслеживать*, *доследить*, *последить*, *проследить*, *уследить*, *следопыт* и т. д. (ср. *наследить*); с другой, *след*, *следовать*, *последовать*, *последователь*, *последовательный*, *последовательность* — с сложными и разнообразными разветвлениями: *следователь*, *следствие*, *следует*, *следовательно*; *исследовать*, *исследователь*, *исследовательский*; старославянизм, подвергшийся в литературном языке XVIII в. переосмыслению, *преследовать кого-что* и омоним *преследовать что* в значении «добиваться чего-нибудь», *преследование*, *преследователь*; с третьей стороны, *наследовать*, *наследие*, *наследник*, *наследство*, *наследный*; с четвертой, *последний*, *последыш*.

Легко заметить, что процессы образования новых слов на базе основного словарного фонда в разные эпохи сопровождаются возникновением омонимов, омонимных основ, оморфем, например: *следствие* (в значении «вывод») и *следствие* (в значении «расследование»); *преследовать* (врага) и *преследовать* (свою цель); ср. *основа* (в тканье) и *основа* (в значении «база, основание»); *отказать* кому в чем и *отказать* кому что (в значении «завещать») и т. п.

В сфере производных глаголов, отглагольных имен существительных и производных имен прилагательных активные процессы образования омонимов в русском языке на базе основного словарного фонда подчинены строго определенным внутренним законам развития. Например: *переложить* (откуда-нибудь) и *переложить* (положить слишком много), *перегрузить* (с одного места на другое) и *перегрузить* (нагрузить слишком много), *стянуть* («связать», «собрать») и *стянуть* («снять», «утащить»), *свести* (вместе) и *свести* (с чего-нибудь), *просмотреть* (книгу) и *просмотреть* (ошибку) и т. п.

В истории русского литературного языка этот процесс омонимической дифференциации основ осложнялся соотношением и взаимодействием русизмов и славянизмов. Некоторые омонимические ряды русизмов и славянизмов или сливались, или, напротив, вытесняли друг друга. Так, в русском литературном языке XVIII в. было много омонимов, отделенных друг от друга границами разных стилей. Например: *расточить* в значении «рассеять», «разогнать» — слово высокого стиля («Полки врагов я расточил». — Пушкин, Кольна), а *расточить* «растратить» — среднего и простого стилей; *разрешить* в значении «развязать» — слово высокого стиля, *разрешить* «позволить» — среднего и простого стилей; *поносный* в значении «позорный» — в высоком слоге, в значении прилагательного к слову

⁴⁸ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, стр. 367—368.

понос — в просторечии; *отрыгнуть* в значении «открыть», «произнести», «объявить» — в высоком слоге, *отрыгнуть* «извергнуть из желудка», «произвести отрыжку» — в просторечии и т. д.

Омонимические русизмы и церковнославянизмы нередко становились антонимами, т. е. словами с противоположными значениями, например, русские: *вонь*, *вонять*, *вонючий*, *вонючка* и церковнославянские: *благовоние*, *благовонный* (ср. *зловоние*, *зловонный*).

Уже из приведенных иллюстраций ясно, что множество лексических ответвлений, отделившихся от основного словарного фонда, остается в разных специальных или стилистически ограниченных сферах словарного состава языка, обнаруживая здесь большую или меньшую производительность. Например, от слова *страх* еще в XVIII в. или в начале XIX в. обособляются и специализируются *страховать*, *страховка*, позднее *страховой* (*страховое письмо* — «заказное письмо» с 60—70-х годов XIX в.); ср. в современном русском языке переносно: *перестраховка*, *перестраховщик*, *перестраховаться*.

От *вянуть* (*увянуть*—*увядать*, *увядание*, *завянуть*, *повянуть*, *вялый*, *вялость* и т. п.) через посредство *вялый* (*вялость*) обособляются слова *вялить*, *вяленый*. Любопытно, что в современном русском языке прямое значение слова *вялый* (ср. вялые цветы, вялые овощи) все больше слабеет, становится малоупотребительным; над ним явно возобладало переносное употребление: *вялое настроение*, *вялый характер*.

От *гад* (производные: *гадина*, *гадюка*) ответвляются, с одной стороны, *гадить* с его разнообразными значениями (ср. *изгадить*, *нагадить*) и *гадость*, *гадливый*, а с другой стороны, ставшее непроизводным — *гадкий*.

Исторические процессы обогащения словаря посредством образования новых слов на базе основного словарного фонда сопровождаются сложными и разнообразными изменениями в семантике слов и основ.

VII

Исторический анализ взаимодействия основного словарного фонда и прочего словарного состава языка, изучение взаимоперехода слов из сферы общего словарного состава в основной словарный фонд и обратно, естественно, приводят к тому выводу, что словообразующая роль корневых слов, а также процессы развития основного словарного фонда, пополнения его новыми словами с непроизводными и производными основами могут быть объяснены в своих исторических закономерностях лишь при признании наличия в составе самого основного словарного фонда устойчивого инвентаря общенародных средств словообразования.

Именно этими структурными качествами основного словарного фонда объясняется его тесная связь и взаимодействие с грамматическим строем языка <...>. Принадлежащие к основному словарному фонду слова оформлены по грамматическим законам или правилам соответствующего языка, они располагаются по основным грамматическим разрядам или классам этого языка с присущими им общенародными словообразовательными возможностями и располагают всей совокупностью активных категорий этого языка. Кроме того, если к основному словарному фонду относятся (а в этом нет ни у кого сомнения) общенародные так называемые служебные слова (т. е. местоимения, частицы, предлоги, союзы), то тем самым устанавливается самая тесная и непосредственная связь его с грамматикой, которая содержит правила употребления этих слов.

Едва ли можно сомневаться и в том, что к основному словарному фонду принадлежат и устойчивые общенародные словообразовательные средства языка. В самом деле, такие слова из сферы основного словарного фонда современного русского языка, как *хозяин, крестьянин, гражданин, образование, внимание, торговать* и т. п., представляют собой — каждое — не только системы форм, свойственных той или иной части речи, но и строго определенные общенародные словообразовательные типы. Поэтому нельзя отрицать принадлежность к основному словарному фонду современного русского языка таких словообразовательных средств общенародного русского языка, как суффикс единичного лица *-ин* (*крестьянин, крестьяне*), суффикс опредмеченного процесса или действия *-ние*, суффикс действия, связанного с каким-нибудь предметом *-овать*, и мн. др. под. Естественно, что самые правила использования этих словообразовательных элементов, т. е. законы сочетания морфем для образования разных категорий слов и законы их развития, неотделимы от грамматики.

Всеми этими соображениями, вытекающими из учения об основном словарном фонде и его роли в образовании новых слов, определяются новые точки зрения на место словообразования в системе языка, на характер взаимодействия словарного состава и грамматического строя языка и, соответственно, — на соотношение лексикологии и грамматики. Наши отечественные лингвисты, сделавшие много ценных открытий в области теории и истории словообразования, но не знавшие различия между основным словарным фондом и прочим словарным составом языка, слишком прямолинейно и неисторично представляли связи словаря и грамматики.

Так, акад. Л. В. Щерба думал, что «в описательной „грамматике“ должны изучаться лишь более или менее живые способы образования форм, слов и их сочетаний; остальное — дело словаря, который должен содержать, между прочим, и список морфем»⁴⁹. А «то, что обыкновенно излагается в грамматиках под названием словообразования, является по большей части отрывочными сведениями о морфологическом составе слов, притом зачастую со смешением прошлых языковых состояний с настоящими. Изредка, кроме того (в новейшее время), сообщаются и некоторые сведения о значении некоторых морфологических частей. Несомненно, что все эти сведения весьма важны для полного понимания данного языка; но они всецело относятся к словарю, где и должны найти себе место»⁵⁰.

Между тем вопрос о словообразовании гораздо сложнее. Словообразование является, с одной стороны, связующим звеном между основным словарным фондом и грамматикой языка, а с другой — оно определяет формы и виды связей и взаимодействий основного словарного фонда с общим словарным составом языка.

VIII

Вопрос о способах обозначения содержания тех понятий, которые вошли в обиход данного коллектива или же только складываются в общественном сознании на базе языкового материала, иначе: вопрос о способах (или правилах) образования новых слов тесно связан с грамматическим учением о частях речи. Кроме того, самые способы образования

⁴⁹ Л. В. Щерба. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. — В кн.: Восточно-лужицкое наречие, т. I. Пг., 1915, стр. 75.

⁵⁰ Там же, стр. 76.

новых слов могут быть различными по своим структурным особенностям и качествам, могут быть морфологическими и синтаксическими или комбинированными, морфолого-синтаксическими.

Словообразовательные категории в системе русского языка тесно связаны с грамматическими категориями и процессами. Так, структура разных частей речи определяется до некоторой степени спецификой присущих каждой из них форм словообразования. Система словообразования, следовательно, неотрывна от грамматического строя языка. Больше того: целый ряд грамматических категорий как бы поддерживается, семантически обогащается и дифференцируется теми словообразовательными типами и категориями, которые относятся к этим категориям и вмещаются в их пределы или рамки.

Тесная связь системы словоизменения и формообразования с словообразованием, например в славянских языках, несомненна и общепризнана. «Современная грамматика, — пишет проф. Л. Андрейчин, — должна рассматривать преимущественно продуктивные суффиксы в языке, классифицируя их по степени распространения и продуктивности и принимая во внимание характер и вид слов, к основам которых они присоединяются. По значению суффиксы могут быть разделены на несколько основных групп (например, при существительных имеются суффиксы для обозначения лиц, предметов, мест, отвлеченных понятий, уменьшительности и т. п.), но в границах этих общих групп следует определять особое значение и «производственное поле» каждого отдельного суффикса»⁵¹ (например, в категории лица — лицо, производящее то или иное действие или профессионально занимающееся какой-нибудь деятельностью, лицо, связанное с каким-нибудь предметом или объектом производства, лицо, характеризующееся каким-нибудь качеством и т. п.)⁵².

Таким образом, грамматическая категория лица в системе имен существительных дифференцируется и обогащается в своем содержании — вследствие многообразия разных словообразовательных типов внутри этой категории. То же можно сказать и о категории отвлеченности имен существительных в русском языке. Здесь — с помощью словообразовательных средств — дифференцируются в именах существительных значения отвлеченного качества, состояния, действия-процесса и т. д. Следовательно, в сфере словообразования наблюдаются активные процессы абстрагирования от частного и конкретного, процессы формирования общих словообразовательных категорий. Эти явления, отчасти родственные разным видам грамматической абстракции, все же существенно отличаются от них не только по основным формам своего выражения, но и по своей лексико-семантической направленности. Ведь строевые словообразовательные элементы — аффиксы не всегда развиваются по прямой линии к грамматической абстракции. Степень их обобщающей силы не однородна и не равномерна. Сфера абстракции у аффикса ограничена его значением, а также назначением в системе языка и — притом одновременно — в ряду грамматических категорий и лексических рядов слов.

Показательно, что некоторые лингвисты, например проф. Фр. Травничек, различают суффиксы словарные, формирующие «новое вещественное (понятийное, словарное) значение, новое слово», и суффиксы грам-

⁵¹ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка, стр. 56.

⁵² Там же, стр. 60.

м а т и ч е с к и е, которыми определяются только грамматические категории (например, чешские суффиксы -n, -v и -j в существительных stan, stav, staj, обозначающие лишь принадлежность этих слов к категории имени существительного; ср. глагол stati, stanu)⁵³.

Таким образом, область словообразования является ареной сложного и разнонаправленного взаимодействия лексических и грамматических категорий. Некоторые словообразовательные типы тесно связаны с узкими лексико-семантическими разрядами слов.

В этом отношении представляют большой интерес закономерности словообразования существительных неодушевленных с конкретно-предметным значением в современном русском языке. В русском языке почти нет продуктивных «грамматических» суффиксов для образования слов с общим предметным значением. Это понятно. Ведь любая основа (особенно с твердым согласным в исходе), подведенная под категорию имени существительного, получает значение предмета. Общее значение предметности, свойственное имени существительному, не нуждается в суффиксальном выражении. Поэтому-то в кругу имен существительных неодушевленных, не относящихся к категории отвлеченности, значение суффиксов специализировано, распределено по частным, конкретным лексическим рубрикам.

Из общих названий предметов в современном русском языке продуктивным может быть признан лишь один — от основ имен прилагательных с помощью суффикса -ка, и то не для всех семантических разрядов слов (ср. названия настоек и наливок: *вишневка, зубровка* и т. п.; названия сортов яблок: *антоновка, анисовка* и т. п.). Для современного русского языка особенно характерна тенденция к образованию существительных женского рода с суффиксом -ка от основ прилагательных в качестве эквивалентов словосочетаний: вечерняя газета — *вечерка*, пятидневная неделя — *пятидневка*, непрерывная неделя — *непрерывка*, летучее собрание — *летучка* и т. п. Ср. также с суффиксом -овка: *курсовка, путевка, стенновка* и т. п.

Между тем некоторые суффиксы, служащие для образования неодушевленных имен существительных, как бы специализировались для обозначения очень узкого круга или ряда предметов, для выражения строго определенной лексической категории. Так, с помощью суффикса -няк образованы от именных основ существительные, обозначающие 1) минералы и руды, 2) сообщества растений, кустарники, группы деревьев: *известняк, железняк, плитняк; березняк, дубняк, ивняк, лозняк, молодняк, сосняк* (тип непродуктивный).

Для обозначения групп деревьев, кустов служит также суффикс -ник при соответствующей основе: *березник, ельник, малинник, осинник, крапивник*. С помощью оморфемного суффикса -ник образуются от основ имени существительного существительные со значением вместилища, помещения для чего-нибудь, например: а) *салатник, соусник, чайник, кофейник* и др.; б) *цветник, рудник, рассадник, виноградник*; в) *вопросник, задачник, сонник* и т. п.; г) *коровник, пчельник, голубятник, гусятник* и т. п.

Названия помещений образованы также с помощью суффикса -ица: *больница, лечебница, темница, светлица* (тип непродуктивный), а назва-

⁵³ Фр. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. Пер. с чешск. М., 1950, стр. 146.

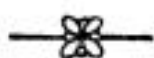
ния вместилищ чего-нибудь, сосудов для чего-нибудь образуются посредством суффикса *-ница*: *пепельница, салатница, сахарница, сухарница, чайница* и т. п.

Еще более узким является значение таких суффиксов, как *-ина* и *-ятина* в сочетании с основами имен существительных, обозначающих рыб, животных. С помощью этих суффиксов образуются существительные, обозначающие мясо данного животного или рыбы как пищу, например: *баранина, свинина, лососина, осетрина, телятина, поросятаина* и т. п. Любопытно, что суффикс *-ятина* в XIX в. расширил сферу своего применения. В сочетании с основами качественных прилагательных, обозначающих отрицательные признаки веществ, предметов, этот суффикс образует существительные женского рода, которые обозначают предмет или вещество, характеризующиеся названным в основе признаком, например: *дохлятина, кислятина, мерзлятина, рыхлатина, тухлятина*; ср. *пошлятина*; отдельно — *отсебятина*.

Ср. *-ика* для обозначения ягоды: *землян-ика, черн-ика, клубн-ика*; ср. также *брусника, ежевика* и т. п.

В научной терминологии, т. е. далеко за пределами основного словарного фонда, также наблюдается специализация суффиксов, закрепление за ними строго определенных терминологических функций. Так, в медицинской терминологии суффикс *-ит* от основ интернациональных терминов, обозначающих органы и принадлежности человеческого тела, образует названия болезней (воспалений), например: *бронхит, гайморит, плеврит, уретрит* и т. п. В естествознании тот же суффикс *-ит* применяется в названиях минералов, взрывчатых веществ, окислов, например: *метеорит, иприт* и т. п. <...>

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

I

Создание исторической лексикологии русского языка на основе марксистско-ленинской методологии — одна из основных неотложных задач отечественного языкознания. Уже собраны большие подготовительные материалы для осуществления этой задачи; за последние годы существенно прояснились теоретические принципы ее решения. <...>

Словарный состав языка, непосредственно отражающий в своих новообразованиях изменения социального строя, развитие производства, развитие культуры, техники, науки и т. п., находится в состоянии почти непрерывного изменения, но эти изменения не ломают лексической системы языка, не уничтожают его основного словарного фонда, его структурной основы: они отражают внутренние законы развития языка. Эти изменения состоят в пополнении языка новыми словами и выражениями, образуемыми согласно законам и правилам данного языка, в утрате некоторого количества устаревших слов и в возникновении новых значений или оттенков значений у слов.

Слово как смысловая единица языка, отражающая тот или иной «кусочек» действительности, вместе с тем выражает его общественное понимание и является элементом данной лексикосемантической системы языка. Содержащееся в слове понимание «предмета», явления действительности сказывается как в смысловых связях этого слова с другими словами, так и в содержании тех предложений, составным членом которых является данное слово, обнаруживающее тем самым и разнообразие своих речевых связей с другими словами и их значениями. А во всех этих связях и отношениях также отражается действительная жизнь, так как «ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они суть только проявления действительной жизни»¹. Вот пример. В современном русском языке в Советскую эпоху возникло выражение *путевка в жизнь*. Оно вполне гармонирует со значением и употреблением нового слова *путевка* (ср. *путевка в дом отдыха*; ср. другие слова того же словообразовательного типа в современном русском языке: *толстовка*, *стенковка* и т. п.). Свообразие семантической системы современного русского языка ярко выступает при сопоставлении этого выражения с образом *подорожная в жизнь*, который найдем у Герцена, например, в романе «Кто виноват?»: «Кончился, наконец, и курс [университета]; раздали на акте юношам подорожные в жизнь».

Ср. также у Герцена в сочинении: «Дилетантизм в науке»: «Юноша, получивший диплом, или принимает его за акт освобождения от школы,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 435.

за подорожную в жизнь, — и тогда диплом не сделает ни вреда, ни пользы»².

Связь слов и их значений с социально-исторической обстановкой, с производством, бытом, культурой, вообще с жизнью общества лучше всего обнаруживается при сопоставлении семантически однородных выражений, относящихся к разным периодам общественной жизни.

Так, П. А. Вяземский в 1839 г. писал своей жене о французских певцах: «Нынешние певцы стареют, а подставы не подрастает»³. Подстава — это на дорожных трактах царской России XIX в. запасные лошади для перемены других — усталых (ср. официальное выражение того времени: «нарядить с обывателей подставу»⁴). Вместо «подставы не подрастает» мы бы теперь сказали: «смены не подрастает». Слово *смена* в русском литературном языке нашего времени под влиянием военного и производственного его употребления приобрело новый смысловой оттенок: *смена* — это группа людей, сменяющих через определенный промежуток времени другую группу для выполнения той же самой работы.

Таким образом, словарный состав языка быстрее и шире, чем другие стороны языковой структуры, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни. В развитии словаря осуществляется своеобразная регистрация этих изменений и закрепление непрерывной творческой познавательной работы общества. История лексики тесно и органически связана с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей общественных мировоззрений. Тут связь истории языка с историей общественного развития обнаруживается непосредственно и всесторонне.

Слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не само по себе, а лишь через всю систему значений, образующих семантический строй языка.

Лексико-семантический строй языка носит в себе диалектические противоречия. Внешняя форма слов, грамматические и словообразовательные категории, определяющие группировку и смысловые соотношения слов, влияющие на связь значений, и самый лексический инвентарь языка, и даже типические грамматические схемы предложений, и основные семантические группы слов, и правила их связей и соотношений унаследуются от прошлого, но в процессе непрерывных изменений, вызываемых общественной практикой, потребностями материальной жизни общества, — включают в себя и новое жизненное содержание. Возникают конфликты между старой формой и новым содержанием. <...>

Лексико-семантические системы не сменяют одна другую как часовые, а как бы взаимопроникают друг друга. Так, в современном русском языке по всем направлениям можно обнаружить лексические пласты, полученные в наследство от прежних периодов развития языка. Некоторые из них легко разграничиваются при тщательном историческом анализе, несмотря на качественные изменения, которым они подверглись.

² Слово *подорожная* так определяется в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (т. III, стр. 268): «Письменное свидетельство для проезда куда-либо, с означением числа лошадей, сколько их давать следует»; В. И. Даль дает более короткое толкование этого слова: «Открытый лист на получение почтовых лошадей» (Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. Изд. 4. СПб.—М. (1912—1914), стр. 494).

³ Литературное наследство. М., 1937, вып. 31—32, стр. 141.

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Акад. наук, т. III. Изд. 2. СПб., 1867, стр. 581.

Известно, что в русском литературном языке первой половины XVIII в. *вливание* было словом высокого стиля (ср. книжный славянизм *влиять* в значении «вливать») ⁵. Его синоним в среднем и простом стиле — *вливание*. Однако конкретное значение этого слова подвергается сложному процессу отвлеченно-образного обобщения под воздействием проникшего в русский научный и государственно-деловой язык из латинского через польский термина *инфлюенция*. Слово *инфлюенция* имело два значения: астрологическое — «действие звезд, светил небесных на судьбы общества и отдельных людей» и общее отвлеченное — «воздействие, влияние».

У Ант. Кантемира в примечаниях к переводу сочинения Фонтенелла «Разговоры о множестве миров» (1730) читаем: «Инфлуэнция. Действо или сила звезд и светил небесных, которая или есть причина происходящих на земли вещей, или к произведению оных отчасти содействует».

Вместе с тем слово *инфлюенция* (польск. *influenca* — «влияние»; ср. лат. *influentia*) проникает в русский язык Петровского времени в значении влияния. Например, в «Архиве кн. Куракина» (1, 338): «Инфлуенцию иметь в делах Европских» ⁶.

Ср. в автобиографической, написанной ломаным русским языком заметке императрицы Екатерины (не ранее 1782 г.): «Говорила я себя: твою инфлуенцию опасаются, удались от всево, ты знаешь, с кем дело имеешь» ⁷.

Любопытно, что и позднее — у масонов — это более широкое употребление слова *инфлуенция* сохраняло еще, если не астрологический, то мистический привкус.

Ср. в письме кн. Н. Н. Трубецкого к А. М. Кутузову (от 14 июля 1791 г.): «Отпиши, мой друг, что делается с бароном и примирился ли он с дядею; мне очень хочется, чтоб это примирение исполнилось, ибо для временной его жизни это весьма полезно будет, а успокоение его извне может иметь инфлуенцию и на внутреннее» ⁸.

Однако русское слово *вливание* (калька польского *influenca* и французского *influence*) вытесняет во второй половине XVIII в. слово *инфлуенция* во всех его значениях. Само собой разумеется, что астрологическое значение и употребление в слове *вливание* быстро отмирает (ср. *верить в свою звезду, родиться под счастливой звездой* и т. п.).

Впрочем, пережитки или следы астрологического значения иногда сказываются в употреблении слова *вливание* еще в русском поэтическом

⁵ См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1890, стр. 379; ср. историю франц. *influence*. Заглохшие и замершие отголоски средневековых астрологических представлений дали толчок семантическому содержанию французского слова *influence*. Слово *influence* в средневековом французском языке (еще в XVI в.) употреблялось для обозначения особой жидкости, будто бы выделяемой планетами и оказывающей особое магическое воздействие на человека. Постепенный прогресс науки отрывает это слово от астрологических представлений, и *influence* (быть может, через посредство более общего значения «жидкости, оказывающей чудесное воздействие») приобретает широкое отвлеченное значение «воздействия, влияния» (см.: E. Huguet. L'évolution du sens des mots. Depuis le XVI siècle. Paris, 1934, стр. 59—60).

⁶ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 123.

⁷ Русская старина. СПб., 1899, апрель, стр. 32.

⁸ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. Пг., 1915, стр. 136.

языке начала XIX в. Так, у С. Боброва в «Рассвете полночи» (1804):

Там ряд веков лежит особый,
На них планет влиянья нет.

В рецензии «Северного вестника» (1804, ч. II, стр. 40) замечено: «Что разумеется под последним стихом, не вдруг понять можно». Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине» с иронической окраской:

Где под влиянием луны
Все полно мирной тишины!

В связи с семантической историей слова *влияние* любопытно проследить усиление его словообразовательной активности в русском литературном языке послепушкинской эпохи. В 30—50-е годы от слова *влияние* производятся слова: *влиятельный*, *влиятельность*; расширяется смысловая сфера и круг употребления самого слова *влияние* (ср. такие его оттенки, как *общественный вес*, *авторитет* и т. п.). Вместе с тем рядом с описательным глагольным оборотом *иметь влияние на кого-нибудь* (фран. avoir de l'influence), восходящим к жаргону дворянского общества конца XVIII в., возникает в разговорной речи 40—50-х годов глагол *влиять*.

Это было как бы вторичное словопроизводство, вызванное морфологическими соотношениями типа: *веяние* — *веять*, *сеяние* — *сеять* и т. п. Так и от *влияние* производится *влиять*. Основа — *влиа* — для того времени уже была непроемкой. Естественно, что к форме несов. вида *влиять* постепенно образуется и соотносительная с ней форма совершенного вида с помощью приставки *по-*: *повлиять*. К 60—70-м годам XIX в. видовое соотношение *влиять* — *повлиять* уже начинает входить в норму русского литературного языка. В связи с этим происходит стилистическое и семантическое разграничение в употреблении выражений: *влиять* и *иметь влияние*.

Показательно, что слово *влиять* в значении «оказывать влияние» еще не отмечено в академическом словаре русского языка 1847 г. Пуристы — представители консервативных кругов русского буржуазного общества возражали против употребления *повлиять* даже в 70-х годах XIX в.

И. Николич в «Грамматических заметках»⁹ писал о «новейшем изобретении оборота»: «влиять — повлиять на кого-нибудь». Этот глагол образовался, как видно, под гнетом существительного «влияние» и составил совершенно неправильно, так как славянскому окончательному виду «влияти»... наши неологи придали значение вида длительного. Не знаю, как кого, но меня всегда неприятно поражает, когда приходится слышать или читать, что «повлиять на него старались так и сяк», и т. п. вместо: «на него старались подействовать».

Пуристически настроенный славянофил Н. П. Гиляров-Платонов в своих «Экскурсиях в русскую грамматику» (ж. «Радуга», 1884) писал: «Целою волною, день за днем, вторгаются в публицистику и в беллетристику слова и обороты, чуждые духу языка, его насилующие, образующие из него тарабарщину... Новорождаемые слова не принадлежат к миру открытий или к технике, к естественноисторическим, политическим и социальным явлениям, отсутствующим в русской земле. Для тех и закон не писан; русский язык не может входить в претензию, когда вводят в него *тагуирование*, *парламент*, *колибри*, *индукцию токов*. Нет, новые

⁹ Филологические записки, вып. I. Воронеж, 1873, стр. 9.

выражения прискиваются для общечеловеческих явлений мира нравственного и умственного, для выражения которых у нас и без того скорее излишество, чем недостаток... Печальных опытов многое множество; остановлюсь... на способном производить тошноту в чутком к русскому языку: «влияет». *Влияет*, а? Сколько в этом слове оскорблений русскому слуху и смыслу? Во-первых «влияет», что же это такое? Разве слово, то есть одушевленный понятием звук? Нимало. В русском языке есть *лиет*, *льет*, но не *лияет*; в растяженной форме *льет* обращается в «*ливает*», но не *лияет* даже. Стало быть, это уже прямо волдырь на здоровом теле, грубая ошибка против неизменного закона этимологии. Пойдем дальше. «*Лияет*» и не употребляют, а употребляют только «влияет»; *полияет*, *заливает* и проч., что в здоровом слове было бы, тоже нет. Но пускай. Итак, «влияет», должно быть, равняется *вливаает*, с особенным исключительным звукообразованием. Но *вливают*, кажется, *во что*, а не *на что*; *вливают* же у нас *на что*: оскорбление предлогу *в*, который имеет право обижаться, и *насилие* предлогу *на*, который не давал к этому поводу. Оно, конечно, понятно, как случилось; слово *вливаает* взяли от *вливания*, то есть, совершили словопроизводство вверх ногами, не от глагола произвели отглагольное существительное, а глагол — от существительного, имеющего вид отглагольного. Но от этого не легче. Самое *вливание* вовсе не есть отглагольное существительное, оно есть «мокроступ» (т. е. искусственное изобретение. — В. В.). ...А изобретение глагола «влияет» принадлежит уже букашкам письменности, не мыслящим не только по-русски, но и ни по-каковски. И однако слово полюбилось и его таскают и смакуют»¹⁰.

Таким образом, исследователь семантики слова может выделить в словарном составе языка разные его слои или разные группы, разные ряды слов и, опираясь на историю их значений — в связи с развитием общества, следить за борьбой старого и нового, нарождающегося и отмирающего, как она проявляется в языке, в изменениях этой части словарного состава языка и его семантической структуры.

Вообще же наречение имени, выбор названия, образа всегда так или иначе социально мотивированы. Имя, относящееся к той или иной сфере действительности, бывает тесно связано с рядами соотносительных названий, семантически или предметно-логически близких слов, отражающих понимание и оценку однородных явлений в данном языке. Показателен такой пример: в середине 60-х годов XIX в., в связи с так называемыми крестьянскими реформами, в России предполагалось создать административно-хозяйственную единицу, которая была бы меньше уезда, но больше волости и притом была бы «всесословною». Царское правительство обратилось к проф. Н. В. Калачеву, известному историку и юристу, с просьбой порекомендовать название. Н. В. Калачев ответил (18 апр. 1864 г.): «Перебрав подручные материалы истории русского законодательства для прискания слова, которым было бы возможно заменить название „волость“, с удержанием значения этого названия, я нашел следующие термины, которыми, в разное время, назывались в великой России отдельные части уезда: *вервь*, *весь*, *волость*, *выть*, *губа*, *земля* (*земцы*, *земляне*), *ключ*, *коробья*, *лук*, *мир*, *обжа*, *область*, *округа*, *погост*, *половина*, *приказ*, *присуд*, *пятна*, *сотня* (*сто*), *соха*, *стан*, *треть*, *четь* (*четверть*). Из всех этих терминов наиболее соответствуют, по моему мнению (за исключением названий: *волость* и *стан*), предполагаемой цели названия: *погост* и *выть*».

¹⁰ Н. П. Гиляров-Платонов. Сборник соч. М., 1899, т. II, стр. 266—267.

Но первое из этих названий укоренилось уже у нас в особенном тесном значении (кладбище. — *В. В.*); напротив, в пользу слова *выть* (часть) можно сказать очень много: оно совершенно русское, всем понятное и выражало бы в настоящем случае не только часть уезда, но и часть стана (ср. *становой, становой пристав* — название полицейского чина в царской России. — *В. В.*); потом оно очень удобно может быть соединяемо, как прилагательное, со всеми названиями, выражающими должности, собрания и проч., как-то: *вытный сход, вытная изба* (нынешнее волостное правление), *вытный старшина* (голова, начальник), *вытный писарь, вытный пристав* и т. п. Между собою *выти* различались бы названиями главного селения каждой *выти*: Салтыковская *выть*, Покровская, Ивановская и т. д.»¹¹

Но и это предложение не было и не могло быть принято. Оно противоречило живым тенденциям развития общенародного русского языка в ту эпоху. Слово «*выть*» имело очень разнообразные значения в русском языке, особенно в его местных народных говорах, начиная от обозначения пая, надела земли, меры земли, тяглогового участка, подати, еды, времени еды, рабочего времени и кончая общим значением участи, судьбы, рока. Достаточно вникнуть в разнообразие фразеологии, связанной с этим словом: *переколачиваемся с выти на выть и не знаем как быть. По три выти зараз отхлестывает; заморить выть* — «утолить голод». *В три выти дрова связал*, новг. — бор. «в один рабочий день». *По зимам выти коротки* (т. е. рабочее время от еды до еды и т. п.)¹². Прилагательное *вытный* среди своих многообразных значений имело и такое отвлеченное, квалифицирующее значение, как «хороший», возникшее из *получивший достаточную выть*. Кроме того, и теперь нам всем известно, хотя бы из сочинений Гоголя, слово *повытчик* в значении «начальник отделения, столоначальник» (ср. слова *повытье* и *повыток*). Старая поговорка гласила: «Повытчик с пером, что плотничек с топором: что захотел, то и вырубил». Слово *повытчик* в целях создания исторического колорита употребляется у А. Н. Толстого в романе «Петр I».

«В приказе, в низких палатах, угар от печей, вонь, неметенные полы. За длинными столами, локоть к локтю, писцы царапают перьями. За малыми столами — премудрые крючки — подьячие — от каждого за версту тянет постным пирогом, — листают тетради, ползают пальцами по челобитным... По повыту мимо столов, покаживает дьяк-повытчик в очках, на рябом носу».

Таким образом, так называемое номинативное значение слова неотделимо от других значений слова. Оно — их опора и общественно осознанный фундамент. Его иногда называют свободным значением слова, но и эта свобода его обусловлена социально-исторически.

К. С. Станиславский не раз останавливается на вопросе о функции наименования в процессе понимания. Так, говоря о делении пьесы на куски и об определении сценической задачи в отношении куска, он видит центр проблемы в том, «чтобы придумать для исследуемых кусков соответствующие наименования, лучше всего характеризующие их внутреннюю сущность».

— Для чего нужны такие крестины? — иронизировал Говорков.

На это Аркадий Николаевич сказал:

— Знаете ли вы, что представляет собой хорошо угаданное название, определяющее внутреннюю сущность куска?

¹¹ Русская старина. СПб., 1898, апрель, стр. 211—212.

¹² Ср.: *В. И. Даль*. Толковый словарь, т. III, стр. 152.

Оно является его синтезом, экстрактом. Чтобы получить его, необходимо «настоять» кусок, точно настойку, выжать из него внутреннюю сущность, кристаллизовать ее и полученному «кристаллу» подыскать соответствующее наименование. Пока артист ищет это слово, он, тем самым, уже зондирует, изучает кусок, кристаллизует и синтезирует его. При выборе наименования находишь и самую задачу.

Верное название, определяющее сущность куска, вскрывает заложенную в нем задачу»¹³. Так слово-название отражает и обобщает осознанный предмет, кусок действительности.

Ср. в другом месте той же книги К. С. Станиславского:

«В трудном процессе искания и утверждения сверхзадачи большую роль играет выбор ее наименования.

... При простых кусках и задачах меткие словесные наименования дают им силу и значительность. ... Замена существительного глаголом увеличивает активность и действенность творческого стремления.

Эти условия в еще большей степени проявляются в процессе словесного наименования сверхзадачи... От меткости названия, от скрытой в этом названии действительности нередко зависит и самое направление и самая трактовка произведения»¹⁴. Таким образом, значение слова выражает понимание явления, «кусочка», элемента действительности, осознанного в процессе общественной практики. Следовательно, оно является обобщенным отражением некоторого многообразия действительных предметов или явлений в общественном сознании. Способы мыслительного отображения предметного мира определяются не только свойствами самих предметов, но и материальными условиями жизни людей, их деятельности, направлением их практических интересов, уровнем их развития. А все это обуславливает в основном способы сочетания разных значений в слове и способы переносного распространения значений слова, вообще способы изменений значений слов.

В некоторых лексических системах, например в профессиональной и научной терминологии, так называемое прямое предметное значение слова и круг «номинативного» применения этого слова сближены и даже нередко совпадают. Научно-теоретический термин — это выражение строго обработанного понятия, и никто не сомневается в том, что термины той или иной сферы научного познания находятся между собой в строго закономерных семантических связях и образуют известную систему. «В органической химии, — пишет Энгельс в «Диалектике природы», — значение какого-нибудь тела, а, следовательно, также и название его, не зависит уже просто от его состава, а обусловлено скорее его положением в том ряду, к которому оно принадлежит. Поэтому, если мы находим, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь подобному ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено *названием, указывающим этот ряд*»¹⁵. В названии предмета отражается его общественное понимание, его осознанные и обусловленные общественной практикой вещественные или функциональные связи, его положение в ряду или в рядах других предметов. Трудно сомневаться в том, что с известными ограничениями этот вывод верен также и по отношению к обиходным, общественным названиям предметов, вообще к слову — на-

¹³ К. С. Станиславский. Работа актера над собой. М., 1938, стр. 253.

¹⁴ Там же, стр. 518.

¹⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1952, стр. 237.

званию. И в нем также отражается понимание предмета или явления, его связей с другими предметами и явлениями исторической действительности.

К. Маркс отмечал, что акт наименования предмета является продуктом общественной практики, которая приводит к ограничению его «на опыте от остального внешнего мира»¹⁶.

Слово как название предмета обусловлено контекстом той действительности, к которой оно относится.

Любопытно вспомнить в этой связи слова П. Лафарга о К. Марксе: «Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир»¹⁷. Основное, «предметное», номинативное значение слова и другие производные значения того же слова связаны очень разнообразными смысловыми нитями.

Само собой разумеется, что слова и их значения, в которых закреплены успехи познавательной деятельности народа, не могут не быть объединены в языке в стройно организованную систему. При этом способы и принципы этой организации различны в разных языках (ср., например, значения русского слова *сторона* и франц. *côté*; ср. передачу разных значений прилагательного *сырой* на французском языке и т. п.).

Таким образом, причины появления новых слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления. Но способы образования этих слов, если они создаются из материальных ресурсов данного языка, и способы их семантического наполнения, способы объединения и сочетания разных значений в них определяются уже внутренними законами развития соответствующего конкретного языка. Даже то обстоятельство, что то или иное понятие складывается не на базе уже имеющегося слова, которое в этом случае как бы приспособляется к выражению нового содержания, нового значения, а воплощается в новом слове, созданном по законам словопроизводства, свойственным данному языку в тот или иной период его истории, также может быть объяснено только внутренним развитием языка, строем его лексико-семантической системы. Кроме того, и самый способ образования нового слова, естественно, зависит от структуры языка, т. е. определяется внутренними законами его развития.

Внутренние закономерности развития словарного состава, свойственные данному народному, национальному языку, обнаруживаются как в общих типах семантических изменений слов, в принципах использования прежних слов для выражения новых понятий путем переносного употребления, путем расширения или видоизменения значений существующих слов, так и в закономерных связях разных лексических разрядов или групп слов, а также в исторически развивающихся и меняющихся способах формирования новых слов из словообразовательных элементов данного языка.

Таким образом, марксистское учение о языке совершенно по-новому освещает вопрос о закономерностях развития словарного состава языка. Оно произвело решительный переворот в понимании проблем и задач исторической лексикологии.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 461.

¹⁷ Воспоминания о Марксе. М., 1940, стр. 60.

II

Учение о словарном составе языка и основном словарном фонде как его главном конструктивном центре, о тесной связи и взаимодействии словарного состава с грамматикой вводит нас в глубокое понимание внутреннего строя словарного состава языка, структурно-смысловых связей между разными его частями и указывает пути изучения закономерностей его исторического развития.

Связи между разными группами, смысловыми сферами или объединениями слов в лексической системе языка образуют сложное единство словарной структуры языка, тесно связанной с его грамматическим строем. Но в целях лингвистического анализа, в целях определения характера лексических изменений целесообразно вычлениить и рассмотреть хотя бы некоторые из этих структурных скреп и связей внутри словарного состава языка. <...>

1. Взаимодействия и соотношения между основным словарным фондом и прочей частью словарного состава исторически изменяются. Эти изменения очень разнообразны.

Процессы творчества новых слов, развивающиеся на базе семантических и словообразовательных отношений между основным словарным фондом и прочей частью словарного состава, происходят по законам грамматики, законам словообразования и законам семантики существующего общенародного языка — в их историческом развитии. Основной словарный фонд сосредоточивает в себе слова, которые являются основными или отправными для важнейших словопроизводных рядов или лексических групп данного языка. Само собой разумеется, что состав этих групп, соотношения и связи слов внутри каждой из них и характер их взаимодействия со словами основного словарного фонда, образующими их словообразовательную и семантическую базу, исторически меняются. Изучение закономерностей этих изменений в их историческом движении и в их неразрывной связи с развитием общества, с историей народа — одна из главных проблем исторической лексикологии. Так как вся совокупность относящихся сюда вопросов и конкретных задач до сих пор почти не была предметом рассмотрения в советском языкознании, то целесообразно при характеристике самой сущности проблемы привести ряд конкретных историко-лексикологических иллюстраций.

а) Не подлежит сомнению, что слово *голос* вошло в основной словарный фонд русского языка в древнейшую эпоху. Оно встречается в «Слове о полку Игореве»: «Вьются голосаи чрез море до Киева». Оно свойственно всем трем восточнославянским языкам и в каждом из них обросло более или менее однородной системой производных слов. В соответствующей звуковой форме оно входит в словарный состав всех славянских языков. От существительного *голос* в его разных конкретных, наиболее древних значениях были произведены слова, относящиеся к другим частям речи: *голосить*, *голосистый*, *голосовой* (ср. областн. *голосно* — «громко, во весь голос»), *заголосить*, *безголосый* и нек. др. Но в начале XVIII в. слово *голос* получает также более отвлеченное значение — «мнение». Так, в «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. (*Deutschlateinisch und Russisches Lexikon*) под словом *Stimme* (*Wahl, suffragium, sententia*) находим: «голос, мнение... *Er hat die meisten Stimmen bekommen; plurimorum suffragiis via ipsi ad impetrandum officium est munita*, — он больше всех голосов получил». От слова *голос* в этом значении производится в 30—40-х го-

дах XIX в. глагол *голосовать* (подавать свой голос, свое мнение за кого-нибудь, склоняться на сторону кого-нибудь) и от него отглагольное существительное *голосование*. Так возникает новая побочная словообразовательная и семантическая линия — от основного словарного фонда к словарному составу языка.

Слово *голосовать* не помещено ни в один из словарей русского языка вплоть до «Толкового словаря» В. И. Даля. Его нет ни в «Словарях Академии Российской», ни в «Общем церковно-славяно-русском лексиконе» П. Соколова (1834), ни в академическом словаре 1847 г. У В. И. Даля, найдем:

«Голосовать что, кого — решать, избирать на голоса»¹⁸.

Очевидно, это слово возникло в связи с развитием буржуазного избирательного права в некоторых областях общественной жизни, в связи с интересом к так называемой гласности.

На то, что этого слова не знали ни Карамзин, ни следовавшие за ним писатели, указывал и Я. К. Грот в своем разборе Далева словаря. Он отмечал *голосовать* в ряду таких новообразований 30—40-х годов, как *научный* (вместо более старого *наукообразный*), *деятель* вместо *делатель*, *отчетливый* вместо *отчетистый*, *настроение* и т. п.

В русских областных народных говорах, а также в белорусском языке образования типа *голосовать* и *голосование* употреблялись и раньше как синонимы слов *голосить* и *голошение*¹⁹. В литературном языке эти образования получили отвлеченное, общественно-политическое значение, расширив таким образом сферу семантики и словопроизводства, имеющую своим центром слово *голос*.

б) В области научной терминологии широко и наглядно сказалась огромная словообразующая роль основного словарного фонда. Из слов, принадлежащих к основному словарному фонду и выражающих очень конкретные бытовые значения, создавались новые отвлеченные слова, новые научные термины на основе соответствующих правил словообразования. Известно, что Ломоносов создал химический термин *кислота*. Термин *окисление* (обозначающий: химический процесс, при котором происходит соединение какого-нибудь тела с кислородом) введен в конце XVIII—в начале XIX в. акад. В. М. Севергиным. Акад. М. И. Сухомлинов заметил: «Некоторые из употребляемых Севергиным русских терминов, как, например, *окисление* и т. п. также усвоены языком науки, как введенное знаменитым современником Севергина слово *промышленность* усвоено языком литературным»²⁰.

В «Словаре химическом, содержащем в себе теорию и практику химии... сочинение Шарль-Луи-Кадета, обработанном на русском языке трудами Василия Севергина» (1810, ч. I, стр. VIII—XIV) в числе слов, вновь образованных в процессе перевода иноязычной терминологии, указаны: *кислец* — *oxidule*; *окисление*, *окислотворение* — *oxidation*, *oxigenation*; *раскислять*, *раскисление* — *debruler*, *desoxidation* и пр.²¹ Те же термины *окисление*, *окислотворение*, *окись*, *окисл*, *окисленный*, *откисление* (*desoxidation*), *откислять* (*désoxider*, *debruler*) были определены акад. Севергиным для «Словаря Академии Российской»²². Термин *окисление*

¹⁸ В. И. Даль. Толковый словарь, т. I, стр. 380.

¹⁹ Ср., например: И. И. Носович. Словарь белорусского наречья. СПб., 1870, стр. 117.

²⁰ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. IV. СПб., 1878, стр. 16.

²¹ Там же, стр. 30.

²² Там же, стр. 174—175.

прочно вошел в язык русской химической науки. Таким образом, была создана целая система внутренне — по смыслу — и словообразовательно объединенных терминов на базе слова основного словарного фонда.

в) Организующие строевые функции основного словарного фонда по отношению к прочему словарному составу неразрывно связаны с общими процессами лексико-семантического развития языка. Лексические ряды или группы слов, объединенные лежащим в основе их производящим словом основного словарного фонда, подвержены разнообразным историческим изменениям. От них могут обособляться, отделяться некоторые словесные звенья, в силу изменения их морфологической структуры или в силу смысловых преобразований. Так, от большой группы слов, связанной с глаголом *просить*, уже в XV—XVI вв. отделяется и образует самостоятельный семантический ряд глагол *спросить* с производными (*спроситься*, *спрашивать* и т. д.). Проф. С. Д. Никифоров в своем исследовании, посвященном русскому глаголу XVI в., замечает об этих словах: «Эти глаголы только по происхождению префиксные; они семантически оторвались от глаголов *просить*, *проситься*, и в XVI в. в них префиксе с не выделялся (не осознавался)»²³. Можно указать также на обособление группы: *допросить*, *допрашивать*, *допрос* (но ср. *допроситься*), на отделение лексического ряда: *вопрос*, *вопросительный*. Аналогичных примеров смысловой и лексической дифференциации слов и групп слов, некогда принадлежавших к одной словопроизводственной сфере и восходивших к исходному слову основного словарного фонда, можно привести очень много (ср. *казать* и *сказать* — *сказывать*, *сказ*; *наказать* — *наказание* и т. п.; ср. *притворяться*, *притворство*, причем еще в XVIII в. широко употреблялся глагол — *притворять себя* и др. под.).

г) Однако при изучении этих изменений в характере соотношений и взаимодействий между основным словарным фондом и остальной частью словарного состава языка необходимо учитывать не только те семантические и лексико-морфологические процессы, которые происходят в общенародном, общенациональном запасе словаря, в зависимости как от конкретных социально-исторических причин, так и от общего развития мышления, от осложнения форм общения, но и те приращения основного словарного фонда, которые возникают в результате взаимодействия общенародного языка с местными, областными народными говорами.

В самом деле, можно ли, не зная истории лексической системы русского литературного языка в ее взаимодействии с народно-областными словарями, воспроизвести семантическую историю слова *причина*? В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского приведен лишь один пример употребления этого слова из списка (по-видимому, позднего) дипломатического документа середины XV в. «Посольство к Великому князю Рязанскому Ивану Федоровичу от Короля Польского Казимира 1456 г.»: «От Ивашка причина была» (т. II, стр. 1494). По Срезневскому, значение слова *причина* здесь: «начало, почин».

В памятниках делового и повествовательного стиля XVII—XVIII вв., близкого к деловой разговорной речи, встречается употребление слова *причина* в значении: «беда, несчастье, помеха» (см. Л. П. Якубинский. *История древнерусского языка*. М., 1953, стр. 264—265.)

²³ С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952, стр. 121.

Слово *причина* в его отвлеченном, «философском» значении утвердилось в русском языке с начала XVIII в. и вросло в его основной словарный фонд. *Причина*, как перевод латинск. *causa* нередко встречается в языке Тредиаковского²⁴.

Но предпосылки для такого семантического развития были уже даны и в предшествующей истории слова *причина* на русской почве. Можно ли воспроизвести историю значений слова *причина* в русском литературном языке изолированно от историко-семантического анализа слова *вина* (ср. греч. *αἰτία*)? Можно ли отделять историю литературного слова *причина* от истории глагола — *причинить*, *причинять*, от народно-областных слов — *причина*, *притча* и *притка*?

Решение всех этих вопросов зависит от широкого сравнительно-исторического изучения развития лексики народных диалектов в их разнообразных связях и взаимодействиях с литературным языком, а также от изучения исторических связей русского литературного языка с родственными славянскими языками.

д) Еще сложнее бывают изменения в лексической системе, когда вследствие воздействия диалектной стихии на общенациональный язык те или иные слова из состава народно-областной лексики проникают в основной словарный фонд общенародного языка. Тогда они становятся базой для образования новых групп слов и подвергаются смысловым преобразованиям, связанным с их новыми отношениями к смежным лексическим рядам в составе общенародного словаря.

В современном русском языке есть такая семантическая группа соотносительных слов: *усмехаться* — *усмешка*, *улыбаться* — *улыбка*, *ухмыляться* — *ухмылка*.

Просторечно-ироническое *ухмыляться* и не так давно вошедшее в широкое употребление в художественно-повествовательной литературе производное от него *ухмылка* не могут быть связаны с основным словарным фондом. В основе глагола *усмехаться* (и производного от него существительного *усмешка*) лежит слово основного словарного фонда *смех* (ср. также *смеяться*). Несомненна также принадлежность к основному словарному фонду современного русского языка глагола *улыбаться*. Этот глагол из живых народных говоров (по-видимому, южновеликорусских) вошел в состав русского литературного языка лишь в XVI—XVII вв. и вытеснил старые *лыщатися* — *лыснутися*, *улыскатися* — *улыснутися*. Ср. старославянизм *осклабитися* — *осклаблятися*²⁵.

е) Наряду с процессом обогащения основного словарного фонда, между прочим и за счет народно-областной лексики, наряду с процессом образования новых идущих от него словарных групп — протекают и процессы иного характера, состоящие в утрате, исчезновении слов основного словарного фонда, в перемещении их, так сказать, на периферию словарного состава. Трудно сомневаться в том, что такие слова, как *клеть* (ср. совр. *клетка*), входили в основной словарный фонд русского языка, вероятно, вплоть до XVIII в.²⁶ Во всяком случае в «Словаре на шести

²⁴ В. К. Тредиаковский. Слово о премудрости. Соч., т. I. СПб., 1849, стр. 505, 509, 533.

²⁵ Историю этой семантической группы слов я намерен посвятить отдельную статью.

²⁶ Ср. параллели из других славянских языков в «Этимологическом словаре» А. Преображенского, т. I, стр. 318; E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Aufl. 2. Heidelberg, 1924, S. 517—518; ср. примеры из древнерусских памятников у И. И. Срезневского («Материалы», т. I, стр. 1227).

языках, российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданном в пользу учащихся российского юношества» (СПб., 1763), находим следующий перечень слов в разделе (XVIII) «О зданиях»: *здание, город (град), ворота (врата), рогатка, или подъемная решетка (в городских воротах), башня, крепость, замок, дом, царские палаты, клеть, шалаш, труба* и т. д. (стр. 128).

Слово *клетка* постепенно деэтимологируется, отрывается от слова *клеть* и, обрастая новыми значениями, входит в основной словарный фонд национального русского языка.

ж) Вытеснение того или иного слова из основного словарного фонда или утрата его нередко сопровождаются сохранением производных от него, относящихся к другим грамматическим категориям. Интересной иллюстрацией данных процессов может служить история слов *нутрь* и *нутро* (*нутр*). От древнерусского слова *нутрь* (ср. *утр-оба*), вышедшего из литературного употребления уже к началу XVIII в., образовались и вошли в состав основного словарного фонда наречия *внутри* и *внутрь*, откуда, в свою очередь, произведено слово *внутренний* (ср. *внутренность*).

Уже из этих примеров видно, как сложна и многообразна роль основного словарного фонда в создании и функционировании лексико-семантических групп в словарном составе языка и в их исторических изменениях, в структурном объединении разных звеньев лексической системы языка, как сильно зависят способы образования слов и даже способы формирования новых значений от закономерностей соотношения и взаимодействия основного словарного фонда и прочей части словарного состава языка, как тесно связаны изменения основного словарного фонда с общими закономерностями развития словарного состава в его социально-исторической обусловленности.

Таким образом, между основным словарным фондом и включающим его в себя словарным составом языка наблюдается тесная взаимосвязь, определяемая внутренними законами исторического развития языка. Разные лексико-семантические и словообразовательные системы или ряды общего словарного состава языка базируются, как на своих опорных и вместе с тем отправных пунктах, на словах, принадлежащих к основному словарному фонду. В этих рядах или системах слов устойчивым является не только то слово, корневое или производное, которое, принадлежа к основному словарному фонду, как бы скрепляет внутреннее единство того или иного из этих рядов, но и некоторые производные слова и, что особенно важно, некоторые типические модели словообразования, исторически устойчивые способы образования слов. Основной словарный фонд, давая языку базу для образования слов, вместе с тем определяет в структурном отношении пути словотворчества, направляет и упорядочивает общественную практику образования новых слов соответственно закономерно развивающимся и исторически меняющимся типам и категориям словопроизводства.

Организирующая и структурно-формирующая роль основного словарного фонда раскроется еще глубже и шире, если принять во внимание, что основной словарный фонд неразрывно связан со всеми центральными грамматическими категориями языка, и прежде всего — с системой частей речи, присущей тому или иному конкретному языку.

II. Итак, исходя от основного словарного фонда, не выходят далеко за пределы его отношений к общему словарному составу языка еще два вида грамматических, семантических и словообразовательных связей, ис-

торически изменяющихся, но неизменно поддерживающих и скрепляющих внутреннее строевое единство лексической системы того или иного конкретного языка: это — 1) группировка слов по частям речи с относящимися к ним грамматическими и словообразовательными категориями и 2) группировка слов по лексическим словопроизводственным «гнездам» или сериям.

Части речи обычно относятся к категориям лексико-грамматическим. С ними связаны в русском языке не только различия в системах формообразования внутри разных разрядов слов, но и различия в формах и категориях словообразования. А. А. Драгунов, следуя за акад. Л. В. Щербой, пишет о частях речи: «Эти разряды, или категории, могут быть общие, подчиняющие себе другие, и частные (различной степени подчиненности). Общие лексико-грамматические категории представляют собой части речи; для частных же лексико-грамматических категорий (т. е. для внутреннего подразделения частей речи) в языковедной литературе нет установившегося термина, поскольку и сами-то эти категории в языковедной литературе исследованы далеко не достаточно.

... Лексико-грамматические категории как общие, так и частные, представляют собой категории исторические. Поэтому нельзя думать, что они в разных языках или на протяжении истории одного языка, или даже в различных диалектах одного языка должны и количественно и качественно быть непременно одни и те же.

... Задача исследователя и заключается в том, чтобы, не навязывая данному языку чуждых ему категорий, выяснить, какие же именно общие и частные лексико-грамматические категории в нем различаются и какую систему они образуют»²⁷.

Вопрос о тех структурных связях, взаимодействиях и отношениях, которые вносятся в строй словарного состава системой частей речи в ее историческом развитии, со всем многообразием исторически изменяющихся и развивающихся категорий, свойственных каждой из частей речи, с очень сложными исторически подвижными формами взаимодействия между разными частями речи — вопрос сложный, трудный, требующий отдельного глубокого, самостоятельного рассмотрения. В данной статье для характеристики многочисленных и разнообразных частных группировок внутри отдельных частей речи ограничусь одним примером.

В современном русском языке из очень продуктивной категории существительных с суффиксом отвлеченности *-ость*, производных от имен прилагательных, резко выделяется несколько (меньше десяти) слов, обозначающих характеристику лица по его духовным свойствам или по его общественной квалификации, по способностям: *знаменитость*, *известность*, *посредственность*, *бездарность* (но ср. *даровитость*), *невинность*, *ничтожность* (чаще — *ничтожество*), *наивность* и несколько устарелое *полезность*. Эта небольшая кучка слов составляет своеобразную замкнутую, обособленную группу среди других семантических разрядов слов, относящихся к отвлеченным существительным женского рода с суффиксом *-ость*.

Ср.: «Съехались все провинциальные известности». «Эта невинность до сих пор не догадывалась о его корыстных намерениях».

В романе Тургенева «Дым» Карл Брюллов назван (в речи одного из действующих лиц) «пухлой ничтожностью».

²⁷ А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, стр. 9—10.

Ср. у Н. А. Некрасова в стихотворении «Княгиня»:

Чуть-чуть не говоря: «Ты сущая ничтожность!
Стихов моих печатный судия
Советует большую осторожность
В употребленьи буквы «я».

У Тургенева в очерке «Пегас» (1871): «Мать Пегаса была в свое время знаменитость».

В статье Тургенева «Гоголь»: «Он говорил... языком образным, оригинальным — и сколько я мог заметить, нимало не подготовленным заранее, как это сплошь да рядом бывает у „знаменитостей“».

В журнале «Галатея» (1828, ч. I): «Досужая посредственность без помехи занимается литературными фокус-покусами и каррикатурством современного просвещения».

Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»:

И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна.

Ср. в письме В. П. Боткина к И. И. Панаеву (от 19 августа 1856 г.) о Н. И. Надеждине: «Это один из сносных рассказчиков — и более ничего, — не глуп, — да и не умен — середка на половине — или попросту — не бесполезная посредственность»²⁸.

У П. Д. Боборыкина в «Распаде»: «Я все могу читать, все понимаю и не намерена прикидываться наивностью, это прежде были кисейные барышни».

Любопытно, что большая часть этих слов имеет соответствующие параллельные выражения во французском языке: *знаменитость* — *celebrité*; *посредственность* — *mediocrité* (ср. латинск. *augea mediocritas* — «золотая посредственность»); *невинность* — *innocence*, *ничтожность* — *nullité*; *наивность* — *naïveté*; *полезность* — *utilité*.

В других разрядах отвлеченно-качественных существительных на *-ость* переход от значения отвлеченности к значению лица почти не свойствен современному русскому языку.

Правда, можно указать переходы от значения отвлеченного качества к качественной характеристике лица в разнообразных словообразовательных категориях, но в отдельных, разрозненных случаях, например: разговорно-фамильярное *старина*, презрительное *кислятина*, бранное *дрянь* (ср. «человек — дрянцо» у Гоголя), устарелое *служба* и др. под.

Есть некоторые исторические основания утверждать, что отдельные обозначения лиц посредством слов с суффиксом *-ость* складывались не без участия французского языка. Например, слово *полезность* в применении к лицу, бывшее в употреблении в интеллигентской речи XIX в. до 60—70-х годов, является прямым переводом (*calque*) французского *utilité*. Например, в письме И. И. Панаева к В. П. Боткину (от 26 апреля 1856 г.): «Я себя считаю литературной полезностью (*utilité*) вот и все»²⁹.

Ср. у М. Н. Загоскина в очерках «Москва и москвичи» (в речи актрисы): «Эта мерзкая интриганка, которой бы следовало занимать в нашей труппе место утилите или даже аксессуара, лезет в первые амплуа и хочет играть все роли г-жи Алэн!»³⁰

²⁸ И. С. Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, стр. 377.

²⁹ Там же, стр. 374.

³⁰ М. Н. Загоскин. Полн. собр. соч. Пг., [1915], стр. 98.

По-видимому, *утилите*, с переводом его словом *полезность*, проникло в разговорно-интеллигентскую речь из актерского жаргона.

Можно предполагать, что в самом начале XIX в. укоренилось в русском литературном языке значение лица в словах: *посредственность* (ср. употребление этого слова в языке Пушкина)³¹ и *знаменитость*.

Все слова этого рода получили значение лица или возникли для оценки лица не раньше начала XIX в. Даже в академическом словаре 1847 г. слово *посредственность* еще определяется как «качество посредственного».

Ср. у П. А. Каратыгина в «Записках»: «Я не больше как золотая посредственность (*aurea mediocritas*)»³².

Здесь употребление слова *посредственность* как характеристического определения лица непосредственно связывается с переводом латинского выражения.

Ср. в письме И. А. Гончарова к М. М. Стасюлевичу (от 6 июня 1886 г.): «За меня вступился и полицмейстер и все *notabilités*»³³.

К 20—30-м годам XIX в. эта лексико-семантическая группа в русском литературном языке уже более или менее определилась (в составе: *посредственность*, *знаменитость*, *известность*) и стала влиятельной. Именно к этому времени относится возникновение слова *бездарность* для обозначения неспособного, лишенного талантов, дарований человека.

П. А. Вяземский считал новое употребление слова *бездарность* нелитературным, площадным.

«*Бездарность*, *талантливый* — новые площадные выражения в нашем литературном языке. Дмитриев правду говорил, что «наши новые писатели учатся языку у лабазников»³⁴.

Однако к 40-м годам XIX в. и слово *бездарность* входит в норму общелитературной лексики.

У И. И. Панаева в очерке «Литературный заяц» (1844): «Можно бы написать большую книгу об авторском самолюбии вообще и о сочинительском самолюбии в особенности. Первому бывают подвержены люди с талантом; второму — посредственность и бездарность»³⁵.

По этой иллюстрации можно убедиться в сложном сплетении признаков грамматических, словообразовательных и семантических, которые образуют тесное единство отдельных групп слов внутри той или иной части речи, внутри той или иной частной категории, относящейся к определенной части речи. Несомненно, что самый состав слов, относящихся к таким «частям речи», как предлоги, союзы, междометия, обнаруживает черты глубоких внутренних связей, соотношений и взаимодействий. Характерно, например, что новые предлоги аналитического типа в русском языке XIX—XX вв. образуются на основе сочетаний падежных форм отвлеченных слов с предлогами аналогичного значения: *по линии*, *в целях*, *с целью*, *в отношении*, *в направлении*, *по отношению к*, *вследствие*, *на счет*, *в течение*, *в продолжение* (ср. *в продолжении*), *в области*, *при посредстве* (ср. *посредством*) и т. д. Но характерно, что даже те исследо-

³¹ Проф. И. Мандельштам в статье, посвященной изложению и разбору книги акад. А. Н. Веселовского о Жуковском, замечает: «Умеренность, то, что в карамзинскую пору звалось «посредственностью», была для Жуковского идеалом счастья в пору его юношеского дневника» (1804—1805). — ЖМНП, 1905, февраль, стр. 405.

³² П. А. Каратыгин. Записки, т. I. Л., 1929, стр. 220.

³³ М. М. Стасюлевич и его современники, т. IV. СПб., 1912, стр. 169.

³⁴ П. А. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929, стр. 264.

³⁵ И. И. Панаев. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1888, стр. 467.

ватели, которые признают огромное значение системы частей речи с присущими ей категориями для понимания исторических связей и соотношений отдельных лексических групп и категорий внутри словарного состава языка, до сих пор еще не сделали почти ничего в этой области. <...> Словарный состав как «строительный материал для языка» внутренне дифференцирован, распределен по лексико-грамматическим категориям и структурно-семантическим типам слов.

III. Линии взаимодействия, связи и соотношения разных словообразовательных типов слов и разных лексико-семантических категорий отчетливо проступают в так называемых лексических «гнездах», в их строении, в их сцеплениях, в закономерностях их исторических изменений. Само собой разумеется, что структурное значение основного словарного фонда и восходящих к нему словообразовательных цепей очень велико и в этой области структурно-лексических связей. Но типы лексических гнезд, принципы и правила их образования далеко выходят за пределы непосредственного взаимодействия основного словарного фонда и словарного состава языка. При изучении группировки слов по «гнездам» приходится учитывать своеобразия в строении и соотношении непрямых и производных основ, свойственные разным сериям или рядам слов, а также разные закономерности связи основ слов с теми или иными аффиксальными элементами. Вместе с тем в разграничении, сочетании и дроблении лексических гнезд ярко обнаруживаются и те социально-исторически обусловленные процессы, которые приводят к обособлению тех или иных слов от лексического гнезда или, напротив, к объединению, сцеплению некогда далеких лексических цепей, а также общие тенденции семантического развития языка — в его историческом движении — в связи с развитием общества. Обратимся к иллюстрациям.

В современном русском языке есть небольшое гнездо слов, связанных с глаголом *сочинить* — *сочинять*. Это, кроме *сочинить*, — *сочинение*, *сочинитель*, *сочинительница*, *сочинительство*, *сочинительский*. От этой группы следует обособить омонимы, употребительные в грамматической терминологии и отражающие архаическую семантику соответствующих слов: *сочинение* (в отличие от *подчинения*), *сочиняться* и *сочинительный* (например, *сочинительный союз*). Если вникнуть в значения слов *сочинить*, *сочинение*, *сочинитель*, *сочинительство*, то окажется, что это гнездо слов в современном языке уже лишено внутреннего семантического единства. Слово *сочинить*, хотя и носит некоторый отпечаток разговорности, свободно выражает два значения: «создать», «написать» (сочинить стихотворение) и «выдумать» (что-нибудь, не соответствующее действительности). В слове *сочинитель* значение «писатель» явно устарело, зато живо разговорное «выдумщик» и даже «лгун» (ср. значения слов *сочинительство*, *сочинительский*). И только слово *сочинение* сохраняет свой книжно-официальный характер. («Собрание сочинений Куприна»; ср. «классное сочинение»). Впрочем, ср. также в значении действия по глаголу *сочинить*: «сочинение небылиц», «сочинение неправдоподобных анекдотов» и т. п.). Вообще говоря, в изменениях значений и экспрессивно-стилистических оттенков этих слов продолжается дальнейшее развитие тех отношений между ними, которые начали устанавливаться в Пушкинскую эпоху в 20—30-х годах XIX в.

Слово *сочинитель* в русском литературном языке XVIII в. было тесно ассоциировано с именем существительным *сочинение* (ср. «Сочинения М. В. Ломоносова» и т. п.) и выражало не только положительную, но и

официально-торжественную оценку литературной деятельности писателя. Д. И. Фонвизин в своей статье о синонимах так определял значение слова *сочинитель*. «*Сочинитель*, кто пишет стихами и прозою. ... *Сочинитель* знаменитый»³⁶. Выше по экспрессии было лишь слово *творец*: «*Творец*, кто написал знаменитое сочинение стихами или прозою»³⁷. В отличие от сочинителя, писателем назывался лишь тот, кто сочиняет прозой.

В 20—40-х годах XIX в. в связи с новым пониманием общественных задач и идейного содержания литературной деятельности, распространившимся в прогрессивных кругах, резко изменяется смысл и эмоциональная окраска слова *сочинитель*. Слово *сочинитель* становится презрительной характеристикой безыдейного, беспринципного, а иногда и продажного писака. Это новое экспрессивное содержание слова *сочинитель* отражается, например, у Ф. М. Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные», действие которого относится к 40-м годам (в разговоре старика-помещика Ихменева с дочерью и автором): «Ну, хоть и не генерал (далеко до генерала!), а все-таки известное лицо, сочинитель.

— Нынче, папаша, говорят: писатель.

— А не сочинитель? Не знал я. Ну, положим, хоть и писатель, а я вот что хотел сказать: камергером, конечно, не сделают за то, что роман сочинил»³⁸.

В этой связи любопытно суждение П. А. Плетнева о слове *сочинение*: «У меня, в литературном суде, нет слова унизительнее, как слово: *сочинение*. Оно выражает, что талант ни малейшего не показал содействия в работе автора; талант есть известная степень художественной воспроизводительности, а сочинение есть почти механическая работа, составление неорганических частей, без теплоты, не только без жизни»³⁹.

Конечно, история лексического «гнезда» *сочинить* станет еще более сложной, если обратиться к истории словарного состава русского литературного языка до XVIII в. Но даже и в узких исторических границах двух последних столетий пестрота стилистических отношений внутри этого гнезда указывает на сложность и историческую изменчивость смысловых взаимодействий соответствующих слов с их синонимическими, параллельными лексическими сериями: *писать*, *писатель*, *писание* (произведение); *творить*, *творец*, *творение*, сюда же с 10—20-х годов XIX в. *творчество*; *создавать*, *создатель*, *создание*; в параллель к слову *сочинитель* еще *поэт*, с конца XVIII в. *живописец*, *живописатель*, *живописать*, *художник*; *литератор*; с 40-х годов XIX в. *беллетрист* и др. под. Все эти семантико-стилистические изменения отражают сложный процесс культурно-общественного осознания значения и сущности литературной деятельности, роли писателя в истории культуры.

Вообще изучение истории формирования, развития и расслоения лексических гнезд как восходящих к основному словарному фонду, так и складывающихся за его пределами, но чаще всего на базе его словообразовательных типов, раскрывает не только разнообразие отражений истории народа в изменениях словарного состава языка, но и внутренние за-

³⁶ Собеседник любителей Российского слова. Опыт российского сословника, ч. X. СПб., 1783, стр. 137.

³⁷ Ср.: «Между *сочинителями* нынешнего века славен Ломоносов, *творец* лучших од на Российском языке» — Там же.

³⁸ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. IV, 1894, стр. 31.

³⁹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, стр. 433.

кономерности связей, расхождений и сцеплений разных лексических рядов в развитии словарного состава языка. Например, если взять лексическое гнездо, связанное с словом *краса*, *красота*, то тут уже легко увидеть смысловые «трещины», создающие омонимический раздел. Так, с одной стороны, группируются в лексическое «гнездо» слова: *краса*, *красить* (*горе не красит человека* — с народно-поэтическим колоритом), *украсить*, *украшение*, *окрасить*, *прикрасить*, *разукрасить*, *краше* (с народно-поэтической экспрессией), *красивый*, *красавец*, *красоваться* и др.; ср. *красная девица* — в народной поэзии; ср. *прекрасный*; с другой стороны, отдельно развивается цепь слов: *краска*, *красить*, *выкрасить*, *покрасить*, *раскрасить*, *закрасить*, *накрасить*, *красильня*, *красильщик*, *красильный*, *крашенина* и др. под.; наконец, самостоятельный ряд слов образуется прилагательным *красный*: *краснеть*, *покраснеть*, *раскраснеться*, *краснуха* и т. д.

IV. Уже при изучении группировки слов по лексическим гнездам видно, что семантические связи и соотношения, обусловленные разнообразными факторами, нередко, даже независимо от совпадения или близости основ, от тождества суффиксальных элементов, играют огромную, определяющую роль в распределении слов по лексическим группам, рядам или системам.

Поэтому необходимо подвергнуть отдельному рассмотрению вопрос об идеографических (или предметно-смысловых, определяемых общностью, близостью или взаимодействием значений) и экспрессивно-синонимических связях слов.

Нередко с «идеографическими» (или, как сбивчиво и двусмысленно выражаются иные, «идеологическими») связями слов смешивают номинативное отношение слов к тем иным материально связанным уголкам или сферам реального мира (например, названия птиц, названия кушаний, названия жилищ и их частей, обозначения разных средств передвижения и т. п.). Само собой разумеется, что материальные связи между вещами и явлениями реального мира, которые обозначаются словами, не могут не найти отражения в связях и взаимодействиях их названий и даже в характере их семантических изменений. Однако этот важный круг вопросов целесообразно рассмотреть в отдельном исследовании, связав эти проблемы с критическим анализом того течения в досоветской исторической лексикологии, которое известно под лозунгом «слова и вещи» («Wörter und Sachen»).

Вопрос о предметно-смысловых связях слов в лексической системе языка и закономерностях их исторических изменений — один из самых трудных и вместе с тем основных вопросов исторической лексикологии. Он тесно связан с общетеоретической проблемой слова, понятия и значения, с конкретно-историческими вопросами о разных принципах связи, взаимодействия и соотношения значений слов в лексической системе языка в разные периоды ее истории. И здесь пока приходится ограничиться лишь некоторыми соображениями и иллюстрациями.

Самое главное — установить внутренние закономерности предметно-смысловых связей, определяющих единство и границы того или иного семантического ряда или семантической группы слов, а также ее отношение к другим семантическим группам словаря. Опора на соответствия и совпадения в словообразовательной структуре слов в этом случае помогает далеко не всегда. Достаточно сослаться на словообразовательный параллелизм таких слов, уже разошедшихся по своим значениям и фразеологическим связям и далеких по стилистическим оттенкам, как *опро-*

кинуть и опровергнуть (ср. *опрометью* и *опрометчивый*); *пройдоха* (областн. *пройда*), *проходимец* и *проныра, пролаза*; *унять* и *убрать* и др. под.

Еще более разительные черты сближения, даже синонимического соответствия, иногда совпадения, но — вместе с тем — и семантической дифференциации, представляет история значений такой словообразовательно-однотипной группы слов, как *пронять, пробрать, прохватить, продернуть*.

Связь слов в пределах семантической группы может быть и очень тесной, так что некоторые слова становятся взаимозависимыми, синонимическими, и более свободной, хотя и соотносительной.

В некоторых семантических группах отдельные, наиболее семантически весомые слова выступают в качестве семантических центров, вокруг которых группируются целые ряды слов и понятий. Притяжение к ним новых серий слов сопровождается изменениями в строе их старых значений. Такие центральные слова, являющиеся как бы солнцами отдельных семантических систем, иногда выражают основные, «боевые» понятия той или иной эпохи. Например, проникновение в русский язык слова *прогресс*, происшедшее в 40-е годы⁴⁰, привело к созданию и осознанию новых, связанных с понятием прогресса идей, к переосмыслению большой группы относящихся сюда слов. Слово *прогресс* до начала 50-х годов еще не имело достаточно широкого распространения. Акад. И. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (1851—1852) указывает на слова: *факт, прогресс, индивидуальный, гуманный* как на заимствования недавнего времени, еще не вполне и не повсюду освоенные интеллигентской речью. Но в 50-х годах слово *прогресс* становится настолько злободневным и выразительным, что в конце 50-х годов, по царскому распоряжению, запрещено было употреблять его в официальных бумагах⁴¹. В «Дневнике» А. В. Никитенко, бывшего цензором, есть запись под 31 мая 1858 г.: «Запрещено употреблять в печати слово *прогресс*».

Ср. у И. И. Панаева в очерке «Литературная тля» (1843): «Да проникнутся сердца наши верованием в великий и мудрый закон прогресса. Золотой век, который слепое предание отыскивало в прошедшем — впереди нас»⁴².

Но в 60-х годах слово *прогресс* и производное от него прилагательное *прогрессивный* глубоко укореняются в русском литературном языке.

Например, у Некрасова в стихотворении «Современники. Герои времени»:

Подождите. Прогресс надвигается,
И движению не видно конца...

В стихотворении «Газетная»:

Не без гордости русская пресса
Именуется иногда
Путеводной звездой прогресса.

Распространяются слова со значением, противоположным прогрессу и прогрессивности, слова *ретроград, ретроградный* (*retro gradus*, «движение назад»), *регресс*.

⁴⁰ См. моя «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.». Изд. 2. М., 1938, стр. 389.

⁴¹ М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, стр. 323.

⁴² И. И. Панаев. Полн. собр. соч., т. II, СПб., 1888, стр. 423.

Например, у Л. Н. Толстого в «Анне Карениной»:

«Ты скажешь опять, что я ретроград; но все-таки мне досадно и обидно видеть это... обеднение дворянства».

У А. М. Жемчужникова в произведении «Комедия ретроградных публицистов и толпа»:

Назад! Долой с пути успеха,
С пути гражданственных начал!
В них благоденствию помеха,
В них гибнет русский идеал.

В круг значений, связанных с идеями прогресса, попадают и исконно русские слова *отсталый* и *передовой*. Их значение изменяется, приобретая яркую социальную окраску. Слово *передовой* до середины XIX в. выражало лишь свое прямое относительное значение: находящийся впереди. Оно применялось главным образом для определения пространственных соотношений частей войска, деревенских обозов и т. п. (ср. *передний* — в противоположность *заднему*). В «Словаре Академии Российской» слово *передовой* объясняется так: «1) находящийся наперед. *Передовое* войско. *Передовой* отряд. 2) Во образе существительного берется за идущего или едущего верхом перед кем. *Передовой полк*. старин. То же, что ныне авангард»⁴³. В профессиональных диалектах бытовало производное от *передовой* — имя существительное *передовщик*: «1) У соболиных промышленников: старший ловец или лайщик. 2) Носовой или главный из работников на водоходных судах»⁴⁴. Те же слова и те же значения воспроизводятся и в академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. Прибавляется лишь слово *передовка*: в горном деле — передняя стена плавильной печи (ср. термин «передовое гнездо. *горн*. Углубление в шестке плавильной печи, для выпуска продукта)⁴⁵.

В 40-х годах слово *передовой*, вовлекаясь в круг образов, сосредоточенных около идеи прогресса, расширяет свои значения. На основе значения: «идущий или едущий впереди; расположенный впереди, в авангарде» — складывается новое социальное значение: «прогрессивный, наиболее развитый, инициативный,двигающийся впереди других по пути прогресса» (сначала о человеке). Ср. у В. П. Боткина в письме к И. С. Тургеневу (от 10 ноября 1856 г.): «Ты писатель для людей чувства образованного и развитого; писатель для передовой, самой избранной части общества»⁴⁶.

У Г. Данилевского в романе «Девятый вал»:

«Вот они, передовые-то! вот вожди народа! со скрежетом зубов в бешенстве восклицал Фокин, — и это теперь-то, теперь во дни реформ... Что же было прежде»⁴⁷.

У К. Полевого в «Записках о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого (1855—1865)»: «Я воротился домой почти с убеждением, что Пушкин за что-то неприязнен к «Московскому телеграфу», или, лучше сказать, к редакторам его. Но за что же? Не сам ли он признавал

⁴³ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. IV. СПб. (1806—1822), 1822, стр. 891.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, т. III, 1867, стр. 373.

⁴⁶ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., 1930, стр. 102.

⁴⁷ М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, т. II. СПб., 1912, стр. 23.

«Московский телеграф» лучшим из русских журналов; и, действительно, не был ли это, как говорят теперь, передовой журнал, оказывавший обществу некоторые услуги»⁴⁸.

«В свое время, для своих современников, он был истинным и, как говорят ныне, передовым журналом»⁴⁹.

Затем в 70—80-е годы круг фразовых связей у слова *передовой* в новом значении — «стоящий по уровню развития, по своей прогрессивности, общественной стоимости выше других» — расширяется. Например, *передовая наука, передовая общественность* и т. п.

По-видимому, в 50—60-х годах возникает и термин *передовая статья* для обозначения руководящей редакционной статьи по важному вопросу текущего момента, помещаемой впереди остального материала в газете или журнале. В разговорном языке журналистов образуется параллельный термин — *передовица*. В «Афоризмах мизантропа» («Искра», 1864): «Самое обманчивое название — *передовая статья*, ибо большую часть эти статьи оказываются отсталыми»⁵⁰.

В том же направлении, что *передовой*, изменялись и значения слова *отсталый*. В современном русском языке *отсталый* является антонимом слова *передовой* в его социально-общественном значении⁵¹. Это значение складывается в слове *отсталый* также в 40—50-х годах XIX в. В. И. Даль в свой «Толковый словарь» это новое значение не поместил. Для него *отсталый* или *отсталой* — «отставший» во всех значениях. «На усиленном переходе за войском идут повозки, для подборки отсталых и слабых»⁵². Впрочем, в глаголе *отстать* значение: «не успевая, остаться позади других в ученье, в уменье, в развитии» — определилось еще в литературном языке XVII—XVIII вв.⁵³ Однако употребление *отсталый* как синонима слова *ретроградный*, как антитеза слов *передовой*, *прогрессивный*, вошло в литературное сознание лишь с 40—50-х годов XIX в. у Тургенева в «Дворянском гнезде» (1854): «Паншин... назвал Лаврецкого отсталым консерватором... Лаврецкий не рассердился, не возвысил голоса (он вспомнил, что Михалевич тоже называл его отсталым — только вольтерьянцем) и спокойно разбил Паншина на всех пунктах».

У Писемского в романе «В водоворот»: «Не стало ни одного журнала, ни одной газеты, где бы не называли его то человеком отсталым, то чересчур либеральным, дерзким, бездарным».

Ср. у Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: «Умы беспристрастные, не увлекающиеся и не доверчивые, не должны пугаться насмешек, разных кличек и обвинений в отсталости, нерациональности и бессмыслии»⁵⁴.

«Куда бы я ни являлся, везде я находил случай осмеять московские предрассудки, прогуляться на счет московской отсталости и косности»⁵⁵.

⁴⁸ Н. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. [Л., 1934], стр. 228.

⁴⁹ Там же, стр. 315.

⁵⁰ «Сатира 60-х годов». М.—Л., 1932, стр. 147; ср. также примеры из сочинений Н. С. Лескова и К. М. Станюковича в кн.: М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, стр. 616.

⁵¹ Толковый словарь русского языка, т. II. Под ред. Д. Н. Ушакова. Изд. 2. М. (1947—1948), стр. 989.

⁵² Там же, стр. 783.

⁵³ Ср. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку..., ч. IV, стр. 663.

⁵⁴ Н. И. Пирогов. Соч., т. II. Киев, 1910, стр. 43.

⁵⁵ Там же, стр. 465.

Появление нового слова всегда отражается на значениях других слов, близких к неологизму по своему семантическому содержанию или принадлежащих к тому же лексическому ряду, что и новорожденное слово. На это обстоятельство уже обращали внимание многие лексикологи⁵⁶. Так, слово *négociant* — «негоциант», заимствованное русским языком во второй половине XVIII в., появилось во французском языке в конце XVI в. При своем возникновении оно сразу воздействует на употребления слова *négociateur*, которое теперь (т. е. с конца XVI в.) специализируется в значении «посредник» и перестает обозначать негоцианта. Вместе с тем под влиянием различий *négociant* и *négociateur* устанавливается более четкая дифференциация между значениями *négocier* и *négociation*, и устраняется смешение этих слов, наблюдавшееся до конца XVI в.

Другой пример. В конце XIV в. появился во французском языке ученый термин *naviguer* (*navigare* — «плавать на судне»). До этого времени в том же значении употреблялось слово *nager* (заменившее, в свою очередь, *puer* из *natare*). Появление глагола *naviguer* уточняет семантику *nager*, которое получает значение «плавать» (о теле). Это переопределение значений влечет к полному отмиранию глагола *puer* (*notare* из *natare* — «плавать»), который раньше выражал то же значение «плавать» (о теле). Отпадению, утрате слова *puer*, кроме излишества синонимии, содействует также неудобство создавшейся омонимии: *puer* — «плавать» сталкивалось с *puer* «связывать» (из *podare*) (стр. 140)⁵⁷.

Соответствующие семантические процессы легко найти и в истории русской лексики. При этом замечается глубокое и тесное взаимодействие между семантически связанными и соотносительными гнездами и группами книжно-славянских и народно-русских, разговорных слов. Можно сослаться на историю значений, соотношений и взаимодействий глаголов *сообразить* — *соображение* (в древнерусском языке синоним — *сообразовать*, позднее обособившийся) и *сметить* — *сметать* — *сметка* (ср. *сметливость*).

Глагол *сообразить* — *соображать* в современном русском языке выражает одно значение: «понять, постигнуть умом, догадаться о смысле чего-нибудь». Например, «сообразить, в чем дело»; «сообразить, где ключ к разгадке тайны»; «все обдумать и сообразить» и т. п.

Но в литературном языке XIX в. слово *сообразить* выражало и другое более старое значение, соответствующее морфологической структуре этого глагола: «сопоставить в уме (сравнив несколько фактов, обстоятельств, данных), оценить, взвесить». Например, у Пушкина в «Борисе Годунове»:

Хочу сообразить известия,
Иначе не узнаем мы истины.

Л. А. Булаховский указал, что значение «сличить, сопоставить» типично для глагола *сообразить* в русском литературном языке первой половины XIX в.⁵⁸

Но наряду с этим значением «сличить, сопоставить» — глагол *сообразить* в русском литературном языке начала XIX в., и особенно в пред-

⁵⁶ Ср.: E. Huguet. L'évolution du sens des mots. Depuis le XVI siècle.

⁵⁷ См.: Dictionnaire étymologique de la langue française par Osc. Bloch., t. II. Paris, 1932, p. 85, 87, 96; ср. также: A. Darmsteter. La vie des mots (глава «Comment les mots vivent entre eux»).

⁵⁸ Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в., т. I. Киев, 1941, стр. 23.

шествующую эпоху, имел значение, которое затем сосредоточилось в глаголе *сообразовать*.

С середины XIX в. входит в литературный оборот новый книжный глагол — *сопоставить*. Этот глагол не был зарегистрирован ни одним словарем русского литературного языка до второй половины XIX в. Так, его нет в академическом словаре 1847 г. Этот глагол выражал значение: «сравнивая, сличая, рассмотреть, обсудить с какой-нибудь общей точки зрения». Появление этого слова уточнило и сузило значение глагола *сообразить*. В глаголе *сообразить* отмирает старое значение — «сличить, сопоставить», а выступает на первый план переносное, более абстрактное значение — «понять, постигнуть умом». Я. К. Грот в разборе «Толкового словаря» Даля указывал на то, что слово *сопоставление* появилось в русском языке после Карамзинского периода. Ср. также эволюцию значений глаголов: *понять* (*comprendre, comprendre, begreifen*), *постигнуть*, *уловить*, *схватить* (в переносном, отвлеченном смысле).

V. С связями предметно-смысловыми находятся в теснейшем соприкосновении и взаимодействии связи синонимические. Иногда понятие синонимии расширяется до такой степени, что оно охватывает и многие виды предметно-смысловых связей между словами, относящимися к близким семантическим сферам. В сущности именно это неразличение специфических качеств или свойств синонимических и более широких предметно-смысловых связей и соотношений является причиной того, что в словарях синонимов, например русского языка, до сих пор в одну синонимическую серию объединяются слова очень разного семантического содержания. Например, в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (II, 1915) можно найти также коллекции слов в пределах одной синонимической группы:

а) *План, образ действий, порядок, расписание, распределение, роспись, смета, проект, схема, тактика, маршрут, церемониал, чин. Канва для сочинения. Ср. Намерение. Ожидание. Козни* (стр. 108).

б) *Речь, слово, предложение, фраза, спич, тост, здравица, аллокуция, диатриба, рацея, тирада, филиппика, изложение, слог, стиль, перо* (стр. 137).

в) *Ящик, ларец, ларь, шкатулка, сундук, баул, чемодан; рундук, ковчег, комод, буфет, шкаф (шкап); жестянка, коробка* (стр. 176).

Антиисторизм этих объединений слов и их противоречие действительным связям словесных групп и рядов в словарном составе русского языка очевидны.

Понятие синонимов до сих пор еще не может считаться вполне определенным. Различают синонимию идеографическую (или идеологическую) и синонимию стилистическую. Синонимия идеографическая, к которой относятся синонимы с интеллектуальными или логически-предметными, «понятийными» оттенками смысловых различий (типа: *сиять, блестеть — блистать, сверкать; труд — работа; приключение, случай, инцидент* и т. д.; *событие, происшествие, факт* и т. д.), легко может быть включена в общую сферу предметно-смысловых связей и отношений. Но при изучении синонимии как явления языка выступают с особенной силой эмоционально-экспрессивные и стилистические своеобразия речи, присущие языку в тот или иной период его развития.

Вопрос о связи и взаимодействии различий слов по эмоциональной окраске, по экспрессивному качеству с различиями, обусловленными принадлежностью их к тем или иным речевым стилям и жанрам, не изучен

широко и всесторонне как будто ни по отношению ни к одному конкретному языку. Вообще же говоря, можно сомневаться в правомерности распространения термина «стиль речи» на разновидности экспрессивной окраски слов (ср. оттенки экспрессивных качеств слов: *торжественный, шуточный, иронический* и т. д.). При разграничении синонимов экспрессивные краски как бы наслаиваются на стилистические отличия слов, связанные с принадлежностью их к тому или иному жанру или стилю речи, к той или иной функционально-стилистической разновидности языка. Например, *проворный, шустрый, прыткий; множество, очень много, масса, тьма, бездна, гибель, уйма* и т. п.

Процессы образования синонимических групп так же исторически разнообразны, как и закономерности их изменений. Все это требует особого, тщательного исследования. В общей статье достаточно — для характеристики семантических процессов, относящихся к синонимии, — привести один пример из истории формирования экспрессивно-синонимического ряда: *обаятельный, обворожительный, очаровательный*. Тут любопытны закономерные семантические изменения, шедшие параллельно в узкой серии нескольких групп слов.

В ряду синонимов, связанных с первоначальным конкретным представлением о колдовстве, чарах, обаянии, раньше всего переносные значения определялись у глагола *очаровать*. Его древнейшее значение: «чарами околдовать, обворожить, обаять»⁵⁹. Это слово было свойственно старославянскому языку (ср. в Синайском Патерике XI в.: «*Бъ очарованъ корабль*») ⁶⁰. В русской литературной речи XVIII в. у этого глагола и сложившегося вокруг него гнезда слов развивается отвлеченное переносное значение: «пленить, обольстить». Так, уже в «Словаре Академии Российской» в слове *очаровательный* различаются два значения: «1) Чародейственный. Очаровательные нашептывания, 2) Прелестный. Очаровательные красоты»⁶¹. Уже к началу XIX в. прямые буквальные реальные значения слов *очаровать, очаровательный*, указывающие на магию, колдовство, утрачиваются.

Слово *обворожительный* возникает в русском литературном языке конца XVIII—начала XIX в. Оно представляет по своему морфологическому строю сращение народной разговорной основы и книжного суф. *-тельный*. «Словари Академии Российской» еще не знают этого слова.

Однако здесь уже отмечены отвлеченные переносные значения глагола *обвораживать — обворожить — прельстить — очаровать* и произведенных от него *обворожение* («очарование») и *обвороженный* («очарованный, обмороченный»).

Слово *обаятельный* еще не значится в словарях Академии Российской. Здесь, кроме славенских глаголов *обавати* («заклинать, заговаривать, волхвовать, колдовать, чаровать, чародействовать»), *обаявати* [«очаровывать» (сов. вид *обаяти*)], помещены слова: *обаяние, обаяник* (то же *обаятель*), *обаянный* («наколдованный, навороженный») и *обаятель* (о славенское: «очарователь, чародей, волхователь»). Примеры на употребление всех этих слов извлечены из церковных книг⁶².

⁵⁹ Словарь Академии Российской... ч. IV.

⁶⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, стр. 740.

⁶¹ Словарь Академии Российской... ч. IV, стр. 739—740.

⁶² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 495, 499—500.

В русских азбуковниках XVI—XVII вв. читаем: «Обояние, — чародеяние, еже кто бесовским злохитрством явству или питье наговаривая, человеком смерть творит»⁶³. Ср. у А. М. Горького в «Жизни Матвея Кожемякина». «Вот, примерно, обает тебя по ветру недруг твой, а ведун-то попрет тебе подмышки тирпич-травой, и сойдет с тебя обаяние-то».

Все эти слова: *обавати*, *обаяти*, *обаяние* и др. под. относились к высокому слогу и сохраняли до начала XVIII в. ясный отпечаток церковно-книжной идеологии, смешанной с суеверными представлениями. Это — старославянизмы, дожившие до XVIII в. и вошедшие в «высокий штиль» классической литературы. Ср. в стихотворении Державина «Фонарь»:

Не обавательный-ль волшебный
Магический сей миф фонарь?

Однако *обавати* еще Ломоносовым (в «Рассуждении о пользе книг церковных») было признано обветшалым словом.

По-видимому, новое эмоциональное значение у слова *обаятельный*, как синонима слова *очаровательный*, укореняется в общелитературном употреблении не раньше первых десятилетий XIX в. (ср. *обаяние*).

В истории слов *очаровательный*, *обворожительный*, *обаятельный* наблюдается не только параллелизм семантического развития, но и тесное взаимодействие нескольких синонимических рядов слов, семантические изменения которых идут в одном направлении, хотя и с очень своеобразными отклонениями: *чары*, *очаровать*, *ворожба*, *ворожить*, *обворожить*; *обаяние*, *обаять* и т. д. Тут взаимосвязь синонимических частей лексической системы особенно осязательна. Ср. *волхв*, *волхвовать*, но: *волшебный*, *волшебник*, *волшебство*; ср. *колдовать*, *колдовство*, *колдунья*, но: *околдовать* и т. п.

*

Таким образом, разные связи элементов в лексической структуре языка сплетаются и взаимно пересекаются. Во внутренних законах развития словарного состава обнаруживается структурное единство лексической системы языка в ее историческом движении — в неразрывной связи с историей народа, с развитием познавательной деятельности общества, с развитием грамматического строя языка. Это структурное единство лексической системы, создаваемое основным словарным фондом и грамматическим строем языка, не нарушается непрерывными изменениями отдельных слов в словарном составе, отражающими изменения в общественной жизни.

Задача настоящего очерка — лишь наметить некоторые из основных линий связи между разными частями словарного состава языка в его историческом развитии. Сразу же бросается в глаза, что здесь не затронуты такие важные вопросы, как, например, вопрос о закономерностях фразеологических связей слов, о взаимодействии разных фразеологических групп, о слове и фразеологической единице, о системах профессиональной лексики, о соотношении и взаимосвязи терминов в сфере отдельной науки, о роли омонимов в словарном составе языка и о разных типах омонимии в разных языках, об отражении в значениях слов культурно-исторических и социально-исторических изменений в соответствующих предметах, обозначениями которых служат эти слова, и мн. др.

⁶³ И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849, кн. 5, стр. 174.

I

Наша отечественная наука о языке во второй половине XIX в. в области исторической лексикологии шла впереди западноевропейского языкознания. Именно нашими отечественными учеными был выдвинут и материально обоснован принцип закономерности изменений значений слов и выражений.

Великий русский и украинский лингвист А. А. Потебня еще в самых ранних своих работах: «О некоторых символах в славянской народной поэзии», «О связи некоторых представлений в языке», «О купальских огнях и сродных с ними представлениях», «О доле и сродных с нею существах» высказал мысль о необходимости изучения законов и правил внутренних сцеплений и объединений значений у целых групп слов, о необходимости исследования семантических рядов слов в связи с развитием языка и мышления, в связи с историей народа. «Язык в настоящем своем виде, — писал А. А. Потебня, — есть столько же произведение разрушающей, сколько и воссоздающей силы. Соответственно замене обветшалых звуков и форм новыми, собственный смысл слова поддерживается в памяти народной сопоставлением этого слова с другим, имеющим сходное с ним основное значение»¹.

Изменение значений у слов определяется закономерными связями семантических групп в общей системе языка. В соответствии со своей субъективно-идеалистической терминологией, А. А. Потебня говорит о необходимости группировать образы народной поэзии «по единству основного представления, заключенного в их названиях»². Он выражает твердую уверенность, что с точки зрения языка можно привести символы народной поэзии в порядок, согласный с воззрениями народа, хотя бы эти воззрения и относились к более древней ступени народного мышления, т. е. отражали развитие познавательной деятельности народа в перспективе прошлого. Легко увидеть идеалистические основы и предпосылки этого замысла, опирающегося на принципы так называемой психологии народов, и отсутствие подлинного историзма в его осуществлении.

Но самая мысль о глубокой внутренней связи между разными семантическими рядами слов в языке, о необходимости изучать системы или цепи значений слов, относящихся к одной или нескольким смежным лексико-семантическим сферам или группирующихся вокруг одной семантической категории, одного семантического ядра, или одних и тех же «представлений», как выражался Потебня на языке субъективного идеа-

¹ А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Изд. 2. Харьков, 1914, стр. 1—2.

² Там же, стр. 6.

лизма, и связывать их с общественным бытом народа, с воззрениями народа, имела для той эпохи глубоко прогрессивный характер. Так, находя закономерные смысловые связи в «обилии слов, имеющих в основании представление огня и света», А. А. Потебня указывает: «... голод, жажда, желание, любовь, печаль, радость, гнев представлялись народу и изображались в языке огнем. Слова, первоначально применяемые к нескольким понятиям, например, и к желанию, и к печали, с течением времени становятся определеннее, начинают обозначать одно известное понятие»³. Это стремление А. А. Потебни открыть закономерные связи и взаимодействия значений слов не опиралось ни на строгую концепцию истории народной мысли, ни тем более на ясное понимание истории народа, его быта, его культуры, законов его общественного развития. Романтико-идеалистические основы взглядов А. А. Потебни общеизвестны. Но уже самая постановка семасиологических исследований слов, задуманная А. А. Потебней в широком плане, была глубоко знаменательна и показательна для истории развития нашей отечественной лексикологии и семасиологии.

В труде «Мысль и язык» А. А. Потебня подробно анализирует типы словесных обобщений, относящихся к обозначению идей скупости, скупца в русском языке, и связи значений разных слов, приспособленных к выражению соответствующего круга понятий. «В старину, — пишет А. А. Потебня, — распространено было верование, что нравственные свойства человека зависят от преобладания одной из стихий, из которых он создан. В приводимой Костомаровым (Очерк жизни великого русского народа. «Современник», 1860, X) выписке из одного рукописного сборника читаем: «... от земли тело: тот человек темен, неговорлив; от моря кровь в человеке, и тот прохладен; от огня — жар: тот человек сердит; от камня кость: тот человек скуп, немилостив» и пр. С нас довольно будет сказать несколько слов об одной стихии, камне. Указанная здесь связь представлений камня — кости и скупости вполне народна, потому что подтверждается языком, представляющим довольно примеров перехода значения от камня и кости к скупости»⁴. Ср. человек-кремень; человек-камень; закирпичить — поскупеть; маклак — маклачить; скала — скряга и т. п.

«Во всех приведенных словах между значением камня, кости или корня и скупости посредствует значение твердости» (ср. сербск. *тврд*, *тврдац* «скуп», «скупец»). Таким образом, и глагол *жать*, образующий названия скупости, предполагает значение «жать», «крепко выжимать дотверда» (ср. *жмот*, *кулак* и т. п.; ср. *жила* от значения «вязать крепко»).

«Скупость сознавалась в образе камня, кости, пня, предметов туго связанных, сжатого и вообще чего-то твердого. Такой взгляд на нравственное качество человека, а вместе и такая память внутренней формы возможны только до тех пор, пока мы обращаем внимание на одну сторону скупости, именно на отношения скупого к другим, на его неподатливость, пока не видим, что эта неподатливость может вовсе не быть скупостью. Чем успешнее идет то обобщение и углубление, к которому мысль направлена словом, и чем более содержание накапливается в слове, тем менее нужна первоначальная точка отправления мыслей (внутрен-

³ А. А. Потебня. О некоторых символах... стр. 7.

⁴ А. А. Потебня. Мысль и язык. Изд. 4. Одесса, 1922, стр. 168.

няя форма), так что если дойдем до понятия о скупости, как о преувеличенном и ненормальном стремлении предпочитать возможность наслаждения благами жизни действительному наслаждению, то необходимо наглядное значение таких слов, как *маклак*, *жила*, затеряется в толпе других признаков, более для нас важных и, на наш глаз, более согласных с действительностью... слово — не статуя, сделанная и потом подверженная действию воздуха, дождя и пр., оно живет только тогда, когда его произносят; его материал, звук, вполне проникнут мыслью, и все звуковые изменения, затемняющие для нас значение слова, исходят из мысли»⁵.

Изучение изменений «рядов представлений» в языке (т. е. лексических значений слов) в связи с развитием культуры и мышления, открытие «законов перехода представлений», по мнению Потебни, должно стать одной из главных задач историко-лексикологического исследования⁶. Потебня подчеркивает не только взаимодействие, взаимосвязь языка и мышления, но и сильное влияние языка на мысль: «Изменение значений одного и того же слова и образование от известного слова новых слов устанавливает прежде всего связь представлений, а потом — всего того, что мыслится под представлениями. В этом установлении связи обнаруживается влияние языка на мысль. Принятое в язык сочетание представлений становится исходной точкой для мысли всех говорящих этим языком»⁷. При этом А. А. Потебня замечает: «Известный способ сочетания представлений не есть общеобязательная форма человеческой мысли»⁸. Такой способ связи значений может быть свойствен лишь данному конкретному народному языку. Таким образом, хотя и в завуалированном и даже идеалистически затемненном виде, А. А. Потебня развивает мысль о народной специфике семантической структуры языка.

Правда, и тут у А. А. Потебни ярко выступают романтические предрассудки. Он рассматривает изменения в семантике языка в отрыве от закономерностей развития общественной мысли и односторонне преувеличивает влияние языка на мысль. А. А. Потебня не всегда различает мышление и мировоззрение и не связывает истории социальных мировоззрений с историей производства и материальной культуры. Идея о том, что реальный процесс общественной жизни и производственной деятельности обуславливает развитие словарного состава языка, что и язык, и сознание — только проявления действительной жизни, чужда Потебне. Изучая соотношение категорий языка и категорий мышления отрешенно от социально-исторической действительности, Потебня нередко придавал языку решающее значение в процессе формирования мысли и связей мыслей и приходил к пониманию национального языка как типа или стиля «национального мышления».

В ранних работах А. А. Потебни изучение закономерностей семантических связей слов в народно-поэтическом русском и украинском языках — с широкими сравнительными параллелями из других славянских языков — больше всего было направлено на познание «сгиба народного ума», на разгадку путей развития народного мышления. Интересна по-

⁵ Там же, стр. 169.

⁶ А. А. Потебня. О связи некоторых представлений в языке. Изд. 2. Харьков, 1914, стр. 127.

⁷ Там же, стр. 126.

⁸ Там же, стр. 127.

пытка А. А. Потебни дать семантический анализ серии русских слов, связанных с понятием доли, судьбы, «названий» доли: *часть, участь, счастье, несчастье, богат, убог*; украинск. *небог, доля, недоля, бездолье, пай, случай, притка, притча, время, безвременье*; областн. *безлетье* («беда», «неудача»), *рок, лихо, беда, нужда* и др. В процессе анализа этой группы семантически связанных слов Потебня еще больше расширяет объем исследуемых им лексико-семантических систем или групп слов. Он привлекает семантически сближающиеся и сталкивающиеся по связи с долей слова, обозначающие болезнь и смерть⁹.

В работе о «Слове о полку Игореве» А. А. Потебня также не останавливается на вопросе о связях значений слов в системах или рядах слов, охватывающих ту или иную смысловую сферу, особенно в восточнославянских языках. Так, говоря о связи понятия совместности, уместности с значением красоты (*лѣпо*), А. А. Потебня указывает, что «во многих словах замечается переход от сходства, уместности, своевременности к красоте». Например, *пристойный*, ср. польск. *przystojny* «красивый» (ср. *платье пристало ей*), *пригожий* (собственно «что при времени», «тот, что годится»), *подобный, удобный*, ср. белорусск. *припадобный* «прекрасный», украинск. *неподобный* «нехороший», чешск. *rodova* «образ, красота» и т. п.¹⁰

Необходимо отметить также мысли А. А. Потебни о взаимодействии между словом и предложением, а иногда даже целым поэтическим произведением. В записях лекций А. А. Потебни о басне, пословице, поговорке, опубликованных под заглавием «Из лекций по теории словесности» (1894), излагаются замечательные наблюдения А. А. Потебни над возникновением пословиц, поговорок, слов в результате «сжатия» народных повестей, басен, сказок. «Этот процесс можно назвать процессом сгущения мысли»¹¹. «Сокращение или сгущение пословиц приводит нас к отдельным выражениям: «на руку», «понутру», «в тупик», или к одному слову: «сдуру», «везет»¹². «Когда говорят: такому-то «везет», т. е. удастся все, то это поговорка; а если скажут «дураку счастье везет», это пословица, которая возникла, без сомнения, из круга сказок, в которых дураку все удается, т. е. что у дурака есть его двойник, счастье, доля, и что делает этот двойник, то делается самим человеком; следовательно, если у дурака есть доля, которая ему возит дрова, то ему самому делать этого не нужно, дрова будут привезены»¹³.

Стремление построить семантику как науку об исторических закономерностях изменений значений слов заставило А. А. Потебню искать новых, углубленных путей исследования систем значений слов. В своих очерках «К истории звуков русского языка» (IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883) А. А. Потебня посвящает один этюд семантической истории русских слов, обозначающих населенные места и вместе с тем сельскохозяйственные участки земли: *село, селище, деревня, дворище, пожня, выть, участок, волока, околодок* и др. Любопытен подзаголовок этой статьи: «К истории быта». А. А. Потебня свя-

⁹ См.: А. А. Потебня. О доле и сродных с нею существах. Харьков, 1914, стр. 206 и след.

¹⁰ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. Изд. 2. Харьков, 1914, стр. 4—5 (впервые опубликовано в «Филол. зап.», 1878).

¹¹ А. А. Потебня. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1894, стр. 97.

¹² Там же стр. 111.

¹³ Там же, стр. 109—110.

зывает историю изменений значений этих слов с историей земледелия и крестьянского землевладения, с историей сельской общины на севере России. Но, само собой разумеется, и эта работа Потебни, знаменовавшая новый этап в его историко-семантических исследованиях, построена на общих соображениях культурно-исторического характера и очень далека от подлинно научного, социологического, историко-материалистического объяснения возникновения и развития соответствующего круга понятий и терминов.

Следующей ступенью в развитии взглядов А. А. Потебни на задачи исторической семантики является его исследование «Об изменении значения и заменах существительного», складывавшееся, как известно, во второй половине 80-х годов XIX в. и вошедшее в состав III тома «Из записок по русской грамматике». Здесь А. А. Потебня со всей решительностью настаивает на необходимости видеть в исторической семантике слова центр истории языка. «В истории языка, — пишет он, — общего внимания заслуживает, конечно, исследование не звуковой наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов, невозможного, не существующего без языка, создаваемого и воспроизводимого вместе с звуковой внешностью слов»¹⁴. Особенное значение придает Потебня изучению «общих разрядов мысли», как он выражается, т. е. основных семантических категорий языка в историческом движении. «Народность и временность общих разрядов мысли само собою не исключает возможности обобщения этих разрядов до общечеловечности». Стоя на позиции диалектики, хотя и идеалистической, Потебня решительно возражает против метафизического подхода к исследованию семантических категорий языка. Он призывает к историко-семантическому изучению отдельных народных языков, а затем уже к обобщениям, касающимся семантических законов развития языка вообще. «Если я «чистым» (как мне кажется) мышлением, «интеллектуальным созерцанием», — пишет А. А. Потебня, пользуясь свойственной ему терминологией, — выжу из глубины своего духа нечто, как мне кажется, общечеловеческое, т. е. существующее во всех или обязательное в будущем для всех, то ведь мой улов будет похож на то, как если бы я, зная из всех собак только своего пуделя, сказал, что такова собака вообще, или если бы, любя его, я сказал, что такова должна она быть вообще». Иначе: для правильного суждения об общечеловеческой категории субстанции, качества и пр. нужно знать, в каком она виде дана в языках¹⁵.

Признавая тесную связь и взаимодействие грамматических и лексических значений слов, грамматических и лексических категорий, А. А. Потебня стремится установить в истории русского языка общие исторические закономерности развития таких семантических категорий, как категория действия, категория собирательности и отвлеченности имен существительных, охватывающие на основе общности форм словообразования большие массивы или системы слов. Например, он отмечает, что в именах действия в их историческом движении совмещаются значения места действия, результата действия, орудия, а иногда и деятеля: *выход, вход, проход* получают значения места, *дача* — вещи, результата

¹⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 1.

¹⁵ Там же, стр. 5—6.

или предмета действия (от подмосковных поместий — дач, вероятно, уже во второй половине XVIII в. — дача — «подгородная барская усадьба») ¹⁶. Таким образом, вырисовывается историческая последовательность семантического развития целых систем слов, особенно ярко — словообразовательных типов слов.

Определяя семантико-синтаксические условия образования категории прилагательных от существительных в древнейший период развития русского языка, А. А. Потебня указывает также на более поздний, обратный ход образования существительных от прилагательных: «Образование существительных от прилагательных состоит в переходе от того состояния мысли, когда качественное имя прилагается к разнородным вещам, служа только непосредственным или предикативным атрибутом, к тому состоянию, когда оно начинает прилагаться лишь к одной вещи или к многим, но однородным, и становится субъектом или объектом» ¹⁷ (например: *купчая, челобитная, рядная, поручная, подорожная, проезжая, мировая* и т. п.).

Таким образом, А. А. Потебня широко раздвигает горизонт исторической семантики слова, ставя перед ней задачи открытия исторических закономерностей изменений не только больших, более или менее замкнутых систем слов, но и общих «разрядов мысли», основных семантических, лексико-грамматических, а также словообразовательных категорий языка. Однако А. А. Потебня не мог освободиться от ограничивающих его научное творчество пут идеалистической философии языка.

II

Как это нередко бывало в русской дореволюционной науке — при разобщенности отдельных исследователей, независимо от трудов А. А. Потебни, вырастая на почве совсем иной лингвистической методологии (по своим основным устремлениям — младограмматической), с 90-х годов XIX в. начинают появляться многочисленные семасиологические работы М. М. Покровского, впоследствии академика, в которых также ставится проблема закономерности семасиологических явлений, — вопреки современным западноевропейским семасиологам, например, М. Бреалю, Шредеру (автору брошюры «Zur griechischen Bedeutungslehre»), Штёклейну, К. Шмидту и другим, отрицавшим возможность уловить исторические закономерности в области истории значений слов. К общей проблеме слова и значения М. М. Покровский подходит от историко-морфологических исследований в области греческого и латинского языков. Он подметил там некоторые общие закономерности в истории значений слов, принадлежащих к одной и той же морфологической или словообразовательной категории.

В диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков» (1894) М. М. Покровский доказывает общность семантических изменений у слов, относящихся к одной и той же «сфере представлений», как выражается он, пользуясь терминами тогдашней психологии речи. Однако он стремится наблюдать сходные явления и в истории значения слов, принадлежащих к различным сферам представлений, так как не

¹⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике..., стр. 25.

¹⁷ Там же, стр. 72.

склонен думать, что «язык состоит из множества ячеек, совершенно обособленных друг от друга»¹⁸. По словам М. М. Покровского, необходимо изучать семантическую историю не отдельных слов, а систем или рядов семантически связанных слов. «История значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений»¹⁹. «Семасиологический процесс распространяется на целые категории слов».

Как и А. А. Потебня, М. М. Покровский утверждал, что пути семантических изменений слов нередко определяются законами развития морфологических, а также словообразовательных категорий. Он выставил такой тезис, опираясь на данные истории греческого, латинского, немецкого, французского и славянских языков. «Всевозможные морфологические типы *nominum actionis* (т. е. обозначений действия) по мере своей продуктивности в языке получают в конце концов все те значения, которые этому классу имен свойственны, т. е. обозначения процесса, результата, орудия и места действия»²⁰.

М. М. Покровский заметил также, что названия действующих лиц, как представителей профессии, обозначают действие, исходящее от определенного субъекта, распространяющееся на определенный объект и совершающееся в определенных условиях; тогда как глагольные формы сами по себе такого оттенка не имеют. Вследствие этого между глаголами и *nomina agentis* указанной категории может, правда, сохраняться этимологическая связь, но глагол будет шире, чем *nomen agentis*²¹. Семантический объем глагола в индоевропейских языках больше, чем имени существительного, и круг значений его подвижнее — таков общий вывод, к которому приходит М. М. Покровский на основе наблюдений над историко-семантическими закономерностями изменений слов в античных и западноевропейских языках.

Наблюдения над семантической историей разных лексико-морфологических, словообразовательных категорий слов продолжались М. М. Покровским и в последующих его работах, особенно в «Материалах по исторической грамматике латинского языка» (М., 1899). Сюда относятся, например, замечания о совмещении активных и пассивных значений у отглагольных прилагательных и имен существительных или о переходе их от активных значений к пассивным.

Например, образованные от основ глаголов и существительных отглагольных — соотносительных с глаголами, русские имена прилагательные на *-ный* и *-тельный* обычно выражают как активные (каузативные или фактитивные), так и пассивные значения. Например, *отводной* «отводящий» (*отводной канал, отводной ров*) и «отведенный», «предназначенный для отвода» (*отводной участок земли*); *трудный* «приносящий труд», «сопряженный с трудностями» (*трудный больной*), но также и «испытывающий тягости, опасности» («с головой, от хмеля трудной». Блок). *Голодный* «ощущающий голод» и «причиняющий его» (*голодный стол,*

¹⁸ М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. «Уч. зап. Московского ун-та. Отдел историко-филол.», 1896, вып. 23, стр. VII.

¹⁹ Там же, стр. 12.

²⁰ М. М. Покровский. Несколько вопросов из области семасиологии. «Филол. обозрение». М., 1897, т. XII, кн. I, стр. 64.

²¹ Там же, стр. 81—82.

голодный обед); сонный «находящийся во сне», «спящий» или «дающий сон», «снотворный» (*сонное зелье*) и т. п.²²

При этом «можно принять за правило... что прилагательные, произведенные от *nomina actionis* или от других глагольных имен, в общем ассоциируются и с соответствующими глаголами (впрочем, если связь между глаголом и глагольным именем существительным разорвана, то прилагательное может ассоциироваться только с существительным). А благодаря ассоциации с глаголом такие деноминативные образования нередко получают характер как бы причастий действительного и страдательного залогов»²³. Например, *скрытый*, *неуклонный*, *необъятный*, *непробудный*, *заметный*, *неподкупный*, *внятный* и т. п.

Русские имена прилагательные, производные от основ переходных глаголов, с суффиксом *-тельный* также нередко совмещают активные и пассивные значения. Различные оттенки значений зависят главным образом от сочетания их с тем или иным кругом существительных. В старославянском языке прилагательные на *-тельный* (откуда перешла в русский язык некоторая часть образований этого типа) вполне сохраняли значения тех *nomina agentis*, от которых они произведены. Например, старославянское *гадательнъ* имело активное значение «гадающий» (*vaticipans*)²⁴. В древнерусском литературном языке круг значений этого слова был значительно шире. К активному значению (например, *гадательная книга*) в книжном языке позднее присоединились разнообразные оттенки пассивного значения: «основанный на гаданиях, на догадках, сомнительный, предположительный» (*гадательное мнение*, *предположение*, *гадательные выводы*). Ср. историю значений слов *подозрительный*, *сомнительный*. В древнерусском языке *желательный* означало «желающий»; ср. *доброжелательный* (ср. «Все желательны есми помереть» у Дювернуа). Позднее *желательный* в книжно-официальной речи приобрело пассивное значение «соответствующий пожеланиям, ожиданиям, интересам» (*желательные меры*, *в желательном смысле*).

М. М. Покровский стремится установить общие закономерности развития значений слов одного словообразовательного типа, раскрыть исторически обусловленную последовательность изменений значений у слов одной лексико-морфологической категории в разных индоевропейских языках. Он указал, например, на широкую распространенность перехода от значения «полный чего» к значению «похожий на что» у имен прилагательных в разных языках (ср. санскритские прилагательные на *-vant*, *-vat*; латинские на *-osus*: *fluctuosus* — *fluctuosum mare*, но у Плиния: *Zmaragdi fluctuosi*; *lpidosus panis*, т. е. «хлеб, похожий на камень» и т. п.; на *-tus*, *-atus*; греческие прилагательные на *-eis*, *-ois* и *-tos*; немецкие на *-haft*: *märchenhaft*; ср. латинское *fabulosus* и т. п.).

Параллелью могут служить и русские прилагательные на *-оватый*, *-атый*, ср. *-астый*, *-истый*, которые значат не только «снабженный чем», но и «похожий на что»: *волнистый* «полный волн» (*волнистая река*) и «волнообразный» (*волнистая черта*); *серебристый* «закрывающий в себе серебро» (например, *серебристый свинец* у Даля), но также «похожий на серебро» (*серебристые волны*, *серебристый свет луны*); *крючковатый*

²² См.: М. М. Покровский. Материалы по исторической грамматике латинского языка. Уч. зап. Московского ун-та. Отдел историко-филол., 1899, вып. 25, стр. 64—70.

²³ Там же, стр. 70.

²⁴ См.: F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 4. Wien, 1875. S. 146.

«снабженный крючками» (Даль) и «загнутый крючком», «похожий на крючок» (*крючковатый нос*); *малинистый* «богатый малиной» (*малинистые места*) и «напоминающий малину» (*малинистый вкус*) и т. п. Дело в том, что значение «похожий на что», в сущности, есть модификация значения «имеющий что»; «в последнем случае обозначается, что предмет обладает другими предметами, в первом, что он обладает отдельными признаками этих предметов»²⁵.

По словам М. М. Покровского, морфологические связи между словообразовательными категориями оказывают большое влияние на ход, направление и пределы семантических изменений слов. Например, отглагольные имена существительные в русском языке совмещают и объединяют в своей структуре отголоски переходных и непереходных, прямых и возвратных значений соответствующих глаголов: *удаление* — действие и состояние по глаголам — *удалить—удалять* и *удалиться—удаляться*; *отбой* — в соответствии с *отбить—отбивать* (*бить отбой, барабанный отбой*) и *отбиться—отбиваться* (*от покупателей отбою нет*); *отвод* — активно и пассивно — соответственно *отводить* и *отводиться*, например, *для отвода пленных, для отвода глаз* и т. п., но также: *отвод в лесу* «место, отведенное для рубки», *отвод* «боковая линия» (*ответвление в трубе, кабеле; отвод у кабеля* и т. п.).

Однако легко заметить, что такого рода выводы М. М. Покровского о закономерностях, о регулярности семантических изменений словообразовательных категорий слов не связаны с конкретной историей того или иного языка, с основными периодами его исторического развития. Эти выводы носят абстрактный социологический и лексико-морфологический характер.

Объяснения системы значений слов той или иной словообразовательной или лексико-семантической категории и хода исторических изменений в их смысловой структуре у М. М. Покровского обычно оторваны от конкретных материальных условий развития общества и языка. Социальные причины, лежащие в основе семантических изменений этих разрядов слов, не получают всестороннего исторического освещения.

Гораздо более дифференцированы и конкретизированы взгляды М. М. Покровского на семантические закономерности изменений значений слов, объединенных социально-исторической общностью, принадлежностью к одной профессиональной среде, например, к торговой сфере (понятия ярмарки, рынка), к весовой системе (к именам меры и веса), к «языку» обедов, пиров, к «языку» игр и зрелищ и т. д., к военной терминологии, к общественно-политической лексике и т. п.

По утверждению М. М. Покровского, в разных языках, даже в языках разных групп и семей, «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю»²⁶. Хотя общие семантические изменения в разных языках приблизительно одинаковы, особенные исторические условия развития отдельных языков могут породить своеобразное видоизменение в семантических процессах развития одних и тех же групп, рядов или систем слов.

Во всяком случае, по убеждению М. М. Покровского, необходимо изучать историю значений не отдельных слов, а «групп слов, принадлежащих одной и той же сфере представлений»²⁷. Выражение «сфера представле-

²⁵ М. М. Покровский. Материалы. . . , стр. 38.

²⁶ М. М. Покровский. Семасиологические исследования. . . , стр. 19.

²⁷ М. М. Покровский. Несколько вопросов из области семасиологии, стр. 60—61.

ний» у М. М. Покровского нередко обозначает сферу общественной жизни, сферу производства или, как говорит сам М. М. Покровский, «известные стороны нашего быта или группу однородных явлений внешнего или духовного мира»²⁸. По другому объяснению М. М. Покровского, сфера представлений — это «специальная среда народной жизни»²⁹.

«При исследовании семасиологических явлений, — по словам М. М. Покровского, — надо строго определять ту сферу представлений, к которой принадлежат изучаемые слова». При соблюдении этого методологического правила, а также принципов историзма, «мы наглядно убедимся, — пишет М. М. Покровский, — в закономерности семасиологических явлений, будем ли мы изучать их в одном языке или в нескольких языках, хотя бы даже различных семейств»³⁰.

М. М. Покровский подчеркивает также, что «причины объективные», «причины культурно-исторические», от которых зависят семасиологические изменения, «изменяют содержание представлений, связанных с отдельными предметами»³¹.

«История слова одной и той же среды в разных языках более или менее одинакова»³². Поэтому накопление однородных фактов из языков разных семей, по словам М. М. Покровского, «даст возможность точнее определить законы изменения значения слов и также законы употребления этих слов в предложении, т. е. законы синтаксические»³³.

Само собой разумеется, что «исторические условия», внешние социальные причины, «культурно-исторические поводы» закономерностей семантических изменений групп слов М. М. Покровский представляет социологически недифференцированно: «Успехи цивилизации вводят в сознание народа новые понятия, новые представления. Эти новые приобретения народ очень часто обозначает в языке новыми словами, или в случае если представления эти пришли со стороны, словами, заимствованными из другого языка. Но в большинстве случаев народ не увеличивает своего лексикона и, несмотря на изменения, которым подверглись известные предметы и понятия, продолжает обозначать их прежними терминами. Понятное дело, что новое содержание представлений, связанных с подобным термином, будет существенно разниться от старого. При этом весьма интересно, что соответствующие слова разных языков подвергаются сходным семасиологическим изменениям, если культурно-исторические изменения в жизни нескольких народов были сходны»³⁴. Однако, по словам М. М. Покровского, «для удачного разъяснения истории значения слов, связанных с разными ремеслами, необходимо выйти за пределы науки о языке: многое выяснится только при знакомстве с устройством, например, ткацкого станка, с назначением его отдельных частей, — равным образом при знакомстве с историей данных ремесел у отдельных народов»³⁵.

Точно так же, анализируя историю значений серии греческих и латинских слов, относящихся к хозяйственным принадлежностям, М. М. По-

²⁸ М. М. Покровский. О методах семасиологии. «Филол. обозрение». М., 1896, т. X, кн. I, стр. 5.

²⁹ М. М. Покровский. Несколько вопросов из области семасиологии, стр. 86.

³⁰ М. М. Покровский. Семасиологические исследования..., стр. 35.

³¹ М. М. Покровский. Несколько вопросов из области семасиологии, стр. 60—61.

³² Там же, стр. 86.

³³ М. М. Покровский. О методах семасиологии, стр. 6.

³⁴ М. М. Покровский. Семасиологические исследования..., стр. 15.

³⁵ Там же, стр. 104.

кровский замечает: «... чем шире развивалось хозяйство домашнее и государственное, тем более возрастало и число подобных имен»³⁶.

У М. М. Покровского указания на культурно-исторические условия изменений значений, коренящиеся в окружающей человека обстановке, обусловленность закономерностей семантических процессов историей техники, быта и общественной жизни не вытекает из подлинно исторического марксистского понимания развития общественного производства, форм общественной жизни и социальных мировоззрений.

Сама идея закономерности развития общества, истории народа, истории познавательной деятельности человека в их связи с историей языка чужда М. М. Покровскому. Мир понятий представляется М. М. Покровскому как метафизику статическим в виде самодовлеющей области внутренне связанных и общих всем носителям данного языка идей. Характерно в этом смысле такое заявление (в духе акад. Ф. Е. Корша): «... специальные жаргоны (*Klassensprachen*) у всех народов имеют более или менее сходный синтаксис, и остается только пожелать, чтобы в этом направлении были произведены тщательные исследования. Но в ожидании подобных исследований можно рекомендовать темы, более исполнимые и отчасти уже исполненные: 1) какую семасиологическую судьбу имеет в различных языках слово, соответствующее такому-то понятию; 2) как выражается в различных языках такое-то понятие»³⁷.

Разграничение общественно-исторических условий, социальных причин возникновения слов и образования значений и внутренних законов развития языка, в том числе и внутренних законов развития словарного состава языка, лишь в смутном виде выступает в историко-семасиологической концепции акад. М. М. Покровского. Однако не подлежит сомнению, что М. М. Покровский, утверждая закономерность семантических изменений слов и настаивая на необходимости исследования истории значений целых семасиологических групп или систем слов в их зависимости от объективных причин, опередил современную ему западноевропейскую науку. Так, Карл Шмидт в своей работе «*Die Gründe des Bedeutungswandels*» заявлял в это время: «Конечно, не может быть и речи о том, чтобы мы нашли законы, которые определяли бы, что тот или другой переход значения должен состояться; уже душа отдельного индивидуума представляет собой нечто столь сложное, что мы не в состоянии предсказать ее проявления с закономерной точностью. Наше исследование мы не можем продвинуть даже настолько, чтобы быть в состоянии с уверенностью признать тот или другой переход невозможным»³⁸.

Несмотря на превосходство семасиологических исследований М. М. Покровского над семасиологическими упражнениями и опытами современных ему западноевропейских языковедов, общие методологические недостатки сравнительного индоевропейского языкознания того времени, его идеалистические и индивидуально психологические основы, его оторванность от подлинно исторического, историко-материалистического понимания явлений общественной жизни накладывает свою печать и на семасиологическую концепцию М. М. Покровского.

Развитие семантических категорий представляется М. М. Покровским недостаточно исторически и диалектически. Мышление кажется М. М. Покровскому стабильным, нормы сознания — извечными, неизмен-

³⁶ Там же, стр. 77.

³⁷ Там же, стр. 62.

³⁸ K. Schmidt. *Die Gründe des Bedeutungswandels*. Berlin, 1894, S. 4.

ными. Понимание смысловой структуры слова у М. М. Покровского механистично. В этом отношении отрыв русской академической науки о языке от передовых материалистических теорий слова и значения был особенно очевиден и болезнен.

III

Множество в высшей степени ценных указаний по вопросам слова и значения можно извлечь из сочинений Н. Г. Чернышевского. Чернышевский видит в значении слова отражение народного понимания предмета. По его мнению, «в слове (в понятии)... выпущены все случайные и оставлены одни существенные черты предмета»³⁹.

Говоря о языке вообще, Н. Г. Чернышевский замечает: «... не все зеркала отражают предмет в его полном размере и истинном виде. В литературе, в истории жизнь народа отражается верно и полно; в языке — неточно, неполно и часто неверно»⁴⁰.

Суть этого замечания Н. Г. Чернышевского в том, что отражение действительности в языке обусловлено не только степенью развития общества, но и структурными свойствами языка, как общественного явления; «словами всегда передаются только существенные подробности, потому что полнота картины исчерпывается только живописью, а не словами»⁴¹; надо глубоко вникнуть в характер и содержание реальной жизни, — и в связи с этим понять степень и угол отражения этой реальной жизни в слове.

«Вероятно, каждому пишущему о языке, — говорит Н. Г. Чернышевский, — известно теперь и то, что словами охватывается не все содержание представлений, а лишь доля его, и во многих случаях эта доля — хотя и существенная — доля очень маленькая; что есть много представлений, содержание которых не может быть все исчерпано каким бы то ни было количеством слов; таковы, например, наши представления о людях, хорошо знакомых нам, или другой пример: может ли быть вполне передано словами во всей своей подробности изображение фигуры, образуемой на карте линией берегов Пиренейского полуострова, нарисованного величиной только с ладонь, не говоря об изображении в размере более значительном? — Хотя бы написать об этой линии десять толстых томов, не достанет в них места для отчетливой передачи всех подробностей ее»⁴².

Таким образом, Н. Г. Чернышевский, рассматривая смысловую сторону языка как отражение действительной жизни, решительно борется с идеалистическим принципом тождества языка и мышления, с упрощенным, метафизическим, чуждым историзма пониманием связи языка, мышления и действительности. Отсюда вытекают и основные положения высказываний Н. Г. Чернышевского о слове, о грамматических и лексических категориях языка, о словарном составе как показателе богатства языка и вместе с тем как выразителе культуры народа. Н. Г. Чернышевский не

³⁹ Н. Г. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности. М., 1948, стр. 122.

⁴⁰ Н. Г. Чернышевский. Высший курс русской грамматики, составленный Владимиром Стоюниным (СПб., 1855). Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, стр. 85.

⁴¹ Н. Г. Чернышевский. Эстетические отношения... стр. 122.

⁴² Н. Г. Чернышевский. Предисловие к русскому переводу «Всеобщей истории» Вебера, т. VII. Полн. собр. соч., т. X. М., 1951, стр. 837—838.

раз останавливался на вопросе о необходимости изучать и понимать значения слов в контексте предложения, о тесной связи морфологических и синтаксических категорий, о взаимодействии и соотношении грамматики и лексики. «Вопрос о том, какое грамматическое значение имеет то или другое слово, — писал Чернышевский, — определяется конструкцией предложения, а не формой слова даже в латинском языке, в котором владычество грамматических форм гораздо шире и тверже, чем в новых европейских языках арийского семейства»⁴³. Н. Г. Чернышевский осуждает ограниченное, одностороннее понимание грамматического значения слова, сводимое иногда к морфологическим элементам и принадлежностям в строе отдельного слова. Чернышевский придает особенно важное значение лексике при изучении связи истории языка с историей народа, а также при оценке культуры народа по данным его языка. «Очень часто, — пишет Чернышевский, — придают разнице по языку теоретическое значение, воображают, будто особенностями грамматики можно определять особенности умственных качеств народа. Это пустая фантазия. Этимологические формы в отдельности от правил синтаксиса не имеют никакой важности; а правила синтаксиса во всех языках удовлетворительно определяют логическое отношение между словами, при помощи ли или без помощи этимологических форм. Существенную разницу между языками составляет только богатство или бедность лексикона, а состав лексикона соответствует знаниям народа, так что свидетельствует лишь о его знаниях, о степени его образованности, о его житейских занятиях и образе жизни и отчасти о его сношениях с другими народами»⁴⁴.

Естественно, что Н. Г. Чернышевский решительно борется с широко распространившимся тогда, особенно под влиянием идеалистической теории В. Гумбольдта, типологическим противопоставлением языков «высшего образования» языкам «низшего образования», противопоставлением, отражавшим реакционно-буржуазное учение о высших и низших расах. «Только наше арийское самохвальство, — по словам Н. Г. Чернышевского, — сделало ее (эту теорию. — В. В.) подкладкой для пустых панегириков необыкновенному уму нашего арийского семейства и для клеветы в унижение народов, говорящих нефлектирующими языками».

Н. Г. Чернышевский признает общие закономерности развития языков, обусловленные историей развития общества, историей народов. Все это имеет прямое отношение к развитию словарного состава языка, к исторической семантике слова. «Не в том главное дело, каковы формы языка, — пишет Н. Г. Чернышевский, — а в том, каково умственное состояние народа, говорящего языком... Кто не хочет изобретать или повторять вздора о характере языков, должен ограничивать свои суждения об их достоинствах или недостатках высказыванием справедливой мысли, что гибок, богат и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития»⁴⁵.

Использование общих соображений и выводов, относящихся к общественной природе языка, к его роли в развитии общества и к значению

⁴³ Там же, стр. 840.

⁴⁴ Там же, стр. 890.

⁴⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 848; подробнее о лингвистических взглядах Н. Г. Чернышевского см.: С. П. Дудкин. Лингвистические взгляды Н. Г. Чернышевского. «Уч. зап. Одесского Гос. пед. ин-та», 1941, т. VI, стр. 151, 172; Ю. С. Сорокин. Н. Г. Чернышевский и материалистическое языкознание. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1949, т. VIII, вып. 6, стр. 531—550.

языка как источника для историка культуры, историка общества и содержащихся в трудах передовых мыслителей XIX в., увеличило бы ценность работ наших отечественных языковедов досоветского периода, занимавшихся вопросами исторической лексикологии, и освободило бы их от многих ошибок.

IV

Вопрос о закономерностях изменений значений слов, о внутреннем единстве смысловой структуры словарного состава языка гораздо позднее, чем у нас, возник в западноевропейском языкознании. Слабые намеки на «системы» значений слов можно найти у младограмматиков — К. Бругманна и Остгофа в 90-х годах XIX в. С начала 30-х годов текущего столетия идея закономерности, «регулярности» семантических изменений слов получила особенное распространение в западноевропейском языкознании под влиянием работ Иоста Трира.

Углубление конкретно-исторических и теоретических исследований, посвященных словарному составу языка, закономерностям его развития, помогает уяснить идеалистические предпосылки и специфические оттенки теории «смыслового поля слова», выдвинутой немецким филологом Иостом Триром и его последователями. Учение Трира о «смысловых полях слова» или о семантических системах слов, будто бы своим имманентным развитием определяющих «историю смыслового содержания языка» и даже влияющих на смены общественного мышления, о сосуществующих концептуальных и лексических полях в 30 и 40-х годах находило приют и сочувственный отклик среди советских языковедов, главным образом, марковского толка, сторонников так называемого нового учения о языке.

Между тем трудно представить себе что-либо в сфере общего языкознания более чуждое по своим философским основам материалистической концепции исторической лексикологии и семасиологии. По словам И. Трира, целью историко-семантического исследования является «не история языка как зеркало истории духа, а история духа, исследуемая только в истории языка». В этой идеалистической теории, опирающейся на философию Э. Гуссерля, Кассирера и Гегеля, а отчасти и на модернистски переосмысленные пережитки субъективного идеализма начала XIX в., «смысловые поля» слов в ранних работах И. Трира 30-х годов отрываются от конкретной исторической действительности.

И. Трир заявляет, что язык и сознание формируют бытие, а не отражают его. По словам Трира, «язык не отражает реального бытия, но создает интеллектуальные символы, и само предлежащее нам бытие не является независимым от характера языковых символов и способов их соединения»⁴⁶.

На основе абстрактной, формально-логически устанавливаемой связи идей и символов у Трира слова объединяются в системы. По представлению Трира, язык членится на множество систем, как бы концентрически сужающихся в своем смысловом объеме. В языке как системе сочленений лексический элемент включается в общее языковое целое не непосредственно, а лишь через разные связи с ближайшими к нему элементами сочленения или частной, более узкой системы. Группы слов одной смы-

⁴⁶ J. Trier. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg, 1931, S. 2.

словой сферы или одного смыслового поля образуют системы, находящиеся в соотношении и взаимодействии. Самое понятие системы здесь наполняется сосюррианским содержанием. Система понимается как сочленение сложных и разнообразных рядов соотношений и противопоставлений. Она складывается, конструируется как бы из самой себя, существует и развивается отрешенно от социально-исторической действительности, от производственной и иной общественной деятельности человека. Такие системы слов, образующие семантически целостные «смысловые поля», в национальном языке соседят и взаимодействуют одна с другой. В сплочении группы слов, замкнутой в пределах одного семантического поля, могут играть роль разные мотивы, различия в выражении степени или качественных нюансов одного и того же понятия, разные синонимические оттенки его освещения или раскрытия, экспрессивные краски, иногда грамматические отличия в словах одной семантической сферы и т. п. И все это у Трира никак не связано с общественной ролью языка как орудия развития, как средства общения. Все это образует метафизический мир чистых понятий, оторванных от действительности, от истории народа, от материальной культуры. Эти понятийные системы, выражающие мысленное, субъективно-представляемое (правда, в последних работах И. Трира, посвященных таким семантическим понятиям, как поле лесного хозяйства и т. п., этот отрыв ощущается менее резко)⁴⁷ расчленение мира, будто бы даже заставляет людей осмыслять жизнь сквозь сетку переплетающихся здесь значений слов.

В духе сосюррианского понимания языка как структуры соотношений изучаются не столько значения слов, сколько соотношения их смысловых оттенков в пределах более или менее отграниченной семантической системы. Закон языкового членения будто бы обнаруживается в характере и способах лексического расчленения семантической системы, в целом характеризующей единое идеальное понятие, на смысловые звенья и оттенки. Лексическая членимость более или менее однородных семантических систем в разных языках неодинакова и неоднотипна. Сквозь занавес этих систем понятий, запечатленных в том или ином национальном языке и выражающих его «дух», человек, по мнению Трира, не может прорваться к «миру субстанций». В системе идеальных соотношений смыслов слов в пределах семантического поля растворяются реальные значения отдельных слов, включенных в это семантическое поле.

Подобно тому как магнит создает вокруг себя магнитное поле, так и понятия, включая в сферу своего выражения целые ряды слов, образуют своеобразные семантические поля, вне которых слова — пустые знаки. Слово как отдельная единица языка лишается конкретного содержания. Для семантического поля характерно взаимное соподчинение в связи и взаимодействии значений слов, входящих в это поле. Расчленяя определенным образом ту или иную смысловую сферу, например, понятия «знания», идеи ума, соответствующие слова, по представлению И. Трира, «истолковывают себя через посредство самих себя».

Для Трира не существует проблемы словесного объема, границ слова, истории его значений. Для него «история смыслового содержания» языка (*Geschichte des Sprachinhalts*) имеет мало общего с историей значений отдельных слов (*Bedeutungsgeschichte*), которая будто бы относится глав-

⁴⁷ *J. Trier. Lehm. Etymologien zum Fachwerk. Marburg, 1951; Ож же. Holz. Etymologien aus dem Niederwald. Münster, 1952.*

ным образом к отдельным «реалиям». Ведь Трир хочет доказать, что «семантические поля» в языке существуют и изменяются (или сменяются) независимо от объективно-исторической действительности. Он думает даже, что языковые категории, имманентно развиваясь, тем самым развивают и мышление всех носителей данного языка.

В идеалистической концепции Трира язык развивает общество, а не развивается вместе с развитием общества. Вместе с тем Трир стремится отвлекать, освобождать от слова мысль, как бы вынутую из ее материальной оболочки. По его собственным заявлениям, он не интересуется «внешним проявлением слова», его занимает лишь «мыслительное содержание языка». Это мыслительное содержание языка, свободное от «природной языковой материи», и распределялось Триром по семантическим полям. При этом произвольно выбранные семантические поля не объединялись в более широкие системы, а тем более в общее единство лексической структуры данного языка. Основная масса слов остается неизученной, внутренняя связь лексического и концептуального полей неясной⁴⁸.

Смысловые поля — это, по Триру, «известные языковые реальности, расположенные между отдельными словами и всем словарем языка». Мыслительное содержание слов различно в пределах разных семантических полей. Немецкое *weise* выражает свой смысл относительно с *klug* «умный», *gerissen* «ловкий», *schlau* «хитрый», *gewitzig* «хитроумный» и другими подобными и в зависимости от них. С *weise* имеет мало общего средненемецкое *wis*, стоявшее в другом синонимическом ряду, находившееся в другом семантическом поле, а это средненемецкое *wis* в свою очередь оторвано от древневерхненемецкого *wis*, связанного с *fruo* «разумный» и *srahi* «хитрый», которые не попали в соответствующее средненемецкое смысловое поле. Итак, в идеологии «смыслового поля» химически растворяется реальное слово как лексико-семантическая единица языка.

Ясно, что лексический состав смыслового поля не зависит от этимологического родства слов. Семантическое поле и этимологическая группа слов могут по отношению друг к другу занимать самые различные положения. Бывает, конечно, что в поле находятся также и такие слова, которые объединяются и по своему этимологическому происхождению. Однако и в этом случае часть этимологической группы может очутиться за пределами данного смыслового поля. Трир не считается ни с этимологией, ни с конкретной историей слов, ни даже с словообразовательными связями слов. Ведь, по Триру, семантические поля в своих изменениях не зависят от реальной истории отдельных, относящихся к ним слов. Историческая семантика слова — это, как учит И. Трир, история «прыжков» «человеческого духа» от одного семантического поля к другому или с одного поля на другое. По изображению Трира, семантическая связь слов, образующих одно лексическое поле, бывает настолько тесной, что, собственно говоря, в таких случаях нельзя отрывать семантическую судьбу одного слова от семантической трансформации всего поля, всей группы слов, его составляющих. Происходит фронтальная перегруппировка всего семантического поля, смысловое превращение, «взрыв» всей системы — с перераспределением значений и оттенков внутри нее, с иным расчленением семантической сферы на отдельные понятия.

⁴⁸ См.: *W. Bets. Zur Überprüfung des Feldbegriffes. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung». Göttingen, 1954, Bd. 71, N. 3—4.*

Место старой системы заступает совершенно новая понятийная система с новым центром тяжести, с новым напряжением смысловых сил, с новым членением понятий. «Чем ближе отдельные слова своим смысловым содержанием притягиваются к центру тяжести системы, тем энергичней они захватываются инерцией процесса изменения, происходящего в самом центральном понятии этой системы, в ее семантическом ядре». Таким образом, значения слов в этой антиисторической теории развиваются имманентно. Этими изменениями будто бы ведает некая мистическая «организующая сила», дух народа, нации, мировоззрение важнейших представителей эпохи, само ничем не объяснимое и ниоткуда не выводимое. Смысловые поля, изображаемые И. Триром как «известные языковые реальности, расположенные между отдельными словами и всем словарем языка», нередко оказываются идеалистической фикцией или мистической иллюзией, так как они не отражают никакой действительности. В противовес механистическому эмпиризму, сторонникам теории «слов и вещей», а также «слововещей» (Шухардт), И. Трир почти во всех своих работах (кроме самых последних, относящихся к 50-м годам) отрывал слова не только от «вещей», но и от истории народной жизни. Он увидел в «семантических полях» слов самостоятельный мир функционально связанных идей, существующих независимо от объективной действительности, а в языковых категориях — одновременно и оковы и двигатель общественного мышления. У Трира язык не отражает действительность, а определяет ее осмысление. Так, понятий метафизически и идеалистически тезис о смысловой взаимосвязанности и смысловом взаимодействии слов, об исторических изменениях целых систем слов иногда заводил буржуазных лингвистов в тупик. Нельзя не видеть связи учения Трира о семантическом поле с идеалистическим априоризмом и субъективизмом буржуазных «идеологических словарей» западноевропейских языков⁴⁹.

В работах некоторых советских лингвистов, начиная с конца 30-х годов, обнаруживаются явные признаки увлечения теорией И. Трира. Тенденция к объединению учения Иоста Трира о семантическом поле с семасиологическими взглядами Н. Я. Марра с необыкновенной наглядностью, хотя и в чрезвычайно пестрых противоречивых проявлениях и комбинациях, выступает в работах бывших учеников Н. Я. Марра с конца 30-х годов. Так, у проф. С. Д. Кацнельсона в «Кратком очерке языкознания» читаем: «При определении значения слова нельзя исходить из одного отдельно взятого слова. Слова языка образуют сложную ткань, в которой каждое слово в смысловом отношении определено значениями

⁴⁹ Памеки на системы значений слов можно найти еще у младограмматиков К. Бругманна и Г. Остгофа: *K. Brugmann. Die Ausdrücke für den Begriff der Totalität.* Leipzig, 1894; *H. Osthoff. Vom Suppletivwesen der indogermanischen Sprachen.* Heidelberg, 1900; ср.: *H. Osthoff und K. Brugmann. Morphologische Untersuchungen*, VI; ср. также статью: *R. Meister. Bedeutungssysteme.* «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 1910, Bd. 43, H. 4. — Идея семантического или лексического поля выдвигается Гюнтером Ипсеном (ср.: *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft.* «Festschrift für Wilhelm Streitberg». Heidelberg, 1924, S. 225). Дальнейшее развитие она получает в работах И. Трира: *J. Trier. Deutsche Bedeutungsforschung.* «Festschrift für Otto Behagel», 1934; *Он же:* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes; *Он же:* Die Worte des Wissens. «Mitteilungen des Universitätsbundes». Marburg, 1931, S. 33—40; *Он же:* Die Idee der Klugheit in ihrem sprachlichen Feld. «Neue Jahrbücher für Wissenschaft», 10. Jahrg., 1934; ср. также работы Ф. Шалка (в «Neue Jahrbücher...», 1932, 8. Jahrg., S. 51—69; «Die Neueren Sprachen», 1932, № 40, S. 224—225, и т. п.).

сопредельных слов. Каждое слово выступает как составной элемент отдельной семантической системы (семантического поля) и лишь через систему и сложное взаимоотношение систем входит в словарь. В качестве отдельных систем можно назвать сельскохозяйственную лексику, военную и многие другие, предполагающие деление на более дробные системы (например, названия угодий, обозначения полевых работ, сельскохозяйственных орудий и т. д. в пределах системы сельскохозяйственной лексики). В отличие от научной терминологии, где, как правило, каждое слово (термин) занимает однозначное место в системе, выражая фиксированное определением понятие, обычные лексические системы страдают отсутствием четко очерченных границ семантики слов. Эта особенность выражается как в том, что в одном слове здесь нередко уместятся несколько обособленных значений, заставляющих относить данное слово сразу ко многим семантическим системам (явление полисемантизма и многозначности слова), так и в том, что одно основное значение в ряде случаев делится между несколькими словами, которые примешивают к основному значению второстепенные и несущественные семантические оттенки (явление синонимии). Возможность отклонений семантического развития отдельных слов от семантического развития системы значений в целом приводит к тому, что история значений отдельных слов не выявляет строгих закономерностей. Изучение этой истории не могло поэтому пойти дальше констатации ряда внешних явлений.

Лишь история системы значений может вскрыть закономерности, определяющие процесс семантического... развития, и осветить развитие отдельных слов, лишь приблизительно и в конечном счете совпадающее с развитием системы»⁵⁰.

Легко заметить в этом рассуждении некоторый типичный для блуждающих сторонников «нового учения» о языке отход от позиций Н. Я. Марра в сторону сосюррианства. Это, во-первых, признание случайности семантических изменений в отдельных словах. Во-вторых, статическое понимание семантической системы слов, напоминающее о синхронической лингвистике Ф. де Соссюра. В-третьих, здесь нет указаний на социально-исторические основы и факторы исторических изменений в системах значений слов. В-четвертых, наконец, сама семантическая система или семантическое поле мыслится как нечто стабильное, не ломающее своих границ и своего словесного наполнения на протяжении веков. И остается неясным, что понимать под историей системы значений, отчего зависит и «развитие отдельных слов».

Та же тенденция электически сочетать семантическое учение Н. Я. Марра с учением Иоста Трира обнаруживается в докладе проф. Р. А. Будагова «К теории семантического поля слова», прочитанном на научной сессии Ленинградского государственного университета в ноябре 1945 г. Вот тезисы этого доклада⁵¹:

«1. История отдельного слова обычно изучалась до сих пор изолированно от истории других слов. Большой раздел языкознания — учение о значении слов — превращался тем самым в своеобразный рассказ о самостоятельных «приключениях» разрозненных лексем. Эпизоды из истории отдельных слов если и объединялись, то обычно по формально-логическим категориям сужения, расширения и переноса значений.

⁵⁰ С. Д. Кацнельсон. Краткий очерк языкознания. Л., 1941, стр. 28—29.

⁵¹ Тезисы докладов по секциям филол. наук ЛГУ. Научная сессия 1945 г. Л., 1945, стр. 58—60.

2. Академик Н. Я. Марр неоднократно подчеркивал, что слова имеют значение только в системе и что эта система, определяемая известным типом мировоззрения, изменяется именно как система. Однако до сих пор мы все еще не имеем конкретных исследований, раскрывающих своеобразие и особенности этой семантической системы разных языков на разных этапах их исторического формирования.

3. Вышедшая в 1931 г. работа Трира, наметившая пути практического изучения системы взаимодействующих смыслов слов в истории отдельного языка, была основана, однако, на сосюрловском принципе антагонистического противопоставления синхронической (статической) и диахронической (исторической) лингвистики. Вот почему вопрос о семантическом поле слова должен быть поставлен в советской лингвистике заново».

Сам Р. А. Будагов считает необходимым точнее «обрисовать контуры семантического поля слова, показать взаимодействие разных смыслов между собой, определить взаимоотношения между неологизмами и ранее существовавшими словами в сфере смысловой амплитуды более общих понятий. Учение о смысловом поле слова должно превратить семасиологию как определенную область языкознания в дисциплину, изучающую не случайные явления и «курьезы», а устанавливающую определенные законы в развитии смысла слов». Таким образом, Р. А. Будагов в 40-х годах пытался связать с теорией Н. Я. Марра учение И. Трира о семантическом поле, внося в него лишь некоторые поправки и дополнения.

В позднейшей статье «Задачи изучения лексики»⁵² проф. Р. А. Будагов подверг решительной и справедливой критике концепцию И. Трира. «Система Трира, — писал он, — насквозь пронизана... идеалистическими взглядами... В своем метафизическом противопоставлении смыслового поля реальным значениям отдельных слов Трир идет так далеко, что совершенно не считается ни с этимологией этих слов, ни со словообразовательными связями между ними. Им изучалось таким образом какое-то абстрактное, нематериальное содержание. Слово рассматривалось вне его материального звучания... Таким образом, как ни заманчиво звучал сам по себе тезис о необходимости изучать слова в их смысловом взаимодействии, однако истолкованный идеалистически и метафизически этот тезис оказался фальшивым и не смог вывести семасиологию из тупика, в который она зашла в буржуазном языкознании»⁵³.

Но, отрекаясь от Трира и его теории семантического поля, Р. А. Будагов в то время еще не освободился от влияния семантической «теории» акад. Н. Я. Марра. По мнению Р. А. Будагова, задача последователей Н. Я. Марра состоит в том, чтобы показать действие марровских «семантических законов» и на более поздних этапах развития лексики, вплоть до современности: «Качественные сдвиги в значении слов можно обнаружить не только тогда, когда мы оперируем большими историческими периодами, но и тогда, когда мы изучаем новую и новейшую историю слов»⁵⁴.

Следуя за Н. Я. Марром, Р. А. Будагов в то время отождествлял смысловую сторону языка с идеологией. Формально-логические связи между словами в пределах тех или иных лексико-семантических рядов отдельного конкретного языка, по словам Р. А. Будагова, «подчинены историческому восприятию предметов и явлений и распределяются уже в преде-

⁵² Доклады и сообщения Филол. института ЛГУ, вып. I, 1949.

⁵³ Там же, стр. 111—112.

⁵⁴ Там же, стр. 113—114.

лах... исторически сложившихся систем». Но само восприятие предметов и явлений, по мнению Р. А. Будагова, идеологически обусловлено и идеологически обновляется. Для того, чтобы уяснить общие закономерности смысловых изменений лексической системы языка, согласно предложению Р. А. Будагова, «следует развить дальше учение о характере обобщения в слове, выдвинутое акад. Н. Я. Марром». «Процесс развития абстрактных значений в слове, — пишет Р. А. Будагов, — может служить разным целям и определяться по-разному: он может быть признаком отрыва слова от реальной действительности (в идеалистическом мышлении) и он же может служить признаком углубления наших знаний, выраженных в слове, об объективной действительности»⁵⁵. Таким образом, процесс развития смысловой стороны любого общенародного языка ставится в непосредственную связь с борьбой идеализма с материализмом в сфере идеологической надстройки и в зависимости от нее. И все это относится к точнее не дифференцируемой области «развития мышления». Так, процесс расширения значений в лексике рассматривается как «диалектический процесс обобщения признаков и углубления познания, определяемый общим поступательным ходом развития мышления и языка человека»⁵⁶. С этой точки зрения Р. А. Будагову кажется, что есть две основные проблемы исторической лексикологии: 1) вопрос о различных типах исторических обобщений в слове, о различных типах специализации, социальной дифференциации значений и т. д. и 2) «вопрос о различных типах полисемии на разных этапах развития мышления и языка». «Марр, — писал Р. А. Будагов, — показал непосредственную зависимость этой полисемии от характера мировоззрения человека определенной эпохи»⁵⁷. Р. А. Будагову казалось, что «можно говорить о двух различных типах полисемии: полисемии как следствии архаического восприятия мира и полисемии как спутнике высокоразвитого мышления и языка»⁵⁸. Таким образом, характер полисемии слова различен «на разных этапах исторического развития». Он зависит от «уровня развития мышления». Так же изменчивы и «типы исторических обобщений в словах разных языков на разных этапах их исторического развития». Вместе с тем Р. А. Будагов склонен — в отличие от Н. Я. Марра и многих его учеников — подчеркивать «глубокое национальное своеобразие в развитии лексики отдельных языков». Смешение семантики с идеологией приводило Р. А. Будагова к признанию классового характера семантических изменений слов в национальном языке. По словам Р. А. Будагова, «прослеживая национальную историю тех или иных слов-понятий, необходимо показывать пути различного их осмысления идеологами различных классов»⁵⁹.

Отказавшись от синтеза марровской семасиологии с теорией семантического поля Иоста Трира и отрекшись от Трира, Р. А. Будагов продолжал, однако, смешивать семантику с идеологией, придерживаясь того взгляда, что «семантика слова сейчас же отзывается на малейшие сдвиги в мышлении, отражает борьбу идеологий»⁶⁰.

Тяготение к «теории семантического поля» И. Трира было довольно типичным явлением в среде учеников и приверженцев Н. Я. Марра.

⁵⁵ Доклады и сообщения... стр. 118.

⁵⁶ Там же, стр. 120.

⁵⁷ Там же, стр. 121.

⁵⁸ Там же, стр. 121—122.

⁵⁹ Там же, стр. 122.

⁶⁰ Там же, стр. 105.

По пути объединения «нового учения» о языке Н. Я. Марра с «теорией семантического поля» И. Трира пошел вслед за проф. С. Д. Кацнельсоном и проф. Ф. П. Филин в своей докторской диссертации «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (1946)⁶¹. В качестве официального оппонента мне пришлось уже при защите этой диссертации указать на тесную связь ее методологических основ с взглядами И. Трира. Возможно, что вследствие этого Ф. П. Филин устранил ссылки на Трира в печатном тексте своей работы, но самые принципы классификации лексического материала «Повести временных лет» и его освещения, отражающие влияние Трира, в книге Ф. П. Филина остались неприкосновенными. Это — довольно механическое распределение словаря летописи по лексическим полям или группам. «Подобного рода лексические группы (группа слов, объединенная семантическим комплексом, вне которого значение входящего в группу слова немыслимо, в немецкой литературе получила название *Wortfeld* — лексическое поле), созданные в результате скрещения церковнославянских и восточнославянских элементов, пронизывают всю словарную систему «Повести», — писал Ф. П. Филин в первоначальном тексте своей диссертации⁶². Таким образом, «семантический комплекс» у Ф. П. Филина (так же, как и «мыслительное содержание» у Трира) формирует систему слов, которая обуславливает, в свою очередь, смысл отдельных включенных в нее лексических единиц. Слово и для Ф. П. Филина имеет значение только как компонент, как часть лексического целого, «семантического поля». Например, нарицательные наименования населенных пунктов, имеющиеся в «Повести», по мнению Ф. П. Филина, «понятны только в их общей связи, в общем для них «семантическом поле». Значение слова *село* уточняет, ограничивает значение слов *погост*, *деревня* и т. п. Компоненты этой лексической группы не представляют собой смешения однозначных терминов, каждый из компонентов занимает свое особое место в общей группе, органически входит составным элементом в единый лексический круг.

Е. Т. Черкасова, анализируя принципы лексикологического изучения, применявшиеся Ф. П. Филиным, правильно заключает отсюда, что «семантической реальностью, с точки зрения Ф. П. Филина, является только синонимическая группа слов, значение же каждого отдельно взятого слова представляется ирреальным»⁶³. На первый план выдвигаются смысловые соотношения слов внутри одной семантической группы, границы которой определяются субъективно, следовательно, более или менее произвольно. Вся же лексическая система в целом складывается из совокупности «конкретных форм способов называния предметов и явлений в языке данного говорящего коллектива», из «структуры комплексов понятий и их словарных обозначений (близкие и дальние семантические взаимосвязи слов)» и из «норм выбора слов для обозначения того или иного понятия». Следовательно, основным предметом лексикологии, по мнению Ф. П. Филина, являются не закономерности развития словарного состава языка в разнообразных структурных связях его лексических элементов и в его

⁶¹ С сокращениями и изменениями диссертация Ф. П. Филина напечатана: «Уч. зап. кафедры русск. языка Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 80. Л., 1949.

⁶² Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Автореф. канд. дис., 1946, стр. 327.

⁶³ Е. Т. Черкасова. Вопросы русской лексикологии в работах эпигонов «нового учения» о языке. — В сб.: «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. 1. М., 1951, стр. 346.

многообразных связях с потребностями общества, с разными сферами деятельности человека, с историей народа, а «структура комплексов понятий и их словарных обозначений», с одной стороны, и «конкретные формы способов называния предметов и явлений в языке данного говорящего коллектива», т. е. своеобразная техника использования «внутренних форм» слов, с другой. Что эти взгляды навеяны влиянием Трира, очевидно. Вместе с тем историю развития словарного состава языка П. Ф. Филин представляет как последовательную смену лексических систем, органически связанную со сменой разных типов мышления. Каждой системе присущи свои своеобразные «семантические группы», свои формы «сочетаний групп терминов»⁶⁴.

Таким образом, перед нами — неорганическая смесь концепции Трира с учением Н. Я. Марра о стадильности развития языка и о скрещении как способе образования качественно новых систем языка.

Точно так же В. И. Абаев готов был найти некоторые линии связи между разрабатывавшимся им на основе теории Марра понятием «идеосемантики» и понятиями западноевропейского идеалистического языкознания — «внутренняя форма» и «семантическое поле».

«Для нас уже недостаточно признать, — писал В. И. Абаев, — что существует «внутренняя форма» или «семантическое поле». Мы хотим выяснить, как и из чего они формируются исторически. И мы приходим к выводу, что все эти явления представляют результат действовавших и действующих в языке двоякого рода связей и отношений между элементами речи: оппозиционных и симпатических. Исследуя эти связи и отношения, мы находим для них объяснение как в бытии, так и в мышлении, идеологии. Чем шире охват привлекаемых фактов, тем становится очевиднее насколько ничтожен здесь элемент случайности и, напротив, насколько велика сила закономерности»⁶⁵.

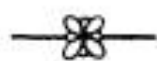
Марксистское учение о языке, о словарном составе и закономерностях его развития, о смысловой стороне слов и выражений общенародного языка, об общенародности смыслового строя лексики языка, не относящейся к классовым жаргонам, о неразрывной связи развития языка с историей народа направляет советские работы по вопросам лексикологии на новые пути исследования⁶⁶.

⁶⁴ Там же, стр. 347.

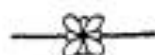
⁶⁵ В. И. Абаев. Понятие идеосемантики. — В сб.: «Язык и мышление», XI. М.—Л., 1948, стр. 24.

⁶⁶ См.: О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии. — ВЯ, 1956, № 3.

ФРАЗЕОЛОГИЯ. СЕМАСИОЛОГИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

I

В системе лингвистических дисциплин фразеология иногда вовсе не находит себе места, но чаще она помещается рядом с лексикологией или включается в нее. Объем, задачи и основные понятия фразеологии до сих пор не уяснены.

Неопределенность границ, целей и основных категорий фразеологии мешает этой дисциплине свободно и самостоятельно развиваться. Слово «фраза» меньше всего может быть признано термином с устойчивым и ясным значением. Его применение в лингвистике очень разнообразно и текуче. Поэтому делались попытки заменить или вытеснить фразеологию идиоматикой. Но и термин «идиом», «идиома», «идиоматизм» в течение своего более чем четырехсотлетнего существования в кругу европейских языков не получил единого общепризнанного научного определения.

Неясности содержания фразеологии способствовало и то обстоятельство, что изучение значений слова уже включает в себя обычно и анализ фразовых контекстов его употребления.

Слово как реальная единица языка выступает лишь во всем разнообразии своего фразового окружения. Границы между словом и «фразой» подвижны. Резкие очертания смысловых контуров слова нередко стираются в структуре фразеологического единства. Таким образом, семантическое исследование слова как бы поглощает объекты фразеологического изучения, тем более, что с историко-этимологической точки зрения «фраза» как сочетание слов, естественно, распадается на свои лексические компоненты.

Многие лингвисты думали, что вопрос о «фразе» может быть целиком сведен к проблеме слова. Ф. де Соссюр писал: «На первый взгляд кажется подходящим уподобить огромное разнообразие фраз не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-либо зоологический вид, но это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существеннее, нежели разъединяющие их различия; напротив того, в фразах преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то натолкнешься, не желая этого, опять же на слово с его грамматическими свойствами и снова попадешь в те же затруднения»¹.

Вместе с тем часто подчеркивается тот факт, что фразовые связи слова очень ограничены, что в современных европейских языках виды сцеплений слов predeterminedены и почти исчерпаны, что новое, необыч-

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 108.

ное сочетание слов воспринимается как яркое индивидуально-поэтическое новообразование. А. Мейе прямо указывал, что не слово, а фраза, фразеологическое сочетание является господствующей семантической единицей в структуре европейских языков².

Поэтому-то фразеологические единицы и фразеологические категории почти не подвергались принципиальному, обобщающему лингвистическому исследованию, несмотря на то, что, по мнению некоторых лингвистов, например Ш. Балли³, именно фраза, фразеологическая единица должна стать основным предметом наблюдений и изучений для стилистики. Общеизвестно, что реальное понимание слов приобретается лишь постепенно из сочетаний, в какие слова вступают друг с другом в живом языке⁴.

«Мы мыслим фразами, а не словами», — учит Ш. Балли. Стилистика имеет своей задачей прежде всего исследование вопроса, путем каких взаимосочетаний слова становятся средствами выражения различных форм и оттенков мысли. Таким образом устанавливаются импрессивные группы, которые являются основными реальными единицами, признаваемыми стилистикой. Границы этих групп по необходимости являются очень условными, потому что в каждом произведении, в каждой речи все взаимно связано. Понимание слов всегда зависит от понимания целого, а значение целого освещается значением отдельных слов и выражений⁵.

Вследствие этого проблема фразеологии приобретает все более острый интерес. Один путь решения этой проблемы уже указан в работах К. Бругманна, Г. Пауля, Ш. Балли, Сешеа, Есперсена, Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова и некоторых других лингвистов. Этот путь, пока еще никем не пройденный, путь исследования и разграничения основных типов семантических единств, более сложных, чем слово («фраз», «идиом», «тесных фразеологических групп», «устойчивых, неделимых или неразложимых словосочетаний», «фразеологических единиц»). Однако есть и иной путь, на который еще не вступила наука о языке, — это путь изучения структуры разных видов значений слова с целью выделения таких категорий словесных значений, которые лежат в основе различных процессов фразообразования. Оба эти пути неизбежно в какой-то точке пересекутся и сойдутся.

Но есть глубокая методологическая разница между исследованием фразеологических проблем применительно к речевой деятельности или к индивидуальному стилю и к системе языка в целом, хотя между этими областями и происходит непрерывное взаимодействие.

В речевой деятельности так же, как и в индивидуальном стиле, границы слова и фразы особенно зыбки, текучи, неопределенны. Так, смысловой единицей индивидуального стиля может быть слово, сочетание слов и даже более крупное по объему и конструкции словесное образование. Поэтому-то здесь термин «слово» чаще всего применяется в очень расширенном смысле.

² См.: *A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale*, v. 1. Paris, 1921.

³ Ср., например, работы Бругманна («*Berichte der Königl. Sächsisch. Gesellschaft der Wissenschaften*», 1900), Г. Пауля («*Indogermanische Forschungen*», XIV), Ш. Балли, Сешеа, Есперсена и др.

⁴ См.: *Ph. Aronstein. Methodik des neusprachlichen Unterrichts*, Bd. II. Leipzig—Berlin, 1926, S. 35.

⁵ *Ch. Bally. Précis de stylistique*. Genève, 1905, p. 31, 171. Ср.: *Он же: Traité de stylistique française*, v. 1. Ed. 2. Heidelberg, 1921, p. 65 et suiv.

В речевой деятельности, представляющей бесконечное разнообразие проявлений индивидуального выражения или выражения индивидуальностей, слово является формой воплощения вновь творимого смысла. Оно выражает мнение говорящего. Его осмысление индивидуально и определяется всем содержанием высказывания. Его структура неустойчива и функции многообразны. Такие лингвисты и философы языка, как Гумбольдт, Штейнталь, Потебня, Фосслер, Кроче, считали живым реальным актом языка как творческой деятельности лишь это слово в речи. Именно о таком слове писал Потебня: «В действительности... есть только речь. Значение слова возможно только в речи... Действительная жизнь слова совершается только в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли». «В слове все зависит от употребления». «Малейшее изменение в значении слова (даже формальное, вроде падежного изменения имени) делает его другим словом». В таком понимании слово является синтагмой. На это указывал уже Бодуэн де Куртене. Морфологический строй, синтаксические границы и семантическая структура такого слова очень разнообразны и изменчивы так же, как изменчиво индивидуальное содержание речи.

У А. А. Потебни можно найти такое рассуждение: «Действительное слово живет не в словаре или грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, причем оно каждый раз состоит из звуков единственного и одного значения». «Омоним есть функция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук». «Где два значения, там два слова, а не одно». «Новый смысл слова есть новое слово»⁶.

В сущности, то же понимание слова как акта речевой деятельности и сходное объяснение его отношений к целому высказыванию содержится в таких более поздних рассуждениях Б. Кроче: «То, что получает однажды словесное выражение, повторяется лишь как воспроизведение чего-то уже сказанного; все новые и новые впечатления вносят с собой непрерывное изменение звуков и значений или же все новые и новые выражения. Поэтому искать языка-модели значит искать неподвижности движения»⁷.

«Выражение представляет собой некоторое неделимое целое... Единственной лингвистической реальностью, в сущности, является предложение. При этом на предложение мы не должны смотреть так, как то принято в грамматиках, а должны видеть в нем выразительный организм законченного смысла, который содержится как в самом простом восклицании, так и в самой обширной поэме»⁸.

С этой точки зрения словами, т. е. предельными единицами речевой деятельности, выражающими интуицию действительности, являются соотносительные и взаимосвязанные компоненты сложного, но цельного единства, т. е. синтагмы в очень широком понимании этого термина.

Именно в этом смысле Л. Н. Толстой говорил: «Каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна и без того сцепления, в котором она находится»⁹. Поэтому Л. Н. Толстой считал бессмысленным «отыскивание отдельных мыслей

⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 96, 198 и др.

⁷ Б. Кроче. Эстетика. М., 1920, стр. 168.

⁸ Там же, стр. 163—164.

⁹ Письма Л. Н. Толстого, собранные Т. А. Сергеенко, т. I. М., 1910, стр. 118.

в художественном произведении», в отвлечении от «того бесконечного лабиринта сцеплений, в котором и состоит сущность искусства»¹⁰.

В речевой деятельности выступает как особая семантическая категория сложное фразеологическое целое. В живом словесном единстве высказывания элементы не могут быть оторваны друг от друга и от формы их взаимной связи. Они соотносительны. Они объединены в новом категориальном синтезе.

Вместе с тем возможности фразеологического выражения единого душевного устремления или мнения в индивидуальном стиле крайне многообразны. Н. Г. Помяловский в недоконченном романе своем «Брат и сестра» ярко описал богатство индивидуально-фразеологического выражения одной мысли, одного побуждения в речи пьяницы-певчего. Самые разнообразные бытовые случаи давали материал для метафорического изображения представления о выпивке.

«Когда певчий был пьян, он имел обыкновение говорить: «Я зело!». Певчий умел разнообразить свой припев: «Я, говорит, зело! ты, говорит, зело; он, говорит, зело; мы, говорит, зело; они, говорит, зело! Недаром же меня секли — спрягать теперь по камушкам умею». — «Братцы, сделаем зело», — говорил он, имея деньги. У него был обычай переменять фразу, вызывающую на выпивку. Зело переменилось потом на фразу: «Господа, хотите на левую ногу». И вполпьяна спрягал: «Я на левую ногу, ты на левую ногу» и т. д. Раз его попросили расколоть полено; он расколот, посмотрел на топор, пощупал деньги в кармане и сказал: «Пойду топорище размачивать». С этого времени эта фраза у него была призывом к пьянству. Потом: «на двугривенный, господа!». Потом: «на пять желудков» — после объяснения Потесина, у кого из животных сколько желудков. Потом: «терние на жизненном пути рассеяно повсюду». Потом: «вот так погода — так и валит с ног!» Потом: «давайте стекла выставлять» и пр. Всякую новую фразу он брал из событий своей жизни или из столкновений с кем-нибудь и с чем-нибудь»¹¹.

Прежде чем приниматься за изучение всего этого разнообразия фразеологических конструкций и категорий индивидуальной стилистики, прежде чем пускаться в обширную, но почти совсем неизвестную область речевой деятельности, необходимо запастись точными знаниями об основных типах фразеологических единиц, свойственных общей языковой системе, об основных категориях, управляющих механизмом фразообразования в языке.

II

Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип фразеологических единиц, абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова — знака.

Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями. Иногда их называют идиомами. Они немотивированы и непроеизводны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные

¹⁰ Там же, стр. 119.

¹¹ А. А. Потесина. К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, стр. 83.

элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то их соотношение чисто омонимическое. Например, *как пить дать* в современном русском языке подводится под категорию наречия. В просторечном употреблении оно обозначает: непременно, несомненно, обязательно. Например, у Мельникова-Печерского в романе «В лесах»: «Небывалого, вот хоть тебя к примеру взять, оплетут, как пить дать — мигнуть не успеешь»¹². У Чехова в рассказе «Баба»: «Дело было ясное, как пить дать».

Не подлежит сомнению, что идиома *как пить дать* первоначально была грамматически изменяемой. Она представляла собою сравнительную синтагму, глагольная форма которой *дать* относилась к субъекту основного глагольного действия и согласовывалась с ним. Эта форма изменялась по лицам, временам и наклонениям. Например, в басне Н. Ф. Эмина «Сильная рука» (первоначально напечатана в альманахе «Правдолюбец» или «Карманная книжка мудрого». СПб., 1801):

Да волку было то не по сердечку,
К овце что благосклонны были
Сам лев и ближние его.
А без того,
Как пить бы дали,
Овечку растерзали¹³.

В «Горе от ума» Грибоедова (в речи Фамусова):

...Тебя уж упекут
Под суд — как пить дадут.
Не слушаю — под суд, под суд!

В «Свадьбе Кречинского» Сухова-Кобылина: «Запишет, как пить даст, запишет, влепит своим хамским почерком имя мое в книгу и как гром какой разразится по Москве весть. И кончено, все кончено!» (Кречинский).

У И. И. Лажечникова в «Басурмане» (ч. III, гл. 3) есть попытка применения этого выражения в его конкретном, первоначальном, этимологическом значении: «Не лечит ли уж кого из ваших слуг? Боже сохрани. Раз вздумал один здешний барин, старичок, подлечиться у него: *как пить дал, отправил на тот свет*. Да и мальчик, баронский слуга, которого он любил, как сына, лишь *приложился к губам мертвого*, чтобы с ним проститься последним христианским целованием, *тут же испустил дух*. Так сильно было зелье, которое Антон дал покойнику».

В связи с превращением всего этого словосочетания в наречие находится утрата форм времени и наклонения и форм согласования в лице и числе у глагола *дать*.

Фразеологические сращения могут подвергаться этимологизации. Но эта «народная этимология» не объясняет их подлинной семантической истории и не влияет на их употребление. Примером фразеологического сращения является просторечно-вульгарное выражение *кузькина мать*, обычно употребляемое в фразосочетании: *показать кому-нибудь кузькину*

¹² В. К. Поржевинский. Введение в языковедение. Изд. 3. М., 1916, стр. 184—185; ср.: С. И. Абакумов. Устойчивые сочетания слов. «Русский язык в школе», 1936, № 1.

¹³ См.: Г. Р. Державин. Соч., т. IX. С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1883, стр. 129.

мать. Комментарием может служить такое место из романа Н. Г. Помяловского «Брат и сестра»: «Хорошо же, я тебе покажу кузькину мать... Что это за кузькина мать, мы не можем объяснить читателю. У нас есть много таких присловий, которые от времени утратили смысл. Вероятно, кузькина мать была ядовитая баба, если ею стращают захудалый род». Ср. у Чехова в «Хамелеоне»: «Он увидит у меня, что значит собака и прочий бродячий скот. Я ему покажу кузькину мать...»

Наличие грамматических форм и семантических связей в идиоматизме ведет к возможности некоторых синтаксических его видоизменений. В выражении *покажу кузькину мать* абсолютно не мотивирована лишь идиома *кузькина мать*. Глагол же *показать* вступает в привычный ряд родственных оборотов: *покажу, где раки зимуют, показать Москву* (в значении «выдрать за вихры»), *я тебе покажу* (с экспрессией угрозы) и т. д. Поэтому возможны видоизменения и в употреблении выражения *показать кузькину мать*. Например, у В. А. Слепцова в очерках «Владимирка и Клязьма» (в речи крестьянина): «Взмолился, ноги-то, видно, отморозил, толоконное брюхо. Ты, должно, еще, брат, не видал кузькину мать, в чем она ходит, а то я бы показал».

Также не мотивирована смысловая структура выражения *собаку съел в чем-нибудь*. «Он собаку съел на это», «на этом», «в этом» (т. е. занимаясь таким-то делом): он мастер на это, или: он искусился, приобрел опытность, искусство в чем-нибудь.

И. М. Снегирев так объяснял происхождение идиомы *собаку съел в чем-нибудь*: «Собаку съел — *linguam caninam comedit* говорится, когда кто разглагольствует без меры и без устали; отсюда *canina facundia*. У нас в просторечии относится к необыкновенному знанию чего-либо. А. А. Потебня считал это выражение по происхождению народным, крестьянским, связанным с земледельческой работой. Только тот, кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел»¹⁴. Этимология Потебни, конечно, несколько не уясняет значения этой идиомы и очень похожа на так называемую народную этимологию. Неделимость выражения *съел собаку в чем-нибудь*, его лексическая непроемкость ярко отражается в его значении и употреблении, в его синтаксических связях. Например, у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.

Здесь инфинитив *драть* выступает в роли объективного пояснения к целостной идиоме *собаку съели* в значении «мастера что-нибудь делать».

Выражение *съел собаку в чем-нибудь* или *на чем-нибудь* имеет лишь формы лица, числа и рода. Оно имеет значение перфекта настоящего времени, выражая характеристику человека: мастер, мастак, искусен в чем-нибудь, ловок. Ср. у Ф. М. Решетникова в повести «Ставленники»: «Что вам в протопоповой дочери? Правда, она красивая и разговорами собаку съела, только вам не пара».

Такое резкое изменение грамматической структуры фразеологического сращения обычно связано с усилением идиоматичности, с утратой смысловой делимости. Фразеологическое сращение *как ни в чем не бывало*

¹⁴ «Вестник Европы», 1819, № 11, стр. 190.

в значении «без всякого изменения, без всякого ущерба, как будто ничего не произошло» понимается сейчас как наречное выражение. Оно как неразложимое лексическое единство примыкает к глаголу. Между тем еще до середины XIX в. это выражение представляло собою сравнительное предложение с союзом *как*. Его глагольная форма вступала в согласование с субъектом основного действия. В «Живописце» (1772, № 24): «Грех да беда на кого не живет. Я и сам попался было однажды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал»¹⁵. У А. Н. Островского в комедии «На бойком месте» в речи Миловидова: «Вот теперь и думай про себя, как знаешь — я уеду, как ни в чем не бывал». У Лермонтова в «Бэле»: «За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не бывала, несмотря на то, что она была доверху накладена».

Основным признаком фразеологического сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.

В фразеологических сращениях даже внешняя форма иногда бывает очень неустойчивой. Например, она подвержена фонетическим или эвфоническим воздействиям. Так, идиома *сбоку припёка* без всяких грамматических оснований превращается в парное созвучие *с боку припёку*. Например, у Гоголя в «Женитьбе» в речи Подколесина: «Ну да как же ты хочешь, не говоря прежде ни о чем, вдруг сказать с боку припёку: „Сударыня, дайте я на вас женюсь“».

В фразеологическом сращении все элементы настолько слиты и недифференцированы в смысловом отношении, что эллиптическое опущение или экспрессивное сокращение хоть одного из них либо вовсе не влияет на значение целого, либо приводит к полному его распаду. С одной стороны, такие сращения семантически неизменны, хотя и могут обладать формами грамматического словоизменения, например, *у черта на куличках*, *к черту на кулички* (ср. у П. Боборыкина в романе «Из новых»: «Жалуется, что его шлют к черту на кулички»). Но, с другой стороны, при экспрессивном употреблении сращения, если позволяют синтаксические условия, опорная часть его может быть равна целому и выступать в значении целого. Фразеологическое сращение в этих случаях теряет свои части — одну за другой. Например, идиома *ни в зуб толкнуть* (или *толкнуть*) *не смыслит*, *ни в зуб толкнуть не умеет*. У Салтыкова-Щедрина в «Современной идиллии»: «Я к Гинцбургу — не понимает... Я к Розенталю — в зуб толкнуть не смыслит». У Макарова в «Воспоминаниях»: «Прелесть что за немочка! Да то беда, по-французски-то я маракую, а по-немецки-то ни в зуб толкнуть не умел».

Тот же смысл имеет выражение *ни в зуб толкнуть*, например, у Гончарова в «Обломове»: «Надзиратель придет, хозяин домовый что-нибудь спросит, так ведь, ни в зуб толкнуть — все я. Ничего не смыслит...» Ср. у Чехова в рассказе «Репетитор»: «В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуть. Когда же, наконец, вы начнете учить уроки!»

¹⁵ Русские сатирические журналы XVIII в. М., 1940, стр. 200.

Наконец, одно *ни в зуб* употребляется в том же значении; например, у Достоевского в «Дневнике писателя» (1876 г., февраль): «Человек он темный, законов ни в зуб».

Для разговорной речи особенно типично это семантическое равенство части целому в структуре фразеологического сращения. Кроме того, в разговорной речи более часты и продуктивны процессы дробления и контаминации фразеологических единиц. Например, из словосочетания *валить через пень колоду* вследствие экспрессивного стирания предметных значений образуется разговорная идиома *через пень колоду* в значении «как попало». Так, у Салтыкова-Щедрина в «Недоконченных беседах»: «Выдумал немец Кунц кушетку для сечения, а мы дерем через пень колоду, как в древности драли».

Такого рода процессы являются яркими симптомами образования фразеологических сращений. Превращению сочетания слов в фразеологическое сращение содействуют разнообразные семантические причины. Так, полное затемнение образа как семантического стержня выражения ведет к превращению фразеологической группы в идиоматическое сращение. Например, *сесть на бобах*. Ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Ну куда мы теперь потащимся... Денег у нас нет... вот и сели теперь на бобах, среди улицы...» «Приятнее сидеть с бобами, чем на бобах», — пробормотал генерал».

Ср.: *души не чаять в ком-нибудь, и в ус (себе) не дует*. У Грибоедова: «Ведь столбовые все, в ус никому не дуют». У Гоголя в речи Городничего («Ревизор»): «Ты себе и в ус не дуешь». У Некрасова в «Героях времени»:

Слыл умником и в ус себе не дул
И — наглушил на всю Россию.

У Гоголя в «Мертвых душах»: «Копейкин мой, можете вообразить себе, и в ус не дует. Слова-то ему эти, как горох к стене...» Ср.: *она и в ус не дует*.

Целостным идиоматическим единством является всякое грамматически или лексически немотивированное (с точки зрения современной системы) словосочетание, вводимое в литературную лексику как «чужеродное тело», как «цитата» из другого языка или диалекта. Например, *ничтоже сумняся* (или *сумняшеся*); у Лескова в «Котин доилец и Платонида»: «Они переплетали книги, малярничали, лудили кастрюли и все это делали ничтоже сумняшеся, и дешево и скверно». У Чехова в «Несчастье»: «Не задумываясь и ничтоже сумняся, решает большие вопросы». Ср.: *притча во языцах*.

Роль экспрессивных и эмоциональных факторов в образовании фразеологических сращений также очень велика. Экспрессивная волна легко может поглотить и нейтрализовать круг предметных значений слова, фразы. Оторванная от первоначального, породившего ее контекста, экспрессивная фраза быстро становится идиоматическим сращением. Например, выражение *и никаких*. Эта идиома образовалась из возгласа кавалерийской команды. По словам Боборыкина, «пошло это с учений, когда взводу или эскадрону офицер кричит: «Смирно, и никаких учений» («Перевал»). Ср. у Чехова в повести «Дуэль» в речи военного доктора Самойленки: «Что ж? Единовременно пятьсот в зубы или двадцать пять по-месячно — и никаких. Очень просто».

Ср.: *вот так клюква*. У Чехова в рассказе «Шило в мешке» возница рассказывает Посудину, которого он не знает в лицо, — о нем же самом: «Всем хорош человек, но одна беда: пьяница. «Вот так клюква», — подумал Посудин».

Ср. также: *черта с два; то и дело; так и быть; как не так; как бы не так* и др. под.

В кругу междометий идиоматичность чаще всего развивается вследствие экспрессивного отрыва слов от предметных значений. Например, *кой черт* является неразложимым выражением гнева, протеста, неудовольствия, возмущения, реже — удивления. У Пушкина в «Гусаре»:

Кой черт, подумал я: теперь
И мы попробуем, и духом
Всю склянку выпил.

У Загоскина в романе «Юрий Милославский»: «Кой черт!, — вскричал Алексей, наехав на колоду, через которую лошадь его с трудом перескочила». У Гоголя в «Ночи перед Рождеством»: «У тебя, кум, славный табак! Где ты берешь его?» — «Кой черт, славный? Старая курица не чихнет».

Любопытно отметить употребление выражения *кой черт* в функции вопросительно-модального слова с междометным оттенком: «Ты это шутишь?» — спросил он. «Кой черт шучу? Какие тут шутки» (Чехов, Тина). Ср. у Марлинского в повести «Мулла-Нур»: «Эй, хозяин! Кой черт ты любишься на наши ружья да с приезжими... шепчешься?».

Ср. также междометно-вопросительную идиому *на кой черт*: «Своего портрета у меня нет — да на кой черт иметь его» (Пушкин, Письмо Гнедичу от 13 мая 1822 г.). «Ну, послушай, на кой черт ты меня женила?» (Гоголь, Женитьба). «Да и на кой черт мне туда таскаться?.. только время терять» (Тургенев, Новь).

Фразеологические сращения могут быть только омонимичны с соответствующими разложимыми или свободными словосочетаниями. Они абсолютно не зависимы от лексических значений этих омонимов. Ср., например, сращение *пули отливает* (у Чехова в рассказе «Месть»: «Подика, какие пули отливает. В лицо другом величает, а за глаза я у него и пндюк, и пузан...») и профессиональный термин *отливать пули*. Ср.: *заморить червячка; благим матом* (кричать); *сапоги всмятку; и концы в воду; шиворот навыворот; сон в руку*; и т. п.

Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе; куда ни шло; была не была; тусу праздновать; диву даваться; чем свет; как пить дать; себе на уме* (ср. у Чехова в «Скучной истории»: «Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, а, стало быть, нет и творчества») и др. под.

Таким образом, фразеологические сращения представляют собой своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений. Поэтому они подводятся под грамматические категории как синтаксическое целое, как своеобразные сложные лексические единицы. Понятно, что в тех случаях, когда этимологическое значение грамматически и фонетически различаемых компонентов вступает в видимое противоречие с грамматическим значе-

нием целого, это противоречие аннулируется, и идиоматизм подводится под соответствующую его значению единую грамматическую категорию. Например, устно-фамильярное идиоматическое выражение *чего-нибудь куры не клюют* имеет значение количественного слова. Оно ставится в один синонимический ряд со словами *пропасть, уйма* и т. п. Например: *денег у него — куры не клюют*; ср. *денег у него — пропасть*. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине» иную расстановку слов: «По малости торгуем». — «Сказывай: по малости. Куры денег не клюют, а он смиренником прикидывается». Ср. у Чехова в рассказе «Учитель словесности»: один из партнеров, когда расплачивались, сказал, что у Никитина «куры денег не клюют». Разъединение этого сращения вставкой слова *денег* находит оправдание лишь в экспрессивной нелогичности устной речи. Нормальным же для современного языка будет такой порядок слов: *денег у кого-нибудь куры не клюют*. Инверсия типа: *куры не клюют у кого-нибудь денег* — приводит к бессмыслице.

Понятно, что внутри фразеологического сращения, образующего целостное высказывание-предложение, возможны разного рода грамматические изменения и перемещения. Так, фамильярно-пролическое выражение *и пошла писать губерния* в современном языке не мотивировано, непроизводно и неразложимо. Ср. у Чехова в «Скучной истории»: «Стоит мне только оглядеть аудиторию и произнести стереотипное «в прошлой лекции мы остановились на...», как фразы длинной вереницей вылетают из моей души и — пошла писать губерния. Говорю я неудержимо быстро, страстно, и, кажется, нет той силы, которая могла бы прервать течение моей речи». Доказательством неразложимости этого выражения является и наличие грамматического синонима *и пошло писать*, в котором функция безличности малопонятна. Ср. у Гончарова в «Обломове»: «Все хохочут, долго, дружно, несказанно, как олимпийские боги. Только начнут умолкать, кто-нибудь подхватит опять — и пошло писать». Еще менее может быть осмыслен третий вариант этой идиомы с безличной глагольной формой женского рода *и пошла писать*, например, у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках» (см. «Второй рассказ подьячего»).

Проф. В. К. Поржезинский предлагал различать среди фразеологических сращений два типа: 1) «слитные слова» и 2) «слитные речения». Слитные речения — это те идиомы, в которых «первая половина словосочетания, являющегося по значению однородным с простым словом, сохраняет свои формы, принадлежащие ей как части словосочетания», т. е. изменяется по формам склонения или спряжения, например: *железная дорога, мелкая сошка, втирать очки* и т. п. Слитные слова — это те идиомы, в которых данный целый комплекс словосочетания остается неизменным, «бесформенным», например: *спустя рукава, не покладая рук, так как* и т. п. Традиционная орфография, требующая отдельных написаний, не может ввести в заблуждение: «правописание — вещь условная и в данном случае не вполне считается с фактами языка».

Но эта классификация не покрывает всех видов идиоматизмов. Например, в ней не найдут себе места такие сращения, как: *и вся недолга; и был таков; средь бела дня; на босу ногу*; и т. п. Кроме того, В. К. Поржезинский не различал фразеологических единств и фразеологических сращений¹⁶.

¹⁶ См.: С. И. Абакумов. Указ. соч.

III

Если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно. Например, в таких разговорно-фамильярных выражениях, как *держатъ камень за пазухой, выносить сор из избы, у кого-нибудь семь пятниц на неделе, стреляный воробей, мелко плаваешь, кровь с молоком, последняя спица в колеснице, плясать под чужую дудку, без ножа резать, язык чесать, языком чесать, из пальца высосать, первый блин комом*, или в таких литературно-книжных и интеллигентских разговорных фразах, как *плыть по течению, всплыть на поверхность* и т. п., — значение целого связано со смутным ощущением внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства. Таким образом, многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как переносные выражения. Они обладают свойством потенциальной образности. По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску.

Например: *положить, класть зубы на полку* в значении «голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности». У Тургенева в «Нови»: «Я еду на кондиции, — подхватил Нежданов, — чтобы зубов не положить на полку». У Стасюлевича в письме к А. Ф. Кони: «Мне всегда думалось, что в 60 лет люди питаются только одной кашей, так как зубы уже давно положены на полку». Ср. выражение *уйти в свою скорлупу* — и у Чехова — обнажение образа: «Людей одиноких от природы, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало» («Человек в футляре»).

Живучести внутренней формы в строе таких фразеологических единств содействует наличие контраста, параллелизма, вообще сопоставление слов, принадлежащих к одному семантическому ряду. Например: *из мухи делать слона* (ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Они там все, по своей всегдашней привычке, слишком забежали вперед и из мухи сочинили слона»); *из огня да в полымя; нет худа без добра; переливать из пустого в порожнее; валить с больной головы на здоровую*; и т. п.

Особо стоят каламбурные фразы, основанные на внутреннем контрасте, этимологическом несоответствии или ироническом сближении сопоставляемых слов. Например: *без году неделя*. У Тургенева в рассказе «Часы»: «Без году неделю на свете живет, молоко на губах не обсохло, недоросль. И жениться собирается». У Писемского это выражение употреблено как неразложимое наречие: «Малый без году неделя из яйца вылупился, а уж... женить его хочет» («Старая барыня») ¹⁷. Ср. *кормить завтраками* (у Гоголя в «Мертвых душах»: «Ему подносят горькое блюдо под названием «завтра»); *прокатить на воронях*; и т. д. Выражение *откладывать в долгий ящик* также звучит каламбуром, так как в современ-

¹⁷ Выражение *без году неделя* превращается в сращение, в идиоматизм и в неизменяемом виде подводится под категорию наречия. Р. И. Кошутич в книге «Грамматика русскогo языка» (Београд, 1914, § 241) привел разговорную фразу: «Без году неделя знакомы». Между тем проф. С. П. Обнорский в рецензии на эту книгу поправлял его на книжный лад: «Следует: без году неделю знакомы» («Изв. ОРЯС», 1916, т. XXI, кн. 1, стр. 334).

ном русском языке *долгий*, раскрывая основное значение этой фразы, воспринимается в связи с *ящик* как иронически двусмысленный образ.

Так же, как и в словах, во фразеологических единствах образное представление, сопутствующее значению, обычно не дано, а лишь постулируется, предполагается. Оно исторически изменчиво и, конечно, не нуждается в соответствиях подлинной этимологии образа. Например: *держат в черном теле*; *вывести на чистую воду*; *отвести душу*; *за пояс заткнуть*; *поставить крест на чем-нибудь* или даже *над чем-нибудь* (ср. у Боборыкина в «Василии Теркине»: «поставить крест на своей потере»); *не ударить лицом в грязь* (у Чехова в рассказе «Перекасти-поле»: «Лицо его говорило, что он доволен и чаем и мной, вполне ценит мою интеллигентность, но что и сам не ударит лицом в грязь, если речь пойдет о чем-нибудь этаким»); *из-за кого-чего сыр-бор разгорелся* (у Чехова в рассказе «Именины»: «Что у вас произошло?» — «Ничего особенного. Весь сыр-бор загорелся из-за чистейшего пустяка»).

Внутренняя форма, лежащая в основе фразеологического единства, может быть полузабыта, почти утрачена. Но она всегда может быть вызвана к жизни. Часто происходит подстановка новой внутренней формы.

Хотя в русском литературном языке XVIII и XIX вв. выражение *крапивное семя* обозначало приказных крючкотворцев, чиновников. «О «крапивном семени» с презрением писал А. П. Сумароков. Аблесимов в «Сказках» (Соч., стр. 138) каламбурил: «Известно, каково крапивно семя

Есть

Привязчиво и колко».

В языке реалистической литературы XIX в. с 30-х годов выражение *крапивное семя* как иронический эпитет чиновников-взяточников было широко употребительно. Например, у Островского в пьесе «Шутники»: «А что крапивное семя вчера не приходил?»

Внутренняя форма этого выражения была уже не очень ясной к началу XIX в. Но его резкая презрительная окраска гармонировала с теми пренебрежительными контекстами, в которых употреблялось слово *крапива* в переносном значении.

Л. Толстой выразил предположение, что чиновники получили прозвище крапивного семени из-за зеленого цвета мундира. Но едва ли в этом была суть иронии. В народном языке *крапивное зелье* — бранное выражение. В областных народных говорах *крапивное семя* — это внебрачные дети¹⁸. Ср. *крапивник* «внебрачный ребенок» (крестьянки таких детей часто подкидывали в крапиву). Например, в «Русских песнях», изданных Киреевским (вып. VI, 128):

Говорила громким голосом:

Ты крапива, крапивный сын.

Ср. областное выражение *скакать в крапиву* — о девушках: вступать в половую связь, вести разгульную жизнь. У Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках»: «Варька-то моя связалась с приказным... Одно только детище было, да и то в крапиву пошло». У раскольников-старообрядцев старуха спрашивает женщин на исповеди: «Не скакала ли в крапиву?»

Возможность двойственного, каламбурного переосмысления заложена и в замкнутой группе фразеологических единств: *дать леща, надавать*

¹⁸ См.: Словарь русского языка, составленный Вторым отд. имп. Акад. наук, т. IV, вып. IX. Пг., 1916, стр. 2622, 2623.

лещей, раздавать лещей и т. п. Например, у Глеба Успенского в «Очерках»: «Я, не долго думая, треханул, да как почал лудить, да как почал клеивать, да как почал конопатить, надставлять, да пристукивать, приколачивать, да засмоливать — как почал раздавать лещей, судаков и осетров кому в нос, кому в лоб, кому в разные места... Словом сказать, расшвырял я нечистую силу».

Точно так же разговорное выражение *отвести душу* в значении «раскрыть все сердце, выложить все то, что наболело на сердце, что накопилось в душе и было утаиваемо, скрывается от других, облегчить сердце откровенными излияниями» не имеет строго определенного образного стержня, а лишь как бы предполагает его. Образный смысл здесь не дан, а лишь только задан. Например, у Ф. М. Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные»: «Старушка становилась больна, если долго не получала известий о Наташе, и, когда я приходил с ними, отводила душу на моих рассказах». Ср. тут же: «Ну, отвела я тогда душу над ней, исколотила ее, так ведь и лекаря потом призывала, ему деньги платила». У Тургенева в «Дыме»: «Я требую малого, очень малого... только немножко мне нужно участия, только, чтобы не отталкивали бы меня, душу дали бы отвести». Очень интересно то осмысление образа, которое дается у Горького в «Климе Самгине» одним из персонажей этой эпопеи — Дроновым (ч. IV):

«... Вот, все ко мне ходит душу отводить. Что — в других странах отводят душу или нет?

— Не знаю.

— Пожалуй, это только у нас. Замечательно. «Душу отвести» — как буяна в полицию. Или больную в лечебницу. Как будто даже смешно. Отвел человек куда-то душу свою и живет без души. Отдыхает от нее».

Итак, переносное значение фразеологического единства является потенциальным источником каламбуров и метафор. Связь развития этого рода фразеологических единств с формами поэтического мышления подчеркивалась Потебней. «Элементарная поэтичность языка, т. е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний, как бы ни была она заметна, ничтожна сравнительно со способностью языка создавать образы из сочетания слов, все равно, образных или безобразных»¹⁹. «Невозможность или возможность и эффект сочетания двух слов, дающих образ, обусловлены данным языком»²⁰.

Но семантическая замкнутость фразеологического единства далеко не всегда организуется единством образа. Она может создаваться эвфоническими или формально-грамматическими средствами — рифмическими созвучиями, аллитерациями. Эти средства спайки и им подобные также содействуют образованию фразеологических единств. Например: *Федот да не тот; еле-еле душа в теле; всякой твари по паре* (с намеком на миф о Ноевом ковчеге); *на вкус и на цвет мастера нет; днем с огнем поискать* (или *не сыскать, не отыскать*); *что было, то сплыло; хлопот полон рот; то пусто, то густо; ни кожи, ни рожи; ни ладу, ни складу; ни ложки, ни плошки; ни ответу, ни привету; ни слуху, ни духу; вот так штука капитана Кука; не в службу, а в дружбу*. Ср.: *што-крыто* (у Мельникова, Островского; *што да крыто* — Михельсон. «Русская

¹⁹ А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 104.

²⁰ Там же, стр. 105.

мысль и речь», 1002); *не твоя печаль чужих детей качать; не до жиру, быть бы живу*; и т. п.

Таким образом, от фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически не делимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов. Этого рода фразеологические целые можно назвать фразеологическими единствами.

Конечно, в живой речи встречаются не только резко очерченные, типические формы фразеологических единиц, но и промежуточные, переходные типы. Например, если рассматривать выражение *(быть) на какой-нибудь ноге* в значении «(быть) в каких-нибудь отношениях, (встать) в какие-нибудь отношения» как идиоматизм, то в сочетании с определением-эпитетом: *на дружеской ноге, на короткой ноге, на равной ноге, на тесной ноге, на приятельской ноге, на товарищеской ноге* (*на дружескую, короткую, равную, приятельскую и т. д. ногу*) — это уже будет фразеологическое сочетание, в составе которого выражение *на... ноге* воспринимается как лексическое «единство на расстоянии» (по характеристике Бругмана). Ср. в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского в разговоре Алеши Карамазова с Лисе Хохлаковой:

«Его, главное, надо теперь убедить в том, что он со всеми нами на равной ноге, несмотря на то, что он у нас деньги берет, — продолжал в своем упоении Алеша, — и не только на равной, но даже на высшей ноге!..»

— «На высшей ноге» — прелестно, Алексей Федорович, но говорите, говорите!

— То есть, я не так выразился... про высокую ногу... Но это ничего, потому что...

— Ах, ничего, ничего, конечно, ничего! Простите Алеша, милый... Знаете, я вас до сих пор не уважала..., то есть уважала, да на равной ноге, а теперь буду на высшей уважать... Милый, не сердитесь, что я «острю»...

Ср. в «Записках Н. Н. Муравьева» (Карского): «Мы с ним постоянно встречались и виделись на ноге доброго согласия» («Русский архив», 1895, кн. 1, стр. 336). В «Капище моего сердца» И. М. Долгорукого: «Он посещал наш дом на ноге искреннего приятеля» («Русский архив», 1890, отдельное издание, стр. 7).

Понятно, что многими своими качествами, фразеологические единства походят на сращения. Так же, как фразеологические сращения, фразеологические единства могут входить в состав более крупных несвободных фразосочетаний. Например: *идти, ехать, направиться и т. д. куда глаза глядят*.

Во фразеологическом единстве слова подчинены слитности общего образа или внутренней цельности общего значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно не разложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них — и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния.

При незнании общего смысла фразеологического единства, при попытке отнести к нему как к свободному сочетанию слов, сразу же

возникают недоразумения. Отсутствие сознания семантической неразложимости такого выражения является явным признаком его полного непонимания. А. П. Чехов с тонким юмором использовал эту черту фразовых единств в рассказе «Новая дача». Здесь речь инженера Кучерова с его интеллигентской фразеологией истолковывается мужиками в духе своего языка и миропонимания. Крестьяне буквально, как свободное сочетание, воспринимают выражение *отплатить тою же монетою*: «Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою». Повернулся и ушел. Мужики постояли еще немного, надели шапки и пошли. Родион, который понимал то, что ему говорили, не так, как нужно, а всегда как-то по-своему, вздохнул и сказал: «Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой...»

Не надо преувеличивать роли образности, смысловой переносности в образовании фразеологических единств. Фразеологические единства возникают разными путями.

Фразеологическое единство часто создается не столько образным значением словесного ряда, сколько синтаксической специализацией фразы, употреблением ее в строго фиксированной грамматической форме. Возможны и такие фразеологические единства, в которых резкие грамматические сдвиги зависят от семантических особенностей слов, входящих в состав фразы. Например, шутливо-фамильярное, носящее отпечаток школьного жаргона выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции предиката. У Чехова в рассказе «Красавицы»: «Какое... несчастье... влюбиться в эту хорошенькую и глупенькую девочку, которая на вас ноль внимания» (в речи офицера); в рассказе «Поцелуй»: «Каков! — слышались одобрительные возгласы. — Мы стоим возле, а он ноль внимания. Этакая шельма!»; в повести «Склочная история»: «Медик пьян как сапожник. На сцену — ноль внимания. Знай себе дремлет да носом клюет».

К числу фразеологических единств, обособлению и замкнутости которых содействуют экспрессивные оттенки значения, относятся, например, такие разговорно-фамильярные выражения: *убил бобра*; *ему и горюшка мало*; *чтоб тебе ни дна, ни покрывки*; *плакали наши денежки*; *держи карман или держи карман шире*; *что ему делается?*; *чего изволите!*; *час от часу не легче*; *хорошенького понемножку* (ирония); *туда ему и дорога* (ср. у Писемского в «Старой барыне»: «Присудили на поселенье... Того и стоит, туда ему и дорога была»). Ср.: *жирно будет* («Нет, жирно будет нас таким вином поить! Атанде-с!» — Островский, «Утро молодого человека»); *знаем мы вашего брата!*; *Шутки в сторону!*; *Чем черт не шутит!*; *Наша взяла!*; *Ума не приложу!*; *Над нами не каплет!*; *И дешево и сердито!* (первоначально о водке. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Помпадурах»: «Над дверьми нахально красуется вывеска: „И дешево и сердито“»).

Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия. Прямое, логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения между составным термином — научным или техническим — и таким же простым номенклатурным ярлыком, например, названием какого-нибудь заведения, предмета — большая разница. Но в бытовом языке эта разница часто стирается. Естественно, что мно-

гие из такого рода составных названий, переходя, по закону функциональной семантики, на другие предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами. Примеры составных терминов: *белый гриб, задний проход, прямая кишка, прогрессивный паралич, вопросительный знак, золотых дел мастер, дом отдыха, пути сообщения, аттестат зрелости, карета скорой помощи, борьба за существование* и т. п.

К фразеологическим единствам относятся и так называемые крылатые выражения, многие из которых носят на себе еще не стертую историей печать индивидуального творчества.

Вообще состав этой фразеологической категории очень сложен и разнороден. К области фразеологических единств относятся и многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения и народные пословицы, и поговорки. Выделение разных стилистических групп и разрядов в пределах этой фразеологической категории — задача стилистики русского языка.

Вникая глубже в структуру фразеологических единств, можно заметить четыре существенных признака их. Правда, эти признаки не всегда бывают налицо в полном составе. Но для создания фразеологического единства достаточно и каждого из них в отдельности. Это:

1) переносное, образное значение, создающее неразложимость фразового сочетания, причем эта переносность, целостность, образность не всегда бывает прозрачной, ясной, иногда она лишь ощутима и скорее постулируется, предчувствуется, чем непосредственно воспринимается и понимается;

2) экспрессивная насыщенность;

3) невозможность замены синонимом ни одного из лексических элементов фразового единства, которые по формальным признакам могут быть выделены;

4) семантическая заменимость лишь всего фразеологического единства подобозначным словом или выражением, т. е. потенциальное наличие синонимов для фразеологического единства в целом.

Рядом с фразеологическими четырьмя единствами выступают и другие, более аналитические типы устойчивых сочетаний слов. Фразеологические единства как бы поглощают индивидуальность слова, хотя и не лишают его смысла.

Но бывают устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. (при невозможности сказать: *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.); *обдать презрением, злобой, взглядом ласкающего сочувствия* и т. п. (при семантической недопустимости выражений: *обдать восхищением, завистью* и т. п.). Иллюстрацией к этим положениям могут служить такие слова Л. Толстого:

«Замечательно то, что мы, русские, усваиваем европейские взгляды на искусство все ближе и ближе. В нашем языке начинает совершаться эволюция: так же и уже совершенно никого не удивляя, говорят и пишут о красивой музыке и некрасивых поступках и даже мыслят, тогда как 40 лет назад в моей молодости выражения «красивая музыка» и «некрасивый поступок» были не только не употребимы, но непонятны. Очевидно, это новое, придаваемое европейской мыслью красоте, значение начинает усваиваться и русским обществом...

Под словом красота мы разумеем по-русски только, что нравится нашему зрению, хотя в последнее время и начали говорить «некрасивый поступок», «красивая музыка», но это не по-русски. Русский человек, не знающий иностранных языков, не поймет вас, если вы скажете, что человек, который отдал другому последнюю одежду или что-нибудь подобное, поступил «красиво», или, обманув другого, поступил «некрасиво», что «песня красивая».

По-русски поступок может быть добрый, хороший или недобрый, нехороший. Музыка может быть приятною и неприятною, хорошою и нехорошою, но ни красивою, ни некрасивою музыка быть не может»²¹.

В самом деле, большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово *брать* в значении «овладевать, подвергать своему влиянию (в применении к чувствам, настроениям)» не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость, зло берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота берет* и нек. др. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т. п. Таким образом, круг употребления глагола *брать* в связи с обозначениями чувств и настроений фразеологически замкнут.

Уже самый анализ фразеологических единиц приводит к необходимости определить те элементы смысловой структуры слова, т. е. виды значений и употреблений слова, которые особенно существенны для фразеологии. Не подлежит сомнению, что в слове как системе форм и значений, выступающей и осознаваемой лишь на фоне всего языкового целого, всего семантического строя языка, разные виды значений неоднородны, хотя и соотносительны. Например, разнообразие семантических функций имени существительного сказывается в различии номинативного, предикативного и индикативного его употреблений и значений. Так, в слове *мастер* сверх его основных номинативных значений следует выделять предикативное, квалифицирующее значение, близкое к имени прилагательному: «очень искусен, очень ловок». Это значение более экспрессивно. Поэтому-то на его основе становятся возможными эффективные морфологические приложения и перерождения слова.

Возникает такой разговорный вариант слова — *мастер* в его предикативном осмыслении как *мастак* (ср. *маклак* от *маклер*; ср. экспрессивную разницу форм *неважный* и *неважнецкий*). Те имена существительные, которые, будучи характеристиками, вовсе лишены прямого номинативного значения, вроде: *гусь лапчатый, старый колпак, пятая спица в колеснице* и т. п., могут быть употреблены как прозвища, как ярлыки одного определенного лица или разряда лиц, например, с помощью присоединения к ним указательного местоимения *этот*: «Этот гусь лапчатый так и не выполнил своего обещания». Такое употребление может быть названо индикативным.

²¹ Л. Н. Толстой. Сочинения, т. XIII. М., 1903, стр. 285 и 284.

Однако легко заметить, что в этой семантической сфере разные грамматически дифференцированные типы значений могут быть подведены под две более общие категории — значений свободных, не связанных и значений связанных, ограниченных строго определенными синтактико-фразеологическими условиями, замкнутых в пределы узкого контекста.

Свободные значения не ограничены узким кругом словесных связей. В этих значениях непосредственно отражаются и выражаются предметы, действия и качества действительности, явления материальной культуры или социальной идеологии и психологии. Как знаки этих явлений, слова связаны в своем употреблении лишь прямыми логико-вещественными отношениями между предметными значениями.

Глагол *брать* в значении «захватывать, принимать рукой или иными физическими средствами» свободно сочетается с названиями всех тех вещей, которые могут приниматься, захватываться таким образом: *брать палку, лопату; брать ребенка на руки; брать конфету в рот* и т. п. Смысловые связи слов тут как бы сполна совпадают со связями и отношениями самих процессов, явлений, предметов действительного мира, и слова являются прямыми знаками предметов мысли.

Конечно, эта свобода связей все же условна, так как и она ограничивается рамками данной языковой системы. Вот еще несколько примеров такого свободно-номинативного словоупотребления: *купить хлеба, купить дом, купить коробку конфет; вязать чулки, вязать фуфайку, вязать варежки; мокрая шляпа, мокрые простыни, мокрые ноги* и т. п.

Но далеко не все значения слов свободны. Гораздо больше значений связанных, фразеологически замкнутых в строго определенные контексты. Употребление этих значений еще более тесно ограничено внутренними семантическими отношениями языковой системы. Языковое творчество состоит в изменении и перегруппировке фразеологических связей слов, в формировании новых контекстов их употребления.

Примеры фразеологически связанного словоупотребления: *растяжимый* — *растяжимое понятие, вещь растяжимая, растяжимая совесть* (Боборыкин, Василий Теркин) и др.; *черный* — в выражениях *черный год, черный день, черные времена* (ср.: *черная неблагодарность*); *черепаший шаг* (ср. у Чехова в рассказе «Пересолил»: «Землемер удивлялся... способности русских возниц соединять черепашую езду с душой выворачивающей тряской»); *гробовой* — в выражениях *гробовое молчание, гробовая тишина* (ср. *гробовой голос*); *трескучий* — *трескучий мороз, трескучие фразы*; *топорный* — *топорная внешность, топорная работа, топорное лицо* (Тургенев) и т. д.

Фразеологически связанное значение трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании.

Многие слова вообще не имеют свободных значений. Они лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе тесных фразеологических групп. Их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей, слов-синони-

мов. Сюда относятся, прежде всего, те слова, которые выражают синонимические оттенки какого-нибудь основного понятия и не образуют опорных пунктов синонимического ряда. Таково, например, слово *ходячий*. Оно может выражать два круга оттенков:

1) ходовой, очень распространенный, черестур обычный, тривиальный: *ходячие и меткие слова, ходячее выражение, ходячее мнение, ходячее противопоставление* и т. п.;

2) передвигающийся на ногах; воплощенный в человеке: *ходячая газета, ходячая энциклопедия, его называли ходячей книгой* и др. под.

Можно сказать, что лексическое значение таких слов определяется местом их в лексико-фразеологической системе данного языка, их отношением к синонимическим рядам слов и словесных групп, их положением в родственном лексическом или грамматическом гнезде слов и форм. Таково, например, в современном языке слово *потупить* (ср. также *утупить*). Оно выделяется из устойчивых словесных групп: *потупить взор, взгляд, глаза, потупить голову*. Оно утверждается наличием слова *потупиться*, которое обозначает то же, что *потупить глаза, голову*. Оно, наконец, воспринимается на фоне синонимических фраз: *опустить глаза, опустить голову*.

Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение неминуемо приводит к искажению всей смысловой структуры слова.

Например, в «Толковом словаре русского языка» написано об одном (по счету пятом) значении слова *облить*: «Резко показать, выразить какое-н. свое отношение к кому-н. *Облить кого-нибудь презрением*|| что. Снабдить, пропитать каким-н. чувством. *Железный стих, облитый горечью и злостью* (Лермонтов)»²². Если оставить в стороне стихотворный пример, если отбросить вызванное им случайное описание оттенка в этом индивидуальном, лермонтовском словоупотреблении, то мы здесь столкнемся с неправильным определением, искажающим фразеологический фон слова. *Облить* вовсе не имеет значения «резко показать, выразить какое-нибудь свое отношение к кому-нибудь». Ведь нельзя сказать: *облить гневом, восхищением, любовью, ревностью, негодованием, отвращением* и т. п. Фразеологические ряды, в которые вступает слово *облить* — *обливать*, как образное, экспрессивное выражение проявления отрицательного, сильного чувства, как бы охватывающего, облекающего неприятный объект со всех сторон, очень тесны. Едва ли они не исчерпываются в общем языке связью с одним словом — *презрение*. Например, у Чехова в рассказе «Дочь Альбиона»: «Англичанка, услышав свое имя, медленно повела нос в сторону Грябова и измерила его презрительным взглядом. С Грябова подняла она глаза на Отцова и его облила презрением».

Облить презрением звучит иронически, между тем соответствующие фразеологические ряды, идущие от слова *обдать*, имеют скорее риторическую окраску.

В сущности, эти образные выражения являются ответвлением широкого фразеологического потока русской речи, связанного с представлениями психических состояний в символах воды, жидкости.

Разница между свободными и связанными значениями слова — качественная. Свободное значение опирается на номинативное употребле-

²² Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. II. М., 1938, стр. 657.

ние слова. Оно имеет твердую предметно-смысловую опору в самом слове и в его отношении к действительности. Оно не требует определенного фразеологического окружения для своего проявления. Если реальное значение слова узко, то соответствующая обстановка действительности как бы включена в содержание самого данного слова.

Насколько изменчивы и подвижны смысловые оттенки слова во фразеологически замкнутом его употреблении, легко увидеть, если прибегнуть к синонимическим заменам связанного значения слова в отдельных фразах. По этому пути, например, пошел редактор Академического словаря в истолковании переносного употребления слова *лабиринт* как символа запутанного, сложного сцепления, сплетения чего-нибудь: *лабиринт жизни, лабиринт сомнений, лабиринт слов* и т. п.²³ Применение слова *лабиринт* в этом значении хотя и довольно широкое, все же фразеологически ограничено, связано. Академический словарь пытался описать колебания этого значения при посредстве синонимов, — получилась странная картина. Исчез семантический центр этого употребления, и все это значение стало расплывчатым и неопределенным. Оно характеризовалось такими далекими и разнородными выражениями: *заколдованный круг, беспорядочная масса, множество* [например: «Какая кисть критика проведет по этому лабиринту слов, картин?» (Вяземский, Старая записная книжка. Собр. соч., IX, 31); «Будет! Ибо ежели я не оборву разом, то наверное запутаюсь в лабиринте самовопрошений и самовозражений» (Салтыков-Щедрин, В среде умеренности и аккуратности)]; *самое глубокое, сокровенное, глубина, сердцевина, тайник* (например: *лабиринт природы, лабиринт сердец*) и т. п. Конечно, самый метод такой механической подстановки синонимов сомнителен. Но нельзя не видеть и того, что и фразеологически связанное значение слова не так резко выражено, не так однородно и сомкнуто, не так сконцентрировано, как значение свободное.

Различение свободных и фразеологически связанных значений слов, а также отграничение значения от употребления помогает точнее и яснее представлять как семантические границы, так и смысловой состав слова. Иерархия значений слова, их соотношение, их фразеологическая замкнутость, их связь с общей семантической системой языка могут быть глубже поняты с этих точек зрения.

При изучении истории значений слова различение свободных и несвободных значений играет чрезвычайно существенную роль; пути развития тех и других значений различны.

Можно думать, что степень свободы и широты фразеологических связей слова до некоторой степени зависит и от его грамматической структуры. Фразеологические группы, образуемые реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке. Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию.

Для фразеологического сочетания характерно, что его лексические компоненты, хоть и плотно пригнаны один к другому, все же ощущаются

²³ Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку, т. V, вып. I. Изд. 7. Л., 1930, стр. 12—13; ср. тот же выпуск, изд. 1. Пг., 1915, стр. 12—13.

как отдельные, имеющие свое особое значение слова. Правда, одно из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, употреблено в несвободном, связанном значении и, следовательно, не вполне самостоятельно. Но и оно не теряет здесь своей семантической отдельности, обособляемости. Ведь это несвободное слово легко может быть заменено синонимом, например: *расквасить нос* — разбить нос, *обагрить кровью* — окрасить кровью, *сардоническая улыбка* — язвительно-насмешливая улыбка, и т. д. Таким образом, во фразеологическом сочетании лексическое значение каждого из компонентов легко определимо. Это — пусть и несвободные, устойчивые, но сочетания слов, подвергающиеся разложению, семантически делимые.

Необходимо различать стержневое слово фразеологического сочетания и его переменные части. Многие слова употребляются только в одном фразеологическом сочетании, например: *мертвецки пьян*, *беспросыпный пьяница*, *скоростигшая смерть*. Они осмысляются лишь на основе целого фразеологического оборота и по своей смысловой структуре резко отличаются от семантически полновесных слов. Их можно рассматривать как полувыветрившиеся слова.

Во фразеологическом сочетании значения сочетающихся слов в известной степени равноправны и рядоположны. Даже несвободное значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимом.

В языке происходит постоянное столкновение аналитических тенденций, направленных на расчлененное понимание словосочетания, и тенденций синтетических, ускоряющих переход фразеологического сочетания в фразеологическое единство. Взаимодействие этих тенденций в каждом конкретном случае регулируется живой системой лексических соотношений и положением данного выражения в этой системе. Еще Бреаль писал: «Как есть колеса шестерни, которые мы привыкли видеть прилаженными друг к другу, так что уже и не представляем их в раздельном виде, так и в языке есть слова, которые употребление соединило так тесно, что они более не существуют для нашего сознания в изолированном виде»²⁴.

Фразеологические группы или фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений. Для того чтобы у фразеологической группы нашлось омонимичное словосочетание, необходимо наличие слов-омонимов для каждого члена группы. Однако фразеологические сочетания иногда бывают омонимами фразеологических единств или идиом.

Конструктивное различие между фразеологическим сочетанием и фразеологическим единством легко усмотреть из сопоставления двух омонимов *отвести глаза*. Фразеологическое сочетание *отвести глаза* обозначает «направить глаза в сторону». Здесь переносное значение глагола *отвести* близко к основному — «увести в сторону», однако это переносное значение реализуется лишь в узком фразеологическом кругу. Ср. у Гончарова в «Обыкновенной истории»: «Александр долго не мог отвести глаза от нее».

Словосочетание *отвести глаза*, в сущности, равнозначно — перестать смотреть в какую-нибудь сторону. Непосредственно очевидно, что в этом фразеологическом сочетании оба слова семантически раздельны, и опор-

²⁴ М. Bréal. Essai de sémantique. Paris, 1904, p. 172.

ным пунктом его является несвободное переносное значение глагола *отвести*.

Совсем иная смысловая структура омонимического фразового единства *отвести глаза кому-нибудь* в значении «обмануть, отвлечь внимание от чего-нибудь». Здесь единое значение целого как бы разлито по всем его составным элементам. Неразрывно спаянные компоненты подчинены единству переносного значения, свойственного выражению как целостному произведению. Например, у Мельникова-Печерского в романе «В лесах»: «Ты ведь воструха, девка хитроватая, глаза отводить да концы хоронить мастерица, за уловками дело у тебя не станет». У Достоевского в «Дневнике писателя» (1876 г., февраль): «Г-н Спасович решительно хочет отвести нам глаза». У Гл. Успенского в очерке «Книжка чеков»: «Обходительность и ласковость были не более как средство отвести покупателям глаза, заговорить зубы и всучить тем временем гнилое, линючее»²⁵.

Ср. в «Воспоминаниях» И. П. Сахарова²⁶: «Леший отвел тебе глаза и морочил тебя как дурака». У А. Н. Островского в пьесе «Дмитрий Самозванец»: «Отведены глаза, мечтанье напущено». В комедии «На бойком месте»: «Отведи им глаза. — Каким манером? — Обмани дуру-то, поласкайся к ней. Будто-то теперь для нее приехал».

*

Таков в беглом очерке круг основных фразеологических категорий русской языковой системы. Из них наиболее ограничены в своих стилистических возможностях фразеологические сращения. Между этими тремя общими типами колеблется и дробится множество переходных, промежуточных разрядов. Их должна изучить стилистика литературного языка, с которой фразеология связана не менее тесно, чем с грамматикой и лексикологией. Фразеология исследует наиболее живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений. Ведь, по словам Пушкина, «разум неистощим в соображении (т. е. сопоставлении) понятий, как язык неистощим в соединении слов».

²⁵ М. Мизельсон. Русская мысль и речь, т. I. СПб., 1902, стр. 758.

²⁶ Русский архив, т. I. М., 1873, стр. 990.

ОБ ОСНОВНЫХ ТИПАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I

Академик А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» настойчиво подчеркивал чрезвычайную важность вопроса о неразложимых сочетаниях слов не только для лексикологии (герр. для фразеологии), но и для грамматики. «Под разложением словосочетания, — писал А. А. Шахматов, — разумею определение взаимных отношений входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так, например, сочетание *два мальчика* с точки зрения современных синтаксических отношений оказывается неразложимым»¹. В неразложимых словосочетаниях связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, немотивирована с точки зрения живой системы современных грамматических отношений. Неразложимые словосочетания — археологический пережиток предшествующих стадий языкового развития. А. А. Шахматову было ясно тесное взаимодействие лексических и грамматических форм и значений в процессе образования неразрывных и неразложимых словосочетаний. Так, А. А. Шахматов отмечал, что «сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно речение; но большею частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою самостоятельность. Например, в словосочетании *почтовая бумага* — оба слова сохраняют свою самостоятельность вследствие тесной связи с употреблением их в сочетаниях типа *почтовый ящик, почтовое отделение*, с одной стороны, и — *писчая бумага, белая бумага* и т. п., с другой»². «Но часто такая раздельность нарушается и наступает еще более тесное сближение обоих сочетавшихся слов» (ср. *ни синь пороха* вместо *ни синя пороха*). Указав на то, что от речений типа — *железная дорога, Красная армия* образуются целостные прилагательные — *железнодорожный, красноармейский*, где *железно-*, *красно-* оказываются «неизменяемой частью сложных слов», А. А. Шахматов ставит вопрос: «Можно ли считать *железная* в *железная дорога* определением? Не надлежит ли признать *железная дорога* и т. п. сочетания неразложимыми по своему значению, хотя и разложимыми грамматически словосочетаниями?»³ Таким образом, А. А. Шахматов предполагает, что семантическая неразложимость словесной группы ведет к ослаблению и даже утрате ею грамматической расчлененности. В связи с семантическим переосмыслением неразложимых

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. I. Изд. 2. М., 1941, стр. 271.

² Там же, стр. 303.

³ Там же.

мой словесной группы находится и ее грамматическое преобразование. Например, *спустя рукава*, ставши идиоматическим целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие. «Но переход деепричастия в наречие имеет следствием невозможность определить *рукава* в данном сочетании как винительный падеж прямого дополнения»⁴. Следовательно, «исконные объективные отношения могут стираться и видоизменяться, не отражаясь на самом употреблении падежа». Вместо живого значения остается немотивированное употребление.

Изменение грамматической природы неразложимого словосочетания можно наблюдать и в выражении *от нечего делать*⁵.

Вопрос о разных формах взаимодействия и взаимообусловленности лексических и грамматических явлений в структуре разных фразеологических групп остается у А. А. Шахматова неразрешенным. Но, по-видимому, А. А. Шахматов был склонен с синтаксической точки зрения различать четыре типа неразложимых словосочетаний.

1) Словосочетания, грамматически неразложимые, непонятные с точки зрения живых синтаксических отношений, но лексически вполне свободные, т. е. заполняемые любым словесным материалом, облеченным в соответствующие формы. Таковы, например, «в областном языке сочетания инфинитива с именительным падежом существительного в значении прямого дополнения (*надо протопить комната, испортить шуба*)»⁶.

2) Словосочетания, грамматически неразложимые, немотивированные с точки зрения современных синтаксических отношений, но с лексической точки зрения расчлененные, хотя и не вполне свободные, допускающие подстановку и употребление любых слов только на месте одного члена данных словосочетаний. Таковы, например, словосочетания с числительными *два, три, четыре* (*два килограмма, два воробья, два пальца* и т. п.); таковы словосочетания типа: *пятого января, десятого марта, тридцать первого декабря*, в которых форма родительного падежа от порядкового слова (*пятого, десятого, тридцать первого*) не может быть объяснена с точки зрения современных живых значений родительного падежа.

По-видимому, сюда же относится сочетание слова *номер* с порядковыми числительными. «Слово *номер* так тесно сочетается с этими его определениями, что становится как бы первой и при том неизменяемой частью прилагательных, являющихся определениями при других существительных: *он живет в доме номер восьмом; мы доехали в вагоне номер двадцать пятом*. По-видимому, эти сочетания заменили другие, где слово *номер* является приложением: *он живет в доме номер восьмой*»⁷.

3) Словосочетания, неразложимые по своему лексическому значению, но разложимые грамматически, вполне соответствующие живым синтаксическим моделям современного языка. Таковы, например, словосочетания типа: *игральные карты, великий князь, Красное село* и т. п.

4) Словосочетания для современной языковой системы одинаково цельные и неразложимые как с синтаксической, так и с лексико-семантической точек зрения. Таковы, например, *спустя рукава, очертя голову* и т. п. (ср. также *от нечего делать*).

⁴ Там же, стр. 307.

⁵ Там же, стр. 399.

⁶ Там же, стр. 272.

⁷ Там же, стр. 399.

Проблема, выдвинутая акад. А. А. Шахматовым, нуждается в дальнейшем углублении и тщательном исследовании. Непосредственно очевидно, что ее всестороннее освещение будет иметь важные последствия для синтаксиса и фразеологии. Однако сама постановка проблемы может быть несколько изменена. А. А. Шахматов ставил понятие грамматической разложимости словосочетания в зависимость от способности словосочетания быть расчленяемым на синтаксические компоненты, на слова. Противоположное понятие неразложимости применялось лишь к узкому кругу синтаксических идиоматизмов, в которых отражались отмершие грамматические явления, совершенно непонятные с точки зрения живых синтаксических отношений. Таким образом, признак разложимости синтаксических единств оказывался чрезвычайно широким и внутренне нерасчлененным. Под категорию разложимых подводились самые разнообразные типы синтаксических связей, так как степень разложимости и характер расчлененности не учитывались. Между тем в одних словесных объединениях синтаксическая расчлененность является данной, активно выраженной современными средствами синтаксиса, в других — лишь этимологически отраженной, воспроизводящей старую языковую технику словесной связи. Одни синтаксические отношения свободно производятся, другие лишь по традиции воспроизводятся. Значение и употребление разных типов устойчивых словосочетаний неоднородны. Целесообразно ли всю эту многообразную гамму синтаксических отношений подводить под общее, недифференцированное понятие разложимости? Ведь внутри разложимых синтаксических объединений с точки зрения современного грамматического сознания могут быть дифференцированы разные типы их, например, сочетания, разложимые лишь этимологически, сочетания, которые в одних синтаксических условиях являются разложимыми, в других — нет, сочетания свободно разлагаемые и слагаемые и т. п.

Необходимо вспомнить тонкое замечание по этому поводу у Э. Сепира: «В основе каждого законченного предложения лежит готовый образец предложения — тип, характеризуемый определенными формальными чертами. Эти определенные типы или как бы фундаменты предложений могут служить основой для любых построений, потребных говорящему или пишущему, но сами они в застывшем виде «даны» традицией, подобно корневым и грамматическим элементам, абстрагируемым из отдельного законченного слова»⁸.

На этих путях открываются новые области синтаксического исследования. Традиционные синтаксические точки зрения тут уступают место наблюдениям над активными категориями живой грамматической системы. Но для применения этих новых методов синтаксического изучения сначала необходимо расчистить почву, необходимы подготовительные работы. Семантический анализ несвободных фразеологических групп в составе современного языка является естественным введением в эти новые области лингвистического исследования.

⁸ Э. Сепир. Язык. М.—Л., 1934, стр. 30.

II

Вопрос о тесных фразеологических группах привлекал внимание многих лингвистов. И все же, кроме отдельных наблюдений и некоторых общих суждений, трудно указать какие-нибудь прочные результаты в этой области семантического изучения. По-видимому, наиболее ясно этот круг тем освещен в «*Traité de stylistique française*» Ш. Балли. На родственной почве выросли мнения Alb. Sechehaye по тем же вопросам фразеологии⁹.

Так же, как и А. А. Шахматову, этим лингвистам бросились в глаза два полярных типа фразеологических групп или сочетаний слов: 1) сочетания слов индивидуальные, случайные и неустойчивые; тут связь между частями фразы распадается тотчас после ее образования и составляющие группу слова затем получают полную свободу сочетаться иначе; 2) фразеологические речения или обороты привычные, устойчивые, в которых слова, вступив в тесную связь для выражения какой-нибудь одной идеи, одного образа, теряют свою самостоятельность, становятся неотделимыми и имеют смысл только в неразрывном единстве словосочетания¹⁰. Если в группе слов каждое графическое единство теряет часть своего индивидуального значения или даже вовсе не сохраняет никакого значения, если сочетание этих элементов представляется целостным смысловым единством, то перед нами сложное речение, фразеологический оборот речи¹¹.

Между этими двумя крайними полюсами, по словам Балли, располагается масса промежуточных случаев. Балли отказывается от систематизации и классификации разнообразных фразеологических групп. Он предлагает различать лишь два основных типа устойчивых сочетаний слов: фразеологический ряд или привычная фразеологическая группа, в которой спайка слов относительно свободная, допускающая некоторые вариации, и фразеологическое единство, в котором совершенно поглощается и теряется индивидуальный смысл слов — компонентов. Выражения этого рода похожи на изолированные слова, они чаще всего образуют нерасторжимое единство.

Во фразеологическом единстве значение целого никогда не равняется сумме значений элементов. Это — качественно новое значение, возникшее в результате своеобразного химического соединения слов. Фразеологическое единство узнается как по внешним, так и по внутренним признакам. Внешние, формальные признаки — условны, обманчивы, непостоянны и не имеют решающей роли. К ним относятся неизменный порядок слов и невозможность заместить синонимом или каким-нибудь другим словом ни одно из слов, входящих в состав фразеологического единства¹².

К внутренним признакам фразеологического единства — не абсолютным, но единственно существенным — относятся: возможность заместить сочетание слов одним словом, эквивалентным по смыслу; забвение смысла составных элементов фразы, смысловая неразложимость речения на элементы; омонимическая далекость его от соответствующих свободных сочетаний (например, свободное сочетание *взять свое* (свою вещь) и фразеологическое единство *взять свое* в значении «привести к ожидаемому

⁹ Alb. Sechehaye. *Essai sur la structure logique de la phrase*. Paris, 1926; ср. также: *Он же*. *Locutions et composées*. «*Journal de psychologie*», XVIII; *Он же*. *La stylistique et la linguistique théorique*. «*Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure*». Paris, 1908.

¹⁰ Ch. Bally. *Traité de stylistique française*, v. I. Ed. 2. Heidelberg, 1921, p. 67—68.

¹¹ Там же, стр. 65—66.

¹² Там же, стр. 74—77.

результату, произвести обычное действие», например у Чехова в рассказе «Роман с контрабасом»: «Не легко было отцепить крючок от букета, в который запуталась леска, но терпение и труд взяли свое», — или в рассказе «Душечка»: «Его лечили лучшие доктора, но болезнь взяла свое, и он умер, проболев четыре месяца»); наличие архаизмов лексических, синтаксических или семантических; несоответствие строя фразы живым формам синтаксических отношений; эллипсисы, плеоназмы в составе фразы; возможность словообразовательного превращения целой фразы в одно сложное слово (например, *очковтирательство*, *очковтиратель* от *втирать очки*; *баклушничать* от *бить баклуши*; *железнодорожный* от *железная дорога*); иногда своеобразие произношения.

Фразеологические единства возникают из фразеологических групп. В фразеологических же группах Балли выделяет некоторые типы не по конструктивным признакам, а по своеобразиям лексико-семантического состава. Таковы, например, фразеологические группы с усилительными определениями вроде: *диаметрально противоположный*, *категорически отказаться*, *горько сожалеть*, *потрясающее впечатление* и т. п., или устойчивые глагольные сочетания, являющиеся перифразами простых глаголов типа: *одержать победу* — победить, *принять решение* — решить, *вести переговоры*. Балли бегло останавливается на переходных ступенях от фразеологических групп менее связанных к абсолютным единствам, замечая: «Здесь еще труднее различить привычные группы и абсолютные единства, но ведь это различие не так важно»¹³.

Не затрагивая других фразеологических типов, Балли предупреждает: «Чтение и наблюдение помогут найти разные категории. Здесь существенно было дать общую характеристику явления»¹⁴.

Разъясняя понятия фразеологического единства и фразеологической группы, Балли освещает их различия и с точки зрения эстетики слова. Излишнее употребление традиционных, банальных фразеологических групп — признак отсутствия стилевой оригинальности. Личный, творческий стиль избегает привычных фразеологических групп, избегает клише. Напротив, умелое применение фразеологических единств не ослабляет выразительности стиля. Фразеологические единства однородны с простыми словами. Там, где сочетание слов безусловно окаменело, окончательно фиксировано языком, требовать оригинальности было бы неуместно: разрушать композицию этого единства то же самое, что ломать морфологическую структуру отдельного слова¹⁵. В ином положении находятся менее связанные фразеологические группы, разновидностью которых являются и так называемые клише. Клише — это готовые, унаследованные выражения, «крылатые слова». Это — сфера стереотипных литературных фраз и образов, от повторения потерявших прелесть свежести и новизны. Часть их — осколки индивидуального художественного творчества, большая часть — неизвестного происхождения. В социальной атмосфере бескультурья или полуобразованности такие клише могут казаться эффектными. На самом же деле, они лишь условная декорация, прикрывающая недостаток оригинального стиля или красноречия.

Нельзя не заметить, что замечания Балли и Сешеа о типах устойчивых, связанных словосочетаний слов общи и не всегда достаточно определены. Необходимо пристальнее взглянуть в структуру фразеологиче-

¹³ Там же, стр. 72.

¹⁴ Там же, стр. 73.

¹⁵ Там же, стр. 74.

ских групп современного русского языка, более четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы.

III

Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака.

Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями. Они немотивированы и непроеизводны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то их соотношение чисто омонимическое. Фразеологические сращения могут подвергаться этимологизации. Но эта «народная этимология» не объясняет их подлинной семантической истории и не влияет на их употребление. Примером фразеологического сращения является просторечно-вульгарное выражение *кузькина мать*, обычно употребляемое в фразосочетании *показать кому-нибудь кузькину мать*. Комментарием может служить такое место из романа Н. Г. Помяловского «Брат и сестра»: «Хорошо же, я тебе покажу кузькину мать... Что это за *кузькина мать*, мы не можем объяснить читателю. У нас есть много таких присловий, которые от времени утратили смысл. Вероятно, кузькина мать была ядовитая баба, если ею страшат захудалый род». Ср. у Чехова в «Хамелеоне»: «Он увидит у меня, что значат собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!..»

Такова же смысловая структура выражения *собаку съел в чем-нибудь*. «Он собаку съел на это» или «на этом», «в этом» (т. е. занимаясь таким-то делом): он мастер на это, или: он искусился, приобрел опытность, искусство. В южновеликорусских или украинских местностях, где собака мужского рода, прибавляют *и сучкой закусил* (с комическим оттенком).

А. А. Потехня считал это выражение по происхождению народным, крестьянским, связанным с земледельческой работой. Только тот, кто искусился в этом «труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел»¹⁶. Этимология Потехни несколько не уясняет современного значения этой идиомы и очень похожа на так называемую народную этимологию. неделимость выражения *съесть собаку в чем-нибудь*, его лексическая непроеизводность ярко отражается в его значении и употреблении, в его синтаксических связях. Например, у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» читаем:

Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.

Здесь инфинитив *драть* выступает в роли объектного пояснения к целостной идиоме *собаку съели* в значении: «мастера что-нибудь делать».

Такое резкое изменение грамматической структуры фразеологического сращения обычно связано с усилением его идиоматичности, с утратой

¹⁶ А. А. Потехня. К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки. Варшава, 1883, стр. 83.

смысловой делимости. Так, выражение *как ни в чем не бывало* в современном языке имеет значение наречия.

Между тем еще в русском литературном языке первой половины XIX в. в этом словосочетании выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования формы *бывал* с субъектом действия. Например, у Лермонтова в повести «Бэла»: «За моею тележкой четверка быков тащила другую, как ни в чем не *бывала*, несмотря на то, что она была доверху накладена». У Д. Н. Бегичева в романе «Семейство Холмских» (ч. II, 1833, стр. 165—166): «Князь Фольгин, как будто ни в чем не *бывал*, также шутил».

Если руководствоваться теоретическими соображениями, то можно было бы делить фразеологические сращения на четыре основных типа — в зависимости от того, чем вызвана или обусловлена неразложимость выражения:

1) фразеологические сращения, в составе которых есть неупотребительные или вымершие, следовательно, вовсе непонятные слова (например: *у черта на куличках, во всю Ивановскую, попасть впросак* и т. п.).

2) фразеологические сращения, включающие в себя грамматические архаизмы, представляющие собою синтаксически неделимое целое или по своему строю не соответствующие живым нормам современного словосочетания (например: *ничтоже сумняшеся, была — не была, и вся недолга!*).

3) фразеологические сращения, подвергшиеся экспрессивной индивидуализации и потому ставшие неразложимыми как лексически, так и семантически (например: *чего доброго, вот тебе и на* и др.).

4) фразеологические сращения, представляющие собою такое слитное семантическое единство, что лексические значения компонентов вовсе безразличны для понимания целого (например: *сидеть на бобах, души не чаять в ком-нибудь* и т. п.).

Однако эта классификация чересчур схематична.

Кажется само собой понятным, почему неделимы те фразеологические сращения, в состав которых входят лексические компоненты, не совпадающие с живыми словами русского языка (например: *во всю Ивановскую, вверх тормашками, бить баклуши, точить лясы, точить балясы* и т. п.). Но одной ссылки на отсутствие подходящего слова в лексической системе современного русского языка недостаточно для признания идиоматической неделимости выражения. Вопрос решается факторами семантического порядка. Могут быть такие случаи, когда соответствующего слова нет, но живы его ответвления, живы однородные морфемы. В таких случаях выражение потенциально разлагается на лексемы. Однако от этого оно не перестает быть семантически неделимым. Таково, например, выражение *наострить лыжи*. Ср. у Салтыкова в «Пестрых письмах»: «Куда это он лыжи наострил? Ишь спешит, точно в аптеку торопится»; у Гоголя в «Мертвых душах»: «Мужик убежит как дважды два, наострит так лыжи, что и следа не отыщешь».

В фразеологическом сращении даже наличие семантического сопоставления или противопоставления лексических элементов внутри целого не приводит к аналитическому расчленению идиомы, к осознанию живой связи ее значения со значениями компонентов. Такова, например, идиома *ни к селу ни к городу* в значении «ни с того ни с сего, неожиданно и неуместно». Ср. у Чехова в рассказе «Брак по расчету»: «Телеграфист кокетливо щурит глаза и то и дело заговаривает об электрическом освещении — ни к селу ни к городу».

Конечно, бывают случаи, когда структура фразеологического сращения определяется наличием лексического элемента, чуждого языковой системе вне данного сцепления. Например, *вверх тормашками* и даже с оттенком провинциализма *вверх тормашкой*. Ср. у Чехова в рассказе «Счастливлчик»: «Вы говорите, что человек творец своего счастья. Какой к черту он творец, если достаточно большого зуба или злой тещи, чтоб счастье его полетело вверх тормашкой?». Ср. также: *гнуть в три погибели; не мытьем, так кáтаньем; без сучка, без заборинки* и т. п.

Однако чисто внешний, формальный, хотя бы и лексикологический, подход к фразеологическим сращениям не достигает цели. Изолированное, единичное слово, известное только в составе идиомы и потому лишенное номинативной функции, не всегда является признаком полной смысловой неразложимости выражения. Например: *дело не терпит отлагательства, совесть зазрела, мозолить глаза, мертвецки пьян* и т. п.

Точно так же грамматический архаизм сам по себе может быть легко осмыслен при наличии соответствующей категории или соотносительных форм в современном языке. Например: *положа руку на сердце, сидеть сложа руки, середь бела дня, на босу ногу* и т. п.

Грамматические архаизмы чаще всего лишь поддерживают идиоматичность выражения, но не создают его. Например: *спустя рукава*. Ср. у Чехова в рассказе «Агафья»: «От всей фигуры (огородника Савки) так и веяло безмятежностью, врожденной, почти артистической страстью к житью зря, спустя рукава». Ср. также: *очертя голову, (пуститься) во вся тяжкая* и т. п.

Итак, основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.

При этом семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания. Например, выражение *держатъ в ежовых рукавицах* в современном языке лишено внутренней формы (ср., впрочем, *держатъ в (крепких) руках*). Оно идиоматично. Оно является фразеологическим сращением. А. П. Чехов в речи действующих лиц своих повестей не раз употребляет эллиптическое выражение *держатъ в ежовых*. Например, в рассказе «Месь»: «Твой Собакевич, наверное, держит в ежовых горничную и лакея»; в рассказе «Длинный язык»: «Он у меня, папочка, в ежовых был»; в повести «Дуэль» Чехов заменяет идиому *держатъ в ежовых рукавицах* условным эквивалентом *держатъ в ежах*: «Он здесь король и орел, он держит всех жителей в ежах и гнетет их своим авторитетом». Таким образом, в этом фразеологическом сращении общая грамматическая схема словосочетания сохраняется неизменной, но в его лексическом составе остаются неподвижными лишь опорные семантемы (*держатъ в еж-*).

В фразеологических сращениях, образующих целостное высказывание или подводимых под категорию состояния и наречия, внешняя форма иногда бывает очень неустойчивой и в другом отношении. Например, она подвержена фонетическим или эвфоническим воздействиям. Так, идиома

с боку припёка без всяких грамматических оснований превращается в парное созвучие с боку припеку. Например, у Гоголя в «Женитьбе» в речи Подколесина: «Ну, да как же ты хочешь, не говоря прежде ни о чем, вдруг сказать с боку припеку: „Сударыня, дайте я на вас женюсь!“».

В фразеологическом сращении все элементы настолько слиты и недифференцированы в смысловом отношении, что эллиптическое опущение или экспрессивное сокращение хоть одного из них либо вовсе не влияет на значение целого, либо приводит к полному его распаду. С одной стороны, такие сращения семантически неизменны, хотя и могут обладать формами грамматического словоизменения, например у черта на куличках и к черту на кулички (ср. у П. Боборыкина в романе «Из новых»: «жалуется, что его шлют к черту на кулички»). Но, с другой стороны, при экспрессивном употреблении сращения, если позволяют синтаксические условия, опорная часть его может быть равна целому и выступать в значении целого. Фразеологическое сращение в этих случаях может безболезненно терять свои части одну за другой. Например, идиома ни в зуб толкнуть (или толконуть) не смыслит, ни в зуб толкнуть не умеет. У Салтыкова-Щедрина в «Современной идиллии»: «Я к Гинцбургу — не понимает... Я к Розенталю — в зуб толкнуть не смыслит». У Макарова в «Воспоминаниях»: «Прелесть что за немочка. Да то беда, по-французски-то я маракую, а по-немецки-то ни в зуб толкнуть не умел». Тот же смысл имеет выражение ни в зуб толкнуть, например, у Гончарова в «Обломове»: «Надзиратель придет, хозяин домовый что-нибудь спросит, так ведь, ни в зуб толкнуть — все я! Ничего не смыслит...» Ср. у Чехова в рассказе «Репетитор»: «В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуть! Когда же, наконец, вы начнете учить уроки?». Наконец, одно ни в зуб употребляется в том же значении; например, у Достоевского в «Дневнике писателя» (1876 г., февраль): «Человек он темный, законов ни в зуб».

Для разговорной речи особенно типично это семантическое равенство части целому в структуре фразеологического сращения. Кроме того, в разговорной речи более часты и продуктивны процессы дробления и контаминации фразеологических единиц. Например, из словосочетания валить через пень колоду, вследствие экспрессивного стирания предметных значений, образуется разговорная идиома через пень колоду в значении «как попало». Например, у Салтыкова-Щедрина в «Недоконченных беседах»: «Выдумал немец Кунц кушетку для сечения, а мы дерем через пень колоду, как в древности драли».

Такого рода процессы являются яркими симптомами образования фразеологических сращений. Тут действуют разнообразные семантические причины. Так, полное затемнение образа как семантического стержня выражения ведет к превращению фразеологической группы в идиоматическое сращение. Например: сесть на бобах (ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Ну куда мы теперь потащимся... Денег у нас нет..., вот и сели теперь на бобах, среди улицы... — «Приятнее сидеть с бобами, чем на бобах», — пробормотал генерал»); ср. провести на бобах, оставить на бобах; души не чаять в ком-нибудь; и в ус (себе) не дует. Ср. у Грибоедова: «Ведь столбовые все, в ус никому не дуют». У Гоголя в речи городничего в «Ревизоре»: «Ты себе и в ус не дуешь»; у Некрасова в «Героях времени»:

Слыл умником и в ус себе не дул

И — наглупил на всю Россию.

У Гоголя в «Мертвых душах»: «Копейкин мой, можете вообразить, себе и в ус не дует. Слова-то ему эти, как горох к стене...» Ср. *она и в ус не дует*.

Целостным идиоматическим единством является всякое лексически непонятное с точки зрения современной системы выражение, вводимое в литературную лексику как «чужеродное тело», как «цитата» из другого языка или диалекта. Например, *ничтоже сумняся* (или *сумняшеся*). Ср. у Лескова: «Они переплетали книги, малярничали, лудили кастрюли — и все это делали ничтоже сумняшеся, и дешево и скверно» («Котик доилец и Платонида»). У Чехова: «не задумываясь и ничтоже сумняся, решает большие вопросы» («Несчастье»). Ср. у Некрасова: «перепились *до еле можаху*» («Похождения русского Жильблаза»). Ср. также: *притча во языцех*.

Роль экспрессивных и эмоциональных факторов в образовании фразеологических сращениях также очень велика. Экспрессивное значение легко может поглотить и нейтрализовать круг предметных значений слова, фразы. Оторванная от первоначального, породившего ее контекста, экспрессивная фраза быстро становится идиоматическим сращением.

Например, выражение *и никаких!* Эта идиома образовалась из возгласа кавалерийской команды. По словам Боборыкина, «пошло это с учений, когда взводу или эскадрону офицер кричит: «Смирно, и никаких учений!» («Перевал»). Ср. у Чехова в повести «Дуэль» в речи военного доктора Самойленки: «Что ж? Единновременно пятьсот в зубы, или двадцать пять по-месячно, — и никаких. Очень просто».

Вот так клюква. Ср. у Чехова в рассказе «Шило в мешке»: возница рассказывает Посудину, которого он не знает в лицо — о нем же самом: «„Все м хорошо человек, но одна беда: пьяница!“ — „Вот так клюква!“ — подумал Посудин».

К сращениям экспрессивного образования относятся и такие выражения, как *поминай как звали*, употребляемое в функции глагола со значением прошедшего времени мгновенно-произвольного действия. У Чехова в рассказе «Налим»: «Всё растопыривает руки, но уже поздно: налим — поминай как звали». У него же в рассказе «В ссылке»: «Перевез я их сюда, сели — и поминай как звали! Только их и видели». Ср. также: *чего доброго; черта с два!; неровен час!; вот тебе и на!; пиши пропало!; по добру по здорову!; так и быть; как не так; как бы не так*.

Фразеологические сращения могут быть только омонимичны с соответствующими знакомыми словами. Они абсолютно независимы от лексических значений этих омонимов. Ср., например, сращение *пули отливать* (у Чехова в рассказе «Мечь»: «Поди-ка, какие пули отливают. В лицо другом величает, а за глаза я у него и индюк, и пузан...») и профессиональный термин *отливать пули*.

Ср. *быть под мухой* или *с мухой* (например, у Чехова в рассказе «Пересолил»: «Ежели возница не пьян и лошади не клячи, то и тридцати верст не будет, а коли возница с мухой да кони наморены, то целых пятьдесят наберется»); *диву даться*; *труса* или *трусу праздновать*; *заморить червячка*; *благим матом* (кричать); *сапоги в смятку*; *при пиковом интересе*; *взятки гладки с кого-нибудь*; *до положения риз*; *и концы в воду*; *шиворот на выворот*; *сон в руку* и т. п.

В своей работе «О логической структуре фразы» А. Сешеа говорит, что лексикологический синтез разрушает собственное значение образу-

щих элементов, которые срастаются в одно целое, совсем теряя свою индивидуальность¹⁷.

Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается полной синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе, куда ни шло, то и дело, хоть куда, трусу праздновать, диву даваться, выжить из ума, чем свет, как пить дать* (ср. у Чехова в рассказе «Баба»: «Дело было ясное, как пить дать»), *мало ли какой, из рук вон плохо, так и быть, шутка сказать, себе на уме* (у Чехова в «Скучной истории» в значении имени существительного: «Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, а, стало быть, нет и творчества»).

Таким образом, фразеологические сращения являются только эквивалентами слов. Они образуют своеобразные синтаксические составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений. Поэтому они подводятся под грамматические категории как синтаксическое целое, как своеобразные сложные лексические единицы. Понятно, что в тех случаях, когда этимологическое значение грамматически и фонетически различаемых компонентов вступает в видимое противоречие с грамматическим значением целого, это противоречие аннулируется. Например, устно-фамильярное идиоматическое выражение: *чего-нибудь куры не клюют* имеет значение количественного слова. Оно ставится в один синонимический ряд со словами *пропасть, уйма* и т. п. Например: *денег у него — куры не клюют* (ср. *денег у него — пропасть*). Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине» иную расстановку слов: «По малости торгуем! — Сказывай: «по малости». Куры денег не клюют, а он смиренником прикидывается!». Ср. у Чехова в рассказе: «Учитель словесности»: «Один из партнеров, когда расплачивались, сказал, что у Никитина куры денег не клюют». Разъединение этого сращения вставкой слова *денег* находит оправдание лишь в экспрессивной нелогичности устной речи. Нормальным же для современного языка будет такой порядок слов: *денег у кого-нибудь куры не клюют*. Инверсии типа: *куры не клюют у кого-нибудь денег* — приводит к бессмыслице.

В ту же категорию количественных слов входит и устно-фамильярная идиома *раз, два и обчелся* или *раз-другой и обчелся*, *один-другой и обчелся*. В сущности, все эти варианты должны быть признаны морфологическими разновидностями одной фразеологической единицы. Грамматическое и семантическое единство этого выражения подчеркивается синтаксическим своеобразием его употребления: связью его с родительным количественным и местом в синтагме. Например, у Мельникова-Печерского в романе «В лесах»: «Таких начетников мало мне встречать доводилось. По всему старообрядству таких раз, два и обчелся». Ср. у Островского в пьесе «Не все коту масленица»: «Кавалеров-то у нас один-другой — обчелся, гулять-то не с кем»; ср. у Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине»: «Женихов-то не непочатый угол, раз-другой и обчелся. Привередничать-то бросить надо!».

Из грамматического употребления фразеологических сращений вытекает вывод о возможности экспрессивного устранения разницы между глаголом и именной формой, выражающей состояние, особенно в прошед-

¹⁷ *Alb. Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase, p. 87.*

шем времени. Так, идиома *и был таков!* выражает очень заметный оттенок действия, сближающий ее с глаголом. Например, у Чехова в рассказе «Накануне поста»: «А он, бывало, как заметит, что его пороть хотят, прыг в окно и был таков!». Ср. у Лермонтова в поэме «Монго»:

Опасен подвиг дерзновенный
И не спосить им головы;
Но в миг проснулся дух военный:
Прыг, прыг — и были таковы.

Понятно, что внутри фразеологического сращения, образующего целостное высказывание-предложение, возможны разного рода грамматические изменения и перемещения. Так, фамильярно-ироническое выражение *и пошла писать губерния* в современном языке немотивировано, неприводимо и неразложимо (ср. у Чехова в «Скучной истории»: «Стоит мне только оглядеть аудиторию и произнести стереотипное „в прошлой лекции мы остановились на...“, как фразы длинной вереницей вылетают из моей души и пошла писать губерния! Говорю я неудержимо быстро, страстно и, кажется, нет той силы, которая могла бы прервать течение моей речи»). Доказательством неразложимости этого выражения является и наличие грамматического синонима *и пошло писать*, в котором функция безличности малопонятна (ср. у Гончарова в «Обломове»: «Все хочут, долго, дружно, несказанно, как олимпийские боги. Только начнут умолкать, кто-нибудь подхватит опять — и пошло писать»). Еще менее может быть осмыслен третий вариант этой идиомы с безличной глагольной формой женского рода: *и пошла писать* (например, у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках» см. «Второй рассказ подьячего»).

Уже при этом беглом обзоре фразеологических сращений становится очевидным, что полного параллелизма между грамматическими и лексическими изменениями их состава нет. Однако в их строе несомненна тенденция к грамматическому и семантическому синтезу. Сохранение грамматических отношений между членами фразеологического сращения — лишь уступка языковой традиции, лишь пережиток прошлого. В фразеологических сращениях кристаллизуется новый тип составных синтаксических единств.

IV

Если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно. Например, в таких разговорно-фамильярных выражениях, как *держат камень за пазухой*, *выносить сор из избы*, у кого-нибудь *семь пятниц на неделе*, *стреляный воробей*, *мелко плавать*, *кровь с молоком*, *последняя спица в колеснице*, *плясать под чужую дудку*, *без ножа зарезать*, *язык чесать* или *языком чесать*, *из пальца высосать*, *первый блин комом*, или в таких литературно-книжных и интеллигентски-разговорных фразах, как *плыть по течению*, *плыть против течения*, *всплыть на поверхность* и т. п., — значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства. Таким образом, многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как образные выражения. Они обладают свойством потенциальной образно-

сти. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их действительной этимологии. По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, *положить, класть зубы на полку* в значении «голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности». Ср. у Тургенева в «Нови»: «Я еду на кондиции, подхватил Нежданов, чтобы зубов не положить на полку». Ср. выражение *уйти в свою скорлупу* — и у Чехова обнажение образа, лежащего в основе этого выражения: «Людей, одиноких от натуры, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало» («Человек в футляре»).

Живучести внутренней формы в строе таких фразеологических единств содействует наличие контраста, параллелизма, вообще сопоставления слов, принадлежащих к одному семантическому ряду. Например: *из мухи делать слона* (ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Они там все, по своей всегдашней привычке, слишком забежали вперед и из мухи сочинили слона»), *из огня да в полымя, нет худа без добра, переливать из пустого в порожнее, валить с больной головы на здоровую* и т. п.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов. И в этом отношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по внешней, звуковой форме могут совпадать с свободными сочетаниями слов. Ср. устно-фамильярные выражения *вымыть голову, намылить голову* кому-нибудь в значении «сильно побранить, пожурить, сделать строгий выговор» и омонимические свободные словосочетания в их прямом значении: *вымыть голову, намылить голову*. Ср. *биться из-за куска хлеба* и *биться с кем-нибудь из-за куска хлеба*; *бить ключом* (жизнь бьет ключом) и *бить ключом* (о воде в ручье); *взять за бока кого-нибудь* в значении «заставить принять участие в деле» и то же словосочетание в прямом значении; *брать в свои руки* в значении «приступить к руководству, управлению чем-нибудь» и *брать в руки что-нибудь* и т. п.

Фразеологическое единство часто создается не столько образным значением словесного ряда, сколько синтаксической специализацией фразы, употреблением ее в строго фиксированной грамматической форме. Например, просторечно-шутливое выражение *со всеми потрохами* в значении «целиком, со всем, что есть». Ср. у Панферова: «Этому человеку доверить себя со всеми потрохами можно».

Возможны и такие фразеологические единства, в которых резкие грамматические сдвиги зависят от семантических особенностей слов, входящих в состав фразы. Например, шутливо-фамильярное, носящее отпенок школьного жаргона выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции предиката. Ср. у Чехова в рассказе «Красавицы»: «какое... несчастье... влюбиться в эту хорошенькую и глупенькую девочку, которая на вас ноль внимания» (в речи офицера); в рассказе «Поцелуй»: «— «Каков?» — послышались одобрительные возгласы. — Мы стоим возле, а он ноль внимания! Этакая шельма». В повести «Скучная история»: «Медик нян как сапожник. На сцену — ноль внимания. Знай себе дремлет да носом клюет».

Нередко внутренняя замкнутость фразеологического единства создается специализацией экспрессивного значения. Отрываясь от той или

инной ситуации, от какого-нибудь широкого контекста, выражение сохраняет своеобразные оттенки экспрессии, которые и спаивают отдельные части этого выражения в одно смысловое целое. Нередко эти индивидуальные оттенки экспрессии сказываются и в синтаксической форме словосочетания. В этом отношении очень показательным употреблением фразы *белены объелся*. Она обычно имеет форму вопросительного предложения или употребляется в сравнении. Таким образом, внутренняя спайка элементов создается модальностью предложения. Например, у Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке»: «Что ты баба, белены объелась?». У Фонвизина в «Недоросле»: «Что ты дядюшка? Белены объелся?». У Некрасова в «Дядюшке Якове»: «Стойте! не вдруг! белены вы объелись?»¹⁸. У Чехова в рассказе «Неприятность»: «Тот дурак, словно белены объелся, шляется по уезду, кляузничает да сплетничает...». При изменении синтаксической формы усиливается реальный, буквальный смысл этого словосочетания. Оно теряет условно-переносное значение «одуреть, опалеть». Оно делается свободным сочетанием слов, в нем подчеркивается представление о белене как о ядовитом дурманящем растении. В «Толковом словаре русского языка» (1934, т. I, стр. 119) под словом *белена* приводится выражение в такой форме: «белены объелся — одурел, неистовствует». Это неправильно. Само по себе словосочетание *он белены объелся* не значит «одурел» и еще менее «неистовствует». Тут словарь Я. К. Грота ввел в заблуждение редактора нового толкового словаря¹⁹.

Точно так же своеобразная экспрессивная окраска чувственного восторга индивидуализирует и ограничивает переносное значение фамильярного выражения *пальчики оближешь (оближете)*! Она превращает это словосочетание в фразеологическое единство. В связи с этим происходят синтаксические переносы этого выражения: из целого одночленного высказывания оно может превратиться в эмоциональное сказуемое двухчленного предложения. Например, у Салтыкова-Щедрина: «Вот, дядя, дамочка-то — пальчики оближете». Ср. у Писемского в романе «Люди сороковых годов»: «Я тебе Вальтер Скотта дам. Прочитаешь — только пальчики оближешь».

К числу фразеологических единств, обособлению и замкнутости которых содействуют экспрессивные оттенки значения, относятся, например, такие разговорно-фамильярные выражения: *убил бобра*; *ему и горюшка мало!*; *чтоб тебе ни дна ни покрывки!*; *плакали наши денежки!*; *держи карман или держи карман шире!*; *что ему делается?*; *чего изволите?*; *час от часу не легче!*; *хорошенького понемножку* (ирон.); *туда ему и дорога!* (ср. у Писемского в «Старой барыне»: «Присудили на поселенье... Того и стоил, туда ему и дорога была»). Ср.: *жирно будет* («Нет, жирно будет вас таким вином поить. Атанде-с! — Островский. «Утро молодого человека»); *знаем мы вашего брата!*; *шутки в сторону!*; *чем черт не шутит?*; *и пошел и пошел!*; *наша взяла!*; *ума не приложу!*; *над нами не каплет!*; *и дешево и сердито!* (первоначально — о водке). Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Помпадурах»: «Над дверьми нахально красуется вывеска: «И дешево и сердито»».

Особо стоят каламбурные фразы, основанные на внутреннем контрасте, этимологическом несоответствии или ироническом сближении сопо-

¹⁸ М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. СПб., 1912, стр. 68; Он же. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896, стр. 30.

¹⁹ См.: Словарь русского языка, составленный Вторым отд. имп. Акад. наук, т. I. СПб. (1891—1895), стр. 173.

ставляемых слов. Например, *без году неделя* (ср. у Тургенева в рассказе «Часы»: «Без году неделю на свете живет, молоко на губах не обсохло, недоросль! И жениться собирается»). У Писемского это выражение употреблено как неразложимое наречие: «Малый без году неделя из яйца вылутился, а она уже... женить его хочет» («Старая барыня»). Ср.: *кормить завтраками* (у Гоголя в «Мертвых душах»: «Ему подносят горькое блюдо под названием «завтра»); *прокатить на вороных* и т. д. Выражение *откладывать в долгий ящик* также звучит каламбуром, так как слово *долгий*, раскрывая основное значение фразы (отсрочивать на долгое время), воспринимается в связи с *ящик* как иронически двусмысленный образ.

Так же, как и в словах, во фразеологических единствах образное представление, сопутствующее значению, чаще не дано, а лишь постулируется, предполагается. Оно исторически изменчиво и, конечно, не нуждается в соответствиях этимологии образа. Например, *держаться в черном теле*; *вывести на чистую воду*; *отвести душу* (например, у Тургенева в «Дыме»: «Я требую малого, очень малого... только немножко мне нужно участия, только, чтобы не отталкивали бы меня, душу дали бы отвести»); *за пояс заткнуть*; *поставить крест на чем-нибудь* или даже *над чем-нибудь* (ср. у Боборыкина: «поставить крест на своей потере» — «Василий Теркин»); *не ударить лицом в грязь* (у Чехова в рассказе «Перекати-поле»: «Лицо его говорило, что он доволен и чаем и мной, вполне ценит мою интеллигентность, но что и сам не ударит лицом в грязь, если речь пойдет о чем-нибудь этаким...»); *из-за кого-чего сыр-бор загорелся* (у Чехова в рассказе «Именины»: «Что у вас произошло? — Ничего особенного. Весь сыр-бор загорелся из-за чистейшего пустяка»).

Примером каламбурного переосмысления по омонимическому сходству может служить современное понимание иронического выражения *положение хуже губернаторского*. Как известно, это выражение пошло из коннозаводческого арго. *Губернатором* там назывался самец-пробник, которого припускали к кобыле для ее раздражения перед случкой с породистым производителем. В литературном языке XIX в., особенно в его публицистических стилях, это выражение осмыслялось применительно к положению и должности губернатора. Например, у Р. И. Семевского в очерках «Силуэты администраторов» («Исторический вестник», 1892, № 2): «Поистине теперь можно говорить о «положении хуже губернаторского». Еще раньше у Маркевича в романе «Бездна» (3,14): «Не даром говорят: положение хуже губернаторского. — Он усмехнулся остроумию этой ходячей поговорки». Ср. у Чехова в «Дуэли»: «В последнее время мое здоровье сильно пошатнулось. Прибавьте к этому скуку, постоянное безденежье... отсутствие людей и общих интересов... Положение хуже губернаторского. — Да, ваше положение безвыходно, — сказал фон Корен».

Связь развития фразеологических единств этого рода с формами поэтического мышления подчеркивалась Потебней. «Элементарная поэтичность языка, т. е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний, как бы ни была она заметна, ничтожна сравнительно с способностью языка создавать образы из сочетания слов, все равно образных или безобразных»²⁰. «Невозможность или возможность и эффект сочетания двух слов, дающих образ, условлены данным языком»²¹.

²⁰ А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 104.

²¹ Там же, стр. 105.

Итак, внутренняя цельность многих выражений обусловлена единством образного значения. Многие из таких фразеологических единств представляют собою окаменевшие следы живых образных выражений, довольно свободно группировавшихся вокруг одного метафорического центра. Например, *стоять одной ногой в гробу* или *в могиле*. Ср. у Чехова в «Скучной истории»: «... и подобные нелепые мечты в то время, когда одной ногой я стою уже в могиле». Ср. в языке XVIII в.: «Искусство врачебное слабо оживотворить занесшего ногу в гроб»²².

Понимание производности, мотивированности значения фразеологического единства связано с сознанием его лексического состава, с сознанием этношения значения целого к значению составных частей. Семантическая замкнутость фразеологического единства может также создаваться эвфоническими средствами — рифмическими созвучиями, аллитерациями. Эти средства спайки и им подобные также содействуют образованию фразеологических единств. Например: *Федот да не тот; еле-еле душа в теле; всякой твари по паре* (с намеком на миф о Ноевом ковчеге); *на вкус и на цвет мастера нет; днем с огнем поискать или не сыскать, не отыскать; что было, то сплыло; хлопот полон рот; то пусто, то густо; ни кожи, ни рожи; ни ладу, ни складу; ни ложки, ни плошки; ни ответу, ни привету; ни слуху, ни духу; вот так штука капитана Кука; не в службу, а в дружбу; не твоя печаль чужих детей качать: не до жиру, быть бы живу* и т. п.

Однако в этих сложных единствах возможны и такие элементы, которые являются упаковочным материалом. Они заменимы. Тем более, что фразеологические единства не всегда образуют неподвижную, застывшую массу неотделимых элементов с постоянным порядком слов. Иногда части фразеологического единства могут быть дистантными.

Таким образом, от фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов.

Во фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа или единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно не разложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них — и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния. А. Сешеа называет такие фразеологические единства синтетическими группами и подчеркивает, что в них целостный смысл выражения до некоторой степени независим от лексических значений отдельных компонентов, во всяком случае, он не колеблется, не расширяет и не видоизменяет ни их свободных, ни их связанных значений²³.

Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия. Прямое, логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения между составным термином — научным или техническим —

²² Н. Ф. Эмин. Поэма. Изд. 2. СПб., 1788, стр. 176.

²³ А. Сешеа. La stylistique et la linguistique théorique. «Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure». Paris, 1908, p. 179.

и таким же поменклатурным ярлыком, например, названием какого-нибудь явления, предмета — большая разница. Но в бытовом языке эта разница часто стирается. Естественно, что многие из такого рода составных названий, переходя, по закону функциональной семантики, на другие предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами, т. е. превращаются в фразеологические сращения (например: *железная дорога, дом терпимости* и т. п.)

Кроме того, в истории русского литературного языка с середины XIX в. все шире развивается тенденция создавать для составных названий разговорно-просторечные эквиваленты в форме одного слова, например: *вечерняя газета — вечерка, ночлежный дом — ночлежка, Погодинская улица — Погодинка* и т. п. Примеры составных терминов: *белый гриб, задний проход, прямая кишка, прогрессивный паралич, оборонительный или наступательный союз, вопросительный знак, золотых дел мастер, дом отдыха, пути сообщения, сестра милосердия, брат милосердия, карета скорой помощи, борьба за существование* и т. п.

В сущности, нет оснований выделять в особый ряд составные термины, возникшие не в сфере научно-технического языка или профессиональных диалектов, а в разных стилях самой литературной речи. Например, *хороший тон* (ср. у Некрасова в стихотворении «Балет»:

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет),

общественное положение, общественное мнение, отрицательный тип, положительный тип и т. п.

Всякий термин, всякое выражение, проникшее в общий язык из научного или технического языка, из специальных, профессиональных диалектов, сохраняются как фразеологические единства. Например, *общие места* (*loci communes* — из риторики). Ср. у Чехова в «Обыкновенной истории»: «Обвинения огульны и строятся на таких давно избитых общих местах, таких жупелах, как измельчание, отсутствие идеалов...» Ср. у Чехова в «Скучной истории»: «Бывают страшные ночи с громом, молнией, дождем и ветром, которые в народе называются воробьиными. Одна точно такая же воробьиная ночь была и в моей личной жизни».

Понятно, что к категории составных терминов близки фразы-характеристики, включающие в себя точно очерченное содержание. Например, в русском публицистическом стиле XIX в. выражение *беспокойный человек* имело очень определенное общественно-бытовое содержание. Им обозначался разряд людей, готовых бороться хоть в умеренной степени с социальными несправедливостями режима, близких к категории политически неблагонадежных. Ср. у Некрасова в стихотворении «Филантроп»:

Сожалели по Житомиру:
Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!

У Дружинина: «В старое время его считали беспокойным и чуть-чуть не неблагонадежным» («Благотворительность особого рода»). У Салтыкова-Щедрина: «Обыденная жизненная практика снисходительно отзовется

к вору, ходатайствующему по «своему» делу и назовет беспокойным, безалаберным (а, может быть, даже распространителем «превратных толкований») человека, которому дорого дело «общее», дело его страны («За рубежом»).

В фразеологических единствах грамматические отношения между компонентами легко различимы. Они могут быть сведены к живым современным синтаксическим связям. Это естественно. Потенциальная лексическая делимость как основной признак фразеологического единства, отличающий его от фразеологического сращения, естественно предполагает и синтаксическую разложимость словосочетания. Таким образом, и здесь грамматические формы и отношения держатся устойчивее, чем семантические. Здесь сохраняется, так сказать, морфология застывших синтаксических конструкций, но их функциональное значение резко изменяется. В той мере, в какой фразеологические группы этого типа являются семантически неделимыми единицами, приходится считать их и синтаксически несвободными, хотя и разложимыми, слитными словосочетаниями.

Это положение получит особенную ясность и выразительность, если применить его к тем группам фразеологических единств, которые состоят из союзных или предложных речений. Таковы, например, союзные речения, чаще всего образующиеся из непроизводного союза, предложной формы имени существительного со значением времени, места или причины и указательного местоимения, или из союза и указательного местоимения с подходящим по значению предлогом: *до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, с того времени как, ввиду того что, по мере того как, между тем как, после того как, потому что, до того что, несмотря на то что, вместо того чтобы* и т. п. Сюда же примыкают союзы, включающие в себя наречия образа, сравнения или сравнительной степени: *подобно тому как, прежде чем, так чтобы*; просторечное *даром что* и др. под. Наконец, можно отметить составные союзы из модальных частиц: *едва только, чуть лишь*. Ср. *не то чтобы, как будто бы* и т. п. (Такие союзы, как *так как, добро бы* и т. п. превратились в сращения.)

Все эти служебные слова семантически неразрывны, функционально неделимы, хотя с этимологической точки зрения производны. Эта аналогия бросает свет на синтаксическую природу фразеологических единств.

V

Рядом с фразеологическими единствами выступают и другие, более аналитические типы устойчивых сочетаний слов. Фразеологические единства как бы поглощают индивидуальность слова, хотя и не лишают его смысла: например, в выражениях разговорной речи *глаз не казать, носу не казать* потенциальный смысл глагола *казать*, не встречающегося в других контекстах, еще ощутим в структуре целого.

Но бывают устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. (при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.); *обдать презрением, злобой, обдать взглядом ласкающего сочувствия* и т. п. (при семантической недопустимости выражений *обдать восхищением, завистью* и т. п.).

В самом деле, большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово *брать* в значении «овладевать, подвергать своему влиянию» и в применении к чувствам, настроениям — не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость, зло берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота берет* и нек. др. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* (ср. охватывает) и т. п. Таким образом, круг употребления глагола *брать* в связи с обозначениями чувств и настроений фразеологически замкнут.

Фразеологически связанное значение иногда трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании.

Едва ли нужно еще раз добавлять, что многие слова вообще не имеют свободных значений. Они лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе тесных фразеологических групп. Их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов. Можно сказать, что лексическое значение таких слов определяется местом их в лексической системе данного языка, их отношением к синонимическим рядам слов и словесных групп, их положением в родственном лексическом или грамматическом гнезде слов и форм. Таково, например, в современном языке слово *потупить*. Оно выделяется из устойчивых словесных групп: *потупить взор, взгляд, глаза; потупить голову*. Оно поддерживается наличием слова *потупиться*, которое обозначает то же, что *потупить глаза, голову*. Оно, наконец, воспринимается на фоне синонимических фраз: *опустить глаза, опустить голову*. Таково, например, применение глагола *находить* — *найти* в сочетании с некоторыми субъектами действия, обозначающими какое-нибудь резкое изменение физического или душевного состояния, свойственное устной речи, в значении «внезапно охватить кого-нибудь, овладеть всем существом кого-нибудь». Это значение фразеологически ограничено: *нашло на кого-нибудь вдохновение, раздумье, нашел столбняк, нашла на кого-нибудь фантазия*. Ср. у Л. Толстого в «Люцерне»: «Я пошел к себе наверх, желая заспать все эти впечатления и глупую детскую злобу, которая так неожиданно нашла на меня».

К числу немногих слов, сочетающихся с глаголом *найти* в этом значении, принадлежит и потенциальное, устно-фамильярное слово *стих*, почти не встречающееся вне этого сочетания: *какой-нибудь стих нашел на кого-нибудь*. Ср. у Фонвизина в «Бригадире»: «Не гневайтесь, матушка, на своего супруга. На него сегодня худой стих нашел». У Тургенева в рассказе «Конец Чертопханова»: «И хоть бы слово кому промолвила — все только глазами поводила, то задумывалась... Этаким стих и

прежде на нее находил». У Чехова в рассказе «Учитель словесности»: «Иногда на него находил философский стих». Но ср. у Гл. Успенского в «Разоренье»: «Ласковый тон и тихий стих, осенивший отца, отнял у собеседника последнее средство обороны — ругательство».

Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение (типичное, например, для «Толкового словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова) неминуемо приводит к искажению всей смысловой структуры слова²⁴. Можно думать, что степень свободы и широты фразеологических связей слова до некоторой степени зависит и от его грамматической структуры. Наиболее многообразно и свободно комбинируются номинативные значения существительных, особенно конкретного, вещественного характера. Затем идут непереходные глаголы, вслед за ними переходные. Необходимо отметить, что в русском литературном языке со второй половины XVIII в. все более широко распространяются сочетания глаголов с отвлеченными именами в качестве субъектов действия. Почти на одном уровне с глаголами находятся свободные связи имен прилагательных в основных номинативных значениях. В категории наречия только наречия качества и степени, отчасти времени и места располагают более или менее широкими возможностями словосочетания; остальные разряды наречий очень связаны фразеологически. Фразеологические группы, образуемые реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке. Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего называть фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах.

Например, разговорное слово *беспросыпный* употребляется лишь в сочетании со словом *пьянство*, также возможно словосочетание *беспросыпно пьянствовать*. Синоним этого слова *беспробудный*, нося отпечаток книжного стиля, имеет более широкие фразовые связи: *спать беспробудным сном, беспробудное пьянство*. В этих примерах прозрачность морфологического состава слов *беспросыпный* и *беспробудный*, связь их с многочисленными лексическими гнездами поддерживает их лексические значения, их некоторую самостоятельность.

Отличие синтетической группы или фразеологического единства от фразеологического сочетания состоит в следующем. Во фразеологическом сочетании значения сочетающихся слов в известной степени равноправны и рядоположны. Даже несвободное значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимом. Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несво-

²⁴ Подробнее о свободных и связанных значениях слова см. мою статью «О свободных и связанных значениях слова» (Статья не была напечатана. — *Ред.*).

бодного слова (например, *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т. п., ср. *задеть*). В языке происходит постоянное столкновение аналитических тенденций, направленных на расчлененное понимание словосочетания, и тенденций синтетических, ускоряющих переход фразеологического сочетания в фразеологическое единство. Взаимодействие этих тенденций в каждом конкретном случае регулируется живой системой лексических соотношений и положением данного выражения в этой системе. Живая языковая практика тяготеет к непосредственному охвату целостного значения словесной группы и ее традиционной формы²⁵. Затемнение или увядание значений такого несвободного слова ведет к утрате им даже той относительной лексической отдельности, которой оно раньше обладало. Тогда фразеологическое сочетание постепенно превращается в фразеологическое единство и само несвободное слово становится словом потенциальным, а не реальным. Например, в современном литературном языке книжное слово *претворить* утрачивает свое церковнославянское значение «превратить» и сохраняется лишь в выражениях: *претворить в жизнь, претворить в дело*, ср. *претвориться в жизнь, претвориться в дело*. Синоним *воплотить* гораздо шире по своему семантическому объему и рельефнее по своим лексическим связям, по своей словообразовательной природе. Он не в силах удержать выветривание собственного значения в глаголе *претворить*, не подкрепляемого ни мертвой приставкой *пре-*, ни отдаленным семантическим родством с *творить*.

Таким образом, уже среди тесных фразеологических групп, образуемых реализацией так называемых несвободных значений слов, среди фразеологических сочетаний выделяются два типа фраз: аналитический, более расчлененный, легко допускающий подстановку синонимов под отдельные члены выражения, и более синтетический, близкий к фразеологическому единству.

Фразеологические группы или фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений. Для того чтобы у фразеологической группы нашлось омонимическое словосочетание, необходимо наличие слов-омонимов для каждого члена группы. Однако сами фразеологические сочетания могут быть омонимами фразеологических единств или сращений. Например, *отвести глаза от кого-нибудь* — фразеологическое сочетание; *отвести глаза кому-нибудь* — фразеологическое единство. Ср.: «Я с усилием отвел глаза от этого прекрасного лица»; «Александр долго не мог отвести глаза от нее» (Гончаров, Обыкновенная история). Но: «Г-н Спасович решительно хочет отвести нам глаза» (Достоевский, Дневник писателя, 1876, февраль); «Обходительность и ласковость были не более как средство отвести покупателям глаза, заговорить зубы и всучить тем временем гнилое, лилючее» (Гл. Успенский, Книжка чеков).

В фразеологических сочетаниях синтаксические связи вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы — воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи.

²⁵ См.: *Alb. Sechehaye. Locutions et composées. «Journal de psychologie», XVIII, p. 654 et suiv.*

Следовательно, грамматическое расчленение ведет к познанию лишь этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических функций в современном языке.

Академик Ф. Ф. Фортунатов в своем курсе «Сравнительного языковедения», классифицируя «непростые или сложные слова»²⁶, объединил с ними и «слитные речения» типа: *железная дорога*, *великий пост* как «однородные по значению с слитными словами». «Это сочетание слов «железная дорога», — писал Фортунатов, — не образует, однако, собою одно слово, так как в первой части заключает такое слово, которое по форме словоизменения является отдельным словом, как часть словосочетания (железную дорогу, железной дороги и т. д.)»²⁷. Другие типы устойчивых сочетаний слов не были замечены и отмечены акад. Фортунатовым. А. А. Шахматов, создавая собственную грамматическую систему, далеко выходящую за пределы Фортунатовской концепции, не мог удовлетвориться и тем решением, которое получил у Фортунатова вопрос о неразложимых словосочетаниях. Изучение громадного фактического языкового материала с новых синтаксических точек зрения открывало перед исследователем новые горизонты и в этой области. Но акад. А. А. Шахматов не успел разрешить все вопросы, в новом свете встававшие перед ним, тем более что для него все очевиднее становилась тесная связь грамматики с областью лексикологии и фразеологии. Разработка проблем лексикологии и фразеологии должна вестись параллельно с дальнейшим развитием синтаксической науки.

Моя статья, внушенная «Синтаксисом русского языка» А. А. Шахматова, является слабой данью ученика светлой памяти великого учителя.

²⁶ Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Лекции..., читанные в 1897—1898 г. Литогр. изд., стр. 230—249.

²⁷ Там же, стр. 242.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

I

Проблема значения слова, проблема смысловой стороны слов и выражений чрезвычайно существенна для марксистского языкознания. От правильного решения этой проблемы во многом зависит понимание объема, предмета и задач семантики или семасиологии в общей системе науки о языке. Изучение закономерностей развития словарного состава языка также невозможно без глубокого проникновения в существо исторических изменений значений слов. Исследование целых групп, систем, рядов, категорий слов и законов их семантических изменений все больше и больше начинает входить в практику исторической и сравнительно-исторической лексикологии. Следовательно, выяснение сущности значения слова, анализ качественных изменений в структуре значений слов — в их историческом движении, — является одной из основных задач лексикологии. Определение или толкование значений слов — главная цель составления словарей, прямой объект лексикографии.

Изучение законов развития смысловой стороны слов и выражений того или иного языка в связи с развитием этого языка, в связи с историей соответствующего народа должно быть органической частью общей истории данного языка. В этой мало исследованной области языкознания перед советскими лингвистами открывается множество неотложных проблем и задач. Важнейшие из них — создание исторических словарей языков с давней письменностью и построение описательных, исторических и сравнительно-исторических лексикологий разных языков. Начало движения в этом направлении — составление точных, адекватных языковой действительности толковых словарей современных языков.

Акад. Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии», говоря о повсеместном отсутствии хороших исторических словарей, заметил: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение. . . Вопрос осложняется еще тем, что слова каждого языка образуют систему. . . и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы; следовательно, исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако — неизвестно, так как самый вопрос как будто еще не ставился во весь рост»¹.

¹ Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1940, № 3, стр. 117.

С этим заявлением современного нам языковеда любопытно сопоставить слова писателя начала XIX в. И. М. Муравьева-Апостола, который так рассуждал о словарях — толковых и исторических: «Все эти толковые словари кажутся мне похожими на арсеналы, в которых тьма древних и новых оружий, развешанных по стенам в систематическом порядке. Войди в них, и с первого взгляда покажется тебе сокровище необъятное. Но как дело дойдет до вооружения, так и не знаешь, за что и как приняться, потому что оружие знакомо тебе только по одной надписи, которая висит над ним, а не по ручному употреблению»².

Одним из путей подхода к решению сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов, является выяснение разных типов или видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова.

Общеизвестно, что слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значения, а иногда и целой системы значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств [ср., например: *пища, питание; продукт — продукты* (в разных значениях); *драгоценность — драгоценности; образец, образ; вести, идти, лететь, отплатить* и т. п.]. С другой стороны, разные слова, отличающиеся одно от другого своими значениями или их оттенками, могут быть применены по отношению к одному и тому же предмету как его названия (например: *пища, питание, еда, стол*).

Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков. Так, глагол *насолить*, кроме прямого конкретного значения «заготовить солением, положить много соли во что-нибудь», еще имеет в современном языке переносное значение «повредить, причинить неприятность». Вероятнее всего, это переносное значение глагола *насолить* возникло на основе некогда существовавших представлений о колдовстве. По суеверным представлениям прошлого, болезнь и порчу могло вызывать разбрасывание с наговором различных предметов. Лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались «порче»; с целью нанести вред и употреблялась часто «наговорная соль»³.

Между рядами предметов, действий, качеств, обозначаемых словами, существуют разнообразные взаимодействия и соотношения. Предмет, названный словом, может оказаться звеном разных функциональных рядов,

² [И. М. Муравьев-Апостол]. Письма из Москвы в Нижний Новгород (1813—1814 гг.). Письмо 10-е. «Сын отечества», 1814, № VII, стр. 19—30.

³ Проф. Л. В. Черепнин в статье «Из истории древнерусского колдовства XVII в.» [«Этнография» (М.—Л.), 1929, № 2, стр. 96] приводит судебные-следственные материалы, свидетельствующие о том значении, которое придавалось действию соли, подвергшейся наговорам. В XVII в. «колдун Терешка Малакуров „на соль наговаривал и метал по улицам и по перекресткам, кто перейдет и того возьмет пуще“. Жена луховского крестьянина Трошки Яковлева „сыпала соль с наговором в воротах от вереи до вереи“ для того, чтоб „серцо отнять“ у приказчика, который держал „в железах“ ее мужа».

разных сторон действительности, включенных в общую широкую картину жизни. Слово помогает осмыслить и обобщить эти отношения. Все это находит отражение в развитии значений слова в языке того или иного исторического периода.

Так, слово *концовка* связано с профессиональной терминологией работников печати. В типографском деле оно и теперь обозначает рисунок, графическое украшение в конце рукописи, книги или в конце главы, раздела. Слово *концовка* образовано от прилагательного *концовый* или *концевой* с помощью суффикса *-ка* (ср. разговорные *столовка*, *вишневка*, *открытка* и т. п.). Этот тип словообразования приобретает особую продуктивность в русском литературном языке с 60-х годов XIX в.

Слово *концовка* в русском языке (ср. польск. *koncówka* и чеш. *koncovka*) возникло не ранее последней четверти XIX в.⁴ В начале XX в. это слово расширило свои значения: оно было перенесено в область литературной и музыкальной терминологии (*концовка стихотворения*, *концовка романса*). Словом *концовка* стала называться заключительная часть какого-нибудь произведения. Например, в книге либерального критика А. А. Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910): «Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский довели до предельного совершенства реалистический гоголевский и пушкинский рассказ. За ними черта, точка, завершительная концовка».

Таким образом, формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала. Это понимание, воплощаясь в значении слова, становится элементом смысловой структуры данного языка в целом. Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений.

При отношении к слову только как к названию нельзя установить принципиальной разницы между разными значениями одного и того же слова и между различными словами-омонимами. Так, в «Искре» (СПб., 1859, № 42) был напечатан под злободневной карикатурой на редактора одного журнала такой диалог: «У меня сегодня весь день в голове стреляет. — Сами виноваты, зачем завели в ней так много дичи». Без понимания семантических отношений соответствующих слов в лексической системе русского языка нельзя лингвистически осмыслить, в чем соль этой остроты, этого каламбура; «стреляет в голове» и «стрелять дичь на охоте» — разные действия, но образуют ли обозначения этих действий разные слова, или же они входят в строй значений одного и того же слова? Как относится слово *дичь* — обозначение чепухи, ерунды, вздора к *дичи* — обозначению диких птиц, объекта стрельбы?

Исходя из предметов действительности, из природы вещей, пришлось бы признать значения слова *хребет*: 1) «спина, позвоночник» (*спинной хребет*, *своим хребтом отдуваться*) и 2) «цепь гор, тянущихся в каком-нибудь направлении» — разными словами, омонимами. Между тем в русском языке это — разные значения одного и того же слова *хребет*. Им со-

⁴ Впервые оно зарегистрировано в «Словаре русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук», т. IV, вып. 7. СПб., 1913, стр. 1923; ср.: Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I. М., 1935, стр. 1456.

ответствуют разные слова в других языках, например во французском: 1) *colonne vertébrale, épine dorsale, rachis*; 2) *dos, échine* и 3) *crête, chaîne de montagnes*.

Не провикая глубоко в семантические основы данной конкретной языковой системы, невозможно установить признаки и нормы конструктивного объединения значений в составе одного и того же слова, способы образования новых слов и значений, невозможно отличить омонимы от разных значений одного слова. Смысловые границы слова могут быть очень широки, а иногда и не вполне определены. Смысловая область слов (даже многих научных терминов) имеет пограничные зоны и многочисленные переходные оттенки.

Между словарем науки и словарем быта — прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь даже так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (*вес, работа, сила, тепло, звук, свет, тело, отражение* и т. п.). Еще большее значение имеет народное мышление и созданная им терминология для наук общественных и политических⁵.

Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова (например: *движение, развитие, язык, общество, закон* и т. д.); оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова.

В языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части заключает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями. В богатстве таких отголосков и заключается ценность удачного названия или художественного выражения. Эти черты семантики слова уже давно — со времени литературно-художественной деятельности А. С. Пушкина — были осознаны нашими филологами и писателями. Так, например, П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту (29 сентября 1845 г.) о своей лекции в университете: «Я изъяснил, что нет в языке слов равнозначащих совершенно, потому что с лексиконным значением в голову приходит с каждым словом идея века, народа, местности, жизни. Все это удалось мне выяснить простым примером — *борода* и *брада*. Первая так и рисует читателю Русь в виде ее мужика, купца или попа. Второе каждого из нас переносит во времена патриархов (иудейских), в жизнь восточных народов и проч., оттого

⁵ Повсюду, где народные представления подвергаются серьезной научной или практически деловой переработке, выплывает неясная пограничная область, и создание более резких границ превращается в проблему. Поверхностные признаки различия между растением и животным, которые каждому непосредственно бросаются в глаза и которые в течение тысячелетий казались достаточными, совершенно непригодны для высшей ступени научного познания; ср.: К. О. Erdmann. Die Bedeutung des Wortes. Leipzig, 1925, стр. 76.

только, что это слово врезалось в памяти из церковных книг. На этом я основал важное учение о мастерстве давать картинам точные краски в литературных произведениях»⁶.

Позднее проф. А. В. Никитенко (в дневнике 26 января 1864 г.) заметил: «То выражение особенно хорошо, которое, с точностью передавая определенную мысль, вместе с тем дает вам чувствовать и отношение ее к другим мыслям, более или менее к ней близким или отдаленным, но которые не входят непосредственно в цепь излагаемых вами понятий»⁷. Язык Пушкина представляет разительные примеры семантической многоплановости слова и — вместе с тем — многообразия его возможных художественных применений.

Связь значений слова с лексико-семантической системой языка осуществляется через посредство внутренне объединенных разнообразных предметно-смысловых и экспрессивно-синонимических словесных групп⁸.

Вследствие сложности смысловой структуры слова, вследствие многообразия его соотношений и живых взаимодействий с другими лексическими звеньями языковой системы бывает очень трудно разграничить и передать все значения и оттенки слова даже в данный период развития языка, представить со всей полнотой и жизненной конкретностью роль слова в речевом общении и обмене мыслями между членами общества.

II

Отсутствие разработанной семантической теории слова сказывается в том, что у нас не обобщены и не систематизированы наблюдения над качественным своеобразием значений и форм их связи, их внутреннего объединения у слов, относящихся к разным грамматическим классам. Не может считаться достаточно изученным вопрос о характере соотношений и взаимодействий лексических значений с грамматическими у разнообразных типов предлогов, союзов, частиц и других разрядов служебных слов. Внутреннее своеобразие лексических значений, например, предлога в соотношении с семантическими свойствами глаголов, прилагательных и других частей речи не определено (ср., например: *полное ведро воды* и *ведро с водой*; *домик, принадлежащий бабушке* и *домик у бабушки*; *генерал, сопровождаемый ординарцами* и *генерал с ординарцами*; *калитка без запоров* и *калитка, не имеющая запоров* и т. п.).

Высказывалась мысль, что семантический объем и способы объединения значений различны в словах, принадлежащих к разным знаменатель-

⁶ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, стр. 574—575.

⁷ Дневник Александра Васильевича Никитенко. «Русская старина», 1891, апрель, стр. 144.

⁸ Для иллюстрации экспрессивно-стилистических, а отчасти и социально-речевых взаимоотношений между синонимическими или близкими по смыслу словами можно припомнить известный анекдот о знаменитом адвокате Ф. Н. Плевако: «Старый анекдот гласит о том, что однажды к московскому „златоусту“ явился именитый купец с каким-то весьма неприятным делом. Плевако, после „оскультации“ и ознакомления с делом, во время чего купец сидел ни жив ни мертв, наконец, молвил: „Ну, что же, дело ничего, дело можно и обернуть!“ — „Уж будь, Федор Никифорович, отцом-благодетелем! Не оставь!“ — „Благодетельствовать я тебе не буду, а давай аванс!“ Купец глаза вылушил: „Это что же такое, Федор Никифорович, аванс?“ — „Ах, ты, чудак! Задаток знаешь?“ — „Ну, вестимо, знаю!“ — „Так вот, аванс вдвое больше!“» [А. Р. Кугель (Номо повус). Литературные воспоминания (1882—1896 гг.). Пг.—М., 1923, стр. 101].

ным частям речи. Так, смысловая структура глагола шире, чем смысловая структура имени существительного, и круг его значений подвижнее. Например, глагол *звонить* служит в современном русском языке обозначением разных действий, связанных и со звоном, и со звонком (ср. соотношение глагола *свистеть* с существительными *свист* и *свисток*, глагола *гудеть* — с *гудение* и *гудок*; ср. объединение в глаголе *вытравить* значений, связанных с существительными *трава*, *отрава* и *травля*). Еще более эластичны и разнообразны значения качественных прилагательных и наречий (таких, как *легкий*, *легко*, *простой*, *просто* и т. д.).

Широта фразовых связей слова также зависит от его грамматической структуры. Нередко различие лексических значений слова связано с разными его грамматическими формами. Например, глагол *холодать* употребляется или безлично со значением «становиться холоднее» (форма совершенного вида — *похолодать*): *Уже совсем стемнело и начинало холодать* — или лично — применительно к живым существам (причем по отношению к людям всегда в сочетании с глаголом *голодать*) в значении «зябнуть, страдать от холода» (*холодал и голодал*). Ср. у Гаршина в рассказе «Четыре дня»: «Неужели я бросил все милое, дорогое, шел сюда тысячеверстным походом, голодал, голодал, мучился от зноя...»

Границы между словом и грамматической формой слова бывают подвижными, скользкими. Например, сложен и спорен вопрос, можно ли считать формами одного и того же слова такие глагольные разновидности, как, например, *заслуживать* с винительным падежом (несовершенный вид к *заслужить*: *В это время он заслуживает доверие своих товарищей*) и *заслуживать* с родительным падежом (в значении «быть достойным чего-нибудь»: *Проект заслуживает внимания; Книга заслуживает всяческой похвалы* и т. д.).

Русский язык, как и другие языки, имеет ряд слов, которые употребляются только в какой-нибудь одной форме. Так, мы имеем одну форму родительного множественного — *щец*. Считать ли ее формой слова *щи*, параллельной форме *щей*, или видеть в ней особое слово? (ср. *дрова* — *дров*, *дровец*). Также мы пользуемся одной формой дательного множественного: (по) *мордасам*. Связывать ли ее экспрессивно со словом *морда*? Слово *мордас*, по-видимому, имело некогда увеличительно-презрительное значение «надутая щека» (ср. *дубасить* от областного *дубас*).

Иногда вопросы этого рода разрешаются проще. Например, у некоторых советских писателей употребляется областное слово *угрево* в среднем роде, у других — слово *угрева* в женском роде. Например, у С. Голубова в повести «Атаман и фельдмаршал» читаем: «Солнечное угрево приласкало землю. Вода побежала светлыми ручейками в овраги...» («Доблесть». Повести и рассказы). У Л. Леонова во «Взятии Великошумска»: «Маленькое сероватое существо, ежась от холода и дремотно шурясь на свет, лежало в огромной правой ладони танкиста; левою он прикрывал его от простуды, так что хвост и ноги оставались под угревой мокрого обрядинского рукава». Очевидно, это — формы одного и того же слова. Но, вероятно, разными словами должны быть признаны *заправлять* — форма несовершенного вида к *заправить* (*Заправлять машину бензином*) и *заправлять* в значении «быть заправкой» (*Всеми делами в доме заправляла свояченица*).

Для того чтобы уловить потенциальные тенденции смыслового развития слов, целесообразно исследовать и способы их индивидуально-творческого применения и преобразования, хотя индивидуально переосмыс-

ление слова, не получившее общественной санкции, обычно не меняет присущих этому слову значений. Ср. у Марлинского индивидуальное применение слова *междометие*: «Все лица вытянулись восклицательными знаками; на всех ртах бродили междометия» («Мулла-Нур»).

Вместе с тем индивидуальное употребление слова может быть связано с выполнением им характерологических функций в языке художественной литературы. Так, в пьесе Чехова «Юбилей» бухгалтер Хирин подвергает слово *междометие* комической этимологизации (между-метия — «мелькания»): «А тут еще воспаление во всем теле. Зноб, жар, кашель, ноги ломит и в глазах этакое... междометия».

Изучение способов и своеобразий индивидуального употребления слова должно производиться не только на фоне системы уже установившихся общественных его значений, но и на фоне его типических образных применений. Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии», перечислив разные значения слова *игла*, указывал на необходимость — в восполнение их — очертить весь фразеологический круг образного употребления этого слова: «Как бы мы ни решали вопроса о значении этого слова, остается все же вопрос о том, в каких случаях *игла* может быть употреблено образно. Можно ли, например, сказать о гвоздях, натканых для затруднения воров поверх забора, что они *торчат как иглы*? Мне кажется, что нельзя; это, хотя и неважно само по себе, однако показывает, что в словаре должны быть исчислены все традиционные случаи образного применения данного слова»⁹.

Изучение образного применения слова особенно важно для полного и широкого воспроизведения истории так называемых фразеологически связанных значений, для понимания их генезиса. Например, слово *когти* в русской литературе начала XIX в. употреблялось как образ хищнического насилия, цепкого и мучительного властвования. Оно повлекло за собой в круг переносного употребления многочисленную группу слов и фраз. *Когтями* образно наделяются в русской художественной литературе болезнь, смерть, нищета, тоска, горе и горестные чувства (например, горькое воспоминание), изуверство, фанатизм, ложь, разврат и другие отрицательные, но стихийные страсти, эмоции и явления.

В связи с этим развивается такая фразеология: «...Смерти в когти попадешь, и не думая о ней!» (Д. Давыдов, Песня); или у Марлинского: «Бедный, добрый друг, — для того ли выпустила она (смерть. — В. В.) тебя из когтей своих, чтобы похитить после удачи» («Наезды»); или: «Смерть впустила в него когти свои» («Латник»). У Гоголя в «Невском проспекте»: «Разврат распустил над нею страшные свои когти»; у Лермонтова в стихотворении «Ночь»: «Воспоминание в меня впилося когтями»; у А. К. Толстого в романе «Князь Серебряный»: «Отчаяние схватывало его как железными когтями»; у Тургенева в «Накануне»: «Я видела тебя в когтях смерти, без памяти»; у Чехова в «Крыжовнике»: «Как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда — болезнь, бедность, потери».

На почве этой фразеологии, даже если бы она получила широкое распространение за пределами художественной литературы и риторической публицистики, едва ли могло сложиться у слова *когти* переносное, фразеологически связанное значение (когти чего-нибудь — «губительная власть чего-нибудь», «терзающая сила чего-нибудь»). Образ, возникаю-

⁹ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 103.

щий на базе предметно-конкретного слова, при наличии опорного прямого номинативного значения, обычно не стирается и не погасает. Сохранение яркой образности в этом случае — симптом того, что новое значение еще не выкристаллизовалось, не получило концентрации в самой смысловой структуре слова.

В других случаях на основе расширения фразеологических связей у слова может сложиться новое значение. Такова, например, картина развития значений слова *кодекс* в русском литературном языке XIX в. В 20—40-е годы, когда перед русской передовой интеллигенцией встает с особенной остротой вопрос об общественно-политических убеждениях, слово *кодекс* из юридической терминологии переносится в сферу вопросов мировоззрения, жизненной морали и общественного поведения. Круг фразеологических связей у этого слова расширяется. Например, у Баратынского в «Цыганке»: «Развратных, своевольных правил Несчастный кодекс свой составил»; у Гончарова: *кодекс сердечных дел* («Обыкновенная история»), *кодекс дружбы* («Фрегат Паллада»); у Добролюбова: *кодекс убеждений* («Мишура»); у Салтыкова-Щедрина: *кодекс житейской мудрости* («Невинные рассказы»); у Достоевского: *кодекс нравственности* («Зимние заметки о летних впечатлениях»), *кодекс приличий* и т. п.

В связи с расширением контекстов употребления слова *кодекс* постепенно складывается то его фразеологически связанное значение, которое определяется в современных толковых словарях как «система, совокупность норм чего-нибудь — правил, привычек, убеждений» и т. д.

Таким образом, семантическая сторона языка составляет часть его структуры и определяет его качество так же, как звуковая система языка, его грамматический строй или словарный состав.

III

Термин «лексическое» или, как в последнее время стали говорить, «смысловое значение слова» не может считаться вполне определенным. Под лексическим значением слова обычно понимают его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка. Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных «кусочков действительности», между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь. Разграничение и объединение этих разнородных предметно-смысловых отношений в структуре слова сопряжено с очень большими трудностями. Эти трудности дают себя знать в типичных для толковых словарей непрерывных смещениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений слова, в постоянных разногласиях или разноречиях по вопросу о количестве значений слова и о правильности их определения.

Отсутствие ясности в определении понятия «лексическое значение слова» очень тяжело сказывается в практике словарного дела. В каждом толковом словаре пропускаются сотни, если не тысячи живых значений слов и изобретается множество несуществующих значений. Вот несколько иллюстраций из «Толкового словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В слове *аллегория* выделено особое, самостоятельное

значение: «Туманная, непонятная речь, нелепость (простореч.)». В качестве наиболее показательной иллюстрации его приводится фраза: *Ты мне аллегорий не разводи, а говори прямо*¹⁰. Но слово *аллегория* в общенародном языке не означает нелепости, хотя и может применяться для характеристики неясной, непонятной речи, например в речи гоголевского городничего из «Ревизора»: «А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливая такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку». У слова *багаж* найдено значение — «эрудиция, запас знаний»¹¹. И тут значение смешивается с употреблением. Только в соответствующем контексте и притом чаще всего в сочетаниях с определениями *умственный, научный, ученый* и т. п. у слова *багаж* возникает этот смысловой оттенок. Слову *баня* приписано отдельное значение: «Жара, парный, разгоряченный воздух» (*Какая у вас баня!*)¹². Но и это — лишь метафорическое применение основного значения слова *баня*. В прилагательном *безголовый* отыскивается переносное значение «крайне рассеянный или забывчивый». Иллюстрации: *Ах, я безголовая: печку затопила, а трубу не открыла. Уж очень я безголова*¹³.

Академический «Словарь современного русского литературного языка» открывает в слове *безразличный* значение «ничем не отличающийся; одинаковый со всеми» и иллюстрирует его примером из «Обломова» Гончарова: «Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный»¹⁴. Такие случаи немотивированного выделения и неправильного определения значений слов в большом количестве содержатся во всех толковых словарях современного русского языка.

Интересно наблюдать колебания наших лексикографов в решении вопроса, можно ли считать особым значением возникающие и развивающиеся формы переносного, образного употребления слова. Так, слово *беззубый* в своем прямом номинативном значении может сочетаться с названиями живых существ, а также со словами *рот, часть* и синонимичными. Но это слово употребляется переносно. Переносное употребление его типизировано и фразеологически замкнуто в узкий круг выражений: *беззубая критика, беззубая острота, беззубая насмешка* и т. п. Естественно, может возникнуть вопрос, имеем ли мы здесь дело с несвободным, фразеологически связанным значением или только с употреблением, еще не приведшим к общественно-установившемуся, обобщенному значению.

В академическом словаре русского языка под ред. Я. К. Грота, в словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, в однотомнике С. И. Ожегова утверждается наличие в этом слове особого переносного значения. Но определения, истолкования этого значения у разных лексикографов крайне противоречивы. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова переносное значение слова *беззубый* толкуется очень субъективно: «Бессильный, тупой, не способный повредить или обидеть» (*беззубая злоба*)¹⁵. В словаре

¹⁰ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935, стр. 27; ср.: Словарь современного русского литературного языка, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 95.

¹¹ Словарь Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 75.

¹² Там же, стр. 87.

¹³ Там же, стр. 106.

¹⁴ Словарь современного русского литературного языка, т. I, стр. 360.

¹⁵ Словарь Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 110; ср.: Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. I. Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1895, стр. 142: «*Беззубый... бессильный*» (*беззубая злоба*).

С. И. Ожегова толкованию этого значения придается гражданский характер: «лишенный остроты, слабый, непринципиальный» (*беззубая критика*)¹⁶. Кроме слова *непринципиальный*, явно сюда не идущего, это толкование воспроизводит характеристику соответствующей фразеологии в академическом «Словаре современного русского литературного языка», но там переносное употребление слова *беззубый* с полным основанием не признается за особое самостоятельное значение.

В смысловой структуре слова, как и в других сторонах языка, есть элементы нового, элементы живые, развивающиеся, и элементы старого, элементы отмирающие, отходящие в прошлое. Например, слово *ярый* у нас вытесняется синонимом *яростный*, образованным от *ярость* (само же слово *ярость* возникло как производное отвлеченное существительное к *ярый*).

В современном русском языке *ярый* — за пределами народно-поэтических формул (*свеча воску ярого*) — обычно употребляется в ограниченном кругу фразеологических сочетаний: *ярый поклонник чего-либо*, *ярый сторонник*, *ярый любитель чего-нибудь* в значении: «страстный, усердно преданный чему-нибудь, неистовый». Таким образом, *ярый* выражает лишь общую экспрессивную характеристику степени увлеченности кого-нибудь чем-нибудь. Прежние основные значения этого слова, хотя и не в полном объеме, как бы перешли к слову *яростный* — «неукротимый, неистовый, ничем не сдерживаемый» (*яростные атаки*), «полный ярости» (*яростный гнев*). Однако любопытно, что в других параллельных образованиях такого же типа складываются совсем иные отношения между соотносительными словами, например: *дерзкий* и *дерзостный*, *сладкий* и *сладостный*, *жалкий* и *жалостный*, *злой* и *злостный*, *тяжкий* и *тягостный*, *рад* и *радостен* и т. п.

Наблюдения над способами объединения разных значений в слове, а также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Общеизвестно, что слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент.

В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений.

Основные номинативные значения слов, особенно тех, которые принадлежат к основному словарному фонду, очень устойчивы. Эти значения можно назвать свободными, хотя их свобода обусловлена социально-исторически и предметно-логически. Функционирование этих значений слов обычно не ограничено и не связано узкими рамками тесных фразеологических сочетаний. В основном, круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира, например:

¹⁶ С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 2. М., 1952, стр. 32.

пить воду, квас, вино, чай, сидр, виноградный сок и т. п.; каменный дом, подвал, фундамент, пол, сарай и т. п.; щурить, прищуривать глаза; силлабический стих, стихосложение.

У слова может быть несколько свободных значений, в которых непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности (ср. *шапка* — «головной убор» и «заголовок крупным шрифтом, общий для нескольких статей»).

Однако по отношению к основному номинативному значению все другие значения этого рода в слове являются производными. Эту производность вторичных номинативных значений нельзя смешивать с метафоричностью и с образностью. В той мере, в какой эти значения не отрываются от основного, они понимаются соотносительно с ним и могут быть названы номинативно-производными значениями. Часто они бывают уже, теснее, специализованнее, чем основное номинативное значение слова. Таково, например, у слова *капля* — *капли* номинативно-производное значение «жидкое лекарство, принимаемое по числу капель». Оно свойственно формам множественного числа — *капли*. Например, у Грибоедова в «Горе от ума»: «Не дать ли капель вам?». У Пушкина в «Скупом рыцаре»: «Он составляет капли... право, чудно, Как действуют они». Ср. у Тургенева в повести «Клара Милич»: «Прописал капли да микстуру».

Любопытно совмещение трех разновидностей номинативных значений в слове *трение*. Термин механики *трение* был использован для характеристики общественных отношений. Это произошло в литературном языке последней трети XIX в., не ранее 70—80-х годов. Слово *трение* до тех пор выражало лишь прямое значение: «действие по глаголам *тереть* и *тереться*», «состояние трущихся один о другой предметов», «движение одного предмета по тесно соприкасающейся с ним поверхности другого». В механике это значение было переработано в понятие, и термин *трение* стал обозначать: «сопротивление движению, зависящее от взаимного прикосновения тел», или: «сопротивление движению, возникающее при перемещении тела, соприкасающегося с другим телом» (*трение скольжения, сила трения* и т. п.)¹⁷. При переносе на общественные отношения слово *трение* обычно облекается в формы множественного числа и вырабатывает значение: «споры, нелады, столкновения, разногласия между отдельными лицами или учреждениями, препятствующие нормальному ходу дел, враждебные столкновения». М. И. Михельсон отметил это новое значение в речи А. Ф. Кони «Памяти С. И. Зарудного» (в Собр. юрид. общ. 1899 г.): «Новая судебная практика, как всякое новое дело, вызвала различные *трения* и шероховатости...»¹⁸

В системе языка номинативно-производное значение слова (так же, как и терминологическое, научное) не может быть оторвано от основного свободного. Поэтому утверждение, будто бы слово в своем основном значении может входить в основной словарный фонд, а в «переносном или специальном» находиться за его пределами, является ошибочным¹⁹.

Два или больше свободных номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них яв-

¹⁷ См.: Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. IV. Изд. 2. СПб., 1868, стр. 819; Словарь Д. Н. Ушакова, т. IV. М., 1940, стр. 784.

¹⁸ М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, т. II. СПб., 1902, стр. 385.

¹⁹ См.: Е. М. Мельцер. Об основном словарном фонде и словарном составе языка. «Иностр. языки в школе». М., 1951, № 6, стр. 30.

ляются производными от основного (по крайней мере, понимаются как такие в данный период развития языка). Если же такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами. В решении этого вопроса очень помогает также анализ морфологической структуры слова. Глагол *убрать* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (и в одготомнике С. И. Ожегова) рассматривается как одно многозначное слово, в котором будто бы сливаются значения: «взять прочь, унести, поместив куда-нибудь» (*убрать книги в шкаф, убрать посуду со стола*), а также специальное: «Сжав, скосив, увести с поля» (*убрать зерновые*), и такие, как «привести в порядок», «украсить, нарядить» (*убрать помещение, убрать комнату цветами*). Но объединение таких разнородных номинативных значений (ср., например, *убрать посуду со стола* и *убрать помещение, убрать комнату цветами*) — явно ошибочно. Эти значения не выводятся одно из другого, они не являются производными по отношению друг к другу. Об этом свидетельствует и различие морфологической структуры двух глаголов: одного с приставкой *у-* для обозначения направления движения в сторону (ср. *унести*) и другого — с непроеизводной основой *убра-* (ср. *убор* «головной убор», *уборная, убранство*).

Кроме возможности совмещения в одном слове разных номинативных значений, необходимо обратить внимание еще на то обстоятельство, что свободные номинативные значения, за исключением значений терминологических, научно препарированных, могут быть опорными или исходными пунктами синонимических рядов.

У многих слов, принадлежащих как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность. Например, глагол *облечь* является книжно-торжественным синонимом слова *одеть* и употребляется прежде всего для выражения значения *одеть* в соответствующем стилистическом контексте. Его основное значение не свободно-номинативное и не производно-номинативное, а экспрессивно-синонимическое, опосредствованное его отношением к глаголу *одеть*. Ср. у И. А. Гончарова в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху»: «Да неужели ты никогда не испытывал роскоши прикосновения к телу батиста, голландского или ирландского полотна? Неужели, несчастный, ты не *облекался* в такое белье... извини, не могу сказать *одевался*: так хорошо ощущение от такого белья на теле; ведь ты говоришь же *облекаться* в греческую мантию; позволь же и мне прибегнуть в этом случае к высокому слогу: ты поклонник древнего, а я нового: *sum sui que*»²⁰.

Само собой разумеется, что на основе экспрессивно-синонимического значения могут развиваться другие, но только фразеологически связанные значения и употребления слова (ср. *облечь властью, доверием, полномочиями* и совсем изолированно: *облечь тайной*). В истории лексики мы можем наблюдать самый процесс создания такого рода синонимических рядов. Так, глагол *приникать* — *приникнуть*, широко употре-

²⁰ Фельетоны сороковых годов. Журнальная и газетная проза И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 78—79.

бительный уже в древнерусской письменности, до начала XIX в. имел значение «наклоняясь, смотреть, глядеть вниз», или просто «наклоняться, нагибаться»²¹. Но уже в начале XIX в. в языке русской художественной литературы глагол *приникнуть* — *приникать*, в силу своей экспрессивности, приобретает общее эмоциональное значение «припасть, плотно прижаться, прильнуть». Например, у Жуковского в стихотворении «Лесной царь»: «К отцу, весь вздрогнув, малютка приник...»; у Пушкина в «Пророке»: «И он к устам моим приник...» Так глагол *приникнуть* входит в синонимический ряд — *прижаться*, *прильнуть*, *припасть* как эмоционально-книжное слово.

Однако смысловая структура и функция у разных типов синонимов неоднородны; характер соотношений их значений с номинативными значениями опорных или исходных слов синонимического ряда неодинаков. В зависимости от степени дифференцированности собственного значения, от его предметно-смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков экспрессивный синоним может выражать и свободное номинативное значение, не передаваемое другими словами того же синонимического ряда, хотя и соотносительное с ними. Так, в качестве синонима слов *недисциплинированность*, *неорганизованность*, *распущенность*, *разболтанность* в русском литературном языке в начале XX в. стало применяться слово *расхлябанность*.

Слова *расхлябанный* и *расхлябанность* сформировались на основе областных северновеликорусских глаголов *расхлябать* и *расхлябаться*²². В литературный язык они проникли не непосредственно из народной областной речи, а через посредство профессиональной рабочей терминологии (*винты расхлябались* и т. п.). Ср. в рассказе Г. Яблочкова «Инвалид» (1915): «Ну, капитан, — успокоительно заметил энергичный поручик, — полечитесь и побольше. Надо произвести основательный ремонт. У вас здорово таки расхлябались все винты»²³.

Слово *расхлябанность* в разговорной речи и в составе произведений газетно-публицистического жанра получило свои индивидуальные характеристические предметно-смысловые приметы, по-видимому, в силу своей большей выразительности, чем слова *недисциплинированность*, *неорганизованность*, и меньшей фамильярности, чем слово *разболтанность*.

Точно так же имеет свою номинативную специфику слово *пошиб* — соотносительно с основными словами своего синонимического ряда — *стиль*, *манера*. Слово *пошиб* в древнерусском языке служило для обозначения стиля иконописания. К XVIII в. оно выходит из литературного употребления и возрождается лишь в 50—60-х годах XIX в. в более об-

²¹ См.: Синайская псалтырь. Изд. С. Н. Северьянова. Словарь. Пг., 1922, стр. 339; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, стр. 1437; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. V. СПб., 1822, стр. 371; Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, Изд. 2, т. III. СПб., 1867, стр. 1015.

²² Например, в холмогорском говоре *расхлябаться*: 1) «расшататься, потерять устойчивость», 2) «разболеться, одряхлеть» [А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. СПб., 1907 («Сб. ОРЯС», т. 83, № 5), стр. 280]. — Ср. *хлябать* «обнаруживать непрочность, расшатываться, ломаться» (там же, стр. 293). — Любопытно, что севернорусским говорам известно и слово *хлябь* в значении «пасть, зев». Проф. Е. Ф. Будде готов был признать северным провинциализмом употребление слова *хлябь* в одическом стиле М. В. Ломоносова (Е. Ф. Будде. Несколько заметок из истории русского языка. — ЖМНП, 1898, март, стр. 157—158 и 172).

²³ «День печати. Клич». — Сб. на помощь жертвам войны. Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. Изд. 2. М., 1915, стр. 218.

щем и широком значении — «стиль чего-нибудь». Тут смысловая сфера экспрессивного синонима выходит за пределы бытовых значений и употреблений основного, опорного слова небольшой синонимической группы, связанной со словом *стиль*.

И. Т. Кокорев прямо предлагал заменить заимствованное слово *стиль* народнорусским *пошиб*²⁴. Но в слове *пошиб* развились своеобразные смысловые оттенки, сближающие его не только со словами *стиль*, *манера*, *характер*, но и со словами типа *повадка*, *замашки* и т. п. Ср. у Бодуэна де Куртенэ в дополнениях к словарю Даля: *молодец нововременного пошиба*; у Достоевского в «Бесах»: *отставной армейский капитан нахального пошиба*; у Тургенева в «Нови»: «Нежданов тотчас почувствовал, что они оба, эта угрюмая девушка и он, — одних убеждений и одного пошиба». В черновых набросках этого романа, о Паклине: «Как будто имеет пошиб политика, но это только по наружности...»²⁵

Таким образом, своеобразия экспрессивно-синонимических значений многих слов определяются характером и видами их соотношений с номинативными значениями опорных, исходных слов соответствующего синонимического ряда. Между тем фразеологически связанные значения слов вообще не могут служить базой, основой синонимического ряда, хотя и допускают синонимические «заменители».

В языке художественной литературы соотносительные и однородные значения близких синонимов могут быть индивидуально противопоставлены одно другому, как обозначения разных предметов, хотя и принадлежащих к одному и тому же виду или роду, но качественно отличных. В «Молодой гвардии» Фадеева: «У Вали глаза были светлые, добрые, широко расставленные... А у Ули глаза были большие темнокарие, не глаза, а очи...» С другой стороны, в языке художественной литературы как соотносительные и даже синонимические слова могут быть сопоставлены обозначения разных предметов. У Лескова в очерке «Колыванский муж»: «— Да, это перст божий. — Ну, позвольте... уже вы хоть перст-то оставьте. — Отчего же? Когда нельзя понять, надо признать перст. — А я скорее согласен видеть в этом чей-то шиш, а не перст».

IV

Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. И в этой сфере язык представляет собой продукт разных эпох. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления. Многие слова в современной языковой системе вообще не имеют прямых номинативных значений. Они существуют

²⁴ И. Т. Кокорев. Очерки и рассказы, ч. III. М., 1858, стр. 325—326.

²⁵ А. Мазон. L'élaboration d'un roman de Tourgenév. «Revue des études slaves», t. V, f. 1—2. Paris, 1925, стр. 91.

лишь в составе немногочисленных фразеологических сочетаний. Их значение выделяется из этих сочетаний чаще всего путем подстановок синонимов.

Однако и прямое номинативное значение слова может быть очень узким и очень ограниченным в своих предметно-смысловых возможностях. Например, в прилагательном *безвыходный* основное номинативное значение относительного прилагательного «без выхода, без ухода» в русском литературном языке XIX в. реализуется лишь в словосочетании *безвыходное сидение дома* или *безвыходный домосед*²⁶. В силу узости реального значения это слово толкуется в словарях неправильно, посредством мнимых, очень широких синонимов. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «неотлучный, непрерывный», у С. И. Ожегова: «непрерывный, без отлучек куда-нибудь», в академическом «Словаре современного русского литературного языка»: «безотлучный, постоянный». Круг применения основного номинативного значения слова *безвыходный* ограничен его реальным содержанием. Вот тут-то и обнаруживается глубокое качественное различие между основным номинативным и фразеологически связанным значением слова. Фразеологически связанным является отвлеченно-переносное значение слова *безвыходный*: «такой, из которого невозможно найти выход, исход; безрадостный» (*безвыходное положение*). В литературном языке XIX в. употреблялись сочетания *безвыходная печаль* (Достоевский, Хозяйка), *безвыходное отчаяние* (Герцен, Кто виноват?) и др. Но в современном русском языке такое употребление слова *безвыходный* вытесняется словом *безысходный* (*безысходная грусть, печаль; безысходное отчаяние*). Например, у Горького в рассказе «Коновалов»: «Спокойное отчаяние, безысходная тоска звучала в песне моего товарища». Здесь фразеологическая связанность совсем не вытекает ни из этимологического значения слова, ни из его прямого отношения к соответствующему качеству (ср. невозможность сочетаний *безысходное положение, безысходная трагедия, безысходная катастрофа* и т. п.)

Глагол *отвертнуть*, если оставить в стороне устарелое значение «повернуть в сторону» (*со страхом очи отвернула*), употребляется в значении «предупредить что-нибудь» (тяжелое, неприятное), «помешать осуществлению чего-нибудь» лишь в сочетании с небольшим числом отвлеченных существительных: *отвертнуть опасность, беду, несчастье, угрозу чего-нибудь* (ср. *предотвертнуть*).

Таким образом, многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т. е. в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий. Большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей. Значения и оттенки значения слова большей частью обусловлены его фразовым окружением.

Фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций

²⁶ Ср. у А. Н. Островского в пьесе «Волки и овцы» (действие I, явление 8-е) слова Мурзавецкой: «Смотреть за Аполлоном Викторовичем, чтобы ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно».

составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода — «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями.

Например, глагол *отрасти*, хотя и определяется в толковых словарях общей формулой «достигнуть в росте каких-нибудь размеров», обычно применяется лишь по отношению к волосам, усам, бороде, ногтям. В других случаях говорится *вырасти* (ср. значения слова *отросток*: «побег, отходящий от стебля или корня» и «ответвление»). Однородные ограничения словесных связей действительны и в отношении глаголов *отрастить* (волосы, усы, бороду, ногти) и *отпустить* (себе).

В русском литературном языке с XV до конца XVIII в. славянизм *чреватый* (ср. народно-областное *черевистый*) употреблялся как синоним народных слов простого стиля *брюхатый*, *беременный*, *пузатый*. Как слово грубое, незлегантное, он не вошел в целый ряд стилей литературного языка: мы не найдем его у Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина. В русском литературном языке начала XIX в. слово *чреватый* стало архаизмом и применялось по большей части с экспрессией проники: употребление его было характерно для среды приказной, купеческой, для среды духовенства, разночинцев. В переносном употреблении оно было свойственно архаическим стилям стихотворного языка (ср. эпитет *громочреватый*). В переносном же значении это слово проникает в область научной и публицистической речи. В 30—40-х годах XIX в. в научно-публицистических сочинениях оно применяется со значением: «способный вызвать, породить что-нибудь» (какие-нибудь последствия, события)²⁷. В пародической книжке «О царе Горохе. (Подарок ученым на 1834 г.)» читаем: «...все, по его мыслительности, чреватю силою, все поставлено над ним...»²⁸ В письме Е. А. Колбасина к Тургеневу (от 29 сентября 1856 г.): «Мы пока что только чреваты надеждами, дай-то бог, чтобы хоть половина их исполнилась»; у Салтыкова-Щедрина в «Пестрых письмах»: «Почем вы знаете, чем чреватю будущее»; у Стасова в статье «Академическая выставка 1863 г.»: «И за этакую картину академия дает нынче профессорство? Шаг решительный, profession de foi, важный, чреватый последствиями».

В рецензии на сочинение А. Г. Дювернуа «Об историческом наслении в славянском словообразовании» И. Г. Прыжов неодобрительно замечал: «С первой и до последней страницы диссертации в ней не найдете и не услышите ничего другого, как только:... *при этих посредствах мы хорошо объясним себе чреватость значения слова „медь“ в славянщине, суффикс, имеющий весьма чреватое словообразовательное значение — ошибка, чреватая последствиями...* и так далее, далее, далее»²⁹. Так слово *чреватый*, утратив свое прямое номинативное применение, развивает фразеологически связанное значение и реализует его в сочетании с формой творительного падежа ограниченной группы отвлеченных существительных (чаще всего *последствиями*).

У синонимов могут развиваться и вполне синонимичные, фразеологически связанные значения. Яркий пример — глаголы *впасть* и *свалиться*.

²⁷ Это значение поддерживалось и употреблением французского *gros* (ср. *événements gros de conséquences* «события, чреватые последствиями»; *le présent est gros de l'avenir* «настоящее чреватю будущим»).

²⁸ «Русская старина», т. XXII. СПб., 1878, стр. 356.

²⁹ Газ. «Голос» (СПб.), 1867, № 207.

У глагола *ввалиться* одно из его значений — фразеологически связанное, синонимическое с глаголом *впасть*: «глубоко осесть, стать впалым». Это значение реализуется в сочетании со словами — *глаз (глаза), щека (щеки), рот, губы, грудь, бока*. Например, у Пушкина в «Гробовщике»: «... ввалившиеся рты»; у Тургенева в повести «Странная история»: «Губы до того ввалились, что среди множества морщин представляли одну — поперечную»; у В Шишкова: «... бока у лошади от бескормицы ввалились» («Алые сугробы», VII). Любопытно индивидуально-метафорическое употребление глагола *ввалиться* у Л. Андреева в повести «Губернатор»: «Дальше опять домишки и три подряд голые, кирпичные корпуса без орнаментов, с редкими ввалившимися окнами».

Глагол *впасть* характерен тем, что его прямое номинативное значение устарело и вышло из употребления (ср. древнерусск. *впасть в яму, ров* и т. п.). Для выражения этого глагола стали употребляться глаголы *упасть* и *попасть* (ср. *упасть в яму* и *попасть в яму*). Лишь в формах несовершенного вида сохранилось номинативное значение «втекать», «вливаться» (о реках, ручьях). В формах совершенного вида у глагола *впасть* закрепилось значение «стать впалым», синонимичное такому же значению глагола *ввалиться*. Оно связано лишь со словами *щеки, глаза (очи)*, реже *рот, губы, виски, грудь, бока*. У Лермонтова: «бледные щеки впали» («Бэла»); у Чехова в рассказе «Припадок»: «Лицо его было бледно и осунулось, виски впали». Это фразеологически связанное значение соотносительно со значением слова *впалый*, круг применения которого гораздо уже, чем слова *впадина* (ср. *впалые глаза, впалые щеки, впалая грудь*). Истолкование значения прилагательного *впалый* при посредстве слова *впадина* в словаре С. И. Ожегова должно быть признано ошибочным³⁰.

Другое значение глагола *впасть*, также фразеологически связанное, но вместе с тем и конструктивно обусловленное — полувспомогательное: «начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное)» или «проявлять признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)»: *впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в грусть, в тоску, в бедность, в ничтожество, в ересь, в противоречие, в шарж, в крайность, в пошлый тон* и т. п.

Изучение изменений фразеологических связей слов в развитии русской литературной лексики помогает уяснить закономерности того сложного процесса, который переживали славянизмы после распада системы трех стилей в русском литературном языке XIX в. В качестве иллюстрации можно воспользоваться семантической историей глагола *поглотить* — *поглощать*. В памятниках древнерусской письменности слово *поглотить* выражало два значения: 1) прямое конкретное: «проглотить, пожрать, съесть» с оттенком: «принять в себя, в свои недра» (о земле и море) и 2) в обобщенном смысле «уничтожить».

С некоторым видоизменением оттенков и расширением фразовых связей эти значения, в основном, сохраняются и в русском литературном языке XVIII в. Ср. иллюстрации этих значений в «Словаре Академии Российской» и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: *Кит поглотил Иону. Море поглощает корабли. Бездна поглотила упавшего*

³⁰ Ср.: Словарь Д. Н. Ушакова: «Впалый, -ая, -ое. Вдавшийся внутрь, ввалившийся. Впалые щеки. Впалые глаза» (т. I, стр. 384); в Словаре С. И. Ожегова: «Впалый, -ая, -ое. Образующий впадину, вдавшийся внутрь, вогнутый. Впалая грудь» (стр. 84).

с высоты утеса. Время все поглощает³¹. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «И память юного поэта Поглотит медленная Лета».

Однако в начале XIX в. у этого глагола вырисовываются новые фразеологические связи. На основе первоначального основного значения (которое вытесняется бытовыми синонимами — *проглотить*, *съесть* и т. п.) развиваются значения переносные, обращенные на умственные, духовные объекты действия: *поглотить много книг*; *поглощать новые сведения, известия*. При отвлеченных или конкретно-вещественных субъектах и объектах возникают и распространяются разнообразные смысловые оттенки: «вобрать в себя» (*поглотить влагу, поглощать лучи*); «потребовать на себя много чего-нибудь» (какого-нибудь расхода времени, энергии и т. п.), «вызвать затрату, потерю чего-нибудь»: *Путешествие поглотило массу денег*; *Работа поглотила много энергии*. В русском литературном языке с середины XIX в. устанавливается семантическое соотношение между глаголами *поглотить* и *погрузиться* — в отвлеченных переносных значениях. Ср. у Григоровича: «... живет... безвыездно в своих «Золотых привольях», поглощенный (погруженный. — В. В.) в созерцание гнедых рысаков и саврасых скакунов» («Проселочные дороги»); у Тургенева: «... другие заботы ее поглощали» («Первая любовь»); ср. у Пушкина: «В заботы суетного света Он малодушно погружен»; у Некрасова: «Служба всю мою жизнь поглощала» (стихотв. «Газетная»).

Точно так же глагол *пробудить*, который сначала являлся синонимом глагола *разбудить*, с развитием переносных отвлеченных значений в русском литературном языке с конца XVIII в. замыкается в узком кругу фразеологических связей. В словарях Академии Российской конца XVIII и начала XIX в. *пробуждать* — *пробудить* рассматривается как слово среднего стиля, имеющее одно прямое значение: «прервать сон». Ср. *пробуждаться* — «просыпаться, приходиться после сна в чувство»; *пробуд* — «время прекращения сна» (*Пред самым пробудом снилось, грезилось*)³².

Однако уже со второй половины XVIII в. из стилей художественной литературы все глубже входит в систему национального литературного языка переносное значение слова *пробудить* — *пробуждать*: «возбуждать, подстрекать», как определяет это значение «Словарь церковнославянского и русского языка» (*Рассказы путешественников пробудили в нем желание побывать в чужих краях*)³³. Параллельно протекает процесс развития отвлеченных значений и в глаголе *пробуждаться* (ср.: *страсти пробуждаются*).

В дальнейшем история изменений значений глагола *пробудить* — *пробуждать* и глагола *пробудиться* — *пробуждаться* разошлась. В глаголе *пробудить* — *пробуждать* прямое значение все более вытеснялось употреблением синонимов *будить*, *разбудить* (кого-нибудь), но на основе его развилось переносное значение «кого-нибудь возбудить, сделать активным, деятельным», например: *пробудить к активной деятельности*³⁴. В глаголе же *пробудиться* — *пробуждаться* сохранилось и основное значение — «проснуться, перестать спать» и развившееся из него перенос-

³¹ См.: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. IV. СПб., 1822, стр. 1200; Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. III. СПб., 1847, стр. 244.

³² См.: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. V, стр. 492.

³³ Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. III, стр. 516.

³⁴ См.: Словарь Д. Н. Ушакова, т. III, 1939, стр. 895.

ное (ср.: *пробудиться к новой деятельности*, или у Пушкина: «Во мне пробудилась охота к литературе»). Таким образом, в современном русском языке (так же, как и в литературном языке второй половины XIX в.) глагол *пробудить* выражает только отвлеченные фразеологически связанные значения «породить, вызвать появление чего-нибудь» (*пробудить интерес, охоту, желание, страсть к чему-нибудь и т. п.*).

Сходные, хотя и с индивидуальными вариациями, процессы образования фразеологически связанных значений — в связи с утратой или ослаблением основных номинативных значений — можно наблюдать в семантической истории таких славянизмов, как *потрясти — потрясать, возмутить — возмущать, распространить — распространять* и т. п.

V

Различение свободных и фразеологически связанных значений слова помогает точнее и яснее представлять как семантические границы, так и смысловой состав слова, систему всех его значений. Разграничение свободных и фразеологически связанных значений особенно важно для теории и практики лексикографии. В выделении и определении фразеологически связанных значений слов особенно легко ошибиться, так как их применение не дает достаточных средств для проверки их значения³⁵.

При смешении свободных и фразеологически связанных значений неизбежны подмены семантических характеристик отдельного слова описанием общего смысла тех фраз, в которые входит это слово. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова одно из предполагаемых трех значений разговорного слова *отделаться* характеризуется так: «испытать что-нибудь незначительное вместо большой беды, неприятности» (*При катастрофе отделаться испугом; Отделаться царапиной; Дешево отделался*)³⁶. Но глагол *отделаться* вовсе не выражает значения «испытать, перенести что-нибудь незначительное»; он здесь значит «избавиться, ограничившись чем-нибудь». Неясно, почему другое значение того же слова, тоже признанное за самостоятельное, определяется так: «не желая выполнить всего, что надо, ограничиться чем-нибудь (немногим, несущественным)»: *Отделаться пустым обещанием; Отделаться пятью рублями*. И тут определяется не значение самого слова, а общий смысл подобранных примеров.

В толковых словарях русского языка, например в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, постоянны такого рода подмены истолкования значения слова описанием смысла всей фразы. Например, в глаголе *обвести* одно из значений определяется так: «оглядеть, окинуть взором», и приводится такой пример из Чехова: «Машенька обвела удивленными глазами свою комнату»³⁷. В том же словаре значение глагола *прибрать* характеризуется так: «убрать, отодвинуть в сторону». Эта характеристика целиком навесна примером: *Прибрать книги к сторонке*³⁸.

В глаголе *лопнуть* словарь под ред. Д. Н. Ушакова выделяет пять значений: «1. Треснув, прийти в негодность, разломаться, получить трещину (о полых предметах). *Лопнул стакан. Лопнул пузырь. Лопнул мяч.*

³⁵ Ср.: Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 106.

³⁶ Словарь Д. Н. Ушакова, т. II, 1938, стр. 917; ср.: Словарь С. И. Ожегова, стр. 421.

³⁷ См.: Словарь Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 614; Словарь С. И. Ожегова, стр. 376.

³⁸ Словарь Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 765; ср.: Словарь С. И. Ожегова, стр. 535.

2. Треснув, разорваться (о натянутом). *Канат лопнул. Струна лопнула. Брюки лопнули по шву*³⁹. 3. *перен.* Потерпев крах, полную неудачу, прекратиться, перестать существовать (разг.). *Банк лопнул. Все дело лопнуло.* 4. *перен.* Истошиться, исчезнуть (разг.). *Терпение лопнуло*⁴⁰. 5. *перен.* Не выдержать сильного физического или психологического напряжения (простореч. фам.). *Можно лопнуть со смеху. Чуть не лопнул со злости, от зависти*⁴¹

Очевидно, что в выражениях *терпение лопнуло, надежды лопнули* осуществляется лишь метафорическое употребление глагола *лопнуть* в основном значении «треснув, разломаться или разорваться». Во всяком случае, *терпение лопнуло* — это не значит, что терпение исчезло, и даже не значит, что оно истошилось. Кроме того, ведь иначе как в сочетании со словами *терпение* и *надежды* слово *лопнуть*, кажется, и не употребляется в этом метафорическом смысле. Значение же «не выдержать сильного физического или психологического напряжения» является несвободным и выделяется лишь потенциально из нескольких устойчивых фразеологических оборотов: *лопнуть со смеху, со злости, от злобы, от зависти*.

Количество фраз, группирующихся вокруг того или иного связанного значения слова и образующих своеобразную замкнутую фразеологическую серию, может быть очень различно — в зависимости от семантических потенциалов, от вещественно-смысловой рельефности этого значения, от характера его выделяемости. Кроме того, степень тесноты, замкнутости и слитности фраз, характер образности, а вследствие этого и степень несамостоятельности словесных компонентов фраз также могут быть очень разными. Например, глагол *замять* — *заминать* со значением «приостановить, пресечь дальнейшее развитие чего-нибудь (неприятного), умышленно не дать ходу» в разговорно-литературной речи встречается в очень узком контексте; он сочетается с немногими объектами: *замять дело, разговор, какую-нибудь выходку, неприятное впечатление*. У Гоголя в «Мертвых душах» сказано: «Замять неуместный порыв восторгания». У Достоевского в «Подростке» встречается индивидуальное фразеологическое сочетание *замять слух*: «Я даже и теперь не знаю, верен ли этот слух; по крайней мере, его всеми силами постарались замять». Толстовское выражение *замять кого-нибудь* (в «Войне и мире»: «Анатоля Курагина... — того отец как-то замаял») противоречит современному словупотреблению. Еще более тесны фразеологические связи глагола *затаить* (*затаить обиду в душе, глубоко затаить месть, затаить злобу*).

Крайнюю ступень в ряду фразеологических сочетаний занимают обороты, включающие слова с единичным употреблением. Например, книжное слово *преклонный* встречается только в выражениях «преклонный возраст», «преклонные лета» или «года». Понятно, что в индивидуальном стиле оно может сочетаться и с каким-нибудь другим синонимом слова «возраст». Так, у Некрасова: «Безмятежней аркадской идиллии Закачтятся преклонные дни».

³⁹ В Словаре С. И. Ожегова оба эти значения объединяются. Они связываются с полыми и натянутыми предметами. К этим же предметам причислен и тот человек, который «чуть не лопнул от смеха» (стр. 290).

⁴⁰ В Словаре С. И. Ожегова это значение также почему-то соединено с предшествующим. *Лопнувшее терпение* ставится рядом с *лопнувшим делом*.

⁴¹ Словарь Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 90.

Приведенное в словаре под ред. Ушакова выражение *преклонный старик*⁴² кажется не вполне правильным. Слово *преклонный* понимается как синоним слов *старый*, даже *престарелый*, но с несколько стертым значением. Поэтому уже в «Словаре Академии Российской» слово *преклонный* в этом употреблении не признается за отдельную лексическую единицу; оно рассматривается лишь в составе фраз: *преклонный век, лета* — «старость, пожилые годы»⁴³. Однако в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. из этого употребления извлекается особое значение: «приближающийся к концу» (о возрасте и летах)⁴⁴. По тому же пути идет и словарь под ред. Д. Н. Ушакова: «*Преклонный*, -ая, -ое (книжн.). Перешагнувший через зрелые года, приближающийся к глубокой старости, к смерти (о возрасте)»⁴⁵.

Таким образом, границы между фразеологически связанным значением слова и фиксированным употреблением его как неотделимого элемента одного-двух фразеологических оборотов оказываются в некоторых случаях зыбкими, не вполне определенными. И все же необходимо отличать фразеологически связанное, несвободное значение слова от употребления слова в нескольких фразеологических единствах, близких по смыслу. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова выделено в особое значение (7) употребление слова *курс* в таких соотносительных выражениях: *быть в курсе* (чего), *держатъ* (кого) *в курсе* (чего), *войти в курс* (чего), *вести* (кого) *в курс* (чего). Из этих образных фразеологических оборотов извлекается такое мнимое значение слова *курс*: «осведомленность, знание последних фактов и достижений в какой-нибудь области»⁴⁶. Но такого значения у слова *курс*, разумеется, нет. Все обороты, в которых это значение усматривается, сложились на базе основного значения этого слова «течение», «направление движения».

Следовательно, от значения слова отличается его употребление. Употребление — это или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова в индивидуальном, не вполне обычном фразеологическом окружении, в своеобразной ситуации, с новой образной направленностью. При переносном или композиционно осложненном применении слова в каком-нибудь из его основных значений возникают новые, своеобразные смысловые оттенки. Однако эти семантические нюансы не образуют самостоятельного значения. Они летучи, изменчивы, иногда даже трудноуловимы. Они не свойственны общему языку, хотя и общепонятны. Например, академическим словарем русского языка зарегистрировано употребление причастия от глагола лаять в фразеологическом сочетании: *лающий голос* (не о собаке)⁴⁷. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Благонамеренных речах»: «Из внутренностей его, словно из пустого пространства... вылетал громкий, словно лающий голос»; у Куприна в рассказе «Мелюзга»: «Он угрюм, груб, у него лающий голос». Академический словарь приводит также выдержку из журнала «Солнце России» (1913, № 52):

⁴² См.: Словарь Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 737.

⁴³ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. V. СПб., 1822, стр. 213.

⁴⁴ Словарь церковнославянского и русского языка..., т. III. СПб., 1847, стр. 441.

⁴⁵ См.: Словарь Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 737.

⁴⁶ Там же, т. I, стр. 1555.

⁴⁷ Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. V, вып. I. Пг., 1915, стр. 284.

«„Врешь!“ — лающим голосом опять крикнул кто-то из окружающих нас».

Форма *лающий* здесь не выражает нового самостоятельного значения. О новом значении нельзя говорить уже по одному тому, что словосочетание *лающий голос* единично (ср., впрочем, *лающий кашель*). Другие связи этого рода у формы *лающий* возможны лишь в индивидуальном употреблении (например: *лающие звуки, лающая речь* и т. п.). Кроме того, *лающий* в выражении *лающий голос* присоединяет к основному значению глагола *лаять* лишь качественный оттенок: «как бы лающий» (ср. у Салтыкова-Щедрина: *словно лающий*), т. е. «похожий на лай» (короткий, отрывистый, хриплый). В этом случае можно говорить только об употреблении, а не о новом значении. Между тем в словаре Ушакова форма *лающий* выделена в самостоятельное слово именно из-за этого употребления, которое принято за особое значение⁴⁸.

История значений слова неразрывно связана с историей фразеологических оборотов. Во фразеологических сочетаниях воплощаются общие закономерности, управляющие связью значений в пределах данной семантической системы. Новые, индивидуальные употребления слова дают себя знать сначала в отдельных фразеологических сочетаниях. На основе их может затем выкристаллизоваться общее фразеологически связанное, несвободное значение.

Вместе с тем угасание значения слова далеко не всегда приводит к исчезновению всех относящихся сюда контекстов его употребления. Очень часто сохраняются осколки старого значения или архаического выражения в двух-трех фразеологических сочетаниях. Например, слово *личина* в значении «маска» и переносном — «притворная, искусственно созданная видимость, обманчивая или обманная внешность» постепенно утрачивается в русском языке. Но это переносное значение еще теплится в двух-трех выражениях и фразеологических оборотах: *это — одна личина, под личиною чего-нибудь* [«Прямой был век покорности и страха, Все под личиною усердия к царю» (Грибоедов)], *надеть личину кого-нибудь* или *чего-нибудь* «прикидываться кем-нибудь».

Разъединение фразеологических сочетаний также приводит к образованию новых выражений и новых смысловых оттенков. Например, глагол *напиться* (так же, как и его экспрессивные синонимы *нализаться* и т. п.) в разговорно-фамильярной речи сочетается с выражением *до чертиков* (ср. *до зеленого змия*) в значении «до крайней степени опьянения, до галлюцинаций». Тут *до чертиков* является обозначением высшей, предельной степени, но только одного очень определенного действия. Будучи оторвано от глагола *напиться*, выражение *до чертиков* может в индивидуальной речи стать шутливо-ироническим обозначением высшего предела вообще чего-нибудь. Именно так употребил это выражение художник А. Я. Головин, рассказывая о Левитане: «До каких „чертиков“ виртуозности дошел он в своих последних вещах!.. Его околицы, пристани, монастыри на закате, трогательные по настроению, написаны с удивительным мастерством»⁴⁹.

Таким образом, изучение не только синонимии, но и фразеологически связанных значений, употребления слов тесно объединяет лексикологию со стилистикой.

⁴⁸ См.: Словарь Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 30.

⁴⁹ А. Я. Головин. Встречи и впечатления. Воспоминания художника. Л.—М., 1940 стр. 14.

VI

Кроме качественных различий между значениями свободными и значениями фразеологически связанными, несвободными, в лексической системе русского языка очень рельефно выступают специфические особенности значений, осуществление которых обусловлено синтаксически. В самом характере взаимосвязанности лексических значений слов и их синтаксических свойств сказываются качественные различия двух основных синтаксических категорий — словосочетания и предложения.

Своеобразный тип значений синтаксически обусловленного характера формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная функция в составе предложения. Функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику. Например, ср. в разговорной речи слово *молодец* при выражении похвалы, одобрения в функции сказуемого: *Она у нас молодец*; *Молодец, что хорошо сдал экзамены*. Ср.: *Не жилец она на белом свете*; ср. также: *Не житье, а масленица*.

В слове *петух* различаются два значения: 1) «самец кур», 2) «забияка» в применении к человеку⁵⁰. Однако характерно, что со вторым значением этого слова не связан ни один из фразеологических оборотов, образовавшихся на основе слова *петух*: *пустить петуха* (о певце); *пустить красного петуха* («поджечь», из разбойничьего жаргона); *с петухами (рано) вставать, до петухов (до зари) не спать, засидеться*.

Таким образом, переносное значение слова *петух* нельзя считать фразеологически связанным. Правильнее всего было бы признать это значение, в отличие от прямого, свободного номинативного значения, значением предикативно-характеризующим. Предикативно-характеризующее значение существительного может быть использовано для называния, обозначения кого-нибудь или чего-нибудь лишь в случае индивидуального указания (обычно при посредстве местоимения *этот*). Например, если о задире сказали: *Вот так петух!* или что-нибудь другое в этом роде, то можно продолжать в таком духе: *Другого такого петуха не найти!* Или: *Этот петух всегда всем испортит настроение!* Но как название, как обозначение слово *петух* к человеку применяется обычно лишь в качестве фамилии или прозвища (можно вспомнить гоголевского Петра Петровича Петуха). Предикативно-характеризующее значение у имени существительного может реализоваться в сказуемом или в составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении.

В сущности, соотношение тех же двух типов значений наблюдается и в слове *тетеря* с тем лишь различием, что здесь в разговорно-шутливой речи предикативно-характеризующее значение повело к образованию устойчивых фразеологических сочетаний *глухая тетеря*, *сонная тетеря*, *ленивая тетеря*. Сюда же можно присоединить такие слова — с их прямыми и переносными функционально-синтаксически ограниченными значениями, — как *гусь* (ср. *гусь лапчатый, вот так гусь!*), *осел*, *ерш* (ср. *ершиться*), *лиса*, *байбак*, *ворона* (ср. *проворонить*) и т. п.

⁵⁰ Словарь Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 246. — Наличие переносного значения в слове *петух* подтверждается произведенным отсюда фамильярным глаголом *петушиться* «вести себя задиристо, заносчиво, забиячливо».

Синтаксически ограниченное значение слова с семантической точки зрения часто представляет собой результат образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики. Поэтому оно применяется как предикат, как обращение, как приложение, или обособленное определение, или даже сначала как возникающее в речи переносное, нередко метафорическое, обозначение, в тех случаях, когда необходимо отнесение лица, предмета, явления к какому-нибудь разряду в системе коллективно осознанных способов их характеристики. Своеобразные семантические особенности этого типа значений слова особенно ярко выступают в случаях переходных, развивающихся, но еще не ставших стандартными. В этом отношении показательно складывающееся предикативно-характеризующее значение у слова *перекати-поле*⁵¹.

Есть слова, которым присуще только функционально-синтаксическое значение. Например, слово *загляденье* в академическом словаре русского языка под ред. акад. А. А. Шахматова определяется прежде всего как действие по значению глагола *заглядеться*, но ни одного примера, иллюстрирующего это значение, не указано⁵². В этом значении слово *загляденье* в современном русском языке употребляется только в выражении *на загляденье*. Например, у Кокорева в «Очерках и рассказах»: «Стол почтенных лет, но всегда выглядит на загляденье и около него скамья»; у Лескова в рассказе «Неразменный рубль»: «Я приду к отцу Василию и принесу, на загляденье, прекрасные покупки».

Начиная с XIX в., слово *загляденье* обозначает все то, на что можно заглядеться, чем можно залюбоваться; в этом значении оно употребляется только в функции сказуемого; черты имени существительного в нем стираются, падежные формы ему уже не свойственны. У Пушкина в прозаическом отрывке («В одно из первоначальных чисел апреля») читаем: «Что за карета — игрушка, загляденье»; у А. Майкова в стихотворении «Два мира»: «И целый лес кругом колонн, Все белый мрамор, загляденье!»; у И. С. Никитина в поэме «Кулак»: «...остался У бедняка рысак один: Ну, конь! Ей богу, загляденье!»; у Григоровича в романе «Переселенцы»: «Маленький чепчик на голове ее был просто загляденье»; у Гончарова в «Обрыве»: «Вон Балакин: ни одна умная девушка нейдет за него, а загляденье».

Более сложной была семантическая история славянизма *объяденье*, который до начала XIX в. обозначал «обжорство, неумеренность в пище», но затем в разговорно-бытовой речи закрепился в функции сказуемого и экспрессивно-восклицательного выражения, близкого к междометию. Слово *объяденье* стало эмоционально-предикативной характеристикой чего-нибудь необыкновенного по своему вкусу (*Пирожки — прямо объяденье!*).

В слове *указ* при употреблении его в разговорной речи в функции сказуемого с отрицанием *не* возникает своеобразное значение, которое определяется в толковых словарях так: «не может служить основанием, ука-

⁵¹ В художественной литературе находит отражение развитие этого значения, еще тесно связанного с прямым номинативным значением слова *перекати-поле* (см. рассказ А. П. Чехова «Перекати-поле»; см. также повесть современной свердловской писательницы Н. Поповой «Зрелость»).

⁵² См.: Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. II. СПб., 1907, стр. 916—917.

занием для кого-нибудь, чего-нибудь» (*Ты мне не указ*). Тут уже явно обозначился отрыв предикативного выражения *не указ* от слова *указ* в значении «постановление верховного органа власти, имеющее силу закона». Ср. просторечное *не след* (в значении: «не следует»).

Функционально-синтаксически ограниченные значения свойственны главным образом именам существительным, прилагательным (особенно их кратким формам), а также наречиям, которые переходят в этих условиях в категорию состояния. Однако несомненно, что и в системе глагола развивается близкий тип предикативно-характеристических, определительных значений.

Эти значения обычно выступают в формах несовершенного вида и связаны с ограничением не только видовых, но и модальных возможностей употребления соответствующего глагола. Например: *Окна выходят в сад*; *Начинание молодых исследователей заслуживает всяческого поощрения*; *Дело стбит внимания*; *Один стбит семерых* и т. п.

VII

Гораздо более сложной, далеко выходящей за пределы простой соотносительности с тремя типами лексических значений слова — значений свободных, фразеологически связанных и функционально-синтаксически ограниченных (или закрепленных) — является сфера значений конструктивно организованных или конструктивно обусловленных. Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами. При этом данные формы сочетаемости зависят не только от принадлежности слов к тем или иным грамматическим категориям (например, глаголов к категории переходности), но и от связи этих слов с такими семантическими группами, которые обладают устойчивым типом конструкции. Дело в том, что структура некоторых типов словосочетания обусловлена принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию. Например, немногочисленный ряд глаголов внутреннего состояния, эмоционального и волевого переживания — *плакаться*, *сетовать*, *жаловаться* и некоторые другие — выражают свое значение обычно в сочетании с предлогом *на* и формой винительного падежа существительного, обозначающего объект соответствующего состояния или переживания. Так, прямое номинативное значение глагола *плакаться* (как и его синонимов, с помощью которых оно определяется, — *жаловаться*, *сетовать*) конструктивно обусловлено. Просто *плакаться* нельзя, можно *плакаться на что-нибудь* — *на свою судьбу*, *на свои несчастья*. Однако фразеологическая связанность вовсе не обязательна для конструктивно обусловленного значения. Достаточно сослаться на несколько других глаголов с той же конструкцией: *пенять кому-чему-либо* и *на кого-что*, *положиться* — *полагаться на кого-что-нибудь* и т. п. Специфические особенности конструктивно обусловленного значения особенно ярко обнаруживаются в тех словах, в которых самая возможность реализации и раскрытия их лексического содержания зависит от строго определенных форм их синтаксических сочетаний. Например, глагол *разобраться*, кроме своего прямого значения «привести в порядок, разобрать свои вещи», имеет конструктивно обусловленное значение: *разобраться в ком-чем* — «в результате опыта, наблюдений хо-

рошо понять» (*разобраться в вопросе, в обстоятельствах дела, в своеобразии чьего-нибудь характера и т. п.*). Реализация данного значения невозможна вне зависимости от соответствующей конструкции. Лексическое значение слова тесно, органически связано с данным способом его семантико-синтаксического раскрытия. Ср. также: *состоять в чем-нибудь, выражаться в чем-нибудь, отозваться* (абсолютно) и *отозваться на что*, а также потенциальные: *отозваться о ком-чем* [«с особым сочувствием отозвался о Соломине» (Тургенев, *Новь*)]; *отозваться на чем-нибудь* («сказаться, отразиться»: *Долгая ночная работа вредно отозвалась на здоровье*).

Признание конструктивной обусловленности многих значений основано совсем не на тех соображениях, которые побуждали акад. Л. В. Щербу даже всякий переходный глагол рассматривать как «строевой» элемент грамматики, как форму связи между субъектом и объектом действия. Есть различие между лексическими значениями тех слов, которые по законам грамматики русского языка конкретизируют свое содержание соответственно своей принадлежности к той или иной грамматической или лексико-грамматической категории (например: *купить что-нибудь, производство чего-нибудь*), и между конструктивно-обусловленными значениями тех слов, в которых сама дифференциация значений всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение характеризуется предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах самого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной ему синтаксической конструкции — в сочетании с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. Возможная неограниченность связей с другими словами в рамках строго определенной синтаксической конструкции является существенным признаком конструктивно обусловленного значения. И этим признаком оно резко отличается от значения фразеологически связанного, для которого типична замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение может быть признаком обособления омонима от смысловой структуры однозвучного слова. Например, едва ли значения слова *положение* (о чем-нибудь): 1) закон, правило или свод правил, касающихся чего-нибудь, и 2) логическое научное утверждение, формула, сформулированная мысль (*положение о внутренних законах развития*) могут быть объединены с такими значениями слова *положение*, как «местонахождение в пространстве», «постановка тела или частей его», «состояние», «обстоятельства», «обстановка общественной жизни», «роль в общественной жизни», «распорядок государственной, общественной жизни» и т. п. Точно так же едва ли возможно втиснуть в систему значений одного слова все те значения, которые приписываются, например, глаголу *обернуться* (*обернуться лицом к окну и сказочное — обернуться кем-чем или в кого, во что: обернуться волком; бес, обернувшийся в пса, и т. д.; ср. оборотень*)⁵³.

Таким образом, разные виды конструктивной обусловленности слов могут служить указанием на границы разных значений одного и того же слова и вместе с тем могут быть признаками омонимии. Конструктивная обусловленность бывает свойственна не только свободным номинативным,

⁵³ Однако см.: Словарь Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 631; Словарь С. И. Ожегова, стр. 378—379.

но и фразеологически связанным и функционально-синтаксически ограниченными значениям слов.

Например, в слове *вопрос* ярко сказывается связь разных его значений с разными конструктивно-синтаксическими свойствами или формами сочетаемости с другими словами. Прямое номинативное значение — «словесное обращение, требующее ответа, объяснения» выражается словом *вопрос* в сочетании с предлогом *о* и формой предложного падежа существительного или, независимо от такого сочетания, — в абсолютном употреблении. Например: *получить ответы на все вопросы; задать несколько вопросов*. В сущности, те же конструкции связаны и с обобщенным, абстрактным номинативным значением «проблема», «задача», «предмет исследования», но для формы множественного числа — *вопросы* возможно сочетание и с формой родительного падежа. Иллюстрации к этому значению: *национальный вопрос, вопрос о законах развития общества, вопросы грамматического строя, вопросы современной архитектуры* и т. п. В бытовой речи это значение приобретает более широкий, неопределенный и общий характер и становится синонимом таких слов, как *вещь, дело, тема, обстоятельство*. Например: *Это совсем другой вопрос* («это совсем другое дело»); *Мы еще вернемся к этому вопросу* и т. п. Несомненно, что выражения типа: *вопрос не в этом; вопрос в том, что; весь вопрос — в быстрой исполнении* — представляют собой устойчиво-фразеологические обороты. Здесь толковыми словарями обычно выделяется фразеологически связанное значение «суть, сущность, главное» и т. п.

В предикативном значении (а отсюда — и в индикативном, конкретно-указательном употреблении) слово *вопрос* в единственном числе в сочетании с формой родительного падежа отвлеченного существительного обозначает: «дело, обстоятельство, касающееся чего-нибудь, зависящее от чего-нибудь» (*вопрос чести, вопрос времени, вопрос жизни и смерти, вопрос денег, вопрос терпения* и т. п.)⁵⁴.

Примером взаимодействия фразеологически связанных значений и строго дифференцированных конструкций может служить слово *играть*: ср., с одной стороны, *играть во что* (в карты, в лото, в прятки, в футбол, в шахматы и т. п.) и переносно — *играть в чувство, в негодование* и т. п. и, с другой стороны, *играть на чем* (на скрипке, на гитаре, на рояле; ср. также: *играть на бильярде, на нервах*); ср. *играть чем* или *кем* (жизнью, людьми), *играть кого-что, в чем* и т. п.

Обусловленность значения слова строго определенными и притом ограниченными синтаксическими формами сочетаемости его с другими словами сопровождается своеобразными структурными оттенками лексического значения. Свободное номинативное значение в тех случаях, когда оно конструктивно обусловлено, обычно имеет более ограниченный, узкий характер [ср., например: *готовая работа* и *работа, готовая к печати: интересы* (духовные, классовые и т. п.), *интерес* (общественный), *интерес к кому-чему; хлопотать* и *хлопотать о ком, о чем; предмет* и *предмет чего* (насмешки, иронии, любви и т. д.)].

Конструктивная обусловленность фразеологически связанного значения еще теснее замыкает его в рамки немногочисленных фразеологических сочетаний и приводит к распылению, к растворению его семантического ядра в общем целостном значении соответствующих фразеологиче-

⁵⁴ См.: Словарь Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 362—363; Словарь С. И. Ожегова, стр. 80.

ских единиц. Например: *ласкать себя надеждой; броситься в глаза* (ср. *броситься в лицо, в голову* и т. д.).

Таким образом, в системе знаменательных частей речи конструктивная обусловленность или связанность лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов, способствует дифференциации значений и оттенков слова, а также разграничению омонимов.

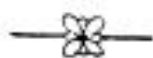
Выделение особого типа конструктивно-обусловленного значения происходит при превращении знаменательного слова в служебное (например, *относительно* — в функции предлога при омониме *относительно* — наречии и модальном слове; *точно* — в функции союза соотносительно с омонимом *точно* — наречием, а также модальным словом и утвердительной частицей и т. п.). Но тут уже открывается область иных структурных типов слов и иных типов значений, о которых удобнее говорить при изучении вопроса о взаимодействии лексических и грамматических значений у служебных слов, об условиях и способах перехода лексических значений в грамматические.

*

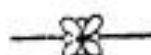
Разграничение основных типов или видов лексических значений слов помогает установить ясную перспективу в семантической характеристике слов и содействует правильному определению омонимов и синонимов в лексической системе языка. Разные виды значений слов по-разному служат отражению и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа. А. А. Потебня правильно указывал на то, что лексические значения слов, органически связанные с грамматическими, являются структурным элементом языка, и в этом смысле они формальны — по сравнению с теми понятиями, которые складываются и закрепляются на их основе и с их помощью.

Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова в целом, рассматриваемого в аспекте системы языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ВОПРОС ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII—XX ВВ.

I

Историческая семантика русского языка должна быть основой и опорой истории русского языка. Между тем пока еще нет устойчивых подготовительных работ для построения исторической семантики русского языка, еще не собран и не исследован необходимый материал для решения частных вопросов в этой области. Историческая грамматика и историческая лексикология русского языка находятся в жалком положении. С какой стороны ни подходить к ним — со стороны ли диалектов русского языка, со стороны ли стилей литературной речи, отовсюду открывается вид на обломки старых, обветшалых сооружений или на рассеянные груды беспорядочного, не приспособленного к делу сырья. Но есть такие задачи, на которые старое языкознание, в сущности, и не покушалось. Одной из них является создание исторического словаря русского литературного языка. Ни «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, отражающие более или менее полно лишь лексику сохранившихся древнерусских памятников XI—XIV вв., ни академический «Словарь русского языка», начатый под редакцией акад. Грота, резко изменивший свою физиономию под редакцией акад. А. А. Шахматова и оборвавшийся при его преемниках, не соответствуют по своему материалу и по приемам его обработки понятию об историческом словаре русского языка. Они и не ставили себе цели — воспроизвести основные этапы семантической истории каждого слова в русском литературном языке¹.

Между тем потребность в историческом словаре русского литературного языка была осознана очень давно — почти при самом зарождении русской лексикографической науки.

Мысль об историческом словаре русского литературного языка не вполне была чужда патриарху русского «корнесловия» акад. А. С. Шишкову. «Все находимые в священных писаниях, в летописях, в законах, в преданиях, в народных сказках и песнях самые старинные, хотя бы неупотребительные, но чистые славянские слова должно внести в Сло-

¹ Акад. Я. К. Грот писал в предисловии к академическому Словарю русского языка (т. I, 1895, стр. XI): «Когда историческое развитие значений слова очевидно, то на первом месте объясняется древнейшее, а затем последовательные его изменения... Но, к сожалению, в редких только случаях определение развития значений так легко дается; большею частью оно составляет самую трудную задачу лексикографии, и приходится либо основываться на одних предположениях, либо довольствоваться одним разграничением различных значений, начиная с самого обычного в настоящее время и не принимая на себя решения вопросов о их постепенном переходе».

варь», — учил он². Словарь «есть собрание и хранилище языка, из которого всякий писатель выбирай что ему надобно и всякий читатель узнавай что он знать желает»³. «Есть ли рассматривание слов во всяком языке нужно, то наипаче необходимо оно в нашем славенороссийском языке, толико обширном и, следовательно, требующем пространнейших исследований и определений. Без сего разум слов смешивается и теряется ясность выражений; ибо нет теснее связи, как та, которая существует между словом и мыслью»⁴.

Однако в лингвистических концепциях Шипкова и всех русских академических лексикологов первой половины XIX в. историзм всегда был подчинен охранительной тенденции. По мнению же академического «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), «хранить язык — не значит ли приводить в стройную совокупность все его сокровища, разрозненные временем и местом, для приличного и отчетливого по мере надобности употребления?»⁵. На этой почве выросла традиция, дожившая до второй половины XIX в.⁶, — «совмещать в одном словаре нынешний русский язык, старинный русский и церковнославянский»⁷, помещать в словаре вообще слова, составляющие принадлежность языка в разные эпохи его существования — без всякой исторической перспективы. Стремление создать единый общерусский лексикон, сокровищницу русского языка, *thesaurus linguae russicae*, подавляло ростки мысли об историческом словаре русского языка.

Такой антиисторический метод обработки словарного материала не удовлетворял любителей и знатоков русской словесности. Представитель пушкинского поколения русской интеллигенции кн. П. А. Вяземский писал: «Жаль, что в наших словарях не приводят примеров различного употребления слов и выражений, какими являются они в разных литературных эпохах и у разных писателей. Наши словари — доныне более или менее полное собрание слов, а не указатели языка, как французские словари, по каким можно пройти почти полный курс истории французского языка и французской литературы»⁸.

Вопрос о принципах построения словаря русского языка, о подготовке материалов для него, об исторических гранях его и о разных типах словарей в 50—60-е годы XIX в. разгорелся с новой силой в стенах Академии наук⁹. Он вызвал оживленные дебаты в Отделении русского языка и словесности, которое «пришло к убеждению, что нельзя в одном труде соединять, как было прежде, все периоды исторического развития языка». Спор о словаре обострил отношения между двумя идеологическими про-

² А. С. Шипков. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря. «Изв. Российской Академии», кн. I. СПб., 1815, стр. 21; ср. также: Ник. Ибрагимов. О многозначительности и общем изменении слов. «Труды Казанского об-ва любителей отечественной словесности», кн. I. Казань, 1815; И. Ф. Калайдович. О словах, изменивших свое значение. «Труды об-ва любителей Российской словесности при Московском ун-те», ч. XVIII. М., 1820.

³ А. С. Шипков. Некоторые замечания... стр. 24.

⁴ Там же, стр. 43 («Опыт славенского словаря»).

⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. I, 1847, стр. I.

⁶ См. Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. I, 1891, стр. V, Предисл.

⁷ Словарь церковнославянского и русского языка... т. I, стр. XII, Предисл.

⁸ П. А. Вяземский. Старая записная книжка, стр. 83.

⁹ См.: «Изв. имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», 1853, т. I, стр. 207—233, 286—289, 334—341; т. II, стр. 10—15.

тивниками — акад. И. И. Срезневским и акад. П. С. Билярским. Поклонник и знаток Вильгельма Гумбольдта, талантливый лингвист-самородок, до сих пор еще недостаточно оцененный русской лингвистикой, П. С. Билярский выдвигает план создания историко-стилистического словаря русского языка. Он подчеркивает необходимость исторических исследований о русском литературном языке в духе «тех высших задач», какие указаны для филологической обработки всякого отдельного языка в известном «Введении» Вильгельма Гумбольдта. «Это направление, едва лишь обозначенное в современной филологической литературе особенным именем: *Be-deutungslehre*, имеет целью оценку образования языка по отношению к умственной жизни народа. Кроме общего стремления науки возводить факты к идеям, потребность разработки отечественного языка в духе этого направления живо чувствуется в преподавании, которое, естественно, должно сообщать ученикам не мертвые факты языка, а освещенные сознанием значения их законов»¹⁰.

Выбранный в Академию с специальной целью — изучать русский язык нового периода — П. С. Билярский считал основным средством его изучения составление исторического словаря русского литературного языка¹¹. Критикуя лексикологические методы Срезневского (составление словаря «чисто механически, без сознания цели и употребления»), П. С. Билярский пишет: «Собственно говоря, и общий словарь древнерусского языка должен быть составлен не иначе, чтобы прямо быть пособием для истории русского языка»¹².

Стремясь проникнуть «в глубь» русского языка с методологией «высшего» (гумбольдтовского) направления филологии Билярский «затекает громадное предприятие — составление словарей к новейшим писателям, начиная от Ломоносова»¹³. Это был, по мнению Билярского, надежный путь к созданию исторической стилистики русского языка¹⁴. Биограф П. С. Билярского, акад. В. М. Истрин справедливо заметил: «Если бы Отделение русского языка и словесности в свое время поддержало мысль Билярского приступить к составлению словарей к новейшим писателям хотя бы и не в том виде, как предлагал Билярский в своем образчике, то мы имели бы теперь, несомненно, богатейший материал для составления истории русского литературного языка»¹⁵. Но тогдашняя Академия наук не оценила научных планов Билярского, и его замысел угас в зародыше.

Между тем сознание великой нужды в историческом словаре русского языка становилось все острее. П. А. Лавровский в своей статье «Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке» убеждал в необходимости готовить материалы для исторического словаря русского языка: «Проследить все превращения внутреннего слова, пометить все переходы его от одного значения к другому, часто от грубо вещественного до высоко духовного, не значит ли прояс-

¹⁰ «Изв. Второго отд. имп. Акад. наук», т. IX, стр. 382.

¹¹ В. М. Истрин. Письма к академику П. С. Билярскому. Одесса, 1906, стр. XXVIII, XXXIII; ср. также: стр. 291—293, прим.

¹² Там же, стр. 246, прим.

¹³ Там же, стр. XXXIII.

¹⁴ Там же, стр. 240, прим.; ср.: П. С. Билярский. Образчик филологического разбора языка новейших писателей (разбор первой строфы оды Ломоносова на взятие Хотина «Восторг внезапный ум пленил»). «Зап. Акад. наук», 1863, т. III; ср. рец. А. Д. Галахова. — ЖМНП, 1863, ч. 120, стр. 642—652.

¹⁵ Там же, стр. XXXIII.

нить постепенное изменение мыслительной способности народа, вообще его духовных сил, которое, в свою очередь, укажет на постепенное изменение и самой жизни... И любопытно, и полезно для науки составить подобный исторический словарь; необходимость в предварительных монографических словарях, которые должны служить для него материалом, потребует, конечно, не мало времени, но единодушная готовность к трудам, любовь к своему языку могут значительно сократить его»¹⁶. Однако характерно почти всеобщее убеждение русских филологов середины и второй половины XIX в., что из тех типов словаря, которые тогда признавались учеными за основные («словарь для общего употребления», словарь литературный, т. е. нормативно-стилистический, и словарь филологический, т. е. историко-этимологический), прежде всего необходима работа над подготовкой словаря для общего употребления¹⁷.

После акад. И. И. Срезневского¹⁸ вопросами исторической лексикологии древнерусского языка с успехом занимался акад. А. И. Соболевский¹⁹. Он же собирал материалы для исторического словаря древнерусского языка XV—XVII вв. Под его руководством работала (с 1925 г.) в Академии наук особая Комиссия по собиранию словарных материалов древнерусского языка. После смерти акад. А. И. Соболевского это дело продолжалось, во главе его стал проф. Б. А. Ларин, который опубликовал «Проект древнерусского словаря» (1935).

В настоящее время этим научным предприятием руководит акад. С. П. Обнорский. В предполагаемый древнерусский словарь сначала должен быть «войти систематизированный материал по истории русской лексики с XV до второй половины XVIII в.»²⁰ Основная цель этого словаря — «разъяснить на большом, достоверном и хронологически определенном материале историю значений и фразеологического употребления слов в русском литературном языке и русских диалектах с XV по середину XVIII в. (насколько это позволяют наши источники), и притом так, чтобы создать надежное средство к изучению конкретного содержания сознания у разных борющихся классов русского средневекового общества не в статическом разрезе, а в их динамике»²¹. «Широко и тщательно должна быть представлена в словаре не только лексика, но и древнерусская фразеология, особенно идиоматическая, а также всякого рода языковые штампы»²². Этот «исторический словарь средневекового русского языка, освещающий историю вещей, историю понятий, вместе с историей слов, знаков», стремится быть также словарем стилистическим. Полнее всего

¹⁶ П. А. Лавровский. Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке. «Изв. имп. Акад. наук по ОРЯС», 1853, т. II, стр. 285; ср. также «Материалы для сравнительного словаря и грамматики», издававшиеся Академией наук в 50-е годы.

¹⁷ См.: И. И. Срезневский. О «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. — ЖМНП, 1848, ч. 12; Он же. Обзорение замечательнейших из современных словарей. «Изв. имп. Акад. наук по ОРЯС», 1855, т. III.

¹⁸ Ср. также: М. П. Погодин. Опыт исторического объяснения древних слов. «Изв. имп. Акад. наук по ОРЯС», 1853, т. II, стр. 328—341; см.: А. А. Котляревский. Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения. «Соч. А. А. Котляревского», т. IV. СПб., 1895, стр. 363—369.

¹⁹ См., например: А. И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. (1910—1912); Он же. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.

²⁰ Проект древнерусского словаря. Л., 1935, стр. 42.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 43.

в нем, по замыслу авторов, будут определены те значения слов, какие «в период XV—XVII вв. были самыми обычными, общеизвестными». Затем будут разъясняться и позднейшие значения — по данным истории культуры и по свидетельству источников. «Более глубокая историческая перспектива будет намечаться сопоставлением с фольклорно-диалектными материалами и сопоставлением с данными словаря акад. Срезневского»²³. Уже из этого общего обзора намечаемого состава и строя древнерусского словаря видно, что если он будет когда-нибудь обработан и завершён, то в нём историк-лингвист найдёт важнейшее пособие для научного построения истории древнерусского языка»²⁴.

«Установление состава слов и их значений в русском языке XV—XVIII вв. даст надёжное средство для точной научной интерпретации текстов, — средство, необходимое для филологов и историков. Значительное количество хронологически определенных текстуальных примеров, сравнительные языковые материалы дадут важное пособие для лингвистических исследователей. Наконец, и историки материальной культуры Московской Руси получают важный сборник языковых источников, мало известных и ещё меньше использованных в их работах... Этот словарь должен пролить свет на большую революционную эпоху — разложения феодализма и начала капиталистических отношений»²⁵. Однако легко заметить, что материал русского литературного языка XVIII в. (до второй его половины) лишь одним своим краем войдёт в этот будущий словарь. По заявлению редактора, промежуток времени от 1725 г. до 80-х годов XVIII в. будет представлен лишь «мещанской, лубочной — „низовой“ литературой и деловыми документами»²⁶. Даже при широком охвате просторечных, мемуарных, юридических и исторических источников XVIII в. в древнерусском словаре, вопреки мечтам проф. Б. А. Ларина, «полного смыкания» его с академическим «Словарем современного русского литературного языка» произойти не может. Кроме того, стилистические категории русского литературного языка XVIII в. во многом качественно отличаются от стилистических и жанровых норм средневековой русской письменности. Поэтому лексический материал XVIII в. в древнерусском словаре едва ли будет освещён с точки зрения возникающих в национальном русском литературном языке XVIII в. новых творческих тенденций и особенностей. Самая историческая перспектива в семантическом движении слова тут прозрачнее и глубже, чем в русском языке XV—XVI вв. Намеченные в «Проекте древнерусского словаря» принципы построения исторического словаря древнерусского языка с течением времени подверглись существенным изменениям. По новому плану «Словарь древнерусского языка» должен «охватить русские языковые источники с XI до второй половины XVIII в., причём по XVIII в. материал подбирается главным образом архаичный» (Инструкция словаря древнерусского языка. М., 1940). Таким образом, собранные И. И. Срезневским «Материалы для словаря древнерусского языка» включаются в новый словарь, а в отношении лексики XVIII в. вводятся большие ограничения. Точнее

²³ Там же, стр. 51.

²⁴ См. образцы толкования слов *бой, двор, воровство* в «Проекте древнерусского словаря»; ср. также: А. П. Евгеньева. История слова *вор* в русском языке. Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена. Кафедра русск. языка, т. XX. Л., 1939.

²⁵ Проект древнерусского словаря, стр. 10.

²⁶ Там же, стр. 6.

определяются исторические задачи, стоящие перед словарем. «Раскрытие истории слов не является задачей словаря» (стр. 3). Но материалы для истории слов систематизируются «во всех тех случаях, когда имеются достаточные данные для этого». Словарь лишь «подготавливает прочное основание для истории слов, т. е. для исторического словаря русского языка». Этимологические указания на древнейший состав и образование слова не даются в словаре. «Иноязычные параллели приводятся только для освещения истории значений слова» (стр. 14). Ограничение историко-лингвистических задач сказывается и в принципах классификации значений слов, в приемах составления словарных статей. Словарная статья должна воспроизвести развитие значений в схеме, не искажающей подлинной истории слова, но она не должна превращаться в очерк по истории слова. «В большинстве случаев древнейшие значения слов или совсем не засвидетельствованы нашей письменностью или сохранились в единичных, исключительных примерах, главным образом, в идиоматических оборотах, или, наконец, в фольклоре и диалектах. Во всех этих случаях нельзя, конечно, выдвигать на первое место такое первоначальное, но почти позабытое, исчезнувшее значение слова» (стр. 19). «В тех случаях, когда филиация значений не ясна, или не бесспорна, первым значением следует считать наиболее обычное, общеизвестное для данного слова в древнейшую документированную пору его употребления» (стр. 20). Но «последовательность появления в письменности отдельных значений слова никогда не должно отождествлять или смешивать с историческим порядком возникновения этих значений. Во множестве случаев памятники XIII—XIV вв. сохранили более архаичные значения слов, чем памятники XI—XII вв., вследствие резко возросшего тогда влияния народного языка. Еще поразительнее многочисленны архаизмы языка XVII в., когда снова очень усилилось воздействие крестьянских говоров на литературный язык» (стр. 20—21). «История слова может быть полнее вскрыта лишь путем привлечения и диалектно-фольклорных данных, и историко-культурных соображений. Однако в основу классификации значений слова... должен быть положен порядок смежных господствующих употреблений слова в литературном языке за феодальный период» (стр. 22).²⁷

Таким образом, будущий «Словарь древнерусского языка» явится только фундаментом исторического словаря русского языка XI—XVII вв. Лексика же XVIII в. не найдет широкого отражения в этом словаре, а ее новые оригинальные пласты и значения даже вовсе не войдут в «Словарь древнерусского языка».

Итак, проблема построения исторического словаря русского литературного языка XVIII—XIX вв. — особая, еще не затронутая проблема. Она очень далека и от академического словаря современного русского языка²⁸. Задачи этого словаря определяются такой формулой: «Словарь

²⁷ См. информационную заметку «Словарь древнерусского языка». «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1940, № 3, стр. 139—141.

²⁸ В Словаре русского языка под ред. акад. А. А. Шахматова ощущается тенденция к объединению и примирению лексикологических принципов Грота, Даля и «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. «Словарь русского языка по своему объему и своим задачам, — писал акад. А. А. Шахматов, — приближается к толковому словарю живого великорусского языка Даля, отличаясь от него, главным образом, тем, что не исключает словарного материала из памятников XVIII в. В Словаре Даля впервые смешаны два языка — язык письменный и живой язык современных великорусских говоров. Это несколько не умалило его

должен быть толково-историческим и нормативным; он должен охватить все богатство русского литературного языка с его лексикой и семантикой в пределах его развития от эпохи Пушкина и до наших дней; он должен явиться проводником правильного понимания социального значения слов русского языка и руководством к общепринятому употреблению слов и оборотов речи в их значениях и формах»²⁹.

Однако в замысле этого словаря принцип историчности целиком подчинен задаче современной языковой нормализации. «Современность, — пишет В. И. Чернышев, — для нас основное понятие и главная задача, историчность — второстепенное и вытекающее из него положение»³⁰. «Принцип нормативности подчиняет себе интересы истории языка. Нам прямо невыгодно укреплять в памяти и сознании читателей отжившие формы языка и нами принято все исторические справки давать в минимально кратком виде в конце словарных статей, где помещается справочный отдел словаря»³¹. «При ограниченном объеме нашего словаря нет возможности показывать историю употребления слов на примерах». Итак, ясно вырисовывается план нормативного словаря современного русского литературного языка с очень скромными историческими справками, которые, в общем, почти не выходят за пределы пушкинской эпохи. «Некоторые отклонения в глубь предшествующей Пушкину эпохи, — пишет В. И. Чернышев, — для нас могут быть оправданы только историческими соображениями, например, показаниями длительности жизни слов и оборотов речи или начала их возникновения в ближайшую к Пушкину литературную эпоху».

В позднейшей информации об Академическом словаре русского литературного языка («Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1940, № 3) совершенно отсутствуют указания на принцип историзма и еще более решительно подчеркиваются нормативные задачи словаря: «Словарь, не сходя с научных позиций, должен служить практическим нуждам нашего времени и потому он должен быть последовательно нормативным и представлять собой руководство и образцы правильного употребления слов русского языка в отношении их формы, изменений значения, слогаударения, синтаксических сочетаний и фразеологических оборотов». Отбор слов производится на основе живого современного словоупотребления. Вообще же «Словарь современного русского литературного языка» опирается на произведения новой русской литературы от Пушкина до наших дней. «При этом словарь должен с необходимой полнотой отражать политическую жизнь страны Советов, представляя лексику и фразеологию, созданную и принятую

значения как справочного руководства... Неудобства такого соединения устраняются тем, что все слова, принадлежащие областным говорам, с точностью относятся к той или другой местности... При большей части слов приводятся ссылки, указывающие источник, откуда эти слова внесены в Словарь; характер источника ясно определяет, насколько то или другое слово следует считать общеупотребительным, насколько то или другое выражение можно признать достойным подражания. В отличие от предыдущих трех выпусков (под ред. Грота. — В. В.) здесь нашли место многие слова церковнославянские, а именно те из них, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русском переводе книг священного писания» (Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. II. СПб., 1907, стр. VII Предисл.).

²⁹ В. И. Чернышев. Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка. «Русск. язык в школе», 1939, № 2, стр. 50; ср. также. «Проект словаря современного русского литературного языка». М.—Л., 1938.

³⁰ В. И. Чернышев. Принципы построения... стр. 54.

³¹ Там же, стр. 55.

в письменном и разговорном литературном языке эпохи диктатуры пролетариата, в условиях советского строительства и нового, социалистического производства». В связи с такой отчетливой ориентацией на современный русский язык находится и принцип группового расположения слов. В «Словаре современного русского литературного языка» слова объединяются по «гнездам», но более дробным, чем в словаре Даля. «Эта система построения словаря принята потому, что словарь всякого языка вообще есть не перечень входящих в него слов, но система словоупотреблений, связанных по происхождению и значению».

Из этих сопоставлений нетрудно видеть, что вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII—XIX вв. до сих пор еще остается не вполне ясным и очень далеким от практического его разрешения³². Любопытно, что в 1927 г. акад. В. М. Истрин, подводя итоги работы над Словарем в Академии наук и намечая перспективы дальнейшего исследования, ставил перед русскими лексикологами следующие четыре основных задачи:

1) Пополнять Академический словарь русского языка, включающий в себя материалы по литературному языку XVIII и XIX столетий, добавлениями, которые «будут наглядно представлять современные изменения языка в связи с изменениями в структуре общества и в материальной и духовной культуре его».

2) Составлять время от времени, например, два раза в столетие «Словарь литературного языка данной эпохи». Этот словарь должен вобрать в себя «лишь слова в той или другой мере актуальные для литературно-образованного общества определенного исторического периода». «Словарь подобного рода имел бы крупный научный интерес, представив литературный язык как ряд существующих (сосуществующих? — В. В.) диалектов — жаргонов, как активных, так и пассивных, образующих, однако, единое целое». «Два последовательных подобных Словаря наглядно показали бы все те изменения, которые произошли в словаре литературного языка за тот или иной промежуток времени: нарождение новых слов, новых значений, отмирание слов или некоторых их значений и, особенно,

³² В сущности, лишь упор на принцип нормализации, лишь нормативность является новостью в этом плане современного Академического словаря по сравнению с академическим Словарем русского языка предшествующих редакций (если, конечно, оставить в стороне материал областного народного языка). Ведь и Словарь русского языка в понимании акад. Шахматова не чуждался историзма при объяснении слов. Академики Н. С. Державин и С. П. Обнорский так характеризовали принципы лексикологической работы Шахматова: «Словарь русского языка... должен изображать язык в широкой исторической перспективе как язык нового времени, отчетливо дающий о себе знать, начиная с эпохи Ломоносова. Поэтому в историческом плане материалы словаря современного русского языка не должны ограничиваться свидетельствами языка одной данной поры, но должны заходить в прошлое, захватывая и XVIII в., этот период формирования языка нового времени... Широта материалов словаря сама собою привела к требованиям особого внимания к установлению значений слов и их оттенков, которые должны были определяться в исторической своей преемственности. Последнее обстоятельство вызвало необходимость богатой фактической иллюстрации значений слов и их оттенков примерами из писателей, как и из живой речи, с таким предположением, чтобы эта живая иллюстрация свидетельствовала и об эволюции значений слова. В словаре должны были получить свое отражение в том же историческом аспекте все фразеологические и стилистические особенности живой речи» (Н. С. Державин и С. П. Обнорский. История и техника издания Словаря русского языка Академии наук СССР. «Вестн. АН СССР», 1932, № 7). Таким образом, бессистемная, случайная историчность оказывается устойчивой академической традицией в работе над словарем русского литературного языка.

передвижения слов или отдельных их употреблений из одного стиля в другой».

3) Подготовить идеографический словарь русского языка «наподобие имеющихся аналогичных словарей на главных европейских языках, но, конечно, в ином масштабе и по иному плану. Здесь, вероятно, нашел бы себе разрешение и вопрос о синонимическом словаре русского языка»³³.

4) Работать над составлением «словарей к произведениям отдельных русских писателей»³⁴.

Таким образом, и в этом интересном очерке «грандиозных» (по выражению акад. Истрина) задач русской лексикологии на ближайшее столетие вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII—XIX вв. даже не поднимается.

II

Акад. А. А. Шахматов глубоко и точно выразил внутреннее содержание истории русского литературного языка в такой сжатой формуле: «История русского литературного языка — это история постепенного развития русского просвещения». Роль исторического словаря литературной речи в создании этой историко-лингвистической концепции умственного, культурного и, в частности, художественного развития русского общества лучше всего определяется таким афоризмом великого русского поэта В. А. Жуковского: «Всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли»³⁵.

Исторический словарь русского литературного языка XVIII—XX вв. должен воспроизвести громадную, складывающуюся из тысяч звеньев цепь таких «событий в области мысли». Но этого мало: он заложит твердые основы исторической семантики русского языка, он поможет открыть закономерности в историческом движении русского народно-языкового творчества.

При изучении конкретной истории отдельных слов и выражений обнаруживаются те разнообразные ручьи и потоки, которые с разных сторон — из глубин народной жизни и устного народного творчества, из быта и культуры разных социальных слоев общества, из разных областей профессионального труда — несут новые формы выражения и выразительности, новые мысли и предметы, новые слова и значения в море литературного языка. В этой широкой картине исторически изменяющихся словарных взаимодействий разных стилей литературной речи с живым народным языком, его этнографическими, классовыми и социально-профессиональными говорами, с диалектами городского языка, с языком науки и техники, историк-лингвист найдет точные законы исторической перспективы.

Лингвистический анализ происхождения и семантических изменений слов, фраз, идиом разносторонне и глубже откроет международные связи русского языка. В русском разговорном слове *роздых* обнаружится соотношение с немецким *Rasttag*, которое вошло в военный русский язык Петровской эпохи; из-под книжно-публицистического слова *животрепе-*

³³ Мысль об идеографическом словаре развивал В. И. Даль еще в 50-х годах («Изв. имп. Акад. наук по ОРЯС», 1853, т. I, стр. 339—340).

³⁴ В. М. Истрик. Работа над Словарем русского языка в Академии наук. «Изв. Академии наук», 1927.

³⁵ Русские писатели о литературе, т. I. Под ред. С. Балухатого. Л., 1939, стр. 83.

щущий проглянут и торгово-мещанское *животрепещий* и французское *palpitant* и т. п.

В процессе накопления исторических фактов выяснятся основные пути международных путешествий, связей и скрещений русской лексики и фразеологии, обнаружатся социально-исторические причины таких семантических отношений. Вместе с тем наблюдения над семантическими изменениями, связанными с переходом слов и фраз как из одного языка в другой, так и из одного диалекта или стиля в другой, помогают тоньше и яснее понять историю стилей русского литературного языка — на фоне сравнительной истории других языков (например, западноевропейских) и на фоне исторической диалектологии и исторической лексикологии самого русского языка.

Кроме того, описание различных условий и мотивов возникновения и семантического изменения слов, идиом и фраз прольет яркий свет на общую проблему языка и мышления³⁶.

В свете этих новых принципов лингвистического исследования и понимания самый лексический и фразеологический состав современного русского языка представится в более дифференцированном и стройном виде. Нормы стилистической оценки явлений современной речи в необходимых случаях получат историческое обоснование. Выплывающие на поверхность современной литературной речи жаргонные слова и выражения подвергнутся суду истории, который может определить социальные пределы и общественную ценность присущих им семантических возможностей. Примером может служить распространившееся в современном внелитературном просторечии жаргонное выражение «*на ять*» в значении: прекрасно, как нельзя лучше. Несмотря на остроту своей экспрессии, оно лишено интеллектуальной ценности и окрашено ярким колоритом вульгарного безвкусыя. История этого выражения, представляющего осколок жаргонной поговорки, может лишь подтвердить эту стилистическую окраску.

Выражение *на ять* вышло из жаргона мелкого чиновничества. Н. С. Лесков в «Мелочах архиерейской жизни» так описывает стиль и дух канцелярии полицмейстера: «Здесь среди этих форменных людей, в которых, несмотря на всю строгость их служебного уряда, все-таки билось своим боем настоящее широкое русское сердце, или типком сметки на свойском жаргоне: „как тот нашего *вздрючит*, или *въефантулит*, или *пришпандорит*?“». Слова эти, имеющие неясное значение для профанов, для посвященных людей содержат не только определительную точность и полноту, но и удивительно широкий масштаб. Самые разнообразные начальственные взыскания, начиная от «окрика» и «головомойки» и оканчивая непрacticуемыми ныне «изутием сапога» и «выволочкою», — все они, несмотря на бесконечную разницу оттенков и нюансов, опытными людьми прямо зачисляются к соответствующей категории, и что составляет не более как «вздрючку», то уже не занесут к «въефантулке» или «пришпандорке». Это нигде не писано законом, но преданием блюдетя до такой степени чинно и бесспорно, что когда с упразднением «выволочки» и «изутия» вошел в обычай более сообразный с мягкостью века «выгон *на ять* — голубей гонять», то чины не обманулись, и это мероприятие ими прямо было отнесено к самой тяжкой категории, т. е. к «въефантулке».

³⁶ См.: Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1940, № 3, стр. 116—117.

Филологическое изучение письменных памятников XVIII—XIX вв. и художественное понимание литературных текстов этого времени быстро двинутся вперед под влиянием исторического словаря русского литературного языка. *Explication du texte* найдет в нем крепкую опору. Язык классиков заблестит новыми красками для читателя и исследователя. В самом деле, ведь язык Пушкина — основоположника современной литературной речи — остается достаточно темным даже для современного пушкиниста во многих таких местах, которые при поверхностном восприятии кажутся не нуждающимися ни в каких комментариях.

Например, фраза из «Гробовщика» Пушкина, изображающая лицо переплетчика «в красненьком сафьяновом переплете», не может быть понята современным читателем во всем семантическом объеме без историко-фразеологических комментариев, без исторического словаря русской литературной речи. Рассказчик «Гробовщика» с неподражаемым комизмом и иронией повествует об окончании пира у сапожника Шульца: «Гости разошлись поздно и по большей части навеселе. Толстый булочник и переплетчик, коего лицо казалось в красненьком сафьяновом переплете, под руки отвели Юрку в его будку, наблюдая в сем случае русскую пословицу: долг платежом красен. Гробовщик пришел домой пьян и сердит». Подбор слов и образов в этом отрывке по-разному и с разных точек зрения изображает опьянение гостей. Описание внешности переплетчика выражает то же. Соответствующая фразеология, восходящая к языку Княжнина (в комедии Княжнина «Хвастун»), была включена в фонд «крылатых выражений» пушкинского времени. Так, Вяземский писал в своей «Старой записной книжке»:

«Его лицо, краснокожее и расцветающее почками багровосиними, напоминало стихи Княжнина:

... .. лицо

Одето в красненький сафьянный переплет:

Не верю я тому, а кажется он пьет»³⁷.

Точно так же выражение из пушкинского «Бахчисарайского фонтана» *язвительные лобзания*:

Чей страстный поцелуй живей

Твоих язвительных лобзаний?

не может считаться вполне уясненным. Исследователи Пушкина наивно верят ироническому комментарию самого поэта, согласившегося под влиянием критики Вяземского отменить эпитет *язвительный* (Письмо кн. П. А. Вяземского от 1—8 декабря 1823 г.)³⁸: «Поставь *пронзительных*. Это будет ново. Дело в том, что моя грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике»³⁹.

³⁷ П. А. Вяземский. Старая записная книжка, стр. 209.

³⁸ А. С. Пушкин. Письма, т. I. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1926, стр. 60; см.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII (переписка 1815—1827 гг.). Л., 1937, стр. 80.

³⁹ В «Словаре Академии Российской» (1822, ч. VI, стр. 1445—1446) указано в слове *язвительный*, между прочим, значение «могущий причинить язву», например: *язвительное угрызение ядовитого животного*; ср. у Пушкина: «покров, упитанный язвительною кровью» (Из Шенье); «белая язвительная пыль» («Путешествие в Арзрум»).

В этом конкретном смысле укуса как будто легко истолковывается и родственное словосочетание — *язва лобзаний* в стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»:

Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.

Однако этот строй понимания вступает в острое противоречие со стихом «Душа тобой уязвлена» из стихотворения «В крови горит огонь желанья» (ср. у Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»). Текстологическая справка в рукописи этого стихотворения удостоверяет, что вместо «уязвлена» Пушкин сначала написал «упоена». Между тем выражение «Душа тобой упоена» еще раньше было употреблено Пушкиным в «Кавказском пленнике»:

Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена...

Чем вызвана эта стилистическая замена «упоена» на «уязвлена»? Очевидно, тем, что слово *уязвленный* в значении «раненный любовью, упоенный, плененный» в сознании Пушкина более соответствовало народно-поэтическому, библейско-восточному слогу стихотворения: «В крови горит огонь желанья» (ср. в библейской «Песне песней»: «уязвлена есмь любовью аз»).

Ведь слова *упоение, упоительный, упоенный* являются галлицизмами (ср. франц. *enivrement, enivrant, enivré*)⁴⁰. Они были принадлежностью французско-европейского галантного стиля эротической лирики и вносили диссонанс в экзотический примитивизм народной романтики «восточного слога». Трудно сомневаться в том, что на Пушкина в этом отношении повлияли критические замечания А. С. Шишкова. А. С. Шишков, противопоставляя русский народно-поэтический язык простых писателей языку современных русских поэтов новоевропейской школы, в своих «Разговорах о словесности» писал: «Язык нежности их имел в себе также нечто особое от нынешнего. Они не говорили своим любовницам: *я заразился к тебе страстью, я пленял себя твоими взорами, я поражен стрелою твоих прелестей, ты предмет моей горячности, я тебя обожаю* и проч. Все это чужое, не наше русское. Они для выражения своих чувствований не искали кудрявых слов и хитрых мыслей, но довольствовались самыми простыми и ближайшими к истине умствованиями»⁴¹.

В связи с этим А. С. Шишков берет на себя защиту «простонародных» старинных выражений любви и нежности: «Мы ныне говорим: *я пленился тобою*, а в старину говаривали: *я уязвился тобою*»⁴². Воспользовавшись этими указаниями Шишкова, Пушкин оживляет старинное выражение и применяет *уязвленный* в значении «плененный, упоенный».

То же словоупотребление затем укореняется и в языке Вяземского: «В начале тридцатых годов... расцвела в Петербурге одна девица, и

⁴⁰ См. мою книгу «Язык Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 237 и сл.

⁴¹ Разговоры о словесности. Сочинение Александра Шишкова. СПб., 1811, стр. 110.

⁴² Там же, стр. 76.

все мы, более или менее, были военнопленными красавицы; кто более или менее уязвленный, но все были задеты и тронуты»⁴³.

Можно думать, что и в слово *язвительный* Пушкин намеревался вложить значение «пленительный, упоительный, полный глубокой страсти, пылкий».

Конечно, понимание литературного текста зависит и от хорошего знания словаря самого данного писателя. Например, в языке ранних стихотворений Пушкина слово *позор* употребляется в своем старом, церковнославянском значении: *зрелище*. Так, в оде «Вольность» (1817):

Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор

(т. е. зрелище гибели, разорения законов). В стихотворении «Деревня» (1819):

Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

В поэме «Руслан и Людмила»:

Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный?

С начала 20-х годов это архаическое значение слова *позор* отмирает в пушкинском языке. И с этого времени Пушкин употребляет слово *позор* в современном значении: бесчестье, постыдное, презренное положение. Например, в стихотворении «Кинжал» (1821):

Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судья позора и обиды.

В стихотворении «Наполеон» (1821):

И Франция, добыча славы,
Пленный устремил взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.

В стихотворении «Недвижный страж дремал» (1823):

Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

В поэме «Цыганы»:

Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

В стихотворении «Дружба» (1825):

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор?

⁴³ П. А. Вяземский. Указ. соч., стр. 158.

Ср. также:

И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

(Из Ариостова «Orlando furioso», 1828).

Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор!

«Полтава»

...Семью

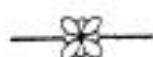
Стараюсь я забыть мою —
Я стала ей в позор...

Там же

И другие подобные.

Таким образом, изучение индивидуального словаря пушкинского языка устанавливает хронологическую грань, за которую не переходит архаическое, славянское употребление слова *позор* как синонима *позорище* (зрелище) в языке Пушкина⁴⁴. Это наблюдение важно для определения основных этапов и тенденций эволюции пушкинского языка. Но в широком русле истории русского языка этот индивидуальный факт приобретает глубокий интерес и выразительную силу лишь на фоне общей картины семантических изменений слова *позор* в русской литературной речи. Следовательно, и здесь подлинное историческое осмысление факта упирается в вопрос об историческом словаре русского литературного языка. Для его создания необходимо систематическое обследование литературных источников, необходимы исследования по семантической истории отдельных слов и выражений. Краткие очерки истории отдельных слов и выражений в русском языке XVIII—XIX вв. наглядно покажут разнообразие семантических процессов, характеризующих литературное развитие русского языка, и богатство того нового лингвистического материала, который может быть раскопан и обнаружен историческим словарем русского литературного языка XVIII—XX вв.

⁴⁴ Только в «Отрывке из литературных летописей» Пушкин употребляет слово *позор* несколько двусмысленно: «все простодушные обмолвки выведены на позор».

I

Русский язык — один из самых богатых и выразительных языков мира.

«Русский язык, — говорит Тургенев, — по своему богатству, силе, логике и красоте формы признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого»¹. Уже Ломоносов приходил к выводу, что «язык, которым Российская держава великой части света повелевает», по своему природному изобилию, красоте и силе «ни единому европейскому языку не уступает», но превосходит их всех необычайным сочетанием разнообразных свойств.

Русский язык представлялся Ломоносову беспредельным морем. Преимущества русского языка, по словам Ломоносова, заключаются в неисчерпаемом богатстве поэтических изобразительных средств слова и в поразительном разнообразии смысловых оттенков словаря для выражения «тончайших философских воображений и рассуждений, многообразных свойств и перемен, бывающих в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях»², т. е. для выражения самых различных понятий «учености, политики и философии» (как говорил Пушкин)³. «И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем», — замечал Ломоносов^{3а}.

Эту мощь русского языка, соответствующую духовным богатствам русского народа, Ломоносов склонен был объяснять своеобразиями исторического развития нашего языка, своеобразиями его лексического (словарного) состава.

Ту же точку зрения развивал Пушкин: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI в. древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»⁴.

¹ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч., т. X. СПб., 1897, стр. 485 («Речь об А. С. Пушкине»).

² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1898, стр. 10.

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., ГИХЛ, 1936, стр. 30.

^{3а} М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 10.

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. V, стр. 17 («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»).

Вместе с тем Пушкин предостерегал русское образованное общество своего времени от увлечения «механическими формами» наиболее разработанного и нормированного из западноевропейских языков — языка французского, от слепого подражания ему и призывал к «глубочайшим исследованиям» живой народной речи. В стилистическом разнообразии русской литературной речи, в живом взаимодействии письменности с разговорным языком и в их неразрывной связи с живой народной речью и народной поэзией Пушкин видел залог еще большего расцвета русского литературного языка. «Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше он для искусного писателя»⁵.

Богатство словаря, разнообразие синонимов, красочность и действенность выразительных средств — все это сложилось в процессе исторического развития русского литературного языка. История русского литературного языка уясняет и причины его преимуществ перед западноевропейскими языками.

Уже Ломоносов и Пушкин обратили внимание на то, что в средние века, когда в разных странах Западной Европы, например в немецких государствах и Польше, литературным языком был латинский язык, чуждый и непонятный народам, у нас такой пропасти между литературной и народной речью никогда не было. Письменность древней Руси была связана со старославянским языком, литературным языком разных славянских народностей. «По своей близости к русскому он никогда не был чужд народу»⁶. Элементы этого книжно-славянского языка постепенно, а наиболее интенсивно в период образования национального русского языка слились с народным русским языком. Это слияние не только не ограничило, не сузило народный фундамент русской литературной речи, но, напротив, увеличило словарные богатства русского литературного языка, обогатило инвентарь его выразительных средств.

Русский литературный язык развивался в тесном взаимодействии с развитием двух других братских языков восточного славянства — украинского и белорусского. Русский литературный язык, влияя на эти языки, в то же время и сам усваивал, перенимал их культурные достижения. Период расцвета киевской культуры в X — XII вв. оставил глубокие следы в истории всех восточнославянских языков. Тесные связи между ними продолжались и после того, как они сформировались в три самостоятельных национальных языка: русский, украинский, белорусский. Так, украинский литературный язык сыграл большую роль в качестве культурного посредника между русской и западноевропейскими литературами в XVII в. Гоголь, которому была одинаково близка и русская и украинская речь, внес в язык русской художественной литературы яркие образы украинской народной поэзии и своеобразные черты украинского юмора.

Русский литературный язык никогда не отрывался от народной почвы, от фольклора, от устной словесности разных слоев общества. Величайший памятник литературного искусства древней Руси «Слово о полку Игореве» отражает широкий поток устного народноэпического творчества. В XIV—XVI вв. устная народная словесность сильно содействовала образованию национального русского литературного языка. Народное творчество было источником вдохновения и поэтическим образцом для всех величайших

⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. V, стр. 254—255.

⁶ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 3. М., 1934, стр. 9.

русских писателей с XVIII в. до нашего времени. Эта тесная связь с «кипящими источниками народной поэзии» (по выражению Пушкина) наделила русский литературный язык свежими образами и выражениями, убедительной краткостью, яркими красками народного слова. Ведь «язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, сырой язык и обработанный мастерами», — писал Горький⁷.

Развитие русской литературной речи, особенно от Пушкина до наших дней, сблизило разные стили письменного языка с говорами и стилями живого устного языка, но не уничтожило различий между ними. У нас нет такого разрыва между литературно-книжным и устным языком, как в некоторых странах Западной Европы. Но у нас письменный и разговорный языки и не сливаются в единую систему. Они находятся в живом взаимодействии и непрестанно обогащают друг друга. Местные особенности многочисленных русских говоров смягчаются влиянием литературного языка. Однако сам литературный язык является как бы морем, куда эти говоры стремятся влиться. Он вбирает в себя многие областные слова, узаконяя их в общем употреблении. Например, из областных говоров проникли в литературный язык такие общеизвестные слова, как *паук*, *земляника*, *пахать*, *брюква*, *ботва*, *доить*, *хилый* и мн. др. Это живое взаимодействие между литературной речью и народными говорами не позволяет русскому литературному языку консервироваться, застывать в шаблонных формах выражения.

Русский язык не так единообразен и нормирован, как, например, язык французский. Благодаря тем ручьям живой устной речи, которые несутся в литературный язык, уровень его непрерывно меняется, его словарный состав разнообразится. Эти богатства живой речи придают реалистическую красочность стилю писателей. Однако в этой развивающейся и стилистически разнообразной системе словесного выражения русского литературного языка есть нормы, есть культурная преемственность. Русский литературный язык, впитывая в себя из народных диалектов, из живой устной речи все ценное, все, что может обогатить литературу и получить всеобщее признание, отбрасывает ненужные диалектизмы (узко местные слова), аргоизмы (условные слова какой-нибудь мелкой социальной группы) и т. д.

Эпоха победившего социализма создает предпосылки для невиданного расцвета национального языка. Русский литературный язык становится еще богаче и разнообразнее. Сохраняя все лучшее из тех языковых формаций, которые и до революции служили целям культурного объединения и развития («от Пушкина до Горького») ⁸, отбрасывая все классово чуждое, русский литературный язык непрестанно пополняется новыми словами и оборотами, вызванными к жизни советской действительностью.

Русский язык был создан великим русским народом. Тургенев говорил, что «народ, у которого такой язык, — народ великий. . . нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу» ⁹.

⁷ М. Горький. О литературе. М.—Л., ГИХЛ, 1935, стр. 210 («О том, как я учился писать»).

⁸ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, 1935, стр. XI (От редакции).

⁹ Русские писатели о литературе, т. I. Под ред. С. Балухатого. Л., 1939, стр. 365.

II

Едва не ярче всего богатство русского языка обнаруживается в его лексике, в его словарном составе. Об этом можно судить по словарям русского языка. Когда Гоголь писал о Пушкине как о великом национальном русском поэте, он сравнивал его творчество со словарем русского языка: «В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка»¹⁰.

Словари русского языка — могучее орудие культуры речи и вместе с тем продукт этой культуры. «Где знание отечественного языка считается более необходимым, где, следовательно, лучше составлены словари его, где писатели чаще к ним обращаются, там и литература, как искусство, стоит выше... Словарь литературный необходим...» — писал в середине XIX в. акад. И. И. Срезневский¹¹.

Что же можно найти в таком словаре? Прежде всего в нем даются указания на то, какой разновидности или какому типу литературного языка свойственно то или иное слово. Одни слова вращаются больше в пределах книжной речи, другие носят отпечаток разговорности, третьи характерны лишь для стихотворного языка, четвертые принадлежат к какой-нибудь области научно-технического языка, пятые устаревают и становятся малоупотребительными и т. п. Такие указания, определяющие обычный круг употребления того или иного слова, называются стилистическими пометами. Они помогают точнее и глубже понять стилистические особенности словаря литературного языка, своеобразия разных его типов (делового, научного, юридического, поэтического и т. п.). Кроме того, в словаре обычно обозначается правильное литературное ударение слова и приводятся основные грамматические формы слова, особенно если их образование сопряжено с какими-нибудь затруднениями.

Но, конечно, самое важное в словаре — это определение значений слова. Пушкин, ссылаясь на изречение Декарта, утверждал: «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений»¹².

Большая часть слов многозначна. Разные значения связаны с разным словесным окружением или, как обычно говорят, с разными контекстами употребления слова. Значения слов изменяются с течением времени, и многое, например, в языке Пушкина нам кажется уже устаревшим, а иногда и непонятным. Справка в словаре поможет уяснить непонятные значения и смысловые оттенки слова. Например, Пушкин в «Путешествии в Арзрум» упоминает о «белой язвительной пыли». Из современного словоупотребления (*язвительное замечание, язвительная критика, язвительный спор* и т. п.) нельзя понять этого старого значения. Но если обратиться к тому академическому словарю, в который заглядывал встарь и сам Пушкин, то там легко найти указание, что первоначальным значением слова *язвительный* было: причиняющий рану, наносящий язву.

Во многих словарях, особенно в «Толковом словаре» В. И. Даля, при определении значений слова приводится длинный список синонимов, т. е. таких слов, которые очень близки по своим значениям к определяемому слову. Тонкое умение пользоваться синонимами и их смысловыми

¹⁰ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. III. Под ред. Н. И. Коробки. СПб., 1913, стр. 122 («Несколько слов о Пушкине»).

¹¹ «Изв. имп. Акад. наук по ОРЯС», 1853, т. III, стр. 150—151.

¹² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VI, 1936, стр. 161.

оттенками для придания языку большей выразительности — признак высокой речевой культуры.

Наконец, в словаре обычно собираются и объясняются фразеологические обороты, связанные с тем или иным словом, т. е. застывшие, устойчивые, а частью и вовсе неразложимые сочетания слов, которые используются как одно сложное целое. К ним присоединяются пословицы, поговорки, крылатые изречения, словом, весь арсенал выразительных средств, которыми располагает литературная фразеология.

Такие словари, содержащие истолкования слов и выражений, определения их значений, часто именуются толковыми словарями русского языка. Это название закрепилось за ними лишь во второй половине XIX в.

Термин толковый в применении к словарю введен В. И. Далем. Даль придал слову толковый новое значение, исходя из старинного, но забытого употребления этого слова. Свой знаменитый словарь Даль назвал «Толковым словарем живого великорусского языка». Доказывая целесообразность своего нововведения, Даль писал: «По-нынешнему надо бы обойти слово это набором речей в две строки, что для заглавия не совсем удобно... Мне было замечено, что де стало быть все прочие словари бестолковы. В шутку это заметить можно, но на деле толковому человеку, речи нынче противопоставляется бестолковый, а толковому словарю — нетолковый»¹³.

Толковый словарь может служить большим подспорьем в развитии культуры языка. Но было бы ошибкой видеть в словаре универсальное средство борьбы с разными недостатками стиля. Еще в середине XVIII в. замечательный русский писатель А. П. Сумароков, в своем «Наставлении хотящим быти писателями» сказал:

Хотя перед тобой в три пуда лексикон,
Не мни, чтоб помощью тебя снабжал и он,
Коль речи и слова поставишь без порядка¹⁴.

Необходимо знать, как выражался П. А. Вяземский, один из писателей пушкинской поры, «самый состав и наказ языка»¹⁵, т. е. не только лексику и фразеологию, но и грамматические свойства языка, его стилистические нормы и возможности, законы его семантического (т. е. смыслового) развития. «Родной язык наш должен быть главною основою и общей нашей образованности и образования каждого из нас»¹⁶.

Клад литературного творчества не дается без больших усилий и упорного труда. Одно из орудий литературного труда — толковые словари русского языка. Чтобы лучше пользоваться ими, необходимо знать, что и как можно найти в них, чему они могут научить, словом, необходимо знать историю их составления.

III

История толковых словарей русского литературного языка начинается только с XVIII в. Официально она открывается знаменитым «Словарем

¹³ В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. X. СПб.—М., 1898, стр. 267.

¹⁴ А. П. Сумароков. Полн. собр. соч., ч. I, 1784, стр. 358 («Наставление хотящим быти писателями»).

¹⁵ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1878, стр. LVII.

¹⁶ «Изв. имп. Акад. наук по ОРЯС», 1860, т. IX, стр. 7 («Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте»).

Академии Российской»¹⁷. Но созданию этого толкового словаря предшествовала длительная работа русских литераторов и лексикографов над другими типами словарей. Значение этой подготовительной работы в истории русского просвещения, в истории русской филологической культуры очень велико. Общий очерк толковых словарей русского языка утратит свою рельефность, свой исторический фон, если не предпослать ему беглой характеристики основных этапов русской лексикографической работы до середины XVIII в.

Начало составления словарей на Руси восходит к раннему средневековью. Можно наметить два периода в истории русской лексикографии до середины XVIII в.

До конца XVI—начала XVII в. господствовал тип словарей отчасти толкового, отчасти реально-энциклопедического характера, содержащих объяснение непонятных, чаще всего иноязычных слов, заимствованных собственных имен и условных церковных символов. Сначала это были своеобразные справочные словарики, «толкования неудобь познаваемым речем», т. е. объяснения трудных для понимания книжных слов, отвлеченных выражений, иностранных терминов, заимствованных имен, встречающихся в памятниках церковнославянской письменности (глоссарии). Например, уже в глоссарии конца XIII в. (при Новгородской Кормчей 1282 г.) истолковываются как «неразумные», т. е. непонятные, слова: *ков* (ср. *строить ковы, коварный, коварство*); *зело*; *рог* (-сила; ср. у Пушкина в «Борисе Годунове»: «Он сломит рог боярству родовому»; у Державина: «Неверных сокрушил ты гордый рог»); *тина* (-грязь)¹⁸. Тут же, наряду с библейскими собственными именами вроде: *Петр, Павел, Лука, Мария, Голгофа, Иерихон* и т. п., разъясняются такие греческие термины, связанные с христианским культом, как *ад, олтарь*. Весь этот глоссарий состоит из 174 слов, расположенных не по алфавиту, а без всякого порядка.

В другом новгородском словарики того же типа, дошедшем до нас в нескольких списках (древнейший из них — 1431 г.), содержится, между прочим, объяснение таких отвлеченных книжно-славянских слов, как *качество, количество, свойство, доблесть, самолюбие* (в значении, отчасти соответствующем нашему понятию — *эгоизм*).

Из словариков такого рода в XVI в. вырабатывается своеобразный тип «азбуковника» или «алфавита»¹⁹. Азбуковник представлял собой смесь словаря иностранных и непонятных слов со своего рода реальной энциклопедией, куда вносились, обычно в азбучном порядке, разные любопытные сведения. Выросший интерес к книге в XVII в. сильно отразился на увеличении числа азбуковников и их объема. Среди разнообразного материала в азбуковниках нередко помещались и списки употребительных синонимических выражений того времени, «произвольников».

¹⁷ Словарь Академии Российской, ч. I—VI. СПб., 1789—1794.

¹⁸ К. Ф. Калайдович. Иоанн ексарх Болгарский. М., 1824, стр. 193—195; ср. С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 161—162.

¹⁹ Ср. обзор других словарей древнерусской письменности: А. Карпов. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877, стр. 17—23; П. К. Симонов. Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII—XVIII столетий. СПб., 1908; Н. К. Никольский. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV—XVI вв. Памятники древней письменности. СПб., 1896, стр. CXIV; А. В. Пруссак. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. «Памятники древней письменности и искусства». Пг., 1915, стр. CLXXXVI.

(по тогдашней терминологии), например: *страсти и похоти, преступник и неклеветохраниитель, недоумение и окаменение, климат и страна* и т. д.²⁰

Приемы толкования слов в азбуковниках очень пестры и разнородны. Прежде всего, если была возможность, решался вопрос, откуда пришло то или иное иностранное слово. Далекое не всегда эти этимологические (т. е. относящиеся к происхождению слова) справки соответствовали действительности. Например, слово *брот* — хлеб (ср. немецкое *Brot* считалось заимствованным из латинского языка; *флѣс* — цвет (ср. *флора* от латинского *flos*) — из эллинского; *близнец* — из сербского и т. п.

Объясняемое слово часто сопоставляется с соответствующими словами других языков, например: «*Перец* греческим языком *пепер*, латинским языком *пипер*, арапским *фухфел* или *фулфул* (фильфиль), немцы *пэфел* (т. е. *Pfeffer*), гишпанские *пимнеста*, французские *поувре*» (роивге).

Само объяснение слова или ограничивается перечнем его синонимов, или превращается в краткую, а иногда и пространную энциклопедическую статью, посвященную описанию обозначаемого словом предмета или явления. Например: «*Ветий* (т. е. вития) — ритор, мудрец, философ, речеточец, прокуратор, речник, хитрословец». «*Обаяние* — бесовских призываний наговор над питием или над ядию, или над инем чем»²¹.

Уже в XVII в., когда оживляются связи русского языка с языками западноевропейскими, когда приобретает особенную остроту вопрос о взаимодействии церковнославянской и народной русской речевых стихий, состав словарей и их задачи резко меняются.

Новые принципы и приемы составления словарей идут к нам из так называемой Юго-западной Руси, которая в то время оказывала большое культурное влияние на Московское государство. Так появился первый печатный словарь — «Лексис, сиречь речения в кратце собранны и из словесного языка на просты русский диялект истолкованы», приложенный к славянской грамматике Лаврентия Зизания Тустановского (1596). Уже в самом заглавии словаря раскрывается основная его цель. Лексика старого книжного языка, в основной своей массе церковнославянская, нуждалась в переводе ее на «простой русский диялект», в пояснении ее русскими (для украинцев — украинскими, для белорусов — белорусскими) словами. В этом словаре объяснено 1061 слово.

Та же задача — сопоставление церковнославянской лексики с народной украинской — стояла и перед «Лексиконом славено-росским» Памвы Берынды (изд. I — Киев, 1627; изд. 2 — 1653). Тесная связь этого словаря с традицией азбуковников несомненна. Она сказывается и в энциклопедическом характере объяснений. В этом словаре «уже нередко удачно разграничивается церковнославянский элемент от народного русского, точнее украинского, хотя, разумеется, последовательности и выдержанности в этом отношении нельзя и требовать от книжника XVII в.»²²

Не подлежит сомнению, что на почве этого сопоставления языков глубже осознавались особенности живой народной речи, выросал интерес к словарным проблемам (ср. изданный П. И. Житецким рукописный словарь, носивший характерное название «Синонима славеноросская») ²³. Этому росту национального самосознания содействовала также работа над

²⁰ А. Карпов. Указ. соч., стр. 43—44.

²¹ Там же, стр. 174—176, 183, 192, 217.

²² С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 165.

²³ Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Киев, 1889, Прилож.

параллельными иноязычно-русскими словарями. В них стала ощущаться особенно острая нужда с развитием переводческой деятельности в Московском государстве.

К XVII в. относится значительное количество рукописных словарей — латино-славянских, греко-славяно-латинских, польско-русских²⁴. Потребность в словарях еще усилилась к началу XVIII в. с организацией в Москве школьного преподавания иностранных языков — эллино-греческого, латинского и польского²⁵. В начале XVIII в. (1704) появляется труд Ф. Поликарпова «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище». Составляются параллельные словари для перевода с западноевропейских языков на русский. Так, в 1717 г. выходит в свет «Книга лексикон или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык», в 1731 г. — «Немецко-латинский и русский лексикон».

Работа над составлением параллельных русско-иноязычных словарей имела громадное значение для развития русского литературного языка. Поиски русских соответствий иностранным словам приводили к более глубокому пониманию значений и оттенков русских слов. Устанавливались национальные русские формы для выражения понятий, выработанных западноевропейскими языками. При определении значений чужого слова точнее осознавались смысловые оттенки синонимов в составе самого русского литературного языка.

Все эти процессы обострялись еще необходимостью объяснять широким кругам общества значение недавно заимствованных европейских терминов. Русский язык в петровское и ближайшее послепетровское время наводняется чужими словами, хлынувшими из разных «европейских языков». Осваивается западноевропейская терминология — административная, общественно-политическая, военно-морская, производственно-техническая, научная, деловая. Европеизмы проникают в язык общежития. В связи с этим получают широкое распространение разного рода «лексиконы вокабулам новым»²⁶. Толковые словарики иностранных слов нередко присоединялись к оригинальным и особенно переводным научно-техническим и публицистическим произведениям петровского времени. Заимствованные термины часто пояснялись и в самом тексте сочинения. Постепенно — на основе таких справочно-толковых словариков — вырабатывается далекий от древнерусских азбуковников тип общедоступного словаря непонятных слов, а также словаря иностранных слов. Таков, например, «словотолк», приложенный к знаменитому «Письмовнику» профессора и кавалера Н. Курганова.

В связи с ростом национального самосознания, в связи с расширением языковедческих интересов приобретает особенную злободневность проблема отношения русского языка к другим языкам, прежде всего западноевропейским, проблема родства русского языка с другими языками мира. На этой почве пышно расцветают, особенно во второй половине XVIII в., этимологические разыскания о происхождении разных русских слов, о родстве русских корней с иноязычными. Вопрос об исконных, первичных словах русского языка, об его первобытных основах, с одной

²⁴ В. Погорелов. Сборники и лексиконы. М., 1899; Н. М. Петровский. О старинном латино-русском словаре. Казань, 1901.

²⁵ Ф. Поликарпов. Букварь славянскими, греческими и римскими письмены. 1701.

²⁶ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910. Прилож.

стороны, клонился к выяснению общечеловеческого праязыка. Но, с другой стороны, он приводил к идее о необходимости построения такого словаря русского языка, в котором все русские слова были бы возведены к первоначальным корням и располагались бы гнездами вокруг этих корней. Эта задача во второй половине XVIII в. отчасти осуществлялась такими двуязычными (русско-французскими, русско-немецкими) словарями, в которых русские слова располагались по алфавиту корней; это были так называемые «Российские Целляриусы», «этимологические российские лексиконы, купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов» (1781)²⁷.

Но, понятно, все эти работы лишь подчеркивали настоятельную нужду в толковом словаре самого русского языка. Под влиянием ломоносовской реформы русского литературного языка назрела потребность привести в известность весь живой, активный и запасной, исторический фонд литературной лексики. Эту потребность лишь в минимальной степени мог удовлетворить «Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах» П. А. Алексеева (1773—1776 гг.). В славянском языке уже тогда реакционные круги дворянства и духовенства готовы были находить противоядие от иноязычной заразы. И «Церковный словарь» рассматривался как одно из средств, содействующих появлению «на своем коренном языке достойных Витиев, стихотворцев и историй писателей, кои, оставя иноязычные для нас незнакомые выговоры, собственную красоту Российского слога искажающие, и при частой перемене к осязательному упадку его наклоняющие, Российским чистым слогом прославят громкие дела нынешнего знаменитого века»²⁸.

Тогда же — под влиянием Ломоносова — усиливается стремление к расширению и углублению национальных основ русского научного языка. Появляются профессиональные и специальные словари такого типа, как «Дикционер или речениар, по алфавиту российских слов о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях и о прочих былиях и минералах, собранный и сочиненный императорской Академии наук коллежским ассессором К. Кондратовичем» (СПб., 1780). Таков был исторический фон, на котором возникает «Словарь Академии Российской»²⁹.

IV

Мысль о толковом словаре русского литературного языка родилась в начале XVIII в. В 1735 г. в своей «Речи о чистоте российского языка» к членам Российской собрания В. К. Тредиаковский говорил о необходимости заняться составлением русской грамматики, реторики и толкового словаря³⁰. По словам Тредиаковского, «лексикон полный и доволь-

²⁷ «Российский Целляриус, или Этимологической Российской Лексикон, купно с прибавлением иностранных в Российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною Российскою Этимологиєю». Издан в Москве Фр. Гельтергофом, 1774.

²⁸ Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних... , сочиненный Петром Алексеевым. СПб., 1794, Предисл.

²⁹ Словарь Академии Российской, ч. I—VI, 1789—1794.

³⁰ П. Пекарский. История имп. Академии наук, т. II. СПб., 1876, стр. 50—51.

ный... еще больше силы потребует, нежели в баснословном Сизифе превеликий оный камень, который он на высокую гору один токмо хотя вскатить, с самого почитай верьха на низ его не хотя пускает»³¹. Однако «и лексикон не выше сил человеческих»³². Ломоносов засвидетельствовал, что призыв Тредиаковского не остался безответным. «Бывшим при Академии наук Российским собранием, споможением Андрея Богданова собрано и по алфавиту расположено 60 000 российских чистых речений, которых много уже протолковано и переведено на другие языки»³³.

Другой член Российского собрания Тауберт «из собственной своей охоты, а не по указу» также взялся за составление «весьма пространного русского лексикона с толкованием на трех других языках»³⁴. С помощью других академических переводчиков словарь был доведен до буквы Р.

Третий энтузиаст словарного дела — К. Кондратович — был помощником самого Ломоносова. В сотрудничестве с Кондратовичем Ломоносов, по поручению Академии наук, занимался «сочинением Российского лексикона», в котором «производные слова стоят под первообразными». Стало быть, общий тип словопроизводного словаря, в котором лексический материал расположен не по алфавиту слов, а по алфавиту корней, по гнездам, объединяющим слова одного корня, — этот тип былработан еще задолго до «Словаря Академии Российской».

Академия Российская, приступая в 1783 г. к составлению русского толкового словаря, широко пользовалась рукописными словарями предшествующего времени. Эти материалы, между прочим и словарь Кондратовича-Ломоносова и Тауберта, затем пополнялись выписками из современных — светских и церковных — книг, отчасти из памятников древней письменности.

На первом месте в ряду источников словаря стояли сочинения Ломоносова. Из них больше всего цитат в «Словаре Академии Российской». На долю Ломоносова приходится 9/10 всех примеров из литературных произведений. Показательно, что в то время, как из Ломоносова взято 883 цитаты, — на Сумарокова «Словарь Академии Российской» ссылаются лишь в 30 случаях.

Ломоносов — непререкаемый авторитет для членов Академии Российской. Ломоносовское учение о трех стилях является теоретическим фундаментом этого словаря. Установленные Ломоносовым стилистические нормы русского литературного языка лежат в основе стилистических оценок «Словаря Академии Российской», который, таким образом, является словарем не только словопроизводным, но и нормативным. Самый состав «Словаря Академии Российской» в значительной степени определяется взглядами Ломоносова на русский литературный язык.

В «Словаре Академии Российской» — 43 257 слов. Из них большая часть относится к торжественному, высокому слогу, опиравшемуся на славянизмы. Из словаря исключены «все иностранные слова, введенные без нужды и которым равносильные славянские или российские находятся»³⁵. В словаре нашли себе место лишь «названия еврейские и гре-

³¹ В. К. Тредиаковский. Соч., т. I. СПб., 1849, стр. 260, 267.

³² Там же.

³³ М. И. Сухомятин. История Российской Академии, вып. VIII. СПб., 1888, стр. 5.

³⁴ П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 897 (ср. также стр. 374).

³⁵ Словарь Академии Российской, ч. I. СПб., 1789, стр. IX, Предисл.

ческие, в священных книгах принятые», основные административные термины и «названия чужестранных произведений как естественных, так и художественных». Иностранные слова не составляют и 1/50 части общего количества слов, использованных в «Словаре Академии Российской»³⁶. Из них больше всего слов греческих по своему происхождению (342) и латинских (107). Заимствования из живых западноевропейских языков отражены в словаре крайне скупо. В словаре помещено 92 французских слова и 74 немецких, при этом больше трети французских заимствований относится к военному быту (*армия, артиллерия, бастион, бригада, гарнизон, редут, ретирада, эскадрон, траншея* и т. п.), а несколько менее трети немецких составляют названия чинов, должностей, служб и т. п. (*бухгалтер, маклер, ефрейтор, камердинер, штурман, егерь, вахмистр* и т. п.). В этом выборе слов также нельзя не видеть влияния ломоносовских идей.

Однако «Словарь Академии Российской» далек от ломоносовского демократизма. Он скупо отражает живую народную речь. После долгих колебаний было решено очень ограничить круг диалектизмов (местных народных слов) и провинциализмов, вносимых в словарь. Помещались лишь те областные слова, которыми «изображаются вещи, орудия и проч., в столицах неизвестные, также и те, которые могут послужить к обогащению и обилию языка, или же изяществом своим превосходят слова, в столицах употребляемые». Строгие ограничения были приняты и в отношении пословиц, присловиц и поговорок. Так как «многие из них низки, а некоторые и неблагопристойны, то Академия приняла больше такие, которые кратки, заключают в себе острый смысл или ясное правоучение»³⁷.

Научная и профессионально-техническая терминология и фразеология также не находят широкого отражения в «Словаре Академии Российской». В словарь вносились только такие «названия, учеными, художниками, ремесленниками и промышленниками употребляемые, которые суть или прямо русские или вновь по российскому корню составленные и ясно вещи выражающие»³⁸.

Таким образом, отбор научно-технических терминов преследовал очень определенную цель — включить в словарь поменьше заимствованных слов и наметить возможные славянские или русские замены для большей их части (ср., например, *трупоразъятель* — анатомик (VI, 301); *взвар* — декокт (I, 497); *дрягота* — convulsio (II, 777); *тепломер* — фермометр (VI, 94); *травоведец* — ботаник (VI, 228); *рудословие* — минералогия (V, 197—198); *звездословие* — астрономия (III, 33); *умозрение* — феория (III, 132); *книгохранилище* — библиотека (III, 662); *слушальище* — аудитория (V, 566) и т. п.).

Слов и выражений из профессиональных диалектов и жаргонов в словарь отобрано немного, и притом самых употребительных. Кроме речений церковных, легко можно найти выражения из военного, картежного, приказного, торгового, рыболовного, рыбопромышленного и охотничьего диалектов. Единичны отражения «наречий» плотников, каменщиков, гончаров, портных, сапожников, кожевников, пивоваров, рудокопов и других ремесленников.

³⁶ М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. VIII, стр. 129.

³⁷ Словарь Академии Российской, ч. I, стр. XIV.

³⁸ Там же, стр. VIII—IX.

«Словарь Академии Российской» стремится установить лексические нормы русского литературного языка второй половины XVIII в., по крайней мере, в его основном ядре.

Стилистические пометы, выработанные на основе ломоносовского учения о трех стилях литературного языка — высоком, среднем и низком, — определяют круг употребления слова. Терминология для обозначения принадлежности слов к разным стилям литературы, письменной деловой и разговорной речи, в «Словаре Академии Российской» не отличается единством и последовательностью. Однако общие принципы стилистической оценки слов вырисовываются довольно ясно. Понятиям: «славенский слог», «славенское употребление» — противопоставляются термины: «общее языка употребление», «просторечие». Например: «в славенском человеки, но в общем языка употреблении: люди» (VI, 689); «убийство — славенск.; просто же: убивство» (I, 210); «сѣдьмь — славенск.; просто же: семь» (V, 404) и т. д.

Термин *славенский* в понимании составителей иногда совпадает со словом *церковный*. «Славенское употребление» далеко выходит за пределы высокого — торжественного и красного — слога. «Славенскими» признаются устарелые церковнославянизмы, мало употребительные даже в высоком слоге того времени (например, *швение* — шитье, *студный* — стыдный, *женитва* — женитьба и т. п.).

От слов и выражений, общепринятых в литературном языке, т. е. составляющих его средний стиль, была отделена лексика просторечия и простонародного, т. е. крестьянского, языка. Просторечие частично сливалось с средним стилем. Поэтому в «Словаре Академии Российской» помета «просто» (в отличие от обозначений: «по-славенски», «славенское» или «в славенском употреблении») иногда была синонимом обыкновенного литературного употребления. В пределах самого просторечия намечались стилистические оттенки: «Словарь Академии Российской» устанавливает различные виды простой речи. «Низкое просторечие», «низкий слог», «слово низкое», «простое употребление», «просторечие» — вот те стилистические отметки, которые применяются к словам простого слога.

Например: «Раздумье — в просторечии: сумнение, колебание в мыслях в рассуждении какого предприятия: «Его раздумье взяло» (II, 794). «Скряга — в просторечии называется до подлости скупой человек, чрезвычайный скупяга» (V, 501). «Мозолью нажить — говорится в просторечии и значит: нажить тяжким трудом» (IV, 221). «Приказная строка — говорится в низком просторечии, значит то же, что ябедник, крючкотворец» (III, 378). «Ханаю — глагол, в низком слоге употребляемый и значущий: хватаю, беру, употребляя усилие» (VI, 501—502).

Понятно, что в XVIII в. состав и границы просторечия значительно отличались от принятых в современном русском языке. Например, к просторечию относились такие слова и выражения, позднее резко изменившие свой стилистический облик: *талант* (дарование), *собираться с мыслями*, *богач*, *быт*, *огласка*, *горожанин*, *раздумье* и т. п.

В «Словарь Академии Российской» вошло некоторое количество старинных слов, извлеченных из древнерусских памятников, и слов устаревших, вышедших из употребления к концу XVIII в.

Таков в беглом очерке состав первого русского толкового словаря.

«Словарь Академии Российской» — один из самых замечательных трудов в русской лексикографии. Тут впервые намечались приемы истолко-

вания значений слов, закладывались основы семантики русского языка. Образцом для составителей был знаменитый *Dictionnaire de l'Académie Française*. «Словарь Французской академии» был источником, откуда черпались определения таких отвлеченных слов, как *бытие, пространство, время, жизнь, душа* и т. п.³⁹, или литературных терминов, как *поэзия, эпопея, элегия, ода, сонет, эпиграмма, комедия, трагедия, драма* и т. п. Основной задачей было — дать определение значений слова, исходя из его литературного или устно-бытового употребления.

Словопроизводный «Словарь Академии Российской» послужил основным пособием для составления последующих словарей.

Знаменитый славист Иосиф Добровский в своем отзыве об этом словаре заметил, что изданием его Российская Академия «соорудила себе прочный памятник, делающий ей великую честь»⁴⁰. Позднее акад. И. И. Срезневский, отмечая недостатки этого словаря (главным образом, в области словопроизводства), все же признал: «Виднее всех несовершенств отделки его должно быть для нас то, что в нем в первый раз собрана и приведена в порядок громада сорока трех тысяч слов уже не одного книжного русско-славянского языка, но и русского общественного, простонародного, ученного, технического. Сравнивая же этот словарь русский со словарями западноевропейских языков того времени, нельзя не согласиться, что очень немногие составлены лучше, сообразнее с потребностями общими»⁴¹. В составлении этого словаря принимали участие такие знаменитые писатели XVIII в., как Фонвизин, Княжнин, Богданович, Державин, Козодавлев, Болтин, Щербатов, Мусин-Пушкин, княгиня Дашкова, такие ученые, как акад. Лепехин, Румовский, Озерецковский, Иноходцев.

«Словарь Академии Российской» определил дальнейшие пути развития русской лексикографии до 30—40-х годов XIX в. Правда, недостатки словопроизводного, этимологического размещения слов были осознаны очень скоро после завершения и издания этого словаря. С 1801 г. началась работа по «приведению славенороссийского этимологического словаря в буквенный порядок»⁴². Она привела к изданию «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного».

В этой новой редакции словарь не имел того живого теоретического и практического значения, как первооригинал. В лексике русского литературного языка конца XVIII—начала XIX вв. произошли существенные изменения. Ломоносовская теория трех стилей отходила в прошлое. Ломались старые нормы литературных стилей. Создавалась новая стилистика (реформа Карамзина, творчество Державина, Крылова, Батюшкова, Жуковского). Обновлялась литературная фразеология. Ширилась струя живой речи в составе литературного языка, и сдавались в архив истории архаизмы высокого стиля. Эти изменения в литературной лексике почти не нашли отражения в азбучном «Словаре Академии Российской». Он уже не отражал живых норм литературной стилистики начала XIX в. Правда, в нем количество слов дошло до 51 388. Однако частично увеличение это произошло в связи с распадом этимологических гнезд. Раз-

³⁹ См. примеры: М. И. Сухомяков. История Российской Академии, вып. VIII, стр. 162—172, 148—154.

⁴⁰ И. И. Срезневский. — ЖМНП, 1848, № 6, стр. 7—8.

⁴¹ Там же.

⁴² Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. I—VI. СПб., 1806—1822.

ные видовые формы глагола попадали на разные места. Из слов, которых не было в первом словаре, некоторые относятся к просторечию и простонародному языку (например, *пригожайка*). Пovyброшены кое-какие архаизмы (*разнодумье, чистодушие* и т. п.). Внесены некоторые уточнения в определения значений. Увеличено количество синонимов, главным образом, из книжного, церковнославянского языка. Сокращено число примеров из Ломоносова. Расширена фразеология, но сужен круг ссылок на чисто церковное словоупотребление.

Итак, «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», не является новым этапом в истории русской лексикографии. К этой же традиции старых академических словарей примыкает и «Общий церковно-славяно-русский словарь» акад. П. Соколова⁴³.

Этот словарь, по заявлению самого составителя, «гораздо полнее и по многим отношениям исправнее всех по сие время изданных словарей языка Российского»⁴⁴. В нем — 63 482 слова. Принципы отбора словарного материала в общем те же, что и в «Словарях Академии Российской». Из иностранных заимствований в словарь включаются главным образом те лексические категории, которые уже были выделены «Словарями Академии Российской» (грецизмы, административные и официальные названия и самые употребительные в науках, художествах и ремеслах термины). Но иностранных слов в словаре Соколова гораздо больше, чем в предшествующих толковых словарях русского языка. Заимствования, уже глубоко внедрившиеся в общелитературный язык, не игнорируются составителем словаря.

Словарь Соколова далек от типа нормативно-стилистического словаря. Это — словарь компромиссный, сохраняющий старую систему стилистических помет, принятую академическими словарями, но являющийся, в сущности, словарем справочного типа. Он менее всего стремится отразить живую стихию литературной речи 30-х годов в ее стилистическом многообразии. Он вбирает в себя «все слова, сколько по сие время издателю собрать было можно (исключены имена собственные и речи, благопристойности противные), не токмо Российские, общеупотребительные в нынешнем разговорном и книжном языке, но также и речения, находящиеся в Священном писании, в церковных или духовных книгах, в летописях, в законах, в преданиях, в народных сказках и песнях, самые старинные, хотя бы и вышедшие из употребления, но чистые славянские, а равно и областные, ежели они ясностью и силою значения могут служить к обогащению общеупотребительного наречия»⁴⁵. В словаре П. Соколова помещено более 12 000 новых слов по сравнению с азбучным «Словарем Академии Российской». Например, в него введены такие иностранные слова, не нашедшие себе места в академическом словаре: *газета, газетный, газетчик, газ, галантерейный, галиматия, галоп, галопировать, гвалт, гезель, геморрой, геморроидальный, гидра, гитара, гитарист, гортензия, саламадра, такелаж* и т. п. Некоторые из слов, или случайно

⁴³ Общий церковно-славяно-русский словарь, или собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковнославянском и российском наречиях употребляемых, каковы суть: названия богословские, философские, математические, к естественной истории принадлежащие, юридические, военные, относящиеся до торговли, художественных ремесел и проч., по поручению Комитета устройства учебных заведений, составленное П. С. с присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из грамматики А. Востокова, ч. 1 и 2. СПб., 1834.

⁴⁴ Там же, ч. I, стр. 1, Предисл.

⁴⁵ Там же, стр. 2, Предисл.

опущенных академическими словарями, или получивших права литературного гражданства только в 10—20-х годах XIX в., также попадают в словарь Соколова (например, *голословный, головокружение, глашатай, горец, горячительный* и т. п.). Кроме того, П. И. Соколов включил в свой «Общий церковно-славяно-русский словарь» много старинных слов и архаических церковнославянизмов, не известных академическим словарям (например, *тайноводительство, главоболие, глумник* и т. п.).

Однако больше всего повлиял на увеличение общего количества слов принцип отдельного размещения уменьшительных и увеличительных форм имени существительного (например, *табакерка, табакерочка, табак, табачок, табачище* и т. п.).

V

Новый этап в истории русской лексикографии открывается «Словарем церковнославянского и русского языка», составленным Вторым отделением Академии наук⁴⁶. Этот словарь, выпущенный в 1847 г., порывает с нормативными тенденциями предшествующего периода. Он стремится быть «сокровищницей русского языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности»⁴⁷. Отделение русского языка и словесности Академии наук отказалось от мысли составить словарь живого русского литературного языка, отражающий творчество великих русских писателей первой половины XIX в. — Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. «Столь же неудобно, по мнению Отделения, и преждевременно было бы решительное разделение русского языка с церковнославянским, потому что стихи того и другого доселе еще тесно связаны между собою... Достаточно означить в словаре, какое именно слово принадлежит церковнославянскому, какое русскому новейшему и русскому старинному языку»⁴⁸.

В «Словаре церковнославянского и русского языка», по замыслу его составителей, должна была совместиться лексика «нынешнего русского языка, старинного русского и церковнославянского»⁴⁹. «Пусть Словарь церковнославянского и русского языка будет пособием к уразумению не только устной речи и современного языка писателей, но и к изучению истин православной веры и преданий глубокой древности»⁵⁰. Понятно, что такой словарь не мог широко отразить нормы русского литературного языка 30—40-х годов. Он был в основной своей части обращен к далекому прошлому. Словарь не есть выбор, но полное систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» помещено 114749 слов. Это увеличение числа, сравнительно с прежним академическим азбучным словарем, произошло преимущественно от прибавления новых слов, а отчасти и от отделения существительных имен, означающих женский пол, от мужеских, и увеличительных с уменьшительными

⁴⁶ Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. I—IV. СПб., 1847.

⁴⁷ Там же, т. I, стр. IX, Предисл.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. XII.

⁵⁰ Там же.

от простых, также глаголов совершенного вида от неокончательных»⁵¹. В словарь включены употребительные иностранные слова, однако с очень существенным ограничением: «Отвергать иностранные слова, не нуждою, а прихотью введенные, и не народом, а некоторыми только лицами употребляемые, например, *воажер*, *воажировать*, *компрометировать* и т. п., но речения наук, искусств и художеств, заимствованные по необходимости из иностранных языков, вносить в Словарь»⁵².

Из терминов науки, искусства или художества в словарь вносились лишь более употребительные. Областные слова принимались «лишь в том случае, когда они с точностью выражают предмет и пополняют ощутительный недостаток в языке»⁵³. Дело в том, что Академия наук тогда уже готовила и в 1852 г. издала особый Словарь диалектизмов («Опыт областного словаря»).

Грамматическая характеристика слов производилась на основе русской грамматики А. Х. Востокова (так же как и в словаре П. И. Соколова). В «Словаре церковнославянского и русского языка» страдательные причастия (типа: *посланный*, *надписанный*) помещаются как отдельные слова. Расширена фразеология. В словаре 1847 г. гораздо больше слов с пометой «старинное», чем во всех предшествующих словарях.

Итак, перед нами — не нормативный словарь русского литературного языка 20—40-х годов XIX в., а «сокровищница» русской лексики за разные периоды ее развития. В связи с этим изменяется система стилистических помет. Прежние принципы стилистической оценки так или иначе восходили к ломоносовскому учению о трех стилях. Они были анахронизмом уже в словаре П. И. Соколова. Поэтому прежнее обозначение — «славенское слово» — теперь отменяется. Ему соответствует отметка: «церковное». Например, в «Словаре Академии Российской» слова *кадило*, *кадильница*, *кадильный* оставались стилистически не квалифицированными и тем самым относились к общелитературной лексике⁵⁴, лишь слово *кадить* связывалось с «церковным наречием».

В «Словаре церковнославянского и русского языка», напротив, слова *кадило*, *кадильница*, *кадильный* отмечаются как церковные. А в слове *кадить* указывается и переносное значение — *льстить*⁵⁵. Вместе с указанием на «славенское употребление» исчезают и указания на высокий слог. Вместо этого вводятся отметки: риторическое и стихотворческое.

Естественно, что изменяется отношение и к просторечию. Многие из того, что в языке XVIII в. входило в состав простого слога, стало в XIX в. достоянием разговорно-литературной речи. Например, в «Словаре Академии Российской» слово *каверза* относится к просторечию, а глагол *каверзить* (делать каверзы) признается простонародным. В словаре 1847 г. оба слова свободны от всякой стилистической отметки.

Просторечием в этом словаре называется фамильярный стиль устной городской речи. В словаре 1847 г. очень немного слов непосредственно связано с просторечием. От просторечия, с одной стороны, отличается

⁵¹ Там же, стр. XIII—XIV.

⁵² Там же, стр. XIV.

⁵³ Там же, стр. XIV.

⁵⁴ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. III. СПб., 1814, стр. 10—11.

⁵⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд., т. II. СПб., 1847, стр. 151.

стиль простого обыкновенного разговора, а с другой стороны, ему противопоставляется широкая область простонародного языка. К ней относятся не только крестьянская и мещанская лексика, но и фамильярно-вульгарные слова, а также частично словарь народной поэзии.

Например, просторечными называются такие слова и выражения: *лягуха* (то же, что *лягушка*), *матка* (то же, что *мать*: «Ну, что ты это, матка, затеяла») [II, 291]; *мать* (дружеское название всякой женщины: «Что ты, мать моя, не весела») [II, 291]; *махать* — спорю, проворно что-нибудь делать («Мигом намахал две страницы») [II, 292]; *машистый* (роскошный, мотоватый) [II, 292], *метла* (хвост кометы) [II, 301]; *можлак* [II, 317]; *молчком* [II, 321] и т. п. Простонародными признаются, например, *канючить*, *каплюшка* (пьяница), *карапузик*, *картошка*, *каторга* (в значении: тяжкое и горестное житье); *клево* (выгодно — из воровского и офенского, торгового жаргона: «клево продать товар»); *княгиня* [в значении: новобрачная; из свадебных песен (ср. также *княжий пир*)]; *козюля* (змея), *кока* (яйцо), *колелый*, *конаться*, *конопатый*, *корнать*, *окорнать*, *косушка*, *купило* (деньги), *лафа*, *лихач*, *лыка не вяжет*, *майданить*, *майданщик*, *мало-мальски*, *малыш*, *мальченко*, *мамон*, *мастак*, *мастачить*, *маячить*, *маяться*, *миляга*, *миroeд*, *молодуха*, *моржотно*, *морковать*, *можноноша* и т. д.

Областных (т. е. узко местных) слов в словаре 1847 г. немного. Например, помечены как областные: *карбованец* (серебряный рубль), *карелка* (лен), *кондовый*, *лестовка* (четки), *моряна* (ветер с моря) и др. под.

Хотя словарь 1847 г. далек от живой системы литературных стилей 30—40-х годов, в нем нередко приводятся цитаты из сочинений Державина, Карамзина, Жуковского, Крылова, Гнедича, Пушкина. Легко заметить, что основная масса слов литературного языка остается в словаре 1847 г. стилистически не разграниченной. Зато в нем более тщательно дифференцирована научно-техническая и профессиональная терминология. Внесено много новых специальных обозначений: выделяются слова ремесленные, инженерные, фабричные, типографские, певческие, театральные, коммерческие, дипломатические и т. п.

В словаре 1847 г. заново строятся определения значений слов. Общий принцип гласил: «Определения значений слов составлять со всей логической точностью и краткостью»⁵⁶. Прием энциклопедического истолкования слова отрицается. Объяснения слова четки и лаконичны. Впрочем, однозвучные, хотя по значению разные, слова (омонимы) объединяются.

Параллели между словарем 1847 г. и словарем П. И. Соколова (1834) подтверждают это наблюдение без лишних доказательств:

Общий церковно-славяно-
русский словарь П. С.
(1834)

ГОЛЫЙ — 1) Говоря о частях животного тела, волосами обрастающих: не имеющий, лишенный волос.

2) В отношении к птицам: бесперый или не оперившийся, не опушившийся. *Птенцы, когда из яиц вылупляются, бывают голые.*

Словарь церковнославянского
и русского языка
(1847)

ГОЛЫЙ — 1) Обнаженный, не покрытый. *Голое тело. Голая шея. Голый стол. Стоять на голом полу. Голая сабля.*

2) Безволосый, бесперый, безлистный. *У него голова гола. Птичьи детеныши, вылупаясь из яиц, бывают голые. Голый веник, прут.*

⁵⁶ Там же, стр. XII.

3) Говоря о деревьях и растениях: безлистный, не имеющий листьев. *Голый венник. Голый прут.*

4) В пространнейшем смысле: обнаженный, не покрытый. *Голое тело. Голая шея. Голая шея, грудь. Голый стол.*

5) Простый, не имеющий примеси. *Это не наливка, а голое вино. Голая медь.*

6) Нищий, убогий, в бедном состоянии живущий. *Голый дворянин, помещик.*

Голые руки. Порожние руки, без оружия.

3) Нищий, бедный. *Голый дворянин. Гол как бубен. Гол как сокол.*

4) Не имеющий примеси, не сдобренный. *Это не наливка, а голое вино. Голая соль.* Говорится о том, что слишком пересолено. *В икре голая соль.*

5) О мыслях: чистый, беспримесный. *Голая истина.*

6) О словах: не доказанный, простой. *Голые слова. Голое предложение.*

С голыми руками. а) Без подарка или без денег. *С голыми руками к имянникам не ходят.*

б) Без оружия. *С голыми руками не пойдешь драться с неприятелем.*

Из сопоставления этих двух статей ясно, что в словаре 1847 г. устанавливается более тесная и более глубокая внутренняя последовательность в связи и развитии значения слова. Самые значения логически обобщаются и четко классифицируются. Смешение значения слова с реальной областью его применения избегается. Примеры богаче и разнообразнее. Они взяты из литературной речи и иллюстрируют разнообразие словоупотребления.

Лаконизм и ясность определений словаря 1847 г. обнаруживаются в таких сопоставлениях:

В словаре П. Соколова:

РИФМАЧ, а. м. Говорится в уничижение о стихотворце, больше о рифмах в сочинениях своих старающемся, нежели о выдумках и красоте слова.

В словаре 1847 г.:

РИФМАЧ, а. м. (уничиж.). — Плохой стихотворец.

Таким образом, при всем своем архаистическом уклоне «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук» представляет собою крупный шаг вперед по сравнению с азбучным «Словарем Академии Российской» и учебным словарем акад. П. И. Соколова. Особенно важны выдвинутые здесь принципы грамматического и семантического определения и объяснения слова. Недаром в составлении этого словаря принимали участие такие крупные филологи, как акад. А. Х. Востоков, как историк П. Г. Бутков, археограф Я. И. Бердников, переводчик Д. И. Языков, историк права М. А. Коркунов, поэт и критик П. А. Плетнев. Редактором словаря был поклонник архаиста Шишкова — кн. П. А. Ширинский-Шихматов.

VI

Толковые словари русского языка отрываются от живого процесса литературного развития. Казалось, что главной задачей академических словарей стала реставрация старого литературного языкового наследия. Правда, необходимость обособления церковнославянского словаря от русского к середине XIX в. была очевидна всем. Даже в стенах Академии наук раздавались голоса (например, П. С. Билярского, И. И. Срезнев-

ского), призывавшие к работе над нормативным словарем живого литературного языка. Но вопрос о границах новой системы литературного языка был не вполне ясен.

Крупнейшие писатели XIX в. стремились как можно теснее сблизить литературный язык с народным. Гоголь самостоятельно собирал материал для нового словаря русского языка. Еще раньше (с 1819 г.) к той же работе приступил любитель и горячий поклонник живого народного слова В. И. Даль, увлеченный богатством живой народной речи. Даль считал, что «народный язык был доселе в небрежении»⁵⁷, что у нас еще нет достаточно обработанного языка и что он должен выработаться из языка народного. Далю было горько, что литературный язык отгораживается от народной речи, а между тем сам является «нестройным лепетом, с отголоском чужбины»⁵⁸. «В образованном обществе и на письме язык наш измололся уже до пошлой и бесцветной речи, которую можно переключать от слова до слова на любой европейский язык»⁵⁹. Залог национального развития языка — в его «братском» союзе с живой народной речью. Необходимо «изучить язык народный, а от него уже идти далее»⁶⁰, «спознавшись через него с духом родного слова»⁶¹. «От нас требуют и ожидают не того, чтобы мы перетянули речь свою на чужом болване, а чтобы мы удержали ее на природном ее пути, дали ей простор и раздолье в своем, коренном русле»⁶².

Итак, перед Далем стояла задача — указать средства народного обновления русской литературной речи и пути освобождения ее от чужеродных заимствований, открыть русскому обществу «неисчерпаемый родник или рудник живого языка русского».

«Толковый словарь живого великорусского языка», составленный единолично В. И. Далем (изд. 1 — 1863—1866, т. I—IV, изд. 2 — 1880—1882)⁶³, и направлял русское общество к этому роднику живой речи. Этот словарь был полемически противопоставлен академическим словарям. В своем «Напутном слове» Даль с тонкой иронией рассказывает об отношении Академии наук к его Толковому словарю. Далю было предложено передать Академии запасы свои по 15 коп. за каждое слово, пропущенное в словаре Академии, и по 7½ коп. за дополнение и поправку. Даль в ответ на это предложение предложил всего себя в полное распоряжение Академии, не требуя и даже «не желая ничего, кроме необходимого содержания; но на это не согласились». Тогда Даль отправил 1000 прибавочных слов и 1000 дополнений с надписью: «тысяча первая ая». С горьким юмором продолжал Даль: «Меня спросили, много ли их еще в запасе. Я ответил, что верно не знаю, но во всяком случае десятки тысяч. Покупка такого склада товара сомнительной доброты, по-видимому, не входила в расчет, и сделка оборвалась на первой тысяче»⁶⁴.

Даль выполнил всю работу по составлению толкового словаря сам, один. Словарь Даля — это в буквальном смысле Далев словарь (так называл его сам автор). В нем, действительно, все было — Далево: и

⁵⁷ В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. X. СПб.—М., 1898, стр. 242 («Напутное слово»).

⁵⁸ Там же, стр. 246.

⁵⁹ Там же, стр. 546 («Полтора слова о русском языке»).

⁶⁰ Там же, стр. 555.

⁶¹ Там же, стр. 567 («Недовесок к статье „Полтора слова о русском языке“»).

⁶² Там же, стр. 578.

⁶³ Второе издание толкового словаря Даля было в 1935 г. фотомеханическим способом воспроизведено и переиздано изд-вом «Художественная литература».

⁶⁴ В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. X, стр. 249 («Напутное слово»).

принцип составления, и приемы размещения слов, и огромная собирательская работа. Это — беспримерный в истории русской лексикографии плод героического труда великого этнографа.

В словарь Даля вошла целиком коллекция слов из академических словарей. Но, кроме того, здесь нашли себе место все известные Далю «сокровища родного слова»: слова из языка «разных сословий и состояний, наук и знаний», десятки тысяч слов, не замеченных или отвергнутых академическими словарями. Всего по подсчету Даля в его словаре оказалось более 200 000 слов.

«Не воображайте, однако, — предупреждал Даль, — чтобы прибавка эта состояла вся из слов коренных, или неслыханных доселе областных выражений; напротив, девять десятых из них простые, обиходные слова, не попавшие только доселе в наши словари именно по простоте, по безвычурности и обиходности своей: словари набирались из книг, а книги пишут, взбираясь на ходули и подмости. Мы с неба звезды хватаем, а под ногами ничего не видим»⁶⁵.

Таким образом, словарь Даля охватывает лексику письменной и устной речи XIX в., а частично даже и словесный фонд памятников древней письменности. Но в основу толкового словаря впервые был положен «живой, устный язык русский, а паче народный» с его областными видоизменениями. По словам Даля, «наши местные говоры — законные дети русского языка и образованы правильнее, вернее и краше, чем наш письменный жаргон»⁶⁶.

Кроме областной лексики, в словаре так же широко представлена терминология и фразеология разных ремесел, цехов и профессий. «Желание собирателя было составить словарь, о котором бы можно было сказать: «Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные, усвоенные и вновь заходящие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных с однословами (или тождествами) и выражениями окольными; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры с показанием условных оборотов речи... пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и проч.»⁶⁷

Понятно, что этого рода словарь, который должен был, по мысли Даля, дать материал для построения новой системы общенародного литературного языка, не мог быть ни нормативным, ни стилистическим. Словарь Даля решительно отходит от стилистических оценок, принятых академическими словарями. «Слова, речи и обороты всех концов Великой Руси должны войти в словарь, но не для безусловного включения их в письменную речь, а для изучения, для знания и обсуждения их, для изучения самого духа языка и усвоения его себе, для выработки из него постепенно своего, образованного языка»⁶⁸.

Однако «народничество» Даля, его отрицательное отношение к чужим, заимствованным словам, к старой литературной традиции чрезвычайно резко и ярко отражаются в строе словаря — как в подборе лексического материала, так и в приемах объяснения слов. Составитель словаря, по

⁶⁵ В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. X, стр. 273.

⁶⁶ Там же, стр. 251.

⁶⁷ Там же, стр. 265.

⁶⁸ Там же, стр. 253.

мнению Даля, имеет право «указывать на неправильность, уклонения и давать примеры для замены дурного лучшим». В связи с этим Даль принимает все меры для того, чтобы доказать ненужность и вред большей части заимствованных слов, чтобы «пробудить чувство, вкус и любовь к чистоте языка».

Включая в словарь иностранное слово, Даль «выставляет тут же все равносильные, отвечающие или близкие ему выражения русского языка, чтобы показать, есть ли у нас слово это, или его нет»⁶⁹. Таким образом, Даль не столько определяет значение иностранного слова, сколько старается перевести это слово на русский народный язык, прибегая к новообразованиям или приспособляя к новым значениям народные слова, например: *живуля* вместо *автомат*; *соглас* вместо *гармония*; *ловкосилые* вместо *гимнастика*⁷⁰. Вместо слова *горизонт* Даль рекомендует: *завес*, *закрой*, *озор*, *овидь*; вместо *резонанс* — *отзвук*, *гул*, *наголосок*; вместо *кокетка* — *милovidница*, *красовитка*, *жеманница*, *хорошуха*, *казотка*; вместо *атмосфера* — *колоземица*, *мироколица*; вместо *пурист* — *чистяк*; вместо *эгоизм* — *самотство*, *самотность* и т. п.

Даль вообще не дает кратких и четких определений всех значений слова. Он отвергает академический метод истолкования слов.

Даль предпочитает разъяснять слова подбором множества синонимов, семантически однородных или близких выражений, взятых из литературной речи, из устного городского языка и из областных крестьянских говоров. «При объяснении и толковании слова вообще избегались сухие, бесплодные определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учености, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлеченностью». Даль понимает, что подбор синонимов, «перевод одного слова другим редко может быть вполне точен и верен: всегда есть оттенок значения». Но, по мнению Даля, «это неизбежно, и отчасти исправляется большим числом тождесловов, на выбор читателя»⁷¹.

Отсутствие точности в определениях значений, семантическая расплывчатость характеристик слов, по мысли Даля, в значительной степени ослабляются гнездовым расположением родственных слов. Даль — противник азбучного порядка размещения слов. В азбучном словаре «самые близкие и сродные речения... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена... одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил, на десятом слове ум притупеет, и голова вскружится, потому что ум наш требует во всем какой-нибудь разумной связи, постепенности и последовательности»⁷².

Этимологический способ размещения слов по корням слишком труден и — при современном состоянии лингвистики — не очень достоверен. Поэтому Даль останавливается на принципе объединения родственных слов по морфологическим, словопроизводственным гнездам. «Такая связь представляет в нашем языке особый и общий закон, который дает нам неизменные правила образования слов звеньями, цепью, гроздьями»⁷³.

⁶⁹ В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. X, стр. 268.

⁷⁰ В письмах к М. П. Погодину об «Искажениях русского языка» В. И. Даль предлагал употреблять *погоды* вместо слова *климат*, *обращенье* вместо *пропаганда* и т. п.

⁷¹ Там же, стр. 262—263.

⁷² Там же, стр. 253.

⁷³ Там же, стр. 256.

Например: «из *три* выходит *троить*, из глагола *троить* — *троение*, *тройной*, *тройка* и проч.; из *ах* или *ох* делается *ахать*, *охать*, а затем — *аханье*, *ахальный*, *ахала*, *ахальщик* и пр.»⁷⁴ Недостающие звенья словопроизводства Даль любил дополнять собственным творчеством. Далю казалось, что при таком гнездовом расположении слов вскроются законы русского словопроизводства. Ведь этот способ расположения слов, «средний между голословным и корнесловным», опирается на живые морфологические и семантические связи между родственными словами. Это собрание слов по гнездам и семьям чаще всего основано на сознании единства их происхождения и родства значения.

Отвергнув академическую традицию построения словаря, Даль признает бесполезными и даже ложными те грамматические указания, которыми сопровождалось объяснение слов в академических словарях. Зато Даль расширяет количество примеров. «В числе примеров пословицы и поговорки, как коренные русские изречения, занимают первое место; их более 30 тысяч»⁷⁵. Цитат из писателей почти нет. Много примеров, так же как и слов, сочинено самим Далем. Но Даль уверял, что в красной строке или в числе объясняемых слов нет лично им изобретенных слов.

Даль придерживался также некоторых собственных правил правописания, например избегал удвоения и повторения букв, предпочитая писать *граматика*, *абат*, *коректура* и т. п. (вместо *грамматика*, *аббат*, *корректурa* и т. п.), вводил слитное написание таких наречий, как *наподхват*, *подлад* и т. п.

Таким образом, Толковый словарь Даля является своеобразной сокровищницей народного языка. Он отражает с небывалой полнотой народное речевое творчество. Современная Далю критика упрекала его в том, что в словаре «трудно отыскать какое-либо строго определенное однообразное теоретическое начало, под которое подходили бы все принятые им слова»⁷⁶.

Далю вменялось в вину и то, что в словаре его встречаются такие слова сомнительные или сочиненные им самим, как: *ловкосилие* (гимнастика), *глазоем* (горизонт), *насыл*, *насылка* (вместо адрес), *колоземица*, *мироколица* (атмосфера) и др.

Легко указать у Даля примеры неверного распределения слов по гнездам (например, разъединены *дикий* и *дичь*, *горн* и *горшок*, *мазать* и *масло* и т. п.), неверного размещения слов внутри гнезда. Можно найти случаи, когда слова по ошибке попали не в свои гнезда (например, *простор* отнесено к гнезду — *простой*; *маститый* произведено от *мастика* и т. п.). Нередко этимологии Даля произвольны, иногда даже комичны (как, например, *утопия* от *утопить*).

Во втором издании словаря Даль многое исправил, но не все.

Грамматические замечания Даля односторонни и часто неверны. Например, при слове *наклонение* сказано: «одно личное, другое безличное, третье приказывает». Классификация значений слов — нередко расплывчатая и субъективная; объяснения значений бывают нечетки. Необходимо в качестве иллюстрации привести одну-две параллели между толкованиями.

⁷⁴ Там же, стр. 258.

⁷⁵ Там же, стр. 262—263.

⁷⁶ Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. I. СПб., 1876, стр. 30—31.

В Академическом

словаре 1847 г.:

ОТБИВАТЬ, ВАЮ, ВАЕШЬ; ОТБИТЬ, гл. д. 1) Отталкивать, отражать. *Отбивать мяч рукою. Отбить неприятеля от города.* 2) Биением отделять, отламывать. *Отбивать ворота. Отбить замок от двери.* 3) Отнимать обратно боем, выручить силою. *Отбить пленников, пушки.* 4) Отвращать, отчуждать, отделять. *Отбить покупателя. Он успел отбить от меня многих знакомых.* 5) Заглушить действие, лишить силы. *Это средство отбивает горечь, дурной вкус, запах.* 6) Оканчивать биение. *Отбили зорю.*

— *Отбивает*, безл. Вое и н. Говоря об огнестрельных орудиях: отскакивает, отдается назад. *Пушку отбивает.* — *Отбивать киткою.* У плотников и маляров: назначать прямую черту нитью, натянутой и натертой мелом или углем.

— *Отбить челом.* Стар. Откланяться⁷⁷.

В словаре Даля:

ОТБИВАТЬ, ОТБИТЬ что — от кого, чего, отталкивать, отражать, направлять ударом обратно или прочь; отшибать, отделять, отламывать, откалывать; удалять, уничтожать; отымать силою; кончить бой; означать отбоем, чертой. *Отбивай мяч рукою. Отбить удар сабли, парировать. Отобьем ли мы неприятеля от города? Мы хотели отбить у неприятеля город, а он нас отбил. Отбей гончих от острова, отхлопай. Отбить знамя или пушку. Вы у меня отобьете всех покупателей. Не отбивайте ни у кого покупки, не перебивайте. У него жеку отбили. Купорос с углем отбивает всякую вонь. Грибы эти отваривают, чтобы отбить горечь. Я у тебя отобью охоту поживляться!* угроза. *Отбить иверень, черепок, отколоть ударом. Кто ручку у чашки отбил? Штукатурка отбита. Отбить замок, отломать или взломать. Он мастеровой: замки отбивает, вор. Отбить ворота, взломать силой. Я руку отбил, зашиб или намаял, колотивши, болит. Ружье отбивает!* отдает, толкает при выстреле. *Пулю отбивает, она отскакивает, не проходит. Зорю отбили, пробили. Отбить черту, вытянув намеленную, наугленную бичевку, приподнять середку ее и опустить, ударить ниткой. Отбить стройку, дорожки для сада, означить черты протянутою по колышкам веревкою. Отбивать косу, оттягивать холодной ковкой на бабке жало, лезвие косы, острить ее. Отбить челом, стар. откланяться, проститься. *Отбей охоту — и рублем не возьмешь. Печенки отбить, отколотить. Отбили дураку и последнюю память. Прикормил калачом, а не отбить будет и кирпичом. Отбила забота от сна, от еды. Ты — как бы добыть, а люди — как бы отбить*⁷⁸.*

Из этого сопоставления двух словарных статей легко увидеть своеобразие словаря Даля, его сильные и слабые стороны. Даль не только не прибавляет новых значений слова *отбивать* к объяснениям академического словаря, но нередко и ухудшает его толкования (например, определение *отнимать обратно боем* лучше, чем *отымать силою*) и лишает их определенности вставкой синонимов, не всегда идущих к делу (например, *отделять, откалывать* и т. п.). Зато такой богатой, разнообразной фразеологии, выбранной из разных стилей и диалектов живой речи, как в словаре Даля, нельзя найти ни в одном из предшествующих словарей русского языка. В словаре Даля при объяснении слов сообщается масса реальных подробностей, относящихся к быту, к нравам, к обычаям, поверьям русского народа, к промыслам, торговле, мореплаванию, наконец, с естественным наукам.

⁷⁷ Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. . . , т. III. СПб., 1847, стр. 94.

⁷⁸ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. Изд. 2. СПб.—М., 1881, стр. 734.

Словарь Даля — это своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX в., широко охватывающая живую народную речь с ее диалектами, терминологию и фразеологию «всех ремесловых работ», отражающая «по языку и по понятиям быт разных сословий и состояний, наук и знаний»⁷⁹. В словаре Даля содержится огромный этнографический материал, относящийся к разным сторонам хозяйственной и духовной, культурной жизни русского горожанина из демократических слоев, крестьянина и ремесленника.

Словарь Даля — это патриотический подвиг подлинного народолюбца. Значение «Толкового словаря» Даля — непреходяще. Этот словарь должен быть настольной книгой всякого человека, изучающего и любящего русский народный язык. Недаром так высоко ценил этот словарь В. И. Ленин. Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля будет вечным спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком⁸⁰.

В 3 и 4-м изданиях (изд. 3 — 1903, изд. 4 — 1912). «Толковый словарь» Даля подвергся редакционной обработке проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Не соглашаясь со многими научными взглядами Даля, И. А. Бодуэн де Куртенэ тем не менее «из уважения к монументальному труду понял свою редакторскую задачу прежде всего в смысле усовершенствования подробностей внешней отделки словаря, исправления ошибок и включения слов, почему-либо пропущенных Далем, а также тех новых слов, которыми обогатился живой русский язык за последние годы»⁸¹.

Эта задача, потребовавшая семилетнего упорного труда, была выполнена образцово. Прежде всего проф. Бодуэн де Куртенэ облегчает с помощью последовательно приведенных в алфавитном порядке ссылок нахождение всех слов, упрятанных в гнездах. Правда, в осуществлении этого принципа есть различие между первой частью словаря (до буквы Н) и второй (с буквы Н). Но и там и тут Далева гнезда или сохраняются целиком или — при посредстве ссылок на другие слова — легко восстанавливаются. Только в тех случаях, когда слово у Даля по ошибке, в силу ложной этимологии, попало не в свое гнездо, оно выводилось оттуда и занимало свое место в алфавитном порядке. Например, слова *актер*, *акциденция*, *акциз* и *акция*, помещенные Далем в гнездо *акт*, разъединены. Кроме того, были произведены некоторые перемещения внутри гнезд с целью создать более правильную смысловую перспективу словообразования. Чаще всего происходило — по научным соображениям — разделение одного Далева гнезда на два или более. «Неосновательность и ненаучность придуманных Далем гнезд, — пишет И. А. Бодуэн де Куртенэ, — явствует в достаточной степени из того, что он разбивал почему-то на несколько гнезд слова, которые, по его же собственным воззрениям, должны непременно составлять одно гнездо»⁸².

Кроме улучшений в гнездовом размещении слов, И. А. Бодуэн де Куртенэ внес исправления и дополнения в грамматические комментарии к объяснению слов. Этимологические толкования Даля исключены. Проверена по научным источникам и пособиям ботаническая номенклатура.

⁷⁹ Там же, т. I, стр. IV.

⁸⁰ М. А. Рыбникова. Введение в стилистику. М., 1937, стр. 134—140 («О словарях русского языка»).

⁸¹ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 4, 1912, стр. I, Предисл.

⁸² Там же, стр. III.

Прибавлено много новых слов и примеров, которые, однако, поставлены в особые редакторские скобки и не смешиваются с авторским текстом Далева словаря. «Из текста Даля не выпущено ни одно слово; ни одна фраза не заменена другой фразой»⁸³.

Благодаря дополнениям объем словаря Даля увеличился приблизительно на 15%. В него вошло не менее 20 000 новых слов.

Можно и даже должно не соглашаться с некоторыми лексикографическими и вообще лингвистическими взглядами проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, но нельзя не признать высокой ценности его труда по редактированию, исправлению и пополнению «Толкового словаря» Даля.

VII

Даль не разрешил вопроса о словаре русского литературного языка. В академических кругах «Толковый словарь» Даля рассматривался лишь как сборник первоклассных материалов для исследования народной речи, для определения миросозерцания русского народа. Уже в начале 50-х годов в стенах Академии наук обсуждается программа нового словаря. В этом обсуждении принимают участие Греч, Павский, Даль, Давыдов, Шевырев, Буслаев, Грот. Отделение русского языка и словесности приходит к убеждению, что «нельзя в одном труде соединить, как было прежде, не только все периоды исторического развития языка, но еще и два, хотя и очень близкие между собой, но тем не менее отдельные по своему образованию языка, каковы русский и церковнославянский». В задуманном словаре положено было ограничиться одним русским языком, «сохраняя из церковнославянского только усвоенные первым слова»⁸⁴.

Словарь этого типа начал выходить в 90-х годах (1891—1895) XIX в. под редакцией акад. Я. К. Грота под заглавием: «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук». Этот словарь должен был включить лексику «общеупотребительного в России литературного и делового языка в том виде, как он образовался со времен Ломоносова»⁸⁵. Из церковнославянского и древнерусского языков в него вошли лишь те лексические элементы, которые еще сохранялись в русском литературном языке конца XIX в. Понятно, что в словаре должны были найти себе место и слова, вышедшие из живого употребления, но встречающиеся в сочинениях писателей второй половины XVIII и первой половины XIX в. Областные слова, получившие широкое распространение или применяющиеся в стилях художественной литературы, тоже, как правило, включались в словарь.

Согласно академической традиции, из научных и технических терминов в словарь вносились только «такие названия, которые могут встречаться как во вседневном быту, так и в не слишком специальных сочинениях, а также термины собственно русского происхождения, хотя и малоизвестные, но могущие удачно заменять иностранные»⁸⁶. Однако в словаре широко представлены употребительные иностранные слова. Словарь стремился возможно полно отразить литературный язык с по-

⁸³ Там же, стр. VII.

⁸⁴ Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. I. СПб., 1891, стр. V, Предисл.

⁸⁵ Там же, стр. VI.

⁸⁶ Там же.

ловины XVIII в., включая и «неологизмы, которыми в последние десятилетия обогатилась русская речь по естественному ли ходу развития языка, или вследствие многочисленных преобразований во всех почти отраслях общественного и государственного быта»⁸⁷.

В словаре 1895 г. расположение слов — азбучное, а не гнездовое. Отмечается ударение. Омонимы разъединены. Выработана стройная система грамматических объяснений, принятая в основном (кроме обозначения залоговых различий глаголов) всеми последующими толковыми словарями русского языка. Обозначено управление глаголов. Указываются видовые варианты глагола. Делаются необходимые ссылки на грамматические формы слова. Качественные наречия (типа *внимательно, прилежно* и т. п.) — при отсутствии дополнительных значений — не отделяются от соответствующих прилагательных. Имя прилагательное относительное, производное от существительного и тесно связанное с ним по значению, определяется только грамматически — указанием на словопроизводство (например, *вересковый* от существительного *вереск* и т. п.). При тех существительных, которые происходят от прилагательных и означают название свойства или состояния (например, *полезность, праздность* и т. п.), ставятся только слова: «свойство» или «состояние» от прилагательного (*полезный, праздный* и т. п.). Точно так же при отглагольных существительных, как *доставление, доставка, горение, сверление*, ставятся только слова: «действие» или «состояние» от глаголов *доставить, гореть, сверлить*⁸⁸.

Все эти приемы живого словопроизводственного истолкования с несущественными видоизменениями были заимствованы и «Толковым словарем русского языка» (1934—1940).

Упорядочив грамматические объяснения, Я. К. Грот с большим тактом вводит необходимые указания на происхождение слов. Этимологические сближения делаются только в исключительных случаях, когда в них по какому-либо соображению оказывается надобность (например, при заимствованных словах, при производных словах с затемненным составом, вроде *выспренный* от *выспрь*, которое родственно с *парить* и т. п.).

Грот придавал особенное значение четкости и точности семантических определений слова. И в этом отношении составленная им часть академического словаря (А—Д включительно) является до сих пор непревзойденным образцом (выше по качеству лишь выпуск на И — до слова *идеализироваться*, обработанный проф. Л. В. Щербой). Классификация значений опиралась на современное понимание слова. Только когда «историческое развитие значений слова очевидно, то на первом месте объясняются древнейшие, а затем последовательные его изменения»⁸⁹. Грот собирает употребительные фразеологические обороты литературного языка, связанные с тем или иным словом. Он группирует их, исходя из значения и употребления опорного слова фразы. Кроме того, Грот впервые в широких размерах приводит примеры из сочинений лучших русских писателей XVIII и особенно XIX в. (Карамзина, Батюшкова, Кольцова, Некрасова, Гоголя, Григоровича, Гончарова, Достоевского, Глеба Успенского, Л. Толстого, Помяловского, Лескова и мн. др.).

Грот считал, что редактируемый им словарь имеет по преимуществу практический характер, «отвечая потребностям образованного класса лю-

⁸⁷ Там же, стр. VI.

⁸⁸ Там же, стр. VIII.

⁸⁹ Там же, стр. XI.

дей вообще»⁹⁰. Поэтому Грот разрабатывает более тонкую и подробную систему стилистических помет, ориентирующуюся на нормы литературного языка середины XIX в. — до 60-х годов. Так, в «Словаре русского языка» различаются слова и выражения не только просторечные (например, *белки* — глаза; ср. *вытаращить белки*; *выкрутасы*, *выпивала*, *выпляливаться* — одеваться в нарядное платье; *высасывать* — обирать; *впягить в хлопоты*, *втридорога* и т. п.), простонародные — крестьянско-мещанские (например, *вылупить глаза*, *высадить* — сместить, *взбучка*, *вечера* — посиделки, *вечерошний*, *взъерепенить*, *взддержка*, *волдырь*, *вона*, *встряска* и др. под.), народные (общерусские, крестьянские) речения, употребляемые в языке образованных людей, речения народно-поэтические (например, *белоярый* и т. д.), вообще поэтические, старинные, устарелые, областные, — но и детские (например, *бляшка*, *бьяка*), иронические (*возмания Бахусу*, *вылезть в люди*), простонародно-иронические (например, *втюриться по уши* и др. под.), шуточные (*белогелец* — прозвище ярославцев, ср. отметку: груб. шутка), непристойные и т. п. Таким образом, вводятся обозначения разной экспрессивной, выразительной окраски слов. Уточнена система указаний на социально-групповые различия языка (например, введены отметки: школьн. — *вдолбляжку*, *выдолбить*, *вызубрить* и т. д., бурсацк., бухгалтерск., диплом., делов., канцелярск., заводск., кондитерск., конно-заводч., купеческ. и др. под.). Более детально обозначены профессионально-технические и научные особенности терминологии.

Таким образом, академический словарь под редакцией акад. Я. К. Грота (т. I, А—Д) представляет собою выдающееся явление в истории русской лексикографии. Точностью определений, ясностью и четкостью семантических характеристик (т. е. описаний связи, последовательности и различий в значениях и оттенках), разграничением значений и фразеологических употреблений словарь Грота значительно превосходит академический словарь 1847 г. Например:

В словаре 1847 г.
(I, 29):

БЕЗГРАМОТНЫЙ, ая, ое, тея, тая, о. пр. Не знающий грамоты; не умеющий читать и писать.

В словаре Грота (I, 135):

БЕЗГРАМОТНЫЙ, ая, ое, тея, тая, о. 1. Не умеющий читать и писать. *Хоть барышня, может, и смешна, все же я перед нею дура безграмотная.* Пушкин, Барышня-крестьянка.

2. Написанный без соблюдения правописания. *Письмо написано безграмотно.*

3. Невежественный. *Списавых риторов безграмотный собор.* Пушкин, К Жуковскому.

VIII

В 1893 г. смерть прервала работу акад. Я. К. Грота над составлением «Словаря русского языка». Грот успел закончить лишь первые три выпуска словаря (А—Д, т. I, 1891—1895 гг.). Работой по составлению академического словаря стал руководить акад. А. А. Шахматов, который перестраивает его по новой программе. По мнению А. А. Шахматова, граница между общерусским, общеупотребительным в России языком и язы-

⁹⁰ Там же, стр. XII.

ком областным, имеющим местный характер, является очень неопределенной, неустойчивой, текучей. Многие слова, чуждые языку столиц, имеют весьма широкое распространение. Язык таких писателей, как Тургенев, Кольцов, Григорович, Л. Толстой, Мельников, Г. Успенский, Златовратский и др., изобилует местными словами. «В общеупотребительном языке не достает слов для выражения многих понятий, определенно выражаемых областными словами: таковы в особенности слова, относящиеся к различным явлениям природы, многим ремеслам и производствам... Между тем множество местных слов, например, *паук, земляника, пахать, брюква, доить* и т. д., уже ассимилировались литературным языком»⁹¹.

Поэтому Шахматов считает необходимым изменить состав и тип, построение академического словаря. Словарь должен обнять современный «живой язык во всей его совокупности, т. е. включить в себя весь словарный материал, представляемый живыми говорами». Академический словарь становится сокровищницей (*thesaurus*) русского языка во всем его объеме. Вместе с тем в словарь вовлекаются церковнославянские слова, а именно те из них, «которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русском переводе книг св. писания»⁹². Таких слов Грот не включал в первые выпуски словаря. Следовательно, академический словарь по своему типу сближается, с одной стороны, со «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г., хотя и не уходит в глубь истории русского литературного языка далее середины XVIII в. С другой стороны, он по своему объему и своим задачам приближается к «Толковому словарю живого великорусского языка» Даля. Понятно, что «слова, принадлежащие областным говорам, с точностью относятся к той или другой местности (указывается уезд), между тем слова письменного языка в большинстве случаев подкрепляются примерами из писателей»⁹³. Количество таких примеров огромно. С изменением объема словаря резко менялась и его структура. Областные слова ставились в параллель с литературными. Это не могло не отразиться и на стилистической перспективе словаря, сильно ее затемняя и спутывая, и на принципах семантического истолкования слов.

Тонкая работа по разграничению значений, смысловых и стилистических оттенков слов отходила на задний план. Упор перемещался на коллекционирование слов, на широкий охват словарных материалов, на подготовку *thesaurus'a linguae Russicae* («сокровищницы русского языка»). Однако невозможно было уловить смысловые особенности областного слова с такой же точностью и полнотой, как слова литературного. Возникла непоследовательность в приемах обработки значений разных слов. Научные и технические термины, по мнению Шахматова, не должны истолковываться в бытовом плане, т. е. так, как они понимаются и употребляются в общем языке. Необходимо давать в словаре их точное логическое определение, принятое в той или иной отрасли науки или техники. «Без участия и помощи специалистов правильное толкование таких терминов представляется невозможным»⁹⁴.

Между тем у малораспространенных областных слов иногда были вовсе неизвестны грамматические формы. Достигнуть каких-нибудь устой-

⁹¹ Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук, т. II. СПб. (1897—1907), стр. VI, Предисл.

⁹² Там же, стр. VII.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

чивых приемов объяснения слов здесь тоже было очень трудно⁹⁵. При таком всероссийском охвате материала граница слова расплывалась. Под один и тот же графический или фонетический комплекс приходилось подводить слова из разных мест, из разных языковых систем, из разных стилей и диалектов. Нередко под видом слова выступала серия омонимов. Между тем широкие круги общества требовали нормативного словаря живого русского языка и роптали: «Кому нужна эта груда необработанного материала... Кто его станет разбирать, если сама Академия не желает до него дотронуться»⁹⁶.

Но акад. А. А. Шахматов признал «главной и первой задачей» словаря «зарегистрирование по возможности всех слов русского языка с указанием их значений и степени распространенности»⁹⁷.

В соответствии со своими грамматическими взглядами А. А. Шахматов вносит некоторые изменения и в приемы грамматической обработки слов. Так, у глаголов не отмечаются залого (Грот залоговые различия клал в основу классификации значений глагола). А. А. Шахматов выдвигает правило: «Не давать в словаре того, что подлежит еще исследованию и разработке»⁹⁸. Кроме того — и это самое главное — А. А. Шахматов вообще отрицал принцип ученой нормализации языка. По мнению акад. Шахматова, «главный и единственный авторитет в языке — это обычай, употребление»⁹⁹. Борьба с узаконенной употреблением неправильностью бесплодна. По словам акад. Шахматова, «странно было бы вообще, если бы ученое учреждение, вместо того, чтобы показывать, как говорят, решилось указывать, как надо говорить. Очевидно, что такое учреждение упразднило бы таким образом те два авторитета, которые одни могут иметь решающее значение в вопросах языка — это, во-первых, авторитет самого народа с его безыскусственным употреблением, во-вторых, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа. Вот почему Академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее словарь должен содержать... такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д.»¹⁰⁰

«Словарь русского языка» под редакцией А. А. Шахматова безмерно расширяет свои пределы. Он вбирает в себя необыкновенно богатый и разнообразный иллюстративный материал в виде литературных цитат, фольклорных и диалектологических записей. К основным русским словам приводятся параллели из других славянских языков. Где возможно, даются научные этимологии. В пределах словарной статьи, там, где позволяют факты, воссоздается подбором цитат некоторая историческая перспектива в развитии значений слова.

Для примера можно привести, опуская (для экономии места) весь иллюстративный материал, объяснения слова *замолчать* — параллельно

⁹⁵ См. критические замечания в статье: *И. Х. Пахман*. План нового академического словаря с точки зрения иноязычного. Сб. ОРЯС, т. LXVII, № 1. СПб., 1899.

⁹⁶ Там же, стр. 19.

⁹⁷ *А. А. Шахматов*. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана. — Там же, стр. 28.

⁹⁸ Там же, стр. 32.

⁹⁹ Там же, стр. 33.

¹⁰⁰ Там же.

с современным «Толковым словарем русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова.

У Шахматова
(т. II, 1473)

ЗАМОЛЧАТЬ, ЧУ. 1. неперех. Начать молчать, перестать говорить, смолкнуть.

2. Перестать... кричать или петь. Перестать с кем-нибудь переписываться. *Пишу опять к вам, хотя и предвижу, что без вашего одобрения скоро замолчу* (Тургенев, Переписка).

3. Отказаться от желания высказаться, не высказываться, сдерживаться, затаиться.

*Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать.*

(Пушкин, К И. И. Пущину).

4. Перестать издавать какие-либо звуки, затихнуть, успокоиться.

*Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит...*

(Лермонтов, Демон).

Об огнестрельном оружии вообще: перестать действовать, стрелять.

*И батареи замолчали,
И барабаны застучали —
Противник отступил.*

(Лермонтов, Поле Бородина).

5. Переносно: прекратить свое действие, успокоиться.

*Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?*

(Жуковский, Песня. 1816 г.).

О слухе, молве и т. п. и о чем-либо, возбуждающем молву, говор: прекратиться, исчезнуть.

*Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце.*

(Пушкин, Борис Годунов).

В «Толковом словаре
русского языка»
(1934, т. I)

ЗАМОЛЧАТЬ, ЧУ, ЧИШЬ, сов. (к замолкать). 1. Начать молчать, прекратить речь, пенье, крик... перен. Перестать звучать, затихнуть. *Заставить замолчать неприятельскую батарею.*

2. Перестать переписываться, писать письма (разг.).

То писал часто, а то вдруг на целый год замолчал.

3. То же, что замолкнуть, перестать действовать (об ощущениях, чувствах, рассудке). *Кто разбудил воспоминанье и замолчавшие мечты?* (Жуковский).

А. А. Шахматов закончил словарные выпуски лишь на буквы Е—Ж—З. При его жизни вышла большая часть выпусков на К (до слова крошечный); было положено начало словарю на И — издергивать. После смерти А. А. Шахматова (1920) в 1922—1929 годах вышли выпуски Л — лисичий (т. V, в. 1—3), М — маститый (т. VI, в. 1—2) и Н — недорубщик (т. VIII, в. 1—2). В этих выпусках сохранялась видимость шахматовского замысла, но заметны были колебания.

С конца 1929 г. план издания академического «Словаря русского языка» снова меняется. Выдвигается смешанный, гибридный тип «Толкового словаря современного русского языка, взятого в историческом раз-

витии». В словарь начинает включаться язык революционной эпохи, однако не во всей его широте¹⁰¹. В новом виде выпуски словаря появлялись без всякой алфавитной последовательности сразу на разные буквы (А, вышло 4 выпуска, 1932—1936 гг., А — *антиципироваться*; Д, вып. I, Д — *деятельный*, 1937 г.; И — *идеализироваться*; Л, три выпуска, последний: *лебедушка — лезгинка*; М, три выпуска, последний; *маслоглазый — махать*, 1936 г.; вып 4: *нежуреный — некрытый*, 1936 г.; О, пять выпусков, последний: *ободратся — обратность*¹⁰². Профиль словаря становился все более неопределенным. Словарь не походил ни на толково-исторический, ни на нормативный. Современный русский язык не находил в нем широкого и свободного отражения. В 1937 г. Академия наук признала необходимой коренную перестройку типа академического словаря¹⁰³.

IX

Акад. А. А. Шахматов высказывал мысль о необходимости иметь наряду с академическими толковыми словарями словари учебного, научно-популярного типа. Академия в своем словаре, по выражению акад. А. А. Шахматова, «не решается заговорить авторитетным языком школьных учебников, предоставляя это практическим руководствам, для которых собранный в академическом словаре материал может быть не бесполезен»¹⁰⁴. Нужда в учебном словаре литературного языка вызвала в конце XIX в. появление таких словарей, составленных преподавателями средней школы, как недоконченный «Полный филологический словарь русского языка» А. И. Орлова (1885 г.), «Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка» под редакцией А. Н. Чудинова (1901), «Малый толковый словарь русского языка» П. Е. Стояна (имевший несколько изданий в начале XX в.). Эти словари складывались в отрыве от научной лексикографической традиции и отражают слишком упрощенный взгляд их составителей на задачи литературного словаря.

Проблема такого популярно-учебного словаря оставалась нерешенной. Между тем потребность в нем еще более выросла после Великой Октябрьской социалистической революции в связи с приобщением широких народных масс к культуре литературного языка. Эту нужду сразу оценил В. И. Ленин, который метко и точно определил состав и задачи такого словаря: «Задание — краткий (малый „Лярус“ образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию»¹⁰⁵.

Такой словарь еще не создан. Лишь отчасти нужду в таком словаре удовлетворяет «Толковый словарь русского языка» (1934—1941 гг., т. I—IV), составленный проф. В. В. Виноградовым, проф. Г. О. Винокуром, проф. Б. А. Ларинным, доц. С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским и проф. Д. Н. Ушаковым, под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. В настоящее

¹⁰¹ О грубых ошибках политического характера, допущенных в новейших выпусках словаря, см.: «Вестник АН СССР», 1937, № 4—5.

¹⁰² См.: «Вестник АН СССР», 1932, № 7; ср. также: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Киев—Харьков, 1938, стр. 102—104.

¹⁰³ См.: Проект словаря современного русского литературного языка. М.—Л., 1938.

¹⁰⁴ А. А. Шахматов. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана, «Сб. ОРЯС», т. LXVII, № 1, стр. 33.

¹⁰⁵ «Ленинский сборник», XX. М., 1932, стр. 316.

время этот «Толковый словарь русского языка» закончен. Он включает 85 289 слов. По объему своему он ближе всего к учебному словарю П. И. Соколова (1834); по методам обработки лексического материала он ближе всего к гротовскому тому академического «Словаря русского языка». Этот словарь отражает в основном лексику современного литературного языка. Он не может быть исчерпывающим справочным пособием при изучении сочинений русских классиков XIX в. В нем нельзя найти множества слов, употребительных в языке Тургенева, Л. Толстого, Некрасова, Достоевского, Лескова, Чехова и других писателей XIX в. Даже в отношении современного языка объем его более или менее условно ограничен степенью употребительности того или иного слова в общем языке. В словарь не входят, за некоторыми исключениями, слова местные или областные, даже встречающиеся в языке современных писателей, не входят индивидуальные поэтические новообразования (например, Маяковского), не даются специальные термины наук, искусств и техники, не имеющие очень широкого распространения в общем языке. В основном словарь стремится отразить нормы общелитературного русского языка советской эпохи с его неологизмами, с его новыми словами и понятиями. Этот словарь — нормативный. Его задача — «служить некоторым пособием: 1) к правильному употреблению слов, 2) к правильному образованию форм слов и 3) к правильному произношению»¹⁰⁶.

В стилистических пометах, определяющих круг употребления слова, словарь этот, в общем, следует гротовскому словарю. Но — в дополнение к гротовской системе стилистических оценок — введены пометы, более детально указывающие на разновидности не только устной, но и письменной речи. Например, в пределах устной речи различаются слова разговорные, просторечные, фамильярные, вульгарные, арготические, областные, школьные, детские. Есть несколько новых помет, указывающих на разновидности письменной речи, например: книжное, научное, специальное, газетное, публицистическое, официальное. Добавлены также некоторые пометы в кругу экспрессивных оценок слова, например: бранное, неодобрительное, укорительное, употребленное эвфемистически (т. е. для замены прямого обозначения чего-нибудь описанием с целью скрыть, прикрыть что-нибудь предосудительное).

В приемах грамматической обработки слов «Толковый словарь» также следует академической традиции. В глаголах указываются видовые варианты, описывается управление, но из залогов отмечаются лишь возвратный и страдательный. Принята гротовская система словопроизводственных определений у тех имен существительных и прилагательных, а также наречий, значения которых соотносительны с значениями производящих слов (например: *Березовый*, ая, ое. Прил. к *береза*. *Краснота*, ы. Ж. Отвлеч. сущ к *красный* и т. п.).

В словарь внесены указания на правильное произношение. В необходимых случаях обозначается произношение слов, резко расходящееся с их правописанием.

Принципы истолкования значений те же, что и в гротовском словаре, хотя есть тенденция к большему расчленению значений и оттенков. Очевидна глубокая зависимость «Толкового словаря» и от других выпусков академического «Словаря русского языка». Для последних частей словаря

¹⁰⁶ Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV, 1934—1941; т. I, стр. XXII (Вводная статья «Как пользоваться словарем»).

широко использованы (кроме специальных словарей) словарь Даля и Академический словарь 1847 г. В последних томах «Толкового словаря» значения слов дифференцированы менее четко, но материал литературных цитат сильно возрос именно к концу словаря.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова подводит итоги предшествующей работе над составлением словаря литературного языка. Он пускает в широкий общественный оборот достижения академической традиции в области лексикографии. Кроме того, этот словарь дает богатый материал для изучения тех изменений, которые произошли в русском языке после Великой Октябрьской социалистической революции. В высшей степени полезны и нормативные указания словаря. Анализ значений слова (правда, не всегда тонкий и четкий) сопровождается отметками, какому стилю речи свойственно то или иное значение. Это придает словарю большую практическую ценность как популярному руководству к правильному употреблению в речи того или другого слова. «Имеющиеся в словаре просторечные и вульгарные выражения помещаются в словаре не для их пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистических качеств»¹⁰⁷.

Для литературного работника, для преподавателя русского языка это — очень ценное пособие. К нему следует обращаться не только за объяснительными справками, когда неясно значение или употребление слова, когда, хочется яснее представить себе стилистические нюансы слова, связанную с ним фразеологию, но и за грамматическими, орфографическими и орфоэпическими (т. е. относящимися к вопросам правильного произношения) указаниями.

Общественная полезность «Толкового словаря русского языка» несомненна. Он встретил очень сочувственные отклики и нашел вполне благожелательную критику в советской печати. Однако можно указать несколько существенных недостатков в построении и выполнении этого словаря. Их необходимо учитывать при пользовании словарем.

1. Нет ясности в понимании структуры слова и границ его значений. Под формой одного «слова» нередко дается серия омонимов (см., например, статьи о словах: *баба, осадить, отправление, отражение, настроить, пенгюх* и очень много др.)

2. В «Толковом словаре» часто отсутствует смысловая перспектива в развитии и последовательности значений слова. Значения, очень тесно связанные друг с другом, бывают разобщены, разделены. Вследствие этого значения иногда формулированы неточно. Многие примеры попадают не на свои места. Например, в толковании слова *самый* одно и то же уточнительное значение иллюстрируется такими разнородными примерами, как *Это он самый и есть. Об этом самом мы и думаем* (здесь *самый* обозначает: именно, уточняя, ближе определяя местоимения *он* и *этот*) — и тут же рядом: *Теперь самое время закусить* (здесь *самое* стоит впереди определяемого слова и имеет значение степени: самое подходящее, как раз).

В глаголе *налететь*, наряду с значением: прилететь в большом количестве, стаяй, быстро собраться, примчаться в большом числе (*На свет налетело много мотыльков в комнату*), поставлено особое, самостоятельное значение: прилетая, падая, осесть на чем-нибудь (*С улицы налетело много пыли. Налетели сухие листья из сада*). Ясно, что глагол *налететь*

¹⁰⁷ См. статью Д. Н. Ушакова в «Литературной газете», 1938, № 63.

не значит: *осесть*, прилетая. Вместо определения значений слова в словаре дается описание эмпирических случаев налетания чего-нибудь.

Насколько случаев бывает набор близких по смыслу слов, не редко заменяющий определение значения, показывает такой пример: *Ничего — все равно, несущественно, пускай, ладно, не мешает, не плохо. И холод и сеча ему ничего* (Пушкин).

3. В «Толковом словаре» в подавляющем большинстве случаев не разграничены свободные значения слова и значения, фразеологически связанные, выводимые из двух-трех уже застывших, устойчивых фраз. Это смещение таит в себе много опасностей. Например, в «Толковом словаре» сказано, что слово *лавр* в форме *лавы* имеет переносное значение: успех, слава, триумф, и что это значение употребительно в современном книжном языке. На самом же деле такого значения в живой современной речи у слова *лавр* нет. Это значение искусственно выводится из трех ходячих фраз: *пожинать — пожать лавры, почитать на лаврах* и *чьи-нибудь лавры не дают спать кому-нибудь*. В «Толковом словаре» нет никаких ограничительных указаний. Человек, не владеющий свободно русским литературным языком, может подумать, что *лавы* — синоним слов *успех* или *триумф* и, следовательно, допустимы выражения вроде: *иметь лавры* и т. п.

4. В «Толковом словаре» часто не различаются значение и употребление слова. Значения — устойчивы и общи всем, кто хорошо знает язык. Употребление же есть лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление неравноценно с значением. В словаре русского языка могут быть (хотя и это не обязательно) зарегистрированы лишь те типы употребления слова, из которых явно уже вырабатывается новое значение. Между тем «Толковый словарь» в этом отношении не придерживается никаких твердых принципов. Например, для формы причастия *лающий* (от глагола *лаять*) указано новое значение: *отрывистый и с хрипом, сипотой*. Это мнимое значение иллюстрируется таким сравнением Салтыкова-Щедрина: «Из внутренностей его, словно из пустого пространства, ... вылетал громкий, словно лающий голос». В этом случае можно говорить лишь о своеобразном употреблении причастия *лающий*, но особого, нового значения здесь нет, тем более, что сравнение подчеркнуто частицей — *словно*.

5. Стилистические пометы, определяющие круг употребления слова, часто бывают произвольны, текучи и непоследовательны. Критерии стилистической оценки различны в разных местах словаря (т. е. у разных составителей). Например, *мелочность, невнимание* считаются книжными словами, а *неистовый, непорочный* — нет; *лесочек* признается разговорным, а *ломтик* — нет; слово *телятник* во всех значениях (1. хлев, закута для телят; 2. работник, приставленный для ухода за телятами; 3. торговец телятами) оставлено без всяких помет и т. д.

Но и при всех этих недостатках «Толковый словарь» представляет собой в высшей степени ценное справочное пособие по современному русскому языку.

Х

Проблема создания нормативного словаря современного русского литературного языка еще не может считаться разрешенной. Академия наук СССР взяла на себя эту задачу.

Объем подготовляемого Академией наук словаря современного русского литературного языка определен в 15 томов, от 75 до 100 печатных листов каждый. Расположение слов в нем будет групповое, но более дробное, чем у Даля. Новый словарь будет опираться на произведения русской литературы от Пушкина до наших дней. Основным его источником будет не только классическая художественная литература, стихи, проза, но и произведения выдающихся русских критиков, публицистов и ученых. «При этом словарь должен с необходимой полнотой отражать политическую жизнь Страны Советов, представляя лексику и фразеологию, созданную и принятую в письменном и разговорном литературном языке эпохи диктатуры пролетариата, в условиях советского строительства и нового, социалистического производства»¹⁰⁸.

Многочисленные литературные цитаты, иллюстрирующие круг значений слова, располагаются, начиная с исторически позднейших, в глубь истории литературного языка (например, М. Горький, Тургенев, Пушкин и т. п.). «Словарь этот должен быть последовательно нормативным и представлять собой руководство и образцы правильного употребления слов русского языка в отношении их формы, изменений значения, слогаударения, синтаксических сочетаний и фразеологических оборотов»¹⁰⁹.

Из миллионного запаса карточек с литературными цитатами, хранящихся в словарной картотеке Академии наук, для этого словаря выбираются «слова общепринятые, общеизвестные, составляющие ходячий словесный актив и необходимый пассив, т. е. слова, которые мы имеем в запасе на разные случаи, слова, которые в известных условиях могут оказаться нужными в процессе речи. Ведь фактически существующее в живом и письменном языке разговорное употребление не может быть охвачено с математической точностью никаким словарем. При том литературное употребление подвижно: оно частью нарождается вновь, частью отмирает»¹¹⁰.

На этом основании границы словаря расширяются: в него вводятся, конечно, с соответствующими пометами, некоторые словоупотребления вымершие, устарелые — архаизмы, слова, возникшие вновь, — неологизмы, слова местные — провинциализмы. «Однако словарь, составленный из актуальных слов русского литературного языка, а также из слов, сопровождаемых пометами: устарелое, новое, областное слово, собственно дает лишь рекомендацию, совет для употребления слов и отнюдь не является мерой их искоренения, запрещения или насильственного внедрения. В потребностях выражения мысли, в условиях художественного или научного творчества могут получать жизнь слова провинциальные, или вышедшие из современного речевого оборота, или же созданные вновь, не существовавшие никогда. Это вполне рационально, необходимо и законно в процессе естественной жизни и роста языка»¹¹¹. Этими соображениями определяется объем и состав подготовляемого и отчасти уже подготовленного Академией наук СССР «Словаря современного русского литературного языка».

¹⁰⁸ Информационная статья «Словарь современного русского литературного языка». «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1940, № 3, стр. 137.

¹⁰⁹ Там же, стр. 137.

¹¹⁰ Там же, стр. 138.

¹¹¹ Там же, стр. 139.

Пушкин называл толковый словарь «уложением языка», т. е. сводом его законов и правил¹¹². Так же понимал значение словаря и В. А. Жуковский: он считал словарь «сводом законов русского языка»¹¹³. Без словаря не может обойтись писатель. Крупнейшие русские литераторы склонны были рассматривать свою работу над словом, над созданием новых слов как работу по пополнению словаря русского языка. Так, В. А. Жуковский, приветствуя издание словаря 1847 г., заявлял, что его собственная литературная работа «почти входит в составление русского лексикона: слова творятся необходимостью и утверждаются счастливым их употреблением»¹¹⁴.

Современник и приятель Пушкина — П. А. Вяземский высказывался в том же духе: «Позволяю себе неологизмы, т. е. прибавления к Словарю Российской Академии; но, по крайней мере, как мне кажется, вольности мои не произвольны, а вытекают обыкновенно из самого состава и наказа языка»¹¹⁵. Таким образом, писатель, создавая новые слова, обращается за справкой к словарю и ищет в нем оправдания своего словотворчества. Понятно, что не все новообразования, не все мелькающие в индивидуальной речи новые слова попадают в словарь как свод общеупотребительных слов. Тот же Вяземский замечает: «Я нашел у старика Сумарокова прекрасное слово: *зablужденник*, которое тщетно после того искал и в Словаре академическом, и в других писателях»¹¹⁶. Но зато удачно изобретенное слово, слово, создание которого удовлетворяет насущную потребность мысли, быстро входит в общее употребление и затем находит себе место в словаре русского языка.

Об этом процессе обогащения общелитературного словаря есть у Жуковского замечательные слова: «Слово нельзя выдумать отдельно по произволу, слово ясное и точное находится только на пути размышления, его дает сила необходимости; тогда только оно бывает ясно, когда оно рождается вместе с мыслию, в связи с другими притягивающими его магнитной силой средствами, и тогда только употребление присваивает его без противоречия. Слово не есть наша произвольная выдумка: всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли»¹¹⁷.

Уже из этих признаний русских писателей видно, как высоко они расценивают значение толкового словаря для своей литературной работы. Некоторые из писателей не только в своем художественном творчестве обогащали толковые словари, но и сами непосредственно увлекались работой лингвиста лексикографа.

Гоголь, знаток и ценитель словарной работы, мечтал о составлении объяснительного словаря русского языка и уже заблаговременно заготовил «Объявление об издании русского словаря». В этом объявлении Гоголь так определял задачи своего объяснительного словаря и связь его со своим писательским делом: «В продолжение многих лет занимаясь русским языком, поражаясь все более и более меткостью и разумом слов его, я убеждался более и более в существенной необходимости та-

¹¹² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., 1936, т. V, М., ГИХЛ, стр. 134.

¹¹³ В. А. Жуковский. Письмо о Словаре церковнославянского и русского языка Академии наук. «Отчет Академии наук по Второму отд. за 1848 г.». СПб., 1849, стр. 8.

¹¹⁴ Там же, стр. 8.

¹¹⁵ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1878, стр. VII.

¹¹⁶ Там же, стр. VIII.

¹¹⁷ Русские писатели о литературе, т. I, М., 1939, стр. 83.

кого объяснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы ощутительней его достоинство, так часто незамечаемое, и обнаружил бы отчасти самое происхождение»¹¹⁸. Гоголю казалось, что для такого словаря нужен особенно чуткий к тонкостям языка лингвист, который «носил бы в себе самом внутреннее ухо, слышащее гармонию языка». Крупный писатель почти всегда сочетает в себе свойства художника слова и природного лингвиста с крепкой любовью к родному языку, которая, по словам Гоголя, заставляет останавливаться и задумываться «над внутренним его существом и выражением»¹¹⁹.

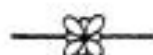
Характерно, что великий пролетарский писатель А. М. Горький также признавал целесообразным сотрудничество лингвистов и литераторов в работе над «Толковым словарем русского языка». По его мнению, «сотрудничество литераторов бесспорно оживило бы словарь»¹²⁰. Писатель, журналист — не только самый внимательный и частый читатель словаря, но и его активный автор-испытатель. Словарь — необходимый инструмент в творческой лаборатории писателя и журналиста.

¹¹⁸ *Н. В. Гоголь. Соч., т. VI. Изд. X. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока (1889—1896). М.—СПб., стр. 433.*

¹¹⁹ Там же, стр. 434.

¹²⁰ Ответ М. Горького О. Ю. Шмидту по поводу «Словаря литературного языка». — В кн.: *Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 4. М., 1960.*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

I

Толковые словари национального языка — могучее орудие культуры речи и вместе с тем продукт этой культуры. Акад. И. И. Срезневский, которому мы обязаны составлением ценнейших «Материалов для словаря древнерусского языка», в свое время писал, что там, «где знание отечественного языка считается более необходимым, где, следовательно, лучше составлены словари его, где писатели чаще к ним обращаются, там и литература, как искусство, стоит выше...»¹ Работа по составлению толковых словарей родного языка — важное национальное дело. Глубокое общественное сознание необходимости и ответственности этого дела выражается в живом интересе разных слоев народа к изданию толковых словарей и в повышенной требовательности к их внутренним достоинствам. В нашей стране, где накоплен огромный опыт в области составления национальных толковых словарей разных типов, общественные требования к качеству их особенно велики и настоятельны. Само собой разумеется, что руководящая и организующая роль в развитии и совершенствовании лексикографической работы в Советском Союзе должна принадлежать толковым словарям русского языка, особенно издающемуся теперь четырнадцатитомному академическому словарю². Между тем состояние работы по составлению этого словаря и качество выходящих в свет отдельных его томов не во всех отношениях могут удовлетворить как специалистов по русскому языку и по общей лексикографии, так и взыскательных читателей вообще. Поэтому представляется целесообразным, воспользовавшись недавним выходом в свет четвертого тома (а с этого тома облик всего словаря, освобождающегося от системы гнездового расположения слов, значительно изменяется), остановиться на некоторых больших и вместе с тем больших вопросах теории русской лексикографии. Ведь от неясности, нерешенности главных теоретических проблем семасиологии и лексикографии во многом зависят основные недостатки наших толковых словарей³.

Естественно, что в ряду этих нерешенных вопросов первое место занимает проблема семантической структуры слова, или, лучше: семантической структуры разных типов слов того или иного языка. Для уяснения

¹ «Изв. имп. Акад. наук по ОРЯС», 1854, т. III, стр. 150—151.

² См. «Словарь современного русского литературного языка». М.—Л., Изд-во АН СССР: т. I—1950; т. II—1951; т. III—1954; т. IV—1955.— В дальнейшем называем его просто: Академический словарь; ссылки на тома и страницы этого словаря даем в тексте в скобках.

³ О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии.— ВЯ, 1956, № 3.

этой проблемы применительно к русским толковым словарям необходимы многочисленные и разнообразные семасиологические исследования, посвященные углубленному анализу значений и способов употребления отдельных слов, а также семантически связанных, соотносительных или внутренне объединенных групп слов в современном русском языке. Построение статьи о смысловой структуре слова, о соотношениях и связях его значений, об исторически сложившихся условиях его фразеологического употребления, об устойчивых фразеологических оборотах, около него группирующихся, в Академическом словаре далеко не всегда является целесообразным и более или менее адекватным языковой «действительности».

В последние годы у нас появилось много статей, посвященных проблеме слова, проблеме значения и понятия, но, к сожалению, большая часть этих статей оторвана от конкретного научно-исследовательского опыта, приобретенного в работе над изучением лексики того или иного языка в ее развитии, а также закономерностей истории семантического строя родственных и неродственных языков. Необходимо всячески поощрять углубленные, аналитические исследования как семантической структуры слов современного русского языка во всем многообразии их употребления, так и сложных, разветвленных связей и взаимодействий семантических рядов слов в общей лексической системе данного языка. Самая методика выделения значений слова и их определения остается мало разработанной. В толковых словарях русского языка наблюдаются многочисленные недостатки и ошибки в определении значений слова, в принципах их разграничения, в характеристике форм и способов их связи, в анализе правил их фразеологической сочетаемости, в их стилистической квалификации.

Вот несколько наиболее типичных и показательных иллюстраций из вышедших томов Академического словаря:

а) В слове *бюст* выделяются два значения. Первое определяется так: «Скульптурное изображение верхней части человеческого тела, т. е. головы, шеи, плеч и части груди... *алебастровые бюсты великих гениев*». Второе значение формулируется на основе первого: «Верхняя часть человеческого тела до пояса». Но формулировка этого значения — неопределенная и неточная — явно противоречит смыслу тут же помещенных примеров его употребления. Из романа Гончарова «Обломов»: *Платье на ней [Пшеницыной] сидело в обтяжку. От этого даже и закрытый бюст ее, когда она была без платка, мог бы послужить живописцу или скульптору моделью крепкой, здоровой груди, не нарушая ее скромности* (Акад. словарь, т. I, стр. 735—736). Ср. франц. *buste* «бюст, грудь», нем. *Büsthälter*. «Бюстгальтер... Нательный женский лифчик; бюстодержатель» (там же).

б) При определении значения глагола *брезжить* в личном употреблении отсутствует указание на ограниченность семантической группы слов (*утро, заря, звезда, свет, рассвет, огонек*), с которыми только и возможно сочетание личных форм данного глагола. Поэтому и самая характеристика значения становится неточной и сомнительной: «Светать, распространять слабый свет в начале утра (перед восходом солнца, при заре)» (т. I, стр. 623). Здесь явно смешаны личное и безличное употребление глагола (хотя внешне они разделены). Вслед за этим отмечается «распространительное» применение глагола *брезжить*: «о слабом, мерцающем свете вообще». Все это дает лишь очень приблизительное представление

ких иных объектов. Далее идет характеристика второго значения (переходного) (синонимического с *пережить*?): «Перенести, вытерпеть что-либо за время житья где-либо, в каких-либо условиях». Единственный пример: *Горелкину удалось выжить, преодолеть все испытания плена и сохранить энергию и волю* (Б. Полев. Земляк). Пример — не из удачных, так как *выжить* здесь можно понять и в смысле «остаться в живых, сохранить жизнь». Да и сфера применения этого предполагаемого значения не раскрыта. Других иллюстраций нет. Сопоставление с другими толковыми словарями современного русского языка внушает очень большие сомнения в существовании этого значения. Так или иначе с данным значением, если бы оно существовало, пришлось бы связать энантосемическое (просторечное): «приобрести что за время жития где-либо; выслужить, нажить». Пример из сочинений Ф. Решетникова: *Што она в городе-то выживет? чему научится? Еще пожалуй пельменницей, али калашницей делается* («Тетка Опалиха»).

Менее ясен и мотивирован переход к следующему (3-му) непереходному значению: «Остаться в живых (после тяжелой болезни, ранения и т. п.)». Это значение скорее связывается с первым, чем со вторым. Но уже совершенно непонятны мотивы выделения в этом третьем значении такого фразеологически обусловленного оттенка: «Утратить умственные способности от старости, одряхления». И далее: «В выражениях: Выжить из ума, из памяти — потерять память, способность соображения; впадать в детство». Так, у Ф. М. Достоевского в «Дядюшкином сне»: *Старичок, если и не выжил еще из ума, то давно уже выжил из памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсем замирается*. Точно так же не имеет прямой связи с значением «остаться в живых» и выражение: «выжить из лет». Например: *Я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок напомаженных или ненапомаженных волос* (Лерм. Кн. Мери).

г) Некоторой параллелью к этой ассоциативно-произвольной семантической обработке глагола *выживать* может служить статья о слове *вымахивать*. И тут объединяются три совсем разных значения: Первое (переходное) — «махая, выгонять». Иллюстрация — из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова: *Вымахали мух из полога, опустили его над дедушкой, подтыкали кругом края под перину*. Сюда же почему-то относится и такой оттенок значения: «выбрасывать стремительно, выпускать разом (о паре, дыме и т. п.)». Например: *Вдруг пароход зычно загудел над самым ухом Русанова, весело вымахнув кверху высокую струю пара* (Златовр. Скиталец, т. II, стр. 1103). Но можно ли *вымахать* и *вымахнуть* рассматривать как формы одного и того же глагола (ср. *выбросать* и *выбросить*, *вытолкать* и *вытолкнуть* и т. п.)? Еще хуже дело обстоит с характеристикой второго значения, которое признается одновременно и переходным и непереходным. В нем будто бы сочетаются два таких разных значения или оттенка значения: 1) «выхватывать с размаху» (*Петр вымахнул из горна пудовые клещи...* А. Н. Толстой, Петр I) и 2) «стремительно выбегать, выезжать откуда-, куда-либо» (*Из лесу вымахнули четыре всадника...* (Шипк. Ем. Пугачев); *...переехали речку в брод. Молодец лорд Байрон, так и вымахнул на крутой берег* (А. Н. Толстой, Детство Никиты).

Очевидно, «второе» значение, вернее, «вторые» значения относятся только к глаголу *вымахнуть*, глагол же *вымахать* этих значений не имеет.

Таким образом, незаметно, смешаны или, вернее перемешаны два различных слова и их значения. Что же касается третьего значения («про-

сторечного»): «вырастать, становиться высоким», то оно связано с глаголом *вымахать*. При этом не вполне ясно, можно ли объединить это значение с первым значением *вымахать* («махая, выгонять») в одном слове. Например: *А как заросло!.. Какие дубы вымахали! — говорил Мартемьянов, озираясь вокруг потеплевшими глазами* (Фадеев, Посл. из Удэге) ⁴. Итак, перед нами если не три, то во всяком случае два совсем разных глагола.

Естественно возникает законный вопрос: почему до сих пор у нас нет таких исследований по русскому глагольному словообразованию, в которых были бы выяснены связи и соотношения разных функций той или иной приставки в сочетании с одной и той же глагольной основой, с разными структурно-семантическими типами глагольных основ. Изучение этой проблемы имеет первостепенное значение для определения способов и закономерностей деривации глагольных основ. От решения данного вопроса зависит также понимание некоторых тенденций развития омонимии в системе производных глаголов с приставками в современном русском языке. Наконец, на этом же пути можно найти объяснение господствующих в современном русском языке приемов и принципов связи, взаимодействия и соотношения разных значений в семантической структуре глаголов, произведенных посредством приставок.

д) У глагола *выговаривать* в Академическом словаре отмечены три значения (первое — «высказывать», второе — «поставить условием, оговорить что-либо в свою пользу при договоре, сделке и т. п.» и третье — «делать упрек... выговор»). Сразу же бросается в глаза, что видовые различия глагола при формулировке его значений игнорируются. Так, первое значение выражается при помощи глаголов несовершенного вида: «произносить, выражать словами что-либо, высказывать». В соответствующих формах приводится и фразеология: *выговаривать мысль, правду* и т. п., *выговаривать все до конца* и т. п. (но *выговорить слово, выговорить свою душу*). Не подлежит сомнению, что в Академическом словаре недостаточно четко разграничены два оттенка или аспекта этого значения у глагола *выговаривать*: «высказывать, выражать слова» и «передавать что-нибудь посредством разговорной звучащей речи с теми или иными качественными своеобразиями акцента, произношения». Пример из «Северных повестей» К. Паустовского [Мари], *видимо, с трудом подбирала слова и выговаривала их с сильным акцентом* — должен быть помещен рядом с цитатой из Лажечникова («Немного лет назад»): [Француз де Гобуа] *изъясняется посредственно и по-русски, хотя и с иностранным акцентом и старанием выговаривать слова грамматически, по-книжному*.

Второе значение у глагола *выговаривать* — *выговорить* определяется при помощи глаголов совершенного вида («поставить условием, оговорить что-либо в свою пользу при договоре, сделке и т. п.»), хотя среди иллюстраций его употребления встречается и форма несовершенного вида (см. приведенную в Словаре цитату из романа Мельникова-Печерского «В лесах»).

⁴ Необходимо отметить, что в «Словаре русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук» (т. I [под ред. Я. К. Грота]. СПб., 1895, стр. 646) было указано еще одно значение глагола *вымахать*: «маханием приводить в ослабление руки, ноги или крылья. Бросая камни, вымахал руку (ослабил или даже вывихнул). Голубь вымахал крылья от долгого летания».

Третье же значение: «выговаривать кому-либо — делать упрек, замечание, выговор кому за что-либо» — вообще свойственно лишь формам несовершенного вида. Естественно возникает вопрос, не связано ли оно с омонимом, с особым словом *выговаривать*, соотносительным с именем существительным *выговор* (ср. выражения: *делать — сделать выговор* и *получать — получить выговор*). Вместе с тем при наличии синонимического параллелизма *выговаривать — делать выговор* нельзя не подумать и о стилистической оценке устаревающего разговорного глагола *выговаривать*. Ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: *Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорой с Швабриным*, и у Б. Полевого в «Повести о настоящем человеке»: *Стручков выскочил из кабины возбужденный, ликующий... — Не машина — скрипка, ей богу скрипка, — шумел он, перебивая инструктора, выговаривавшего ему за лихачество* (т. II, стр. 990—991).

Естественно, что и под словом *выговор* также механически объединяются два слова-омонима: 1) *выговор* — «манера, способ произношения...» («украинский выговор», «хороший французский выговор», «пермский выговор», «недостаток в выговоре») и 2) *выговор* — «упрек, замечание, внушение» («выговор с предупреждением», «сделать строгий выговор» и т. п.).

Ошибки, типичные для толковых словарей русского языка при определении глаголов префиксального образования, углубляются тем обстоятельством, что у нас нет исследований по вопросу о соотношении и взаимодействии приставочно-глагольного и такого же отглагольно-именного словообразования. Так, например, в Академическом словаре у глагола *заговаривать* (в отличие от омонима *заговаривать*: «пробовать говорить, пытаться заводить разговор») отыскиваются два значения:

Первое — «утомлять, доводить до отупения продолжительным разговором, беседой». При таком значении у глагола *заговорить — заговаривать* явно выделяется словообразовательная приставка *за-*. Так, у Пушкина в письме к брату (от 30 января 1823 г.): *Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю*. Второе значение — «воздействовать на кого-, что-либо силой заговора с лечебной или иной целью (устар. быт.)». Это значение соотносительно с существительным *заговор*: например, *заговаривать кровь, зубную боль* и т. п. Очевидно, *заговорить — заговаривать* в этом значении и по своему морфологическому составу, словообразовательному строю и по смысловой структуре резко отличается от первого *заговорить — заговаривать* («довести до отупения разговором») и может рассматриваться только как его омоним. Очень показательны, что в Академическом словаре сделана своеобразная попытка связать или слить эти два омонима в одно слово при помощи примеров их каламбурного столкновения или сцепления, извлеченных из «Былого и дум» Герцена и «Доброго старого времени» Д. Н. Мамина-Сибиряка. У Мамина-Сибиряка читаем: *Он пустил в оборот тот бессмысленный набор фраз, какими утешают плачущих женщин. Женщины любят, чтобы их так заговаривали, а смысл — это другое дело*. У Герцена: *Гладстон заговаривал целые парламенты, университеты, корпорации, депутации, — мудрено ли было заговорить Гарибальди* (т. IV, стр. 351—352).

Не заметив каламбурной направленности этого словоупотребления (тут *заговорить — заговаривать* каламбурно совмещает и значение «довести до бесчувствия длинной речью, беседой» и значение «околдовать,

подействовать силою заговора»), составители IV тома Академического словаря сочинили новое значение слова *заговаривать*: «влиять силой речи на кого-либо, восхищая, убеждая и т. п.» (стр. 352). Комическая серьезность этого достижения трогает, но не убеждает. Она лишь демонстрирует слабость лексикографической практики, не опирающейся на надежное, тщательно разработанное семантическое учение о слове и законах словообразования.

В основе других существенных недостатков Академического словаря лежит смешение, неразличение разных типов значений и — как следствие этого — включение фразеологически замкнутых употреблений слова в систему его основных значений. Так, в слове *дело* выделено значение четвертое: «надобность, нужда» (т. III, стр. 678). Отмечается притом, что это значение чаще реализуется в формах множественного числа. Но иллюстрируется оно лишь двумя совсем разнородными выражениями: *по делам службы* и *всем дело до меня*. В числе тех фразеологических оборотов, которые связываются с этим значением, нет ни одного, в котором слово *дело* стояло бы в формах множественного числа (*по делу, есть дело, нет дела, что за дело кому до кого-, чего-либо* и т. п., *не твое, не ваше дело* и др. под.). Само собой разумеется, что слово *дело* не имеет значения «надобность, нужда». Здесь речь может идти о замкнутых фразеологических сочетаниях и о смысловых своеобразиях употребления слова *дело* в этой ограниченной сфере устойчивых выражений.

Полная неразбериха как следствие механического распределения таких и всяких иных фразеологических оборотов по разным значениям слова особенно наглядно обнаруживается в семантической характеристике глагола *взять*. Здесь к прямому конкретному значению этого слова (значение первое) отнесены такие выражения, как «взять аккорд», «взять ноту», «взять галопом», «взять с места в карьер» и др. под. Со значением (вторым) «задержать, арестовать» почему-то связывается фразеологически обусловленный оттенок: «овладеть, охватить» (о душевных переживаниях). *Взял страх кого-либо* (о сильно испугавшемся). *Взяло любопытство. Но когда он возвращался с кладбища, его взяла сильная тоска* (Чех. Скрипка Ротш). *Сидеть все одной, от раннего утра до поздних сумерок, ведь этак и одурь возьмет, — день-деньской за веретеном...* (Загоск. Аск. могила). *Зло взяло Комара: обиды не стерпел, Собрался, поднялся Комар на Льва войною* (Крыл. Лев и Комар).

Под значение (четвертое): «Завладеть чем-либо, завоевать, покорить, захватить что-либо силой» подведены формы: «Взять себя в руки — овладеть собою... взять свое (*болезнь взяла свое*), взять силу (*Лисицы мнение в совете силу взяло*)» и др. под.

К значению (восьмому): «принять к себе» отнесены такие фразеологические обороты, как *взять в соображение, в расчет, во внимание* и т. п., *взять в толк, взять моду, привычку, взять терпение* и т. д. (т. II, стр. 332—344).

Трудно во всем этом найти следы или отражения какой-нибудь фразеологической теории. Изучение фразеологической системы русского языка, а также типов и разновидностей устойчивых фразовых сочетаний в нем еще находится в самом зародыше. В теории русской лексикографии не сложилось еще никаких твердых принципов ни детальной классификации фразеологизмов, ни семантического исследования их структур. Можно с сожалением, но с полным основанием заявить, что в этой сфере лексикографическая практика не только не содействует углубленному

анализу возникших вопросов, но даже — сознательно или бессознательно — своей научной необоснованностью, своими колебаниями, своей бессистемностью лишь тормозит дальнейшую разработку проблем русской фразеологии.

II

В первых трех томах Академического словаря ясность семантической перспективы в изложении связи и соотношений значений слова очень страдала от «гнездового» расположения слов. В этом случае не только легко сливались и объединялись омонимы, но и производные от них слова смешивались в беспорядочную грудку. Например, в словаре разграничиваются два омонима: *вываливать* — *вывалить* и *вываливать* — *вывалять*. Но остается неясным, почему в этом последнем слове объединены два значения, между которыми нет ничего общего: *вываливать* — *вывалять* обозначает и «выделывать, выработывать что-либо из шерсти, ваты и т. п. посредством валяния; валять, сбивать» и «валяя пачкать, марать в чем-либо». Ср. *ывалять несколько пар сапог* и *ывалять в грязи, в пыли* и т. п. Очевидно, и тут надо разграничить два омонима. А все это, естественно, должно было найти отражение и в картине словопроизводства, в представлении словарных «гнезд».

Точно так же и в глаголе *ывалить* — *ываливать* едва ли в современном языке могут быть объединены значения «ывалить из телеги, саней, тачки, корзины снег, мусор, дрова и т. п.», *ывалить седока* и т. д., с одной стороны, — и, с другой: *пестрая ревущая толпа... ывалила из перелука*; ср. *ывалил снег* и т. п. (т. II, стр. 962—963).

Легко увидеть еще больше несообразности и чисто механического сцепления слов и значений при обращении к «гнездам» таких слов, как *ывалять*, *ывступать*, *ывпадать* и мн. др.

В IV томе Академического словаря как будто с определением основных «номинативных» значений слова дело обстоит несколько благополучнее, чем в предшествующих томах. Правда, и тут иногда (но не так часто) встречаются случаи нечеткого разграничения значений и расплывчатого их описания — вместо определения. Например, в глаголе *заскакивать* выделяются четыре значения вместо двух основных. Первое значение — «скачком, прыжком вскакивать на что-либо, проникать куда-либо»: *Егерев сын... подсупонил лошадь и на ходу заскочил в передок* (Леон. Скутаревский). То, что в Академическом словаре помещается под вторым и четвертым значениями, является только оттенками или вариациями этого основного значения. В самом деле, так называемое второе значение отличается от первого только расширенным пониманием «скачка» или «прыжка». Это значение в Академическом словаре формулируется так: «быстрым движением оказываться где-либо». Формулировка — явно неудачная и в стилистическом, и в семантическом отношениях. Если первое значение состояло в том, чтобы «скачком... вскакивать и проникать куда-нибудь», то и это «второе» выражает то же самое: «скачком или вообще стремительным, быстрым движением пропикать куда-нибудь» [*Ерошка, увидав Герасима, заскочил за угол... (Тург. Муму). На этот раз два танка прорвались и заскочили во двор дома (Симон. Дни и ночи)*]. В просторечно-ироническом употреблении *заскочить* значит также: «недолго забежать, зайти куда-нибудь» (*в обеденный перерыв заскочить домой*).

Не подлежит сомнению, что и так называемое четвертое значение: «соскакивая с места, зацепляться за что-либо» определено неточно (пример: *пружина заскочила за зубец*). Ведь в самом слове *заскочить* (если не смешивать значение слова с конкретными действиями, которые могут им обозначаться) нет никакого указания на «зацепление» или «уцепление». Значение «заскочить» здесь такое: «соскакивая или скачком переместиться куда-либо». Это — специализированное применение того же первого значения. Третье значение включает в себе новое смысловое «качество»: «забегать, опережая кого-либо»... *Свой разъезд тут орудовал. Они раньше нас заскочили* (Н. Остр. Как закал. сталь) (т. IV, стр. 897—898).

Естественно, что такая неопределенность в различении значений глагола *заскочить* не могла не отразиться и на семантической обработке отглагольного существительного *заскок*. В слове *заскок* разграничиваются два значения: первое — «заскакивание, забегание». Приводится пример из «Воспоминаний» А. А. Рылова: *Полуграфический, полуживописный характер имела мастерская профессора Анненкова с некоторым заскоком в левизну*. В этом примере, конечно, слово *заскок* употреблено не в прямом, а в переносном значении. Тем более неясным становится определение второго значения: «Ирон. Небольшое отклонение от нормы поведения; вывих». В качестве иллюстрации помещена цитата из «Автобиографических записок» А. Остроумовой-Лебедевой, противоречащая прямому смыслу определения значения (если не относить и мысли к поведению): *Когда я заявила Александру Николаевичу, что в конце-концов не люблю Художественного театра, не люблю Чехова, он рассердился на меня не на шутку и заявил, что у меня в голове заскок, провал, что я ничего не понимаю* (т. IV, стр. 899)⁵. Чем *заскок* похож на *вывих* и как понимать конкретный смысл «небольших отклонений от норм поведения», остается загадочным.

Недостатки и ошибки в дифференциации значений слов и их оттенков, в их семантической характеристике во многом зависят от самой техники и методики лексикографической работы. В настоящее время в русской лексикографической практике господствует принцип обособленного рассмотрения лексических единиц; работа ведется от слова к слову «по соседству». Семантическая обработка отдельных слов происходит изолированно — без учета их соотношения и связи с семантически близкими словами и лексическими группами. Принимаемое на веру положение о системном характере словарного состава языка нисколько не влияет на направление и характер лексикографической практики. Отсутствие глубоких самостоятельных исследований, посвященных семантической системе современного русского языка в целом и в отдельных ее структурных элементах и компонентах, а также русской синонимике, трагически отражается на работе наших лексикографов. У них нет необходимых обобщающих руководств и конкретно направляющих справочников. Поэтому в описаниях отвлеченных, вторичных значений соотносительных или семантически связанных слов наблюдаются стандартные повторения

⁵ В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова это значение определяется так: «Временное затмение ума, порождающее какой-нибудь необъяснимый поступок, какие-нибудь странности (фам. прои.)» (т. I. М., 1935, стр. 1030); в однотомном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1952, стр. 191): «Заскок... (разг. неодобр.) Ненормальность, крайность, странность».

и искажения, обесмысленные тавтологии и формальные отписки. Вот несколько примеров из IV тома Академического словаря.

В слове *жанр* вслед за основным искусствоведческим значением второе, интеллигентски-бытовое, определяется так: «манера, стиль». Например, «легкий жанр». У Салтыкова-Щедрина в «Господах Головлевых»: *Любинька мастерски спела куплеты... и всех сразу убедила, что это настоящий ее жанр* (т. IV, стр. 28). Само собой разумеется, что то же определение можно найти в толковых словарях русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова. Если обратиться к слову *живопись* в том же Академическом словаре, то одно из его значений — третье — окажется тождественным второму значению слова *жанр*: «характер художественного изображения: манера, стиль, жанр и т. п.». Иллюстрация из пушкинского «Выстрела»: *В картинах я не знаток, но одна привлекла мое внимание... Но поразила меня в ней не живопись, а то, что картина была прострелена двумя пулями* (т. IV, стр. 118). Совершенно очевидно, что ни синонимического параллелизма, ни совпадения значений — вопреки свидетельству Академического словаря — тут нет.

Отсутствие ясного понимания разных видов значений и употреблений слов ярко выступает в смешении значения слова и функционального употребления его в качестве условного названия чего-нибудь. Например, в слове *жизнь* выдвигается такое значение (четвертое): «рассказ о чьей-либо жизни, описание ее; биография». Это значение иллюстрируется тремя примерами, из которых два указывают лишь на то, что слово *жизнь* нередко применяется как заглавие автобиографических очерков (*Жизнь замечательных людей. Жизнь Дмитриева*). Следовательно, здесь дело идет лишь о метонимическом словоупотреблении (ср., например, «Смерть Ивана Ильича», «Дни нашей жизни» и т. п.). Что же касается третьего примера из статьи В. В. Стасова о скульпторе Антокольском, то тут слово *жизнь* выражает свое прямое, исходное значение. Тут читаем: *На мне лежит обязанность в ближайшем времени снова, после его слишком раннего конца, рассказать его жизнь* (т. е. о его жизни. — В. В.) *и рассмотреть его создания* (т. IV, стр. 145).

Особенно остро недостатки семантической характеристики слова ощущаются в определениях вторичных, переносных или фразеологически связанных значений и оттенков слов. Например, переносно-разговорное значение слова *жеванный* определяется так: «потерявший свежий вид». Определение — расплывчатое, очень далекое от непосредственных смысловых оттенков слова («как будто подвергшийся жеванию, сильно подержанный, помятый»). Иллюстрации не подтверждают определения: [Дорожная провизия] *через две станции никуда не годится, потому что мясо приобретает какой-то жеванный вид, яйца скатываются в лепешку* (Мам.-Сиб. На месте преступ.) *Позеленевшие, жеванные шинели висели на людях, как на вешалках* (Федин, Я был актером).

Еще более отдаленно и неправильно сформулирован оттенок этого значения, характерный для сочетаний слова *жеванный* с обозначениями отвлеченных понятий («избитый, затасканный»): *Я очень радуюсь, что нарождаются «новые люди», с «новыми» мыслями. Так старье надоело! Все — поучения, жеваная добродетель, отсутствие свободы и смелости.* А. К. Лядов. Из писем, 19 мая 1907 (т. IV, стр. 49).

Само собой разумеется, что в Академическом словаре почти совсем отсутствуют попытки очертить круг фразеологической сочетаемости связанного значения. Например, в слове *живость* выделяются два качествен-

ных значения (третье и четвертое): «точность, отчетливость, ясность» и «острота, сила, яркость». Мотивы и признаки разграничения этих значений непонятны, иллюстрации не выражают и не отражают этой дифференциации. Так, значение «точность» усматривается в такой фразе из «Анны Карениной» Льва Толстого: *Пописав несколько времени, Левин вдруг с необыкновенною живостью вспомнил Кити, ее отказ и последнюю встречу* (т. IV, стр. 120).

Одно из значений слова *значительный* безо всяких пояснений и ограничений приравнивается к значениям слова *выразительный*. Ср., например, у Льва Толстого в «Анне Карениной»: *Что вам, Агафья Михайловна? — спросила вдруг Кити остановившуюся с таинственным видом и значительным лицом Агафью Михайловну* (т. IV, стр. 1302). Понятно, что ясному и последовательному изложению связи и соотношения значений в семантической структуре слова мешает типичное для Академического словаря столкновение и беспринципное смешение нормативной и исторической точек зрения. В самом деле, Академический словарь ставит своей задачей — воспроизвести и отразить развитие словарного состава русского литературного языка с пушкинской эпохи вплоть до современности. В «Предисловии» к тому IV (стр. IV) говорится о неправомерности пресловутого «обратного хронологического порядка» в размещении значений и иллюстративного материала, заявляется о том, что «мнимое» осовременивание «словаря находится в прямом противоречии с самим ходом развития литературного языка», что «иллюстративный материал, начиная с четвертого тома, будет располагаться в нормальном хронологическом порядке, т. е. от Пушкина к писателям более поздней поры». На самом же деле в IV томе Академического словаря очень часто наблюдается искажение исторической перспективы в развитии значений слова, смешение старых значений с новыми. Например, в слове *закраина* вслед за основным значением «край, кромка» идет не непосредственно связанное с ним значение «лед, примерзший к берегу», а дальнейшее метонимическое расширение этого значения: «скопление талой воды между берегом и краем льда на реке, озере и т. п.; заберег». Любопытно, что среди иллюстраций помещена цитата из сочинений С. Т. Аксакова, в которой указывается ход развития значений у слова *закраина*: *Закраиною называется лед, примерзший к берегу, а не расселина между льдом и берегом* (т. IV, стр. 565).

В слове *закутить* не выделено устарелое, существовавшее до середины XIX в. значение: «начать вести беспорядочную, разгульную, бесшабашную жизнь». Между тем сюда относится пример из «Мертвых душ» Гоголя: *Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует*. Тут, конечно, речь идет не только о пьянстве (т. IV, стр. 596). Ср. у Пушкина в «Капитанской дочке»: *Закутим, запьем и ворота запрем*.

В описании значений слова *жертва* (т. IV, стр. 88—90) одно из основных (второе) значений характеризуется так: «Действие по 1-му знач. глаг. жертвовать». Между тем это значение глагола *жертвовать* («совершать жертвоприношения божеству») в самом словаре квалифицируется как устарелое (стр. 92). Оно иллюстрируется примерами из сочинений Батюшкова и Пушкина:

*Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани...*

(Батюшк. На развал. замка в Швеции)

*Мой друг Морфей, мой давний утешитель,
Тебя всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил.*

(Пушк. Сон).

Пример из лермонтовской «Думы», несмотря на наличие той же синтаксической конструкции, связан с несколько иным значением («приносить жертвы, дары, поступаться чем-нибудь»):

*И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви.*

Таким образом, определение значения *жертвы* (-жертвоприношение) через *жертвовать* для современного языка нецелесообразно и ошибочно (ср. такое же определение слова *жертвование*). *Жертва* и *жертвование* — не идентичны. Ср. у Гл. Успенского в «Отцах и детях»: *Жертвы эти шли каждый год, пока не настали новые времена, не дозволявшие никаких жертвоаний за отсутствием жертвуемого* (стр. 91).

В слове *жолнер* утверждается ударение последнего слога (*жолнёр*). Между тем само определение первого значения («польский ратник») и пример из «Дмитрия Самозванца» А. Н. Островского (*Случись еще подобная тревога, Я жолнерам стрелять велю*) показывают, что нормой для употребления слова *жолнер* (в первом значении) должна быть форма *жолнер*. Так называемое второе значение, связанное с формой *жолнёр*, является результатом контаминации со словом *жалонёр* (франц. *falopneur*) (т. IV, стр. 181). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с историческим взаимодействием разных, хотя и близких по звучанию слов, с взаимодействием, приведшим к своеобразной омонимии, а затем, по-видимому, и к частичному слиянию омонимов. В Академическом словаре антиисторизм в подходе к словарному материалу сказался в резком искажении семантической перспективы. Нельзя не отметить того же антиисторизма в семантической обработке слова *железка* (т. IV, стр. 57).

В этом слове признаются три значения: первое — «железная пластинка, железный стержень»; второе — «железная дорога» (простореч.) и третье — «азартная карточная игра» (устар.). Но совершенно ясно, что эти значения ни исторически, ни генетически не связаны одно с другим. *Железка* как название карточной игры возникает для перевода франц. *chemin de fer* — на основе ранее возникшего лексического эквивалента словосочетания *железная дорога*. Антиисторизм привел в данном случае составителей Академического словаря к смешению омонимов.

Таким образом, на качестве Академического словаря сильно сказывается антиисторизм, состоящий здесь то в априорном осмыслении старых или устаревших значений слова с точки зрения их возможного современного понимания, то в механическом объединении или разделении форм и слов — вне исторической перспективы их развития. Составление словаря современного русского языка очень затруднительно в таком отрыве от истории словарного состава русского языка, по крайней мере XIX и XX вв. А эта история еще не воспроизведена полностью и во всех своих закономерностях. Вот показательный пример. В новом Академическом словаре вслед за прежним, составлявшимся под редакцией акад. А. А. Шахматова⁶, обособлены в особое слово формы множественного числа *железы*

⁶ «Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук», т. II. СПб., 1907, стр. 317.

с устарелым значением «оковы, кандалы». Например, в стихотворении Огарева, посвященном Михайлову:

*Закован в железы с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль.*

Между тем связь этих форм со словом *железо* не только исторически бесспорна, но и непосредственно ощутима в силу общности образного применения и фразеологических связей. Например, *железо* в значении «железные доспехи война» сочетается с тем же глаголом *заковать*. У Жуковского в «Орлеанской девице»:

*Надеть должна ты латы боевые,
В железо грудь младую заковать*

(т. IV, стр. 60—61).

А у Л. Толстого в сказе «Бражье лепко, а божье крепко» встречается выражение *заковать в железо* в том же значении, как и *заковать в железы*: *Закуют его в железо или в темницу посадят.*

III

Среди основных вопросов теории лексикографии один из важнейших — вопрос о семантических границах слова, вопрос об омонимии. Проблема омонимии, как это легко увидеть из сопоставления разных толковых словарей русского языка, из сравнения их отношения к омонимам, из их колебаний в этом отношении — камень преткновения для наших лексикографов. В русской лексикографической практике разграничения омонимов нет последовательности, но нет также и глубоко осмысленных в лингвистическом плане противоречий. Тут царит случайность. Теоретические основы учения об омонимии пока еще не разработаны. Между тем в самом русском языке наблюдаются строгие закономерности соотношений у омонимов с производными основами, свойственные разным частям речи, и не менее строгие законы образования и структуры омонимов среди производных слов, относящихся к разным частям речи.

В Академическом словаре, между прочим и в IV его томе, с вопросом о разграничении и выделении омонимов дело обстоит неблагоприятно. Несомненно, что основными способами определения омонимов в лексикографической практике должны быть признаны три: историко-лексикологический (включая сюда и историко-этимологический), морфолого-словообразовательный и структурно-семантический (включая сюда и грамматический). С каждым из этих способов связаны своеобразные критерии узнавания омонимов и различения их структурных типов.

Историко-лексикологический принцип выделения омонимов опирается не только на исторические законы словообразования, присущие тому или иному языку, но и на данные истории, а иногда и этимологии соответствующих слов. Так, в Академическом словаре слово *законник* описывается следующим образом: «1. Хороший толкователь или исполнитель законов... Он у нас тут тоже за ученого сльвет... Законник... Он знает все русские законы (М. Горький. Вар. Олесова). 2. Старинное название собрания, свода законов...» (т. IV, стр. 547).

Совершенно ясно, что здесь неправильно объединены два разных слова, отличающиеся друг от друга не только способом словообразования

(законник в значении лица соотносительно с *законный*; ср. *пустынный*, *разбойник*, *частник* и т. п., а слово *законник* — свод законов соотносительно с *закон* в сочетании с собирательным значением суффикса *-ник*: *цветник*, *виноградник* и т. п.), но и своей историей, своим происхождением и употреблением. Эти два слова генетически не связаны, не ответвились одно от другого и принадлежат к разным лексико-семантическим категориям языка.

Еще пример. Слово *залетный* в Академическом словаре снабжается двумя значениями: «1. Прилетевший из другого места, обычно случайно или ненадолго. *Залетная певичка, птичка юга* (Лерм. Аул Бастунджи)... *залетная шальная пуля*... (Гарш. Трус); 2. *Простореч.* Лихой, удалой... *И птицей несется залетная тройка*... Никит. Ночлег извозч. Высокий. О голосе... *Попробовал голос Егоркин Сергей Иванович, говорит: — Голос у тебя залетный, ты мне пригодишься.* Невер. Шкрабы» (т. IV, стр. 610). Сразу видно, что одно значение не выводимо из другого. Оба они не связаны друг с другом соотношениями основного и производного, первичного и вторичного, переносного и т. п. Больше того: *залетный* в первом, относительном значении явно восходит к глагольной основе, к глаголу *залетать* (к глаголу *залетать* — *залететь* в значении «улетать высоко» восходит и *залетный голос*), второе — качественное — связано с своеобразным народным (областным) значением слов: *залет*, *налет*. Ср. *залет* — «хват, удалец... кутила, сорви-голова»⁷.

Морфолого-словообразовательный принцип узнавания и выделения омонимов состоит в определении тождества или резкого различия морфологической структуры слов, представляющих собою однозвучные фонетические единства. Например, в Академическом словаре глагол *зарябить* в переходном и непереходном значениях рассматривается как единое слово. В нем отмечаются два лексических значения: «1. *Перех.* Покрыть рябью, сделать рябым. *Тропки на базарной площади протоптали этот народ, лаптями своими широкими всю ее зарябили* (Левит. Накануне христ. дня)... *Дружный ветер пронесся откуда-то и ринулся на поле... Трепетные волны расплозились по полю и зарябили его* (Эртель. Зап. Степняка)... 2. *Неперех.* О появлении ряби, неровностей на поверхности. *Безл. Начал накрапывать дождик, и по озеру зарябило.* Леск. Овецбык». Сюда же: «Зарябит, зарябило в глазах...» (т. IV, стр. 868).

Между тем здесь, несомненно, два разных слова-омонима. Одно образовано от *рябой* (ср. *зазеленить*, *засинить*, *зачернить*; ср. также *загрязнить*, *затемнить* и др. под.). Приставка *за-* имеет в этом словообразовательном ряду значение усилительное. Другой глагол — *безличный* — соотноситель с существительным *рябь*, и приставка *за-* имеет здесь начинательное значение; ср. *рябит*. Ср. ту же картину и те же непоследовательности в описании значений глагола *засветить*.

Недостаточное внимание к морфолого-словообразовательным средствам распознавания и различения омонимов в русской лексикографической практике сказывается в том, что одни и те же словообразовательные типы то объединяются в системе одного слова, то распределяются по разным словам. Например, почти рядом стоящие, близкие по структуре слова *заслуживаться* и *заслушиваться* в Академическом словаре обработаны противоположными способами. В глаголе *заслуживаться* выделены два значения: «1. Слишком долго служить». Это значение иллюстрируется не-

⁷ «Словарь русского языка, сост. Вторым отд. имп. Акад. наук», т. II, стр. 1324.

уклюжим, самодельным «речением»: *Заслужился до глубокой старости.* «2. Страд. к заслуживать. *Уважение заслуживается достойными поступками*» (т. IV, стр. 907). По недосмотру или по ошибке не указано, что сов. вид *заслужиться* возможен лишь при значении «слишком долго служить». А ведь различия в видовой характеристике служат наглядным средством различения омонимов.

В странный противовес глаголу *заслуживаться* разграничиваются два омонима — *заслушиваться*. «1. Заслушиваться... *несов.* Слушаться. О докладах, постановлениях и т. п., оглашаемых на собраниях, заседаниях и т. п. *Дело в суде заслушивается вторично*. Ср. *заслушивать*. «2. Заслушиваться... *заслушаться... сов.* Увлекаться, слушая что-либо... *Когда Бакунин одушевлялся и говорил, я слушал, заслушивался и не мог не слушаться его, — говорил Щепкин* (Бел., Письмо М. А. Бакунину, 12—24 окт. 1838)» (т. IV, стр. 908).

Этот последний пример очень ясно и убедительно говорит о том, что *заслужиться* и *заслушаться* (с производными формами *несов.* вида) произведены от глаголов *служить* и *слушать* по одной и той же словообразовательной схеме *за-ся* (*заработаться, заговориться, зачитаться* и т. п.). Страдательные же формы *заслуживаться* и *заслушиваться* образуются от действительных форм глаголов *заслуживать* и *заслушивать*.

В глаголе *засаживать* — *засадить* явно смешаны два омонима разной словообразовательной структуры. Один с количественным значением приставки *за-* (*место, все засаженное березами; засадить аллею липами, вязами и тополями* и т. п.), другой — с значением фактitivным: *заставлять сесть, вонзаться* и т. п., соотносительный с глаголом *засесть* (т. IV, стр. 874—875).

Структурно-семантический принцип выделения и разграничения омонимов опирается на законы и правила связи и сочетания значений в разных структурно-семантических типах слов, свойственные тому или иному языку в известный период его развития. Так, анализ таких семантических однотипных рядов слов, как *гибель* (в значении «полное разрушение, уничтожение, крушение чего-либо; неестественная, преждевременная или насильственная смерть») и экспрессивно-количественное *гибель* (в значении «несметное множество»), *пропасть* (в значении «зияющая, разящая гибелью глубина, обрыв») и *пропасть* («очень много, бесчисленное множество»), *бездна* («пропасть, глубина, кажущаяся неизмеримой, не имеющей дна») и *бездна* («множество») ⁸ и т. п. показывает, что здесь уже произошло распадение на омонимы. Достаточно сравнить с семантическим существом этих явлений такие процессы переноса значений, еще не приведшие к омонимии, как *масса* (в значении «большое количество»), *гора* или *гóry* («гора дел», «горы золота»), простореч. *сила* и т. п.

Само собой разумеется, что структурно-семантический принцип разграничения омонимов должен учитывать и грамматические свойства слов. Еще в начале XIX в. И. Ф. Калайдович предлагал при составлении лексиконов обособлять одно от другого однозвучные слова, разошедшиеся по синтаксическим свойствам, по морфологической структуре и лексическим значениям, и рассматривать такие слова, как омонимы. Например, ставились отдельно три слова *заговорить*: «Заговорить — *начать говорить* — требует винительного вещи и не имеет страдат. причастия..; *заго-*

⁸ В Академическом словаре и *бездна*, и *гибель* представлены как единые целостные слова — без разделения на омонимы.

ворить — *разговором утомить* — требует винит. лица и род. с предл. *до* (*заговорил его до обмороку*); *заговорить* — *заморозить* — требует или вин. вещи и род. с предл. *от*, или вин. вида и употребляется в страд. части (заговорить ружье; заговорить кого от чего; ружье заговорено)⁹.

Структурно-семантический принцип выделения омонимов применим не только к знаменательным, но и к служебным словам. С точки зрения живых грамматических отношений и функций трудно рассматривать значения, присущие, например, предлогу *с* в сочетании с формами имени существительного в родительном падеже, предлогу *с* с творительным падежом и предлогу *с* с винительным как значения семантически близкие или соотносительные, внутренние связанные, т. е. как значения одного и того же слова (ср., например, *чай с сахаром*, *мальчик с пальчик*, *вид с горы*; *смотреть с интересом*; *смотреть с балкона* и т. п.). Есть известная соотносительность функций предлога *с* и соответствующей глагольной приставки (например: *сойтись с кем-нибудь* и *сойти с чего-нибудь*; *свести концы с концами* и *свести пятна с костюма* и т. д.). Но и в глагольных образованиях от одной и той же основы с приставкой *с-* видны ясные и закономерные линии раздела между омонимами, например: *стянуть* (войска) и *стянуть* (одеяло со спящего), *сбить* (масло) и *сбить* (с дороги), *свезти* (хлеб на сыпной пункт) и *свезти* (с горы) и т. д. Таким образом, есть все основания видеть в предлогах *с* с родительным, с творительным и с предложным падежами разные слова, омонимы. Очевидно, применение того же критерия к предлогу *о* с винительным и предложным падежами должно привести к тому же выводу о наличии двух предложных омонимов (ср. *споткнуться о камень* и *столкнуться о деле*).

Не менее отчетливы семантические границы между отдельными значениями и употреблениями предлога *по* с предложным, дательным и винительным падежами (например, *идти по лесу*, *ходить по театрам*, *хлопотать по хозяйству* и т. п., с одной стороны, *по окончании работы*, *по приезде с дачи* — с другой, и, наконец, *стоять по пояс в воде*, *сыт по горло*, *влюбиться по уши* и т. п.). Правда, в употреблении предлога *по* видны следы контаминации между некоторыми значениями, следы некоторой связи разнопадежных его функций. Например, *скупать по погибшем друге*, *скупать по детям*; *дать по пяти рублей* и *по два рубля* и т. д. Однако это не меняет существа дела.

В кругу других производных, «первообразных» предлогов тенденция к омонимическому разделению не доходит до такого результата или предела, как у *с*, *о* и *по*. По отношению к «первообразным» союзам некоторые исследователи русского языка, например акад. Л. В. Щерба, также ставили вопрос об омонимическом расхождении их значений. Так, Л. В. Щерба в своей известной работе «О частях речи в русском языке» рассматривал союз *и* в соединительном и объединительном значении и союз *и* в присоединительном значении как разные союзы, т. е. как омонимы. С гораздо большим правом тот же вопрос может быть поднят относительно союзов *что* и *как*. Можно ли усматривать в наречии *как* и в союзе *как* (а также в частице *как*) разные значения одного и того же слова (как это обычно делается в толковых словарях русского языка, например в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова) или следует признать их омонимами? Чаще всего признается, что наречие *как* является особым

⁹ См.: И. Калайдович. Опыт правил для составления русского производного словаря. «Труды Об-ва любителей рос. словесности», ч. V. М., 1824, стр. 366—367.

«словом. Но ведь значения и союза *как*, и частицы *как* окажутся очень далекими одно от другого (ср., например, *она как закричит* и *белый как снег*), и относительно них также может возникнуть сомнение, не произошло ли уже в литературном языке омонимическое обособление союза от частицы. В сущности, та же проблема сохраняет свою актуальность и свою силу относительно семантического разграничения союза *и* и частицы *и*. В употреблении самого союза *как* происходит резкое отделение его временных (а также условных) значений и функций от сравнительных и отождествительных. Этому отделению содействует также образование устойчивых синтаксико-фразеологических схем и оборотов, с которыми нередко сочетается употребление союза *как* во временных значениях (*прошел год как... не успел... как* и т. п.).

Таким образом, в современном русском языке выступают яркие признаки разделения на омонимы или выделения омонимов и среди союзов, переобремененных значениями, таких, как *и*, *а*, *как*, *что* (ср. союз *а* и частицу *а*; союз *что* в изъяснительном, причинном и сравнительном значениях). Само собой разумеется, что всестороннее освещение этой лексикографической проблемы возможно лишь на основе глубокого синтаксического изучения всех функций этих союзов (так же, как частиц или предлогов, подвергающихся омонимическому разделению) — в связи с анализом соответствующих конструкций. Не менее важным было бы и решение общей семантической проблемы о специфике значений и способов их связи в смысловой структуре служебных слов на материале русского языка.

IV

Для теории лексикографии важно не столько традиционное прямолинейное обособление лексикологии от грамматики, сколько изучение сложных и разнообразных типов взаимодействий лексических и грамматических значений. В системе форм изменяемого слова не все формы одинаково продуктивны и употребительны, а с другой стороны, далеко не всегда во всех формах слова наблюдается одно и то же соотношение и сочетание грамматического и лексического. Например, в глаголе *забаюкивать* переносное употребление иллюстрируется лишь формами причастий страдательного залога (у Фурманова в «Мятеже»: *Глухая, забаяканная, ленивая тишь*; у Серафимовича в рассказе «На реке»: *Дремотно, той особенной дремотой, в которой бодрствуют глаза и уши и дремлют спокойно забаяканные мысль и чувство*) (т. IV, стр. 218). Естественно возникает вопрос о тех семантических оттенках, которые присущи этому страдательному причастию, а также о степени употребительности других форм *забаюкать* — *забаюкивать* в переносном смысле.

Точно так же в статье о глаголе *забирать* — *забрать* (с очень неясным и немотивированным размещением значений) значение шестое (перех.) «загораживать, заделывать» иллюстрируется примерами, в которых употреблены формы страдательного причастия *забранный*: ... *в самом темном углу, забранном старыми досками* (Салт. Благонам. речи); ... *мимо низких, забранных решетками окон* (Федин, Перв. радости) (т. IV, стр. 229). Никакой стилистической пометы при этом значении нет. Частота употребления других форм глагола *забирать* — *забрать* в этом значении и сферы его применения (профессионального?) остаются необъясненными.

Проблема взаимодействия лексических и грамматических значений

связана с изучением функций разных падежных форм имен существительных, дополнительных лексических оттенков, в них развивающихся в тех или иных условиях, потенциальных ресурсов перехода слов из одной части речи в другую и — особенно — многообразия вариаций лексических значений у разных форм одного и того же глагола. Например, описание семантической структуры таких слов, как *год*, обязывает к изложению (даже за пределами устойчивых фразеологических оборотов) тех своеобразий значения и употребления, которые присущи формам множественного числа *годы*, *года* и *лет*, *годов* и *лет* и т. п. (т. III, стр. 200—206). Ср. функциональные отличия разных форм слов *волос*, *время*, *глаз*, *небо*, *дети* — *дети*, *ребенок* — *ребята* и т. д.¹⁰

В системе форм имен прилагательных для лексикографа особенный интерес представляют типы лексической и синтаксической дифференциации полных и кратких имен прилагательных (ср., например, *готовый* — *готов*, *должный* — *должен* и т. п.). Лексикографическая традиция в этом вопросе не выработала твердых норм и приемов семантического определения. В IV томе Академического словаря в слове *живой* выделено шестое значение: «Только в краткой форме. Существует, имеется. *И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит* (Пушк., Памятник). *Слег он в постель дня за три до смерти и, кажется, надеялся до тех пор, пока жива была в нем память* (Тург. Воспом. о Белинском). *У дружбы есть неписанный закон: живо доверие — жива дружба, рухнуло доверие — нет дружбы*. Линьков. Горьк. правда (стр. 111). Тут все непонятно: и приравнивание формы краткого прилагательного к форме 3-го лица глагола настоящего времени, и самый характер определения, и мотивы подбора столь разнородных иллюстраций.

Естественно, что особенно трудны и разнообразны вопросы лексикограмматических связей и взаимодействий в сфере глагола. Эти вопросы почти вовсе не изучены. В Академическом словаре не видно настойчивого стремления подойти к пониманию и уяснению этих вопросов. Можно предполагать, что составители и редактор предпочли отделаться ото всех затруднений, грозивших им на пути исследования соответствующих явлений, и избрали механические способы их воспроизведения. Например, при описании глагола *закатывать* — *закатить* оказалось, что некоторые из значений реализуются лишь в формах совершенного, другие — только в формах несовершенного вида. Но все это не нашло отражения ни в грамматических отметках, ни даже в характеристике значений. Так, второе значение глагола *закатывать* — *закатить* непереходное, разговорное, характеризуется следующим образом: «Уезжать куда-либо, обычно внезапно, неожиданно, стремительно». Все примеры связаны с формами совершенного вида: «*Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в кульерский поезд и закатим, только нас и видели* (Чех. Вишн. сад); *Бывало, нюхаешь, нюхаешь воздух, да ни с того ни с сего и закаташь из Ярославля в Одессу* (Куприн, На покое); — *Эх, отлично было бы закатить теперь в Шатрово, — говорила мой приятель* [Мам.-Сиб. В глуши (т. IV, стр. 501)]. Как это значение связано с предшествующим: «Толкая что-то круглое, помещать куда-либо» — остается неясным. У читателя может возникнуть законный вопрос, не имеем ли здесь дело с разными словами, с омонимией.

¹⁰ ВЯ, 1956, № 3, стр. 11 и сл.

Этот вопрос может встать в еще более остром виде, когда в составе четвертого (переходного) значения оказываются сваленными в одну кучу самые разнообразные и по форме, и по значению случаи (тут и «закатить салицилового натру», «закатить обед», «закатить истерику, скандал, выговор» и «закатить кнутовищем по лбу»).

Любопытно, что и при характеристике последнего, пятого значения: «действовать с увлечением, с азартом, бодро и т. п.» — не отмечено, что оно связано только с формами несовершенного вида *закатывать*. Ср. у Левитова в рассказе «Целовальничиха»: *Целовальник закатывал в присядку под звонкую песню знакомого-птицелова*. Ср. *задувать* в последнем, шестом значении: «действовать стремительно, азартно, усиленно и т. п.» (т. IV, стр. 430).

В глаголе *заключать*, статья о котором механически смешивает и сливает по крайней мере три омонима, разграничение значений также не сопровождается указаниями на различия в видовой структуре глагола и в функциях разных его форм. В этом слове третье значение описывается так: «иметь в своем составе; вмещать, содержать». Сюда же относится выражение *заключить в себе*. Все иллюстрации из произведений художественной литературы XIX и начала XX в. содержат формы несовершенного вида или формы причастий страдательного залога совершенного вида (*заключенный, заключен* в чем-нибудь). Примеры: *Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека 1819 года* (Пушк. Е. О., предисл. к отд. изд.); [Нина Ивановна] *заключалась спиритизмом, гомеопатией, много читала, любила поговорить о сомнениях, которым была подвержена, и все это, казалось Наде, заключало в себе глубокий, таинственный смысл* [Чех. Невеста (т. IV, стр. 528)]. Никаких грамматических разъяснений и ограничительных указаний нет.

Кроме невнимания к видовым формам глаголов и их лексическим функциям (ср. статьи о глаголах *задувать, заводить, заморить* и т. д.), следует отметить также механическое и противоречивое разграничение переходности и непереходности глаголов. При помощи общей ссылки на этот внешний признак составители и редактор освобождают себя от анализа всего разнообразия форм синтаксической сочетаемости и синтаксического управления, присущих тому или иному глаголу. Например, в глаголе *заслуживать* ссылка на переходность и непереходность исчерпывает весь анализ синтаксических различий между разными значениями этого слова (т. IV, стр. 907). Поэтому, например, совершенно исчезло противопоставление: *заслужить — заслуживать что и заслуживать чего*. Вместе с тем отсутствие семантического исследования разных видов и соотношений глагольной переходности и непереходности ведет к тому, что принципы объединения и разъединения глаголов по этому признаку остаются неясными, лишенными всякой последовательности, всякого единства. Так, переходный глагол *жировать* «пропитывать жиром» и непереходный *жировать* «кормиться гуляя, резвясь» (т. е. набираться жиру) рассматриваются как разные слова, как омонимы (т. IV, стр. 161). Между тем в глаголе *забурлить* по неизвестным мотивам переходное и непереходное значение слиты; тут разграничиваются два значения: «начать бурлить, шумно клокотать» и «заставить пениться; заволновать» (т. IV, стр. 261).

Еще более непонятны мотивы связи и объединения непереходного («начать бродить; заходить») и переходного («испачкать, истрепать низ платья при ходьбе») в одном глаголе *забродить*. Достаточно сопоставить

или поставить рядом два примера: *По небу забродили робкие тучки* (Эртель. Зап. Степняка); *Вот, как я, по милости вашей, платье-то себе испрепала*, — сказала бойко mademoiselle *Прыгина Павлу*, показывая ему на замороженный нил своего платья [Писем. Люди сорок. годов (т. IV, стр. 254—255)].

Словарные затруднения, относящиеся к формам страдательного залога, общеизвестны. Недостаток материалов и укоренившиеся представления о возможности образовать и употребить страдательную форму от любого действительного глагола приводят к тому, что ссылки на формы страдательного залога принимают принудительный и бессодержательный, а иногда и комический характер. Достаточно ограничиться несколькими примерами: *Заслюниваться*... Страд. к заслюнивать. *Передник заслюнивается ребенком*. Ср. под словом *заслюнивание*; *Заслюнивание ребенком нагрудника* (т. IV, стр. 909); *Засмаркиваться*... Подвергаться засмаркиванию. *Платок засмаркивается* (стр. 910); *Заслеживаться*... Подвергаться заслеживанию. *Пол заслеживается* (стр. 903); *Засиживаться*... Страд. к засиживать. *Зеркала засиживаются мухами* (стр. 895); *Заскабливаться*... Подвергаться заскабливанию. *Метка на доске заскабливается* (стр. 897); *Замызгиваться*... Подвергаться замызгиванию. *Фартук быстро замызгивается* (стр. 699) и т. п.

Проблема связи и взаимодействия грамматических и лексических значений приобретает своеобразные качественные особенности применительно к предлогам, союзам и частицам. Но этот вопрос требует специального обсуждения.

V

В Академическом словаре, задача которого — отразить словарный состав русского литературного языка в его развитии на протяжении XIX и первой половины XX в. вплоть до наших дней, должна быть тщательно продумана система стилистических помет. Ведь литературно-стилистические нормы в области лексики, а следовательно, и стилистические оценки и оттенки многих слов подверглись в послепушкинскую эпоху существенным изменениям. Стилистика современной литературной речи отражает также разнообразные сдвиги и семантические преобразования в лексике, происшедшие в советскую эпоху. Как выразить и воспроизвести весь этот сложный процесс в Академическом словаре? Составители совсем отказались от попытки хотя бы в малой мере считаться с историческими изменениями в стилистическом качестве слов, происшедшими в русском литературном языке со времени Пушкина. Вопрос о сочетании исторического принципа в отражении лексического движения русского литературного языка в XIX в. и в первой половине XX в. с нормативным принципом воспроизведения современной лексической системы оказался неразрешимым.

Для того чтобы найти удобный и легкий выход из затруднительного положения, были выдвинуты два компромиссных средства: 1) поменьше стилистических квалификаций и 2) поближе к стилистическому восприятию современности. Поэтому признано практичным (независимо от научных требований) освободить себя от стилистического анализа фразеологических оборотов, несмотря на то, что экспрессивно-стилистические оттенки многих из них явно связаны с ограниченной областью их употребления, с приуроченностью их к строго определенным разновидностям

литературной речи. В результате остаются стилистически не закрепленными, например, такие выражения как *взять за жабры* (стр. 8)¹¹, *прошу любить и жаловать* (стр. 21), *смех и жалость* (стр. 25), *поддать жару* (стр. 31), *гореть желанием* (стр. 52), *жеребьячья порода* (стр. 86), *класть (положить) живот (животы)* (стр. 121), *забить себе в голову, в башку что-либо* (стр. 224), *забубенная голова* (стр. 258), *заварить кашу* (стр. 276), *завилять хвостом* (стр. 299), *загнать копейку (деньгу и т. п.)* (стр. 361), *задавать, задать лататы (стрелка, бегуна, тягу и т. п.)* (стр. 393) и мн. др. под. Кроме того, даже применительно к лексико-стилистическим вариациям современной литературной речи, количество помет сокращено до предела. Применяются лишь пометы: *разг.* (разговорное слово), *простореч.* (просторечное слово, т. е. разговорное, но в придачу к этому «обладающее свойством грубовато понижать форму выражения»), *обл.* (областное слово), *устар.* (устарелое), *народно-поэт.*, *устар. быт.* («устарелое для современного быта или иного занятия, обычая и т. п.»), как, например: *заговенье, заговаривать, зашептывать болезнь, знахарь и т. п.*, *спец.* (специальное слово, относящееся к профессиональной или научно-технической терминологии).

Вместе с тем принято несколько экспрессивных квалификаций: *шутл.* (шутливо), *ирон.* (иронически) и *бранн.* Этих помет оказывается очень недостаточно для определения круга употребления слова. Поэтому составители Академического словаря предпочитают вообще очень экономно пользоваться стилистическими пометами и как можно реже применять их (см. предисл., стр. IV). Например, слова *засельник* и *засельщик*, определяемые через посредство *заселенец*, оставлены без всякой стилистической оценки. Только само слово *заселенец* признано устарелым (стр. 890—891). Точно так же стилистически не разграничены и оставлены без всяких помет *женолюб* и *женолюбец* (стр. 78); *жестокосердый* и *жестокосердный* (стр. 98; ср. *жестокосердие*); *жердинник* и *жердняк* (стр. 83); *золотоискательный* (*золотоискательные партии*) и *золотоискательский* (*золотоискательский опыт*), которые почему-то отождествлены (стр. 1317) и мн. др. Нет никаких стилистических указаний при словах: *желание* (стр. 14), *жерлица* (стр. 87), *жертвоприносительный* (стр. 92), *золотокудрый* (стр. 1323), *золотоглавый* (стр. 1317), *жухлый, жухнуть* (стр. 196—197), *закальщик* (стр. 493), *займовый* (стр. 482), *закичиться* (стр. 512), *законоведение* (стр. 549), *законоположение* (стр. 553), *закупорщик* (стр. 589), *замерзаемость* (стр. 652), *затворник* (стр. 967—968), *зияние* (стр. 1231—1232), *зимостойкий* (стр. 1230) и мн. др. Любопытно, что такие книжные слова, как *зодчий* (стр. 1310), *зерцало* (устар., стр. 1221), *земноводный* (стр. 1208) и т. п., рассматриваются как слова нейтрального стиля, без всякой попытки дать им стилистическую характеристику.

В тех случаях, когда словам даны стилистические оценки, не всегда учтены связи и соотношения с близкими словами, не всегда определено место слова в кругу стилистически однородных или соотносительных лексических рядов. Например, слово *жалованный* характеризуется как устарелое (ср. *жалованная грамота*). Но в этом слове выделяется, по-видимому, неправильное второе значение («то же, что награжденный»). Оно иллюстрируется примером из речи Устиньи Наумовны, персонажа комедии А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся»: *Подавай ты ей беспременно*

¹¹ Здесь и дальше указаны страницы IV тома Академического словаря.

купца, да чтоб был жалованный, да лошадей бы хороших держал (стр. 20). Совершенно ясно, что если такое значение существовало, то для его стилистической квалификации недостаточно ссылки на устарелость — необходима еще социальная характеристика.

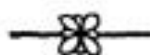
Слово *заблудший* как в прямом конкретном, так и переносном значении признается разговорным. При этом переносное значение его «сбившийся с правильного пути в жизни, беспутный» почему-то в отличие от прямого, основного объявляется устарелым. Ср., например, из статьи А. И. Куприна «Памяти Чехова»: *Были и такие, которые посещали его с единственной целью «направить этот большой, но заблудший талант в надлежащую, идейную сторону»* (стр. 236—237). Рядом помещаются два соотносительных слова: *заблудущий* и *заблудящий*. Оба квалифицируются как просторечные в равной мере, хотя *заблудущий* иллюстрируется только цитатой из речи Митрича («Власть тьмы» Л. Толстого): *... я самый последний человек, сирота я, заблудущий я, а заблудящий* — примерами из сочинений Салтыкова-Щедрина и Мамина-Сибиряка. Было бы правильнее слово *заблудящий* отнести к разговорно-фамильярной речи. Любопытно, что в Академическом словаре разговорными считаются такие слова, как *жулябля* (стр. 189), *журьба* (стр. 194), *жадина* (так же, как и *жаднеть*) и др. под.

Таким образом, границы между основными и почти единственными (кроме указаний на областные и устарелые слова) стилистическими категориями, признаваемыми Академическим словарем, проведены непоследовательно и неясно.

*

Итак, необходима углубленная разработка основных вопросов теории лексикографии на конкретном материале разных языков. Проблема омонимии, проблема фразеологических сочетаний слов, проблема структурных типов и разновидностей значений слова, система словообразования в ее внутренних связях, в соотношениях и взаимодействиях относящихся сюда категорий, ясное представление о всей разветвленной сети связей и соотношений грамматических форм и дополнительных лексических значений — вот тот круг первоначальных и первоочередных задач, исследование которых поможет улучшить качество наших толковых словарей русского языка.

ЧТЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ТЕКСТА И ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛАМБУРЫ

I

В советской филологии оживился интерес к проблемам перевода текстов древнерусской письменности и литературы на современный русский язык. Однако принципы этих переводов и их специфические особенности в ряду других типов и видов переводческой деятельности до сих пор еще мало осмыслены и слабо дифференцированы. Б. А. Романов, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, Ю. С. Сорокин, Т. А. Иванова, Я. С. Лурье, Н. В. Водовозов, О. А. Державина и другие исследователи энергично и плодотворно занимались переводом памятников древнерусской письменности на современный русский литературный язык¹.

Перед нами, конечно, возникал и в значительной степени прояснялся вопрос о количестве и качестве общих речевых черт и структурных явлений в древнерусском и современном русском языке. Однако обобщенного очерка наблюдений над соотношением систем древнерусского и современного русского языка пока нет. Нет у нас и полного словаря древнерусского языка (кроме «Материалов» И. И. Срезневского). Вследствие этого на основе априорных и часто конкретно-исторически не обоснованных соображений, а также схоластического понимания соотношения синхронии и диахронии в языке безапелляционно высказывалась точка зрения, согласно которой древнерусский язык считался другим языком по сравнению с современным русским. Отсюда как будто следовало, что техника и общая теория перевода с древнерусского языка на современный почти ничем не отличается от перевода с других языков. Эта

¹ Вот несколько переводов древнерусских памятников на современный русский язык: *Никитин Афанасий*. Хождение за три моря. М., 1950 (подготовка текста, переложение ритмической речью, предисловие и комментарии Н. Водовозова); «Повесть временных лет», ч. I. Текст и перевод, подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, ч. II. Приложения, статья и комментарии Д. С. Лихачева, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950; «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (здесь же переводы «Слова»: Д. С. Лихачева, И. А. Новикова и др.); «Временник Ивана Тимофеева». Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951; «Послания Ивана Грозного». Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и комментарии Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951. — Указания на переводы «Слова о полку Игореве» как поэтические, так и прозаические здесь не приводятся в полном своем списке, так как в них ощутима сильная примесь субъективных толкований текста. Проблема происхождения и сложения этого загадочного памятника, возникновение которого датируется периодом XII—XV вв., а текст включает в себя элементы и позднейших наслоений (до конца XVIII в.), естественно, здесь оставляется в стороне. Подробные библиографические указания см. в кн.: «Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг.». М.—Л., 1956.

точка зрения односторонняя и в основном ошибочная. Она влечет за собой новый, явно парадоксальный вопрос: когда же, при каких условиях произошел разрыв или распад тождества древнерусского языка с современным, почему, в каких отношениях они стали разными или чужими языками и в чем конкретно-исторически выразился этот процесс? Или иначе: когда и при каких условиях из древнерусского языка вырос современный русский язык и как происходил этот процесс трансформации одного языка в другой?

Эта совокупность вопросов с неизбежностью вставала перед составителями недавно появившегося выпуска «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.»². В нем нет единства понимания отношений древнерусского языка к современному русскому литературному. С одной стороны, заявляется, что компоненты древнерусского словаря и словаря современного «в принципе относятся к одному языку в разные эпохи его развития» (стр. 18. Разрядка здесь и далее моя. — В. В.). К этому заявлению есть странное примечание: «Конечно, следует иметь в виду вкрапления церковнославянских «кусков»... При составлении словаря древнерусского языка эти вкрапления не выделяются: в качестве источников отбираются памятники и произведения, а не отдельные разнородные по языку их элементы и тем более не слова». Здесь все темно, неопределенно и неисторично. Проблема соотношения и взаимодействия старославянского (или древнеславянского) языка и его лексики с восточнославянскими языковыми явлениями — одна из центральных в истории русского письменно-литературного языка древнейшей эпохи. Между тем предлагается отказаться от исторической точки зрения при составлении древнерусского словаря и стать на позицию синхронную (как будто эта позиция непосредственно представлена всем, даже тому, кто не знает древнерусского языка и очень мало начитан в древнерусской литературе и письменности). «В плане же синхроническом, т. е. если отрешиться от фактора времени и не учитывать, что факты древнерусского языка и факты современного русского языка относятся к разным эпохам, вне сомнения, те и другие по своему строю и словарному составу представляют собой разные системы, разные языки» (стр. 17—18). «Известно, что слова разных языков (а древнерусский язык XI—XV вв. и современный русский мы в данном случае принимаем за разные языки) почти никогда не обладают тождественным объемом значений, отличаются по своему употреблению как сами по себе, так и в составе разного рода фразеологических оборотов» (стр. 19).

Очень показательна и такое заявление предисловия: «Словарь древнерусского языка охватывает хотя и очень большое, но все же ограниченное количество источников. Специфика источников словаря древнерусского языка заключается в том, что многие из них непосредственно мало доступны для понимания (во всяком случае неспециалистам-филологам), так как «мертвый» древнерусский язык и современный русский язык по существу представляют собой разные языки» (стр. 23). Иногда вместо выражения «чужой язык» появляется модально окрашенное словосочетание «как бы чужой язык» (стр. 24).

Очень противоречивы и суждения о «слове в его отношении к системе языка в словаре древнерусского языка». С одной стороны, выра-

² «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи». М., 1966 (далее указания на стр. словаря даются в тексте).

жается сомнение, что тот или иной словарь может «представить словарный состав языка как систему». В особенности это относится к словарю древнерусского языка, «охватывающему материал нескольких веков». Тут же сообщается, что этот словарь опирается на памятники, очень различные по характеру языка (от записей и грамот частного характера до церковных произведений — агиографических, проповеднических, церковно-юридических), где своего рода полюсы образуют, с одной стороны, тексты, писанные на языке, близком к живой речи древней Руси, с другой — на церковнославянском языке древнерусского извода, т. е. на двух разных, хотя и близких по строю языках» (стр. 27).

Итак, перед нами словарь трех разных языков, при этом два из них — древнерусский и современный русский — даются как бы в дифференциальном сопоставлении их лексики, т. е. в плане перевода с одного языка на другой. Что же касается третьего древнерусского письменного языка — церковнославянского языка древнерусского «извода» или древнерусской «редакции», то части его словаря воспроизводятся в разбираемом проекте древнерусского словаря в непонятном смещении и хаотическом дроблении. Остается темным вопрос о том, что составители древнерусского словаря XI—XIV вв. понимают под «церковнославянским языком древнерусского извода» и где ищут его границы³. Ведь уже в описании «источников словаря» заявляется, что в круг источников его включены, между прочим, «агиографическая литература (жития, сказания, чудеса, прологи, чтения и службы святым в минеях, молитвы), церковно-проповедническая литература (поучения, послания, слова), церковно-юридическая литература (например, ряд материалов из кормчих, Пандектов Никона Черногорца, Устава Студийского) и т. д.» (стр. 15).

Иначе говоря, предполагаемый «Словарь древнерусского языка» должен широко охватить памятники церковнославянского типа древнерусского языка. Поэтому оказывается с историко-лингвистической точки зрения, с точки зрения истории древнерусского литературного языка, древнерусской литературы, истории древнерусского просвещения, древнерусской культуры в целом совершенно необоснованным исключение из древнерусского словаря лексики церковно-канонической литературы (евангелия, апостола, псалтыри, книг Ветхого завета), тем более что лексика таких церковно-богослужебных произведений, как «чтения и службы святым в минеях, молитвы» и т. п., как церковно-проповеднические памятники, органически связанные с текстами «церковно-канонической литературы», находит себе место в подготовляемом словаре.

II

Прежде всего необходимо остановиться на гипотезе, согласно которой факты древнерусского языка XI—XIV вв. и факты современного русского языка «по своему строю и словарному составу представляют собой разные системы, разные языки» (стр. 19). Показательно уже то, что

³ Ср. хотя бы сводку взглядов на соотношение и взаимодействие церковнославянского и народного восточнославянского языка в кн.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958.

гораздо больше половины помещенных в этом проспекте древнерусских слов и их значений находит себе близкие соответствия в современном русском языке. Кроме того, множество древнерусских слов может быть легко осмыслено в аспекте лексической системы современного русского литературного языка. Противопоставление принципов описания лексики «извне» (древнерусской) и «изнутри» (современной) легко парализуется ссылкой на семнадцатитомный академический «Словарь современного русского литературного языка». Так как этот академический словарь охватывает русскую литературную лексику и процессы ее развития почти за двести лет, то, очевидно, составителям этого словаря и его редакторам — каждому нужно было прожить Мафусаиловы веки, чтобы применять приемы описания подбираемого словарного состава «изнутри». Можно вспомнить, что эта проблема уже давно нашла более глубокое и разностороннее рассмотрение, а отчасти и решение в работе Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931).

Вот почему Р. А. Будагов прямо заявляет, что отнесение древнерусского языка XI—XIV вв. и современного русского языка к «разным языкам» должно быть признано неправильным, оно приводит к «антиисторической концепции»⁴. Правда, Р. А. Будагов пишет о некоторых колебаниях составителей «пробного выпуска»: «то системы одного и того же языка в разные эпохи признаются системами разных языков (стр. 19), то древнерусский язык по отношению к современному представляется «как бы чужим языком» (со смягчающим «как бы», стр. 24), то, наконец, утверждается, что «исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом» (стр. 22)»⁵. Но эту последнюю цитату легко отвести, так как «Древнерусский словарь XI—XIV вв.» имеет мало общего с историческим словарем русского языка. Ведь сами составители древнерусского словаря так пишут об этом: «Создание исторического словаря современного русского языка является одной из более отдаленных задач русской исторической лексикографии. Ему должен предшествовать ряд других лексикографических работ. Словарь древнерусского языка вместе со словарями других восточнославянских языков древних эпох, а также со словарями диалектными и словаря литературного языка и должен подготовить условия, в которых возможно было бы в дальнейшем составление полного, основанного на большом материале исторического словаря современного русского языка» (стр. 22). Поэтому сохраняет всю свою силу основное заключение Р. А. Будагова: научно правильно понимаемая «антиномия синхронии и диахронии при всем ее значении не может и не должна привести к тому, чтобы разные состояния одного и того же языка рассматривались как состояния разных языков. Словарь древнерусского языка есть часть словаря русского или, точнее, восточнославянского (до эпохи разделения русского, украинского и белорусского языков), а не какого-либо другого языка»⁶.

⁴ Р. А. Будагов. Два замечания на проект «Древнерусского словаря». — «Вестник МГУ», серия X. Филология, 1967, 3, стр. 74.

⁵ Там же.

⁶ Р. А. Будагов. Указ. соч., стр. 75.

III

Естественно, что ясное понимание состава, объема и принципов составления словаря древнерусского языка, а также отношений его к словарям русского литературного языка национальной эпохи во многом зависит от взглядов исследователей на закономерности образования и развития древнерусского литературного языка. А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов, Л. В. Щерба, Н. Н. Дурново и многие другие русские филологи считали, что современный русский литературный язык «содержит в себе еще и теперь наполовину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи» (Шахматов), что «словарный состав и словообразование» современного русского литературного языка «наполовину церковнославянские» (Дурново), что «не только современный русский литературный язык, но и язык великорусской (а до недавнего времени и украинской и белорусской) интеллигенции кишит веками усвоенными и совершенно незаметными для большинства церковнославянизмами» (Ляпунов). Л. В. Щерба в своих устных беседах высказывал мысль, что если опираться на историческую семантику, то церковнославянскими или древнеславянскими должны быть признаны больше чем пятьдесят процентов слов и выражений современного русского литературного языка⁷. Близкие этим лингвистам взгляды на значение церковнославянской или древнеславянской лексической струи в истории русского литературного языка развивались А. И. Соболевским, Л. А. Булаховским, С. К. Буличем, Б. Г. Унбегауном и многими другими славистами. Примыкали к этой точке зрения В. М. Истрин, М. Н. Сперанский, Е. Ф. Карский, Б. А. Ларин и др., хотя и стремились к более широкой постановке вопроса о сильной и разносторонней стихии живой восточнославянской народной речи в структуре русского письменно-литературного языка старшей поры. Правда, соотношение и взаимодействие русского и церковнославянского языка в истории русского литературного языка до конца XVII в. до сих пор еще остаются не вполне (или даже — очень мало) разъясненными (в деталях). Необходимо отметить возрожденную трудами Р. Пиккио и Н. И. Толстого точку зрения на церковнославянский язык как на общий, международный литературный язык южного и восточного славянства до XVIII в. и на специфические особенности его развития.

Таким образом, вопрос о церковнославянском (или древнеславянском) языке и его роли в истории отдельных литературных языков южных и восточных славян вырастает в особую чрезвычайно важную задачу сравнительно-исторического и типологического изучения культурно-исторического, а также литературно-языкового развития славянского мира.

Среди тех историко-лингвистических концепций, которые были направлены в сторону ограничительного толкования состава и функций церковнославянского языка в структуре и истории русского литературного языка, следует упомянуть теории М. Н. Петерсона, С. П. Обнорского и Л. П. Якубинского. М. Н. Петерсон на основе статистического анализа случайно подобранного и очень небольшого материала современного русского языка (500 слов, взятых по 100 из разных мест произведений Пушкина) пришел к выводу, что старославянизмов или церковнославянизмов в современном русском языке не больше 8,5 про-

⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 3—8.

цента⁸. С. П. Обнорский, как известно, стремился доказать, что роль старославянизмов в формировании древнерусского литературного языка была очень ограничена и что русский литературный язык старшего периода был чисто русским языком во всех элементах своей структуры⁹. От этой точки зрения быстро отошли даже самые рьяные ее защитники, например Д. С. Лихачев.

С несколько более сложной, однако по основному замыслу близкой к взглядам С. П. Обнорского концепцией развития древнерусского литературного языка выступил Л. П. Якубинский¹⁰. Он утверждал, что старославянский язык сыграл определяющую роль в самые первые моменты формирования древнерусского письменно-литературного языка, но уже в XI в. в нем возобладала живая восточнославянская устно-речевая стихия. Отсюда у Л. П. Якубинского укрепляется тенденция к изучению стилистических взаимоотношений и взаимодействий русизмов и славянизмов в памятниках древнерусской литературной речи XI—XIII вв.

«Словарь древнерусского языка» мог бы послужить существенным вспомогательным материалом для более глубокого, детального конкретно-исторического изучения соотношений и взаимодействий старославянской и народной восточнославянской лексики в составе древнерусского литературного языка. Но эта задача, видимо, не входит в замысел напечатанного проекта древнерусского словаря. Между тем только правильная и целесообразная постановка вопроса о составе, целях и методах этого словаря помогла бы ответить на вопрос о количественных и качественных соотношениях систем древнерусского и современного русского языка. Этот вопрос и раньше интересовал как лингвистов-русистов, так и историков древнерусской литературы.

IV

Л. В. Щерба в своих статьях по современному русскому языку развивал мысль, что грань между старым (или древним) и современным русским языком лежит где-то на рубеже XVIII и XIX вв. и что творчество Пушкина окончательно определило и закрепило структуру нового русского литературного языка¹¹. Эти ценные соображения, в сущности, относятся к теории процесса складывания новых форм русского национального литературного языка.

Л. В. Щерба подходил к вопросу о грани между древним и новым русским языком с точки зрения актуальности и живых функций старой «языковой сокровищницы» в современной речевой жизни, особенно в «искусстве слова». «Литературный язык тем совершенней, чем богаче и шире его сокровищница». «Не менее очевидно и то, что тем богаче будет эта сокровищница, чем однороднее будет ее материал, т. е. говоря попросту, чем понятнее будут нам все литературные произведения, в нее входящие. Всякий резкий разрыв в ее составе уменьшает ее ценность: произведения,

⁸ См.: М. Н. Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941, стр. 21 и сл.

⁹ См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

¹⁰ См.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.

¹¹ Л. В. Щерба. Литературный язык и пути его развития. — В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

в которых мы чувствуем, что «так не говорят», а тем более, что «это и вовсе непонятно», выпадают из нашей сокровищницы». Далее Л. В. Щерба дает сопоставительную оценку процессов развития французского и русского литературных языков, их отношений к фактам донационального речевого развития:

«С этой точки зрения любопытно отметить, что французская революция XVIII в. хотя и внесла в язык XIX в. очень много нового, однако не создала непроходимой грани между произведениями XVII и XVIII вв., с одной стороны, и произведениями XIX и XX вв., с другой, в смысле их понятности.

И сейчас еще французская молодежь воспитывается на классической литературе, на Мольере, Расине, Лафонтене и других великих писателях XVII в. Я не говорю уже о писателях XVIII в., Руссо, Вольтере, Бомарше и других, которых читаем и мы и которые занимают почетное место во французской языковой сокровищнице»¹².

Несколько иная картина, по мнению Л. В. Щербы, предстает перед нами, когда мы обращаемся к истории русского литературного языка.

«Наша актуальная литература начинается лишь с XIX в., но мы читаем и кое-что из XVIII в. и безусловно в какой-либо мере приобретаем к народному творчеству в виде былин, сказок, песен и т. п. Однако мы должны помнить, что еще в XVIII в. жива была сокровищница нашей древней литературы, накопление которой началось еще в IX в. и которая наполнена всем тем, что имела греческая литература и культура того времени. Мы утратили эту сокровищницу в том смысле, что перестали читать нашу древнюю литературу, — и это более чем естественно. Однако наша современная сокровищница успела вобрать в себя из старой все ценное, и хотя сама она и начинается только с XIX в., но начинается не с нуля, как в этом легко убедиться хотя бы на Пушкине»¹³.

Несмотря на несомненное значение этих высказываний для понимания процесса складывания национальных языковых норм, все это еще мало уясняет вопрос о степени и характере удобопонятности древнерусских текстов в аспекте системы нового русского национально-литературного языка. Можно в связи с этим вспомнить высказывание того же Л. В. Щербы, что древнеславянизмы занимают более 50 процентов в системе элементов современного русского литературного языка. Однако уже из этих соображений можно заключить, что в применении к древнерусскому языку сопоставительно с современным понятие «другой, иной» имеет очень условный смысл. Этот вопрос даже в отношении лексики не может решаться так элементарно. Ведь в эпоху национального развития русского литературного языка в нем коренным образом изменялось соотношение между книжно-славянской стихией и живой народной речью с ее диалектными ответвлениями. Любопытно, что еще в «Статире», сборнике поучений (около 1683—1684 г.), неизвестный автор писал о древнем славянском переводе творений Златоустовых («Беседа божественного Златоуста на Евангелия, Павловы Послания и на Деяния св. апостолов»): «Не только миряне, но и некоторые из священников говорят, что переводы творений Златоустовых писаны на иностранном языке»¹⁴.

¹² Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 134—135.

¹³ Л. В. Щерба. Указ. соч.

¹⁴ А. С. Архангельский. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV—XVII вв.). Казань, 1913, стр. 130.

Необходимо тщательно разобраться в вопросе о том, что представлял собою древнерусский язык в разные периоды своей истории, о каких его разновидностях можно говорить с полной уверенностью для древнейшего периода его развития, какие уровни его системы оказываются наиболее далекими от современного состояния. Обычно считают, что со второй половины XVII в. начинается новый период в истории русского литературного языка, который, конечно, не оторван от предшествующего его развития.

Что такое знание древнерусского языка? Морфологические схемы эволюции древнерусских именных, местоименных и глагольных парадигм, общий каркас характерных синтаксических конструкций — форм сочетаемости слов и типов образования предложений в их историческом движении нам более или менее известны. Однако это еще не дает полного знания языка. Далеко не все функции и элементы и форм грамматического строя для нас с полной наглядностью очевидны в древнерусском языке, как, впрочем, в значительной части и в современном. Еще хуже обстоит дело с изложением и объяснением лексико-фразеологической системы языка. И тут очень много общего между лексикографической работой над словарем древнерусского языка и словарем современного русского языка. Но главное: древнерусские тексты возникают и строятся на семантической и образно-идеологической базе, типичной для духовной культуры средневековья. Все это — органические и типологические проблемы общей истории литературных языков с давней письменностью.

V

Язык и литература неразрывны. Составление словаря древнерусского языка невозможно без знания древнерусской литературы и без глубокой и всесторонней начитанности в ее памятниках. Поэтому целесообразно прислушаться к голосам историков древнерусской литературы о специфических особенностях ее структуры, о закономерностях развития ее жанров и стилистических систем, а также о путях и направлениях ее исторического движения.

Прежде всего следует обратить внимание на мысль о том, что древнерусская литература насквозь пронизана богословием. Об этом так говорил Д. С. Лихачев: «...можно утверждать, что литература стремится приложить определенные богословские представления к действительности; она превращает реальность в идеологическую схему. Средневековому автору кажется, что вся истина уже познана в богословии. Его задача в том, чтобы находить осуществление богословских положений в окружающей его действительности, познавать частности, применяя к ним общие представления средневековья, средневековую символику и средневековую христианскую мораль... Отсюда бесконечное и однообразное морализирование... Отсюда проповедь — основной, наиболее распространенный жанр эпохи феодализма. Элементы проповедничества, морализирующего, ораторского-дидактического отношения к миру наполняют собой жития, летописи, хронографы, различные сказания, подчиняют себе большинство жанров литературы. Основные жанры средневековой русской литературы включают в себя элементы ораторства... Выразительные средства основываются по преимуществу не на сходстве, а на богословской символике;

метафора-символ преобладает над метафорой в собственном смысле этого слова»¹⁵.

Эти соображения подчеркивают огромную организующую роль церковнославянского, или книжно-славянского, языка.

В суждениях Д. С. Лихачева об исключительном господстве «богословской» направленности в семантике древнерусской литературы есть преувеличения. На это указывали И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц и некоторые молодые историки древнерусской литературы; это признал позднее и сам Д. С. Лихачев. Но общий вывод Д. С. Лихачева сохраняет некоторую силу. Слова и выражения древнерусской письменности, особенно те, которые относятся к стилям церковно-книжной сферы, соотносительны и взаимосвязаны. Их определения и толкования предполагают глубокое проникновение в тексты древнерусских литературных произведений и в их идейное содержание. Принцип толкования вырванных из контекста примеров (словарных «карточек»), произвольных объяснений «извне» с этой точки зрения никак не может быть оправдан.

Так как словарь, составляемый к памятникам письменности, и сама эта письменность неразделимы (так же, как язык и литература), то для составителей древнерусского словаря не могут быть безразличными те поиски и споры, которые ведутся в настоящее время историками древнерусской литературы, стремящимися точнее определить ее структуру, ее жанры и типы, связи, противопоставления и взаимодействия ее отдельных частей и элементов. Тут необходимо прежде всего остановиться на проблеме художественного значения древнерусской прозы¹⁶. Эта проблема, проблема древнерусской беллетристики, была выдвинута еще А. Н. Пыпиным в середине XIX в. Правда, в своей «Истории русской литературы» он отмечал: у нас «весь склад старой письменности был таков, что в усиленном распространении церковного стиля свободная поэтическая деятельность не получила прав гражданства»¹⁷.

О «дидактизме» древнерусской литературы, которая в силу своего православно-славянского своеобразия лишена была «свободно создаваемых образцов, рожденных поэтической фантазией», и тем выделялась из общей литературно-стилевой культуры европейского средневековья, говорят и современные иностранные специалисты по древнерусской литературе и древнерусскому литературному языку, например Р. Ягодич¹⁸ и Р. Пиккио¹⁹. В соответствии с такими теориями церковнославянский язык в древней Руси выступал как своеобразная типическая разновидность общего языка «православной славянской культуры средневековья», языка литературы и культуры восточных и южных славян.

В советской науке о древнерусской литературе и древнерусском языке выдвигался и с разных точек зрения укреплялся тезис о жанровом много-

¹⁵ Д. С. Лихачев. Движение русской литературы XI—XVII веков к реалистическому изображению действительности. М., 1956, стр. 6; *Он же*. Средневековый символизм в стилистических системах древней Руси и пути его преодоления. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей». М., 1956.

¹⁶ См.: Я. Лурье. О художественном значении древнерусской прозы. «Русская литература», 1964, № 2.

¹⁷ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. СПб., 1911, стр. 486.

¹⁸ R. Jagoditsch. Zum Begriff der «Gattungen» in der altrussischen Literatur. «Wiener Slavistisches Jahrbuch», VI, 1957—1958; ср.: Р. Ягодич. К понятию «литературных родов» в древнерусской литературе. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», I. М., 1962.

¹⁹ R. Picchio. Storia della letteratura russa antica, Milano, 1959, стр. 323.

образии древнерусского литературного творчества, о наличии в нем своеобразного художественного метода, о возможности и необходимости установить границы «художественного» и «нехудожественного» в письменности XI—XVII вв., о сложной стилистической дифференциации древнерусского письменного языка и т. п. Правда, споры и по этим вопросам нередко запутывались в дебрях дискуссий о «реализме» в древнерусской литературе, о «реалистических элементах» или «элементах реалистичности», о «реалистических тенденциях» в ней²⁰.

Независимо от хода этих дискуссий и их результатов, необходимо признать, что при их посредстве яснее стало многообразие форм речевого выражения в древнерусской письменности, сложное и иногда глубоко-внутреннее и эстетически обоснованное переплетение и взаимодействие элементов старославянской (или древнеславянской) книжности, форм и формул делового, практического назначения и элементов обиходно-бытовой народной речи. Так, И. П. Еремин доказывал, что воспроизведение «единичных фактов действительности» имело в древнерусской литературе «деловое», практическое назначение и воплощалось в соответствующие формы народно-бытового или документально-делового речевого обихода, а «на широкие просторы искусства», относящиеся к теории и истории книжно-славянской словесности, художник выходил лишь тогда, когда рисовал «не действительность, а порожденные ею идеалы»²¹. Между тем В. П. Адрианова-Перетц (по летописям и житийной литературе), а вслед за ней и Д. С. Лихачев находили и приводили примеры «сознательного, целеустремленного творчества» древнерусских авторов, стремившихся «создать иллюзию действительности», передававших речи своих героев, которые «либо услышаны, либо могли бы быть услышаны в жизни»²². Вместе с тем углубляется мысль о необходимости тщательнее изучать динамику исторического движения древнерусской литературы, ее стилей, ее языка. Так, Д. С. Лихачев в своем исследовании «Человек в литературе древней Руси»²³ говорит о ряде стилистических систем, сменявших друг друга в литературе XI—XVII вв. Вообще у советских филологов крепнет убеждение в «органической связи древнейших памятников русской художественной прозы с литературой XVII в., а через нее и с литературой нового времени»²⁴. Отсюда — такие вопросы и убедительные ответы на них: «Сохраняют ли памятники древнерусской прозы значение художественных произведений для нашего времени? Можем ли мы понять и ощутить их эстетику? Чтение древнерусских памятников, несомненно, во многом затруднительно для современного читателя; они не всегда понятны ему по языку, чужды по реалиям. Но так же обстоит дело и с любыми древними памятниками... Определенное усилие нужно современ-

²⁰ В. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XV вв.). «Труды Отдела древнерусской литературы [Ин-та русской лит-ры АН СССР (Пушкинский Дом)]», XVI. М.—Л., 1960; Д. С. Лихачев. У предистоков реализма русской литературы. «Вопросы литературы», 1957, № 1; Он же. Об одной особенности реализма. «Вопросы литературы», 1960, № 3; И. Еремин. К спорам о реализме древнерусской литературы. «Русская литература», 1959, № 4; ср. также: Он же. О художественной специфике древнерусской литературы. «Русская литература», 1958, № 1; С. Азбелев. Реализм и древнерусская литература. «Русская литература», 1963, № 1.

²¹ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 81.

²² Д. С. Лихачев. Об одной особенности реализма, стр. 63—67; ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Указ. соч., стр. 10.

²³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958.

²⁴ Я. Лурье. Указ. соч., стр. 27.

ному читателю и для того, чтобы войти в мир древнерусской литературы. Но войдя в этот мир, наш современник убедится в том, что он не так уж чужд и непонятен нам, как кажется на первый взгляд»²⁵.

В. П. Адрианова-Перетц, характеризуя разные типы переводной византийской агиографии — мученичества и жития, заключает: «...они давали читателям древней Руси не просто назидательное повествование о «положительных» героях, идеально осуществлявших в своей жизни самые строгие требования христианства. Литературное значение этих переводных житий не ограничивалось тем, что они внесли в художественное изображение некоторых сторон душевной жизни человека. Назидательная цель житийного повествования не препятствовала тому, чтобы оно превращалось в увлекательный рассказ, в котором появлялись образы сказочной фантастики эпической героини с присущими им гиперболизмом и красочностью, чтобы сама биография святого рисовалась как приспособленный к новой задаче роман приключений. Так, агиография восполняла, хотя бы отчасти, отсутствие в составе переводной литературы Киевской Руси «специфически светской литературы, свободной от морально-религиозной окраски»²⁶.

В самое последнее время Д. С. Лихачев в статье «Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке древней Руси» пытался развить своеобразную точку зрения на развитие древнерусского литературного языка, представляющую собой до некоторой степени синтез моих взглядов и взглядов А. С. Будиловича, Р. Пиккио и Н. И. Толстого или компромисс между ними. Прежде всего Д. С. Лихачев заявляет, что единство литературного языка предполагает «существование единой же литературы». Такое единство «типично для нового времени». «В древней же Руси литература обособляется и по жанрам, и по областям, и в известной мере по отдельным произведениям», поэтому, — заключает Д. С. Лихачев, — «единого, объединяющего всю литературу, литературного языка в древней Руси не было»²⁷.

«Наиболее компактна по своему языку в литературе древней Руси группа сочинений богослужебных, богословских, проповеднических. В основной и наиболее «стилистически авторитетной» своей массе эта группа произведений состояла из переводов, сделанных в Болгарии или на Руси, на церковнославянский, по происхождению своему древнеболгарский язык... На этот язык воздействовал не только разговорный язык, но и письменный, развивавшийся рядом с церковнославянским, другой русский литературный язык — язык по преимуществу деловой и исторической прозы. Этот русский в своей основе литературный язык не обладал такой законченностью и устойчивостью, как язык церковнославянский. Это был язык светских письменных памятников, стилистически менее «приподнятых». На нем написана большая часть летописей..., «Моление Даниила Заточника»..., «Слово о погибели Русской земли»... Это был язык менее защищенный традицией, образцами и литературным этикетом от вторжений народного, разговорного языка, чем язык церковнославянский»²⁸. Единство этого русского в своей основе литературного языка

²⁵ Я. Лурье. Указ. соч., стр. 27—28.

²⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Из истории переводной литературы Киевской Руси. В кн.: «Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 229.

²⁷ «Историко-филологические исследования», стр. 303, 304.

²⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Из истории переводной литературы..., стр. 304.

ощущается гораздо меньше, чем единство и устойчивость церковнославянского языка. Это связано, конечно, в первую очередь с тем, что нет единства устойчивости, традиционности и взаимосвязанности в основной массе той литературы, которую он обслуживал»²⁹.

Формы и типы дифференциации, связей и взаимодействий этих двух языков подчинены выдвинутой Д. С. Лихачевым очень неопределенной субъективной категории «литературного этикета». Д. С. Лихачев не считает целесообразным применять к книжно-славянскому языку термин «тип» русского литературного языка, так как церковнославянский язык «был общим языком для многих славянских стран». Это — мысль не новая. Но ведь в каждой из таких стран, которые в эпоху феодализма пользовались церковнославянским языком для обслуживания разных сфер культуры и общественной жизни, были свои нормы и свои народные или государственные принципы использования церковнославянского языка и взаимодействия или соотношения со своим народным языком. Международная культурная связь между этими разными типами или редакциями церковнославянского языка (болгарский, сербский, румынский и т. д.) не препятствовала развитию индивидуальных своеобразий в истории каждого из этих типов. Отсюда можно сделать заключение о возможности двух подходов, двух методологических направлений в изучении международной истории церковнославянского языка.

С одной стороны, изучение общих закономерностей и процессов развития этого языка в разных восточно- и южнославянских странах представляет важную историческую и теоретическую задачу. Ведь этот особый «сакральный» язык развивался и изменялся не только отдельно в каждой стране, но и как единое целое. Литературный обмен между отдельными странами на этом языке был чрезвычайно интенсивен в течение всего средневековья. Эта проблема была на широком сравнительном фоне выдвинута еще А. С. Будиловичем³⁰, частично освещалась в трудах С. К. Булича и А. И. Соболевского, а в последнее время в работах Р. Пиккио и в статьях Н. И. Толстого.

С другой стороны, церковнославянский язык имел большие различия в своем развитии и в формах своего взаимодействия с родным языком в разных славянских странах. Об этом сам Д. С. Лихачев пишет так: «Оба литературных языка древней Руси — русский и церковнославянский — находились в постоянном взаимодействии, гораздо большем, чем взаимодействие средневековой латыни и национальных языков. Литературный этикет требовал иногда быстрых переходов от одного языка к другому. Эти переходы совершались порой на самых коротких дистанциях: в пределах лексики одного предложения. Но взаимодействие литературных языков не было «равноправным». Церковнославянские формы и слова переходили в русский литературный язык «навсегда», получали здесь стилистические оттенки и смысловые нюансы. Церковнославянский язык постоянно обогащал русский литературный язык. Обратное воздействие было иным. Проникновения русского литературного языка в церковнославянский постоянно изгонялись из последнего. Средневековые книжники резко ощущали различие письменного языка и устного. Поэтому нельзя себе представить письменный русский литературный язык как простую письменную фиксацию койне различных административных

²⁹ Там же, стр. 305.

³⁰ А. С. Будилович. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, I, II. Варшава, 1892.

центров. Это была какая-то мало еще ясная для нас трансформация устного языка, — трансформация, в которой были какие-то свои правила и свой этикет»³¹.

По мнению Д. С. Лихачева, «письменный литературный русский язык был связан не только с койне важнейших административных центров Руси. В одной из своих разновидностей он трансформировал в письменность язык устной народной поэзии, обладавший особой стилистической функцией и владевший своими поэтическими формулами и поэтической лексикой. В этой своей разновидности русский литературный язык был, так же как и церковнославянский, поэтически приподнят над языком обыденным. Эта разновидность русского литературного языка не имела «сплошного» развития от XI до XVI в. включительно...»³²

В этой концепции Д. С. Лихачева много неясностей и противоречий. В конце концов она отчасти сбивается на взгляды А. В. Исаченко, отчасти — Л. П. Якубинского и Г. О. Винокура. Но с общим выводом Д. С. Лихачева о том, что до сих пор ни одна из существующих концепций не отражает полностью «реального положения» с развитием древнерусского литературного языка, необходимо согласиться. Очень справедлива и убедительна мысль Д. С. Лихачева, что создать новую более глубокую и полную концепцию истории древнерусского языка и языка древнерусской литературы «можно будет только тогда, когда языковедами будет принята во внимание сама литература, ее особенности, ее поэтика. Здесь, как и во многом другом, связанном с изучением языка и литературы древней Руси, необходимы совместные усилия лингвистов и литературоведов»³³.

Таким образом, широкая начитанность в разных жанрах древнерусской письменности и художественной литературы, умение уловить и схватить внутренние закономерности мировоззрения и духовной культуры средневековья — вот база понимания древнерусского текста и основы работы над словарем древнерусского языка.

В статье «В чем сущность спора о реалистичности в древнерусской литературе?» Д. С. Лихачев так характеризует основную линию развития древнерусской литературы: «Литература древней Руси в своей официальной, торжественной и пышной линии стремится абстрагировать явления действительности, извлекать из них «вечный» смысл, видеть в окружающем символы вечных истин, богоустановленного миропорядка... Писателей волнует по преимуществу общее, «вечное», абстрактное, идеальное. Они стремятся к изображению величественного, пышного, значительного. Соответственно — торжественный, приподнятый над обыденным литературный язык, пышные церемониальные формы официальной письменности»³⁴. Но наряду с этой абстрагирующей, идеализирующей тенденцией в древнерусской литературе проявляется и другая — конкретизирующая, тенденция к «реалистичности». Эта тенденция обнаруживается в том, что писатель «стремится изображать события наглядно, близко к действительности, вскрывает характерное и пользуется художественной деталью,

³¹ Д. С. Лихачев. Несколько мыслей о языке литературы... — В кн.: «Историко-филолог. исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 306.

³² Д. С. Лихачев. Несколько мыслей о языке литературы..., стр. 307.

³³ Там же.

³⁴ Д. С. Лихачев. В чем сущность спора о реалистичности в древнерусской литературе? «Русская литература», 1965, № 2, стр. 63.

отказывается от велеречия и приподнятости стиля, передает прямую речь персонажей в индивидуализированной форме»³⁵.

В связи с наличием двух противоположных стилевых тенденций в древнерусской литературе возникает вопрос, как же они совмещаются — иногда в структуре одного и того же произведения? Ответ Д. С. Лихачева таков: «Древнерусская литература носила «ансамблевый характер», и это позволяло соединять в произведении разные способы изображения действительности. Даже в житийной литературе «все части жития разностильны и разножанровы, иногда они писаны даже разными литературными языками: то литературным русским, то литературным церковнославянским»³⁶. Оба эти языка находились в сложном взаимодействии и причудливом переплетении.

В статье «Изучение русской литературы X—XVII веков за 50 лет» Д. С. Лихачев пишет: «Древнерусская литература подготовила расцвет русской литературы в новое время. Она передала русской литературе нового времени богатейший опыт наблюдений и литературных открытий, литературный язык с его огромным диапазоном стилистических возможностей»³⁷. Само собой разумеется, что все эти соображения и замечания несколько не свидетельствуют о древнерусском языке как языке ином, «иностранным» или чужом. Они требуют лишь особого внимательного отношения к тем словам и выражениям, с которыми связано в древнерусском языке важное и своеобразное идейное или символическое значение.

VI

Общность и единство древнерусского языка с современным при наличии между ними естественных и существенных расхождений создает своеобразные опасности и большие трудности при семантическом истолковании однородных или близких по структуре слов. Главная опасность состоит в определении значения не на основе знания соответствующего текста в целом, а путем произвольного истолкования картотечного примера, отрезка, вырванного из контекста. Вот — иллюстрация. «Блудодѣяние... 1. Недозволенное действие, нарушение обряда» (стр. 220). Так определяется это слово в цитате из Кормчей Рязанской 1284 г.: «Си в вина мѣсто воду богови приносятъ, сего ради водѣ прѣдѣстатели нарицаются, си бракъ блудодѣяние нарицають». Это толкование «Словаря древнерусского языка» произвольно; причем здесь значение «недозволенного действия», какое «нарушение обряда» имеется в виду — непонятно. Все это — сплошное недоразумение. Речь идет о тех, кто вместо вина при торжестве брака воду богу приносят, вот они-то брак с вином и называют «блудодѣянием». Между тем евангельский рассказ о браке в Кане Галилейской говорит о другом, о необходимости вина на брачном пире.

На стр. 222 почему-то «блудливи голуби» в сочетании с «и домашная курята» определяются как «дикие» («Мерило праведное», XIV в.). Странно и невнятно.

Кроме знания древних текстов, хорошего знакомства с древнерусской культурой, бытом, идеологическими воззрениями, научно-общественными

³⁵ Д. С. Лихачев. В чем сущность спора..., стр. 67.

³⁶ Там же.

³⁷ Д. С. Лихачев. Изучение русской литературы X—XVII веков за 50 лет. «Русская литература», 1967, № 3, стр. 88.

течениями, состоянием техники, профессионального труда древней Руси и т. п., для составителя древнерусского словаря необходима широкая сравнительно-славистическая и историко-этимологическая подготовка. Знание древнерусского словаря углубляется историко-этимологическими исследованиями, особенно в сфере сравнительно-исторической лексикологии и сравнительно-типологической семантики славянских языков. Для понимания древнерусского текста, кроме широкой начитанности в произведениях русской литературы с XI по XVIII в., кроме знания исторической грамматики русского языка этой эпохи, кроме знакомства с югославянской и отчасти — с XV в. — с западнославянской письменностью и литературой, кроме осведомленности в развитии украинской и белорусской письменности XIII—XIV вв., — нужна синтетическая способность исторических лексико-семантических сопоставлений и комбинаций.

Уже с конца XVIII—начала XIX в. наши отечественные филологи охотно забавлялись комическими иллюстрациями неправильного толкования древнерусской лексики. Особенно много материалов для таких развлечений извлекалось из текста «Слова о полку Игореве». «Почитание книжное», осложненное культурноисторическими и идеологическими принципами и соображениями, а также очень часто субъективно-эстетическими пристрастиями, до сих пор остается главной и едва ли не единственной основой осмысления древнерусского текста у наших историков старой письменности и древнерусской литературы и лексикографов — «древников». Между тем еще в утвержденном в 1818 г. (29 мая) новом уставе Академии было сказано, что «без знания языка все молчит: самое острое понятие, самый глубокий ум, самое редкое дарование не могут без него быть совершенны, не могут, как заключенный в коре алмаз, ни блистать, ни правиться, ни наставлять, ни производить»³⁸.

Самый большой лексикографический недостаток — это антиисторические подстановки под созвучные древнерусские слова современных их значений или субъективные наивно-этимологические догадки о «внутренних формах». Например, слово *бесплавный* из «Торжественника» (XII—нач. XIII в.) в контексте: «хотяй бо бесквѣрньнѣмъ житиємъ пожити... бесплавною мыслю и безъопытьнѣмъ умѣмъ, простою мыслю, тако бо наидеть на нь обилѣ благодать святаго духа» — определяется как «неколеблющийся» (стр. 187). Это — очень неудачное приспособление значения слова *бесплавный* к современным понятиям, т. е. наивно-каламбурное его истолкование. *Бесплавный* на самом деле значит «не испорченный житейским плаванием», т. е. не поддающийся «треволнениям» греховного быта.

Слово *бесплѣтие* определяется как «бесплотность, бестелесность» (стр. 187). Иллюстрируется это значение двумя примерами, взятыми из Слов Григория Богослова (XIV в.). Оба примера не разъясняют толкования и не соответствуют ему: «Кто убо паче оного или дѣвство почте, или бесплѣтие устави»; «Телесе смѣрение... добродѣтели придаянье, дѣвы бесплѣтие, жены украшенье». Что следует в этих контекстах подразумевать под предложенным толкованием «бесплотность, бестелесность» — неясно. Очевидно, слово *бесплѣтие* обозначает: «освобожденность от плотских (чувственных) страстей или отсутствие их».

Этимологическое осмысление слов и выражений древнерусского языка на основе сопоставлений и сравнений с родственными словесными струк-

³⁸ «Труды имп. Российской Академии», ч. 1. СПб., 1840, стр. 35.

турами в текстах и народных говорах других славянских языков, особенно южнославянских, в русской филологии стало замирать, суживаться и даже исчезать с 20—30-х годов XX в. Достаточно посмотреть в проекте «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.» определения — противоречивые, субъективные и неясные — слов *буявый*, *буякъ*, *буяги* (стр. 241). К этому гнезду следует отнести также *буесловие*, *буесловити*, *буесть*, *буши* (стр. 238—239). Сразу же возникает вопрос, откуда в слове *буявый* возникло значение «роскошный, пышный; изнеженный». Иллюстрируется оно одним примером из «Пчелы» XIV—XV вв.: «Агафурьсии мужи суть буяви и златыя одежда носяще» (ἀβρόβατοι). Истолкование примера произвольно и явно ошибочно. Если обратиться к славянскому этимологическому словарю Бернекера и к этимологическим словарям русского языка А. Преображенского и М. Фасмера, то в них нельзя найти никаких указаний на наличие в славянских языках значений «пышный» и «изнеженный» в словах соответствующего гнезда. Правда, в словаре А. Преображенского применяется слово *роскошный* при объяснении болгарского *буен* «сильно растущий, роскошный; сильный; бурный» и польского *buju* «обильный, роскошный (о посевах)»³⁹. Очевидно, что здесь слово *роскошный* принято совсем в другом смысле, чем в «Словаре древнерусского языка XI—XIV вв.»

Еще менее понятно, как составители древнерусского словаря извлекли значение «дикий, жестокий человек» из единственного примера употребления слова *буяк* в таком контексте: «сами акы волци съ буяки ходяще грабимъ чюжая имѣнья» (Сб. Хлуд. XIV в.). Слово *буяк* в современных славянских языках — украинском, словацком и польском — обозначает быка. Признак «жестокости» не связывался и не связывается с соответствующим гнездом слов (*буй*).

В проекте словаря приведены слова: *браконеискусомужьный* и *браконеискусный*. Их значение формулируется так: «Только жен. Не испытывавшая брачной жизни» (стр. 234). На самом деле эти прилагательные — только эпитеты богородицы, «приснодевицы» Марии. Они не применялись вообще к женщинам, которые не знали брачной жизни, замужества, т. е. к «старым девам».

Нет необходимости увеличивать количество примеров наивно-каламбурного толкования слов в изданном проекте «Словаря древнерусского языка». Дело не в нем одном и не в его недостатках. Вопрос — глубже и принципиальнее. Он относится к общей теории лексикографии. Не только при создании исторических словарей того или иного языка, но и при составлении словарей-справочников применительно к ограниченным периодам развития языка необходимы предварительные разыскания по истории значений слов, по их конкретно-исторической семантике и по их историко-этимологическим судьбам и связям. Вот характерная иллюстрация из истории русской лексики нового периода. В. Классовский писал: «Иногда... слово получает случайно новый смысл по смелости какого-нибудь лица. Например, лет пятнадцать тому назад, с появлением русского перевода одной английской книги («Физиология обыденной жизни»), слово «обыденный» значит то же, что «обиходный», хотя оно до тех пор означало только «однодневный», «сделанный в один день»; ср. «Спас обыденный» (в Москве и в Вологде) — церковь, по преданию

³⁹ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1910—1914, стр. 51.

выстроенная в один день, «обыденный мотылек» — насекомое, живущее один день (эфемера), «обыденная честь (всего на один день), да и ту не сумел снесть» — пословица. См. словарь Даля⁴⁰.

VII

Для того чтобы наглядно представить трудности, связанные с ясным пониманием таких слов и выражений древнерусского текста, которые не могут быть непосредственно осмыслены в плане современного языкового сознания, приведем несколько примеров слов, не поддающихся точному толкованию посредством наивно-каламбурной этимологизации.

I. Насколько пестры и разнообразны могут быть каламбурно-этимологические домыслы о составе и образовании слов — при отсутствии конкретных данных об истории их значений — показывает семантическая судьба слова *палаумный* (*полоумный*?). Первые письменно-книжные примеры употребления этого слова обнаружены А. А. Шахматовым в русских памятниках XV в. — именно, во 2-й редакции Софийской 1-й летописи (списках Толстовском, Бальзеровском, Воронцовском и др.), составленной во всяком случае, до 1462 г. Здесь при характеристике рязанцев («суровии челоуѣци и свѣрѣпы людие, високоумни суще, възнесшеся мыслью и възгордѣшася величанием») к словам *высокоумни суще* вставлено выражение *палаумные смерди* (П. С. Р. Л., V, 232, примеч. а). Отсюда это выражение перешло и в позднейшие своды; например, в Воскресенской летописи читаем: *палоумные людища* (П. С. Р. Л., VIII, 18); в Никоновской: «помыслиша в високоумии своемъ палоумные [вариант — малоумные] и безумные людища, аки чюдища» (П. С. Р. Л., XI, 16). Нельзя не признать характерными написания с *a*: *палаумные*; «аканье вообще не проявляется (по причине грамотности писцов) в названных памятниках», — замечает А. А. Шахматов.

История дальнейших употреблений и осмыслений слова *палаумный* в древнерусской литературе в деталях неизвестна. Сообщенные А. А. Шахматовым факты привели Ф. Е. Корша к гипотезе, что в слове *палаумный* или *палоумный* отражается греческое слово *παλαβόρευος*, подвергшееся своеобразной народной этимологии. Ход рассуждений Ф. Е. Корша таков. Слово *палаумный*, употребленное летописцем между 1448 и 1462 годами в качестве обозначения чего-то несовместимого с правом на высокоумие, на надменную самоуверенность и служившее для характеристики низкой степени ума, уже успело войти в литературно-языковой обиход книжника к половине XV в. Но едва ли оно могло появиться в русском языке задолго до этого и, во всяком случае, едва ли оно укрепилось в русском языке раньше конца XIV в. Об этом свидетельствует свежесть его этимологического восприятия в XV в. Очевидно, в нем вторая часть осознавалась как *умный*, а первая семасиологически сближалась с причастно-прилагательным *пал-*, *палый*. *Палоумный* — это обозначение палого, низкого ума. Так как это слово по своему строю и по своей стилистической окраске — книжное, то Ф. Е. Корш предполагает, что *палаумный* → *полоумный* — плод народно-этимологического переосмысления заимствованного иноязычного слова. С конца XIV в. оживляются культурные сноше-

⁴⁰ В. Классовский. Состав, формы и разряды словесных произведений, применительно к практическому преподаванию словесности, СПб., 1876, стр. 167, прим.

ния Руси с греками, усиливается интерес к их разговорному языку (ср. «Речь тонкословия языка греческого»). На этой культурно-исторической почве вырастает много грекорусизмов. С греческим влиянием Ф. Е. Корш связывает этимологию слова *палаумный*. В новогреческом языке есть прилагательное *παλαβός* «безумный, дурачливый»; отсюда глагол *παλαβώνω* «делаю дураком, свожу с ума», а от него причастие прошедшего времени страдательного залога *παλαβόμενος*. В русском языке XIV в. *παλαβόμενος* почти неизбежно должно было обратиться в *пала-(е)-умен*, род. *пала(е)-умна* (как *игумен, игумна*)⁴¹.

Этимология Ф. Е. Корша была отвергнута М. Р. Фасмером⁴², которому Ф. Е. Корш возразил, отстаивая свою точку зрения. Все же — при отсутствии других исторических фактов, иллюстрирующих употребление этого слова в XVI—XVII вв., — гипотеза Ф. Е. Корша повисла в воздухе. А. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» склоняется к старому объяснению слова *полоумный*, с которым он каламбурно отождествляет *палаумный* из *пол-* и *умный*, хотя в этом случае скорее ожидалось бы *полуумный* (ср. *полушелковый, полупьяный* и т. п.). Высказывалась и та мысль, что в составе *полоумный* можно предполагать *полый*. По-видимому, так думал и И. Даль (ср. франц. *un esprit creux*).

Таким образом, для толкования первой составной части слова *палаумный* — *палоумный* привлекались основы *пал-(палый)*, *пол-(полый)* и *пол-* в значении «половина» (ср. *полтора, полденежки* и т. п.). Но совершенно ясно, что древнерусское значение слова *палаумный* остается при этом неопределенным. Оно обычно истолковывается посредством подстановки на его место современного слова *полоумный*, или *полуумный*, употребление которого зарегистрировано в словарях русского языка лишь в XVIII в. С точки зрения историко-семантической это — разновидность каламбура. Ведь ни общее значение древнерусского очень выразительного и образного характеристического «клейма» — *палаумный (палоумный)*, ни его экспрессивно-стилистическое и идейно-оценочное характеристическое выражение качества рязанцев не воспроизводятся на основе субъективного сближения с ним современного слова *полоумный*.

Полуумный впервые зарегистрировано в «Латино-немецко-русском лексиконе» Вейсмана, 1731 г. (стр. 323); в форме *полоумный* оно отмечено в «Российском целлариусе» 1771 г., и снова в форме *полуумный* — в словаре Нордстета 1782 г.

Таким образом, в русском литературном языке XVIII—XIX вв. слово *полоумный (полуумный)* было активным. От него образовано отвлеченное существительное — *полуумие*, которое вошло в состав «Словаря Академии Российской» 1794 г. В языке Пушкина известна форма *полуумный*. Ее значения: «помешанный, слабоумный; сумасбродный, взбалмошный» — связаны с иной просторечно-разговорной экспрессией и новыми оттенками.

II. История слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь его смысловых превращений, все его «метаморфозы». Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни. Она определяет исторические закономерности изменения значений, связывающие судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных его стилей. История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Во-

⁴¹ «Изв. имп. Акад. наук», 1907, XII, кн. 3, стр. 765—766.

⁴² М. Фасмер. Греко-славянские этюды, III. «Сб. ОРЯС», 1909, 86, I.

прос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда он опирается на исследование всех этапов смысловой эволюции этого слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках.

Иллюстрацией может служить спор о гнездах слова *проныра*, *пронырство*, *пронырливый*, *пронырливость* в русском языке. Эти слова проходят через всю историю русского литературного языка. Они были широко употребительны уже в древний период русской письменности (XI—XIV вв.). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. II, стр. 1551—1552) собраны такие слова с основой *проныр-*: *пронырение* «козни, злоумышление»; *проныривыи* «лукавый, хитрый, коварный, злой, дурной»; *проныривьство* «лукавство»; *пронырие* «зло»; *проныривати* — *пронырую* «злоумышлять, строить козни»; *пронырѣ*, *пронырникѣ* — «злодей, лукавый» (о дьяволе); *пронырливый* «лукавый, коварный, злой»; *пронырство* «хитрость, коварство, зло». Большая часть этих слов дожила до XVIII в. Ср., например, в «Повести о Валтасаре Кралевиичи»: «лутче жити в земли пуге, нежели жити з женою злоязычною и пронырливою»⁴³.

В словарях Академии Российской (XVIII и начала XIX в.) отмечались как употребительные такие слова этого гнезда: *проныра*, *проныривать* и *пронырить* («употребляя хитрость, искать чего, выведывать что, выискивать»), *пронырливость*, *пронырливый*, *пронырствовать*, *пронырщик*, *пронырщица* и несколько в стороне — глагол *пронырнуть* (в значении «показавшись, появившись, тотчас скрыться, непрямо уйти»⁴⁴). Большая часть этих слов дожила и до нашего времени.

Внутренняя форма этих слов кажется вполне отвечающей «духу русского языка». Достаточно сослаться на такие параллели, как *пройдоха*, *пролаза* (ср. области, народн. *пройда*; ср. *проходимец*, *прошлец*). Эти слова представляются исконными русскими. Между тем этимологи возводят, правда с существенными оговорками, зарождение всего гнезда слов с основой *проныр-* к старославянскому языку и склонны видеть в *пронырѣ* или *пронырливѣ* своеобразную народно-этимологическую переделку греческого *πονηρός* «злой, лукавый». Так, Б. М. Ляпунов пишет в своей статье «О некоторых примерах имен нарицательного значения...»: «Славяне не всегда переводили все встречавшиеся им слова в греческом оригинале, может быть, потому, что славянский переводчик не находил в своем языке подходящих по значению слов, которые бы точно передавали смысл греческих слов. Но такие непереведенные слова редко оставались в буквально соответствующей греческим оригиналам форме; обычно они применялись к словам родного языка, иногда казавшимся семантически близкими. Из таких слов древних славянских переводов отмечу... *пронырѣ*, *пронырство*, *пронырие*, *проныривѣ*, соответственно греческим *πονηρός*, *πονηρία* в значении «злой, лукавый», «злоба, лукавство», которые и являлись в древнейших памятниках в виде *зълѣ*, *зълоба*, *лжжаевѣ* и т. п., причем последние именно более свойственны древнейшим евангельским глаголическим текстам, а первые характерны для текстов, переведившихся позднее, каковы *минея-четья* (жития), *молитвенник* (*euchologium*) и т. п., и может быть, давно, задолго до перевода служебных и назидательных книг, уже употреблялись в живой речи постоянно общав-

⁴³ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М.—Пг., 1923, стр. 91.

⁴⁴ См.: «Словарь Академии Российской», ч. V, СПб., 1882, стр. 596.

шегося с греками болгарского населения»⁴⁵. М. Р. Фасмер в «Греко-славянских этюдах. II. Греческие заимствования в старославянском языке» писал: «*Помордникъ*, adj. malus, преноръкъ sm. преноръкъто, преноръкъ Sm. Supr. 205, 11; malitia, преноръкъ adj. malus, Supr. 102; 12; 214; 20; 369; 26; etc. Vondrák, Jan Exarch 8 — *πονηρός* с введением предлогов *по-* и *про-*, Брандт РФВ, XXII, 89, иначе Meillet Études 367, Mikl. E. W. 213»⁴⁶.

В «Русском этимологическом словаре» М. Фасмер сопоставляет слово *проныра* («gerissener, schlauer Mensch») с древнеболгарским *проныръ* *проныривъ*, *πονηρός* — Супр.). Однако М. Фасмер решительно отвергает здесь возможность заимствования из греческого и считает невероятным выведение этих слов из *πονηρός*. Вместе с тем М. Р. Фасмер не отрицает связи *проныра* с *нырять*⁴⁷. Ср. приводимые А. Преображенским формы русск. диалектн. *ныркать* «скрываться»; *нырок* «нырянье; кто искусно ныряет; род утки»; сюда же: *проныра* «пролаза, хитрец»; *пронырливый*, *нырище* «глубокий овраг; логовище зверя». Глагол *нирати* встречается в «Изборнике» 1073 г. (*пзтица ниражштгнхъ*) и, по-видимому, восходит к старославянскому. Болгарскому языку свойственны слова: *нирну* «нырну»; *нирец*, *нирище* «яма, впадина»⁴⁸.

В данном случае народная этимология лишь как бы стягивает в одну неподвижную точку всю историю слова. Но есть все основания сомневаться в том, что влияние греческого *πονηρός* существенно изменило семантическую природу старославянской семантемы *проныр-* (ср. слово *нырь*, homo doctus, Клим. Смол.; это слово Хр. Лопарев пытался объяснить из греч. *μαρός*⁴⁹). История слов *проныра*, *пронырливый* и т. п. по-прежнему остается неразрешенной. Наличие таких образований в южнославянских языках не исключает возможности исконной принадлежности соответствующих слов к живым восточнославянским языкам. Группа слов с основой *ныр-* отмечается в восточнославянских языках (ср. укр. *ныряти*, *нырнути*; *нырок*, *нырянье*; *нырцем* — *нырком* «ныряя»; ср. *нырыця* «прорвавшийся нарыв») и в болгарском (а также, по-видимому, в старославянском⁵⁰). Обращает на себя внимание тот факт, что *проныр*, *проныра* и производные в русском языке входят в образнооднотипный ряд: *пролаза*, *проныра*, *пройда* (*пройдоха*). Ср. *проходимец*, *прошлец*. Некоторые этимологи сюда же по каламбурным основаниям присоединяли слово *прощельца*, толкуя его так: «в щель пройдет» (Горяев, Булаховский).

Если обратиться к другим славянским языкам — сербскохорватскому, чешскому, словацкому, польскому, — обнаружится корневое единство *ныр-/нор-* (*нора*). М. Фасмер в своем «Русском этимологическом словаре» приводит пример из Супрасльской рукописи *преноръкъ*, *преноръкъкъ*. Он справедливо сопоставляет их с древнесербским *преноръкъ* «malitia», *преноръкъ* «böse,

⁴⁵ Б. М. Ляпунов. О некоторых примерах имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных личных в славянских языках. — В сб.: «Академия наук СССР акад. Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 250—251.

⁴⁶ «Изв. ОРЯС», 1907, XII, 2, стр. 267; М. Р. Фасмер в «Греко-славянских этюдах. III» заметил: «Я и теперь совсем не соглашаюсь с мнением Брандта (РФВ, XXII, 89), что слово *пронырливъ* восходит к *πονηρός*, что я еще считал возможным в Известиях XII, 2, 208, стр. 133».

⁴⁷ М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, II. Heidelberg, 1955, стр. 441.

⁴⁸ А. Преображенский. Указ. соч., I, стр. 611.

⁴⁹ «Послание митрополита Климента к Смоленскому Пресвитору Фоме. Неизданный памятник литературы XII в.». Изд. Хрис. Лопарева. СПб., 1892, стр. 34.

⁵⁰ Ср.: F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 457.

schlecht» и этимологически связывает с *нора*⁵¹. В этом случае очень показательна однотипность словообразовательной структуры *проныр-про-нор-*. Вместе с тем это сопоставление еще ярче подчеркивает каламбурную национализацию слова *проныра*.

В древнесербском языке в грамотах Стефана Дечанского находим такие примеры: «Не волею ни хотѣниємъ ѿго, нь завистию и пронорълываго миродръжца. Завистию злыхъ и пронорълывыхъ». Дж. Даничич толкует *пронорълывь* как «злой» (*malus*)⁵², и это толкование принимает и Загребский академический словарь⁵³. Но, видимо, *злыи* и *пронорълывыи* не абсолютные синонимы: во втором присутствует мифолого-семантический оттенок злого начала, бесовства. Об этом свидетельствует тот же сербский материал. Смысловая и формальная (словообразовательная) структура древнесербского *проноръ* и современного *по-нор* почти идентичны. Серб.-хорв. *пѣнор*, помимо значения «место, где река уходит под землю; бездна, пропасть», может означать и «ад, преисподняя» (паклени повор), а прилагательное *поноръски* — «адский, относящийся к преисподней».

Все это связано с древним образным, почти реалистическим представлением об аде и о бесах, его населяющих, ведущим к перенесению географической терминологии в «адскую». Совершенно ясно, что специфика русского (и южнославянского) словообразования в семантике обязывает нас к раскрытию образной основы строения слова *проныра* с учетом его отношения к миру дьяволов и бесов, породившего немало эвфемистических и табуистических слов.

III. Слово *олух* вошло в русский литературный язык из живой народно-разговорной речи. А. И. Соболевский предложил для этого слова каламбурную этимологию: *олух* возникло из *волух* «пастух волов» в презрительном применении («невежа, дурак») ⁵⁴. А. Г. Преображенский, признав, что слово *олух* — «неизвестного происхождения», сопоставил его со словом *свинтус* (будто бы из «свинтух») ⁵⁵. Под словом *свинья* в числе производных слов, бытующих в русских диалектах, указывается *свинѹх*, отмечается также *свинтус* (бранное), реже *свинтух*⁵⁶. В кругу параллелей из других славянских языков есть также польск. *świntuch* «не-ряха».

Однако трудно сомневаться в том, что здесь с народно-бытовыми выражениями смешиваются жаргонные новообразования. Если, например, допустить, что в живой народной речи наряду с *свинѹх* под влиянием *пастѹх* еще могло возникнуть *свинтуѹх* (с вариантом *свинтух*), то образование *свинтус* все же бы вело к иной социальной среде. Достаточно вспомнить из гоголевского предисловия к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» рассказ Фомы Григорьевича, «как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латышником, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него лопатус: баба — бабус». Любопытно в связи с этим вспомнить повествование А. Вельтмана в «Приключениях, почерп-

⁵¹ REW, II, стр. 441. У Фасмера дано ошибочно *pronogivъ*.

⁵² См.: Ѓ. ДаничичѢ. Рјечник из књижевних старина српских, II. Београд, 1863.

⁵³ «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», knj. X. Zagreb, 1931.

⁵⁴ См.: А. И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. — РФВ, 1911, XVI, 3—4, стр. 246.

⁵⁵ А. Преображенский. Указ. соч., I, стр. 647—648.

⁵⁶ Там же, II, стр. 259.

нутых из моря житейского»: «Слуги жили свинтусами, ходили замарантусами».

А. Г. Преображенский, не вполне удовлетворенный приведенными весьма сомнительными этимолого-семантическими сопоставлениями и параллелями, обратился за разъяснениями к Ф. Е. Коршу. «Корш (письмом), — сообщает он, — допускает заимств. из чагат. *алук* «растерянность, одурение»⁵⁷. Но и эта тюркологическая этимология произвольна и не имеет никакой исторической достоверности.

Засвидетельствованное в качестве личного собственного имени *Олук* известно в северно- и западнорусских памятниках русской деловой письменности с XVI в. в нарицательно-характеристическом значении — «дурак, простофиля, глупый человек». Но в русском литературном языке оно начинает распространяться лишь со второй половины XVIII в. В семнадцатитомном академическом словаре современного русского литературного языка указано, что из лексикографических трудов XVIII в. слово *олук* впервые зарегистрировано в Словаре Нордстета 1782 г.⁵⁸

История собственного имени и процессы превращения его в нарицательное с определенным значением и яркой экспрессивной окраской очень сложны. Само формирование нового значения в собственном имени должно быть социально-исторически мотивировано. Так, ссылка на то, что слово *олук* в значении «дурак, простофиля»⁵⁹ произошло от собственного имени Елевферий (греч. *Ελευθέριος*), откуда Онуфрий и с суффиксом *-ух* — *Олук* (ср. в новгородских писцовых книгах указания на Олуха кожевника, Олуха сарафанника и т. п.; ср. имя *Олук* в Двинских грамотах XV в.)⁶⁰, вовсе не объясняет, почему и когда слово *олук* получило свои современные значения, переставши быть личным именем. Самый тот факт, что, например, в народной русской речи «собственные личные имена очень близки по своей функции к нарицательным (ср. употребление личных имен в народных загадках и старинный народный календарь, не знавший ни чисел, ни месяцев, а только святцы), нуждается в историческом объяснении⁶¹.

Быть может, слово *олук* лишь случайно совпало по своей звуковой форме с собственным именем *Олушно*, *Олушек*, *Олук* и т. п. В севернорусском наречии, как известно, очень значительна примесь финских слов. Финск. *ölliskö* значит «дурак». Это финское слово лежит в основе древнерусского имени-прозвища *Олиско*⁶². А. В. Марков по поводу былинного Василия Окуловича писал: «Северновеликорусское *окула* значит «плут»; слово это происходит от финск. *okkela* — «хитрый, продувной». В XV в. в Новгородской области употреблялись прозвища: *Окулик*, *Окулко*, *Окулов*, *Окул*, *Окуля*. Один из *Окуловых* в Вотской пятине имел имя *Оли-*

⁵⁷ А. Преображенский. Указ. соч., I, стр. 648.

⁵⁸ «Словарь современного русского литературного языка», VIII. М.—Л., 1959, стр. 849.

⁵⁹ Слово *олук* в «Словаре Академии Российской» характеризуется так: «Употребляется в просторечии и означает человека необразованного, глупого или плохого. *Деревенский олук*»; ср. «*Олуховатый, ая, ое. Олуховат, га, то* прил. глуповатый, несколько плох» («Словарь Академии Российской», IV, 1822, стр. 305).

⁶⁰ См.: Б. М. Ляпунов. Указ. соч., стр. 257—261.

⁶¹ См.: Д. К. Зеленин. Этимологические заметки... III. О личных собственных именах в функции нарицательных в русском народном языке. «Филол. записки», 2. Воронеж, 1903.

⁶² Ю. Ю. Трусман. Чудско-литовские элементы в новгородских пятинах, ч. I. Ревель 1898, стр. 205, 206.

ско, объясняемое из финск. *ölliskö* — «дурак»⁶³. Связь *олух* с этим финским словом некоторым кажется очень вероятной.

Р. Бернар полагает, что *о* в *олух* является префиксом, корень же его *лух*-(*люх*-) находит себе соответствие в целом ряде болгарских диалектных образований типа: *зълух* с производными прилагательными *зълү(х)ов*, *зълү(х)ав*, сущ. *зълү(х)овщина*. Значения очень близки к слову *олух*: *зълух* — человек рассеянный и тупой (*individu distrait ou stupide*)⁶⁴. Русское *олух* уже сближалось с болгарским *зълухав* в «Български тълковен речник».

Но каково бы ни было происхождение слова *олух*, в русском литературном языке оно стало широко употребительно лишь с XIX в. Трудно представить себе, чтобы его значения оставались неподвижными. Толкование его в «Словаре Академии Российской» («необразованный, глупый, плохой») очень расплывчато.

Слово *олух* встречается в языке Пушкина и Гоголя. «Словарь языка Пушкина» отмечает три случая употребления этого слова у Пушкина. В стихотворении «Из Пиндемонте»:

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.

В журнальной прозе: «Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа!!!»⁶⁵ Слово *олух* (*олухи*) употребляется также в «Дубровском». У Гоголя в «Юношеских опытах»: «Что бы я был за олух царя небесного, когда бы стал убирать постную кашу». Ср. выражение: *олух-олухом*.

Слово *олух* было очень распространено в фамильярно-бытовых стилях разговорной речи XIX в. Например, у Гончарова в «Обломове»: «Да, кум, пока не перевелись олухи на Руси, что подписывают бумаги не читая, нашему брату можно жить». У Решетникова («Где лучше?»): «[Смотритель] распек как его, так и рабочих. — Што ты делаешь разбойник! Вы-то што, олухи эдакие, делаете? Ах беда!». У А. Н. Толстого в «Детстве Никиты»: «— А возьми-ка ты, Александра Леонтьевна, наших учителей, — олухи царя небесного. Один глупее другого»⁶⁶.

Составление древнерусского словаря требует основательной историко-литературной подготовки, глубокого знакомства с исторической лексикологией и семасиологией и широкого этимологического кругозора.

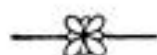
⁶³ А. В. Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности. «Изв. ОРЯС», 1915, XX, 1, стр. 323.

⁶⁴ R. Bernard. Notule III: Russe *ólux* «imbécile, lourdaud». В *ésl* 45, 1966, стр. 68.

⁶⁵ «Словарь языка Пушкина», З. М., 1959, стр. 18.

⁶⁶ «Словарь современного русского литературного языка», VIII, стр. 849.

ОБ ОМОНИМИИ В РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В толковых словарях русского литературного языка, начиная с академического «Словаря русского и церковнославянского языка» 1847 г., вопросы омонимии разрешаются произвольно. Впрочем, этот произвол определяется тремя основными тенденциями.

В одних словарях, как, например, в указанном словаре 1847 г. (переизданном в 1867—1868 гг.), в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, а также в академическом «Словаре русского языка», составленном Вторым отделением Академии наук под редакцией акад. А. А. Шахматова и его преемников (т. е. после смерти акад. Я. К. Грота, начиная со II тома на буквы Е, Ж, З и в последующих выпусках на буквы И, К, Л, М, Н, О), проблема омонимии целиком снимается тем, что за основу слияния и разграничения слов принимается внешнее фонетическое или графическое «единство» формы слова, чаще всего совпадение его звуковой оболочки. Следовательно, все те слова, которые объединяются общностью звукового состава (или звукового комплекса), рассматриваются как одно слово, как единая лексическая единица русского языка (и в историческом, и в диалектологическом разрезе).

В других словарях (как, например, в одготомном «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым) наблюдается тенденция к дроблению многозначных слов на омонимы, главным образом на основе различия предметов, действий и т. п., т. е. реалий или понятий, обозначаемых словом или словами. Таким образом, здесь происходит смешение явлений исторической «действительности» в широком, философском понимании этого слова с семантической системой языка.

Если первая тенденция, сводящаяся в основном к отождествлению слова с его внешней формой, вела к искусственному сокращению количественного состава словаря, то вторая, состоявшая в незаконном умножении числа мнимых омонимов (путем уравнивания количества слов с количеством обозначаемых ими «предметов» или явлений), приводила к необоснованному расширению объема словарного состава языка и к искажению семантической перспективы его развития.

Умеренная или средняя, компромиссная позиция в отношении омонимов, типичная для академического «Словаря русского языка», составленного Вторым отделением Академии наук под редакцией акад. Я. К. Грота, или для «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, хотя и не связанная с резкими отклонениями от средней количественной словарной нормы русского литературного словаря, несколько не содействовала выяснению принципиальных основ омонимии. Она является скорее результатом практического отношения к словарной работе, продук-

том лексикографического такта, чем плодом глубокого, теоретически обобщенного лингвистического опыта.

Таким образом, проблема омонимии должна быть признана одной из самых несложных и вместе с тем запутанных, очень далеких от решения проблем нашей теории лексикографии и общей семасиологии. Выяснение понятия омонима тесно связано с исследованием структурно-семантических типов омонимии в разных языках и с раскрытием общих основ и признаков омонимии как характерного явления лексического строя языка, в отличие от полисемии, т. е. синхронной или последовательной совместимости разных значений в смысловой структуре одного и того же слова.

Омонимия и полисемия часто смешиваются. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова полисемия нередко не отличается от омонимии, отождествляется с ней. Например, рассматриваются в аспекте омонимии разные значения таких слов: *ясли* «кормушка для скота» и «воспитательное учреждение для маленьких», *шкурка* «оболочка, кожица» и «наждачная бумага для полировки», *шатун* «кто шатается» и «деталь, соединяющая поршень с валом двигателя», *черенок* «рукоятка» и «стебелек», *чело* «лоб» и «наружное отверстие русской печи», *червяк* «червь» и «винт с особой нарезкой для передачи движения» и т. д. Таким образом, отождествляются различия «предметной отнесенности» слова и различия значений слова.

Своей семантической, а иногда и фонеморфологической структурой, а также соотношением систем своих форм омонимы резко обособлены один от другого. Их значения качественно отличны от взаимосвязанных значений, например, основного и производного, прямого и переносного одного и того же слова. В них нет также общих или единых внутренних структурных признаков названия предмета или явления. Этими качествами омонимия противопоставляется полисемии. Так, едва ли можно считать омонимами различные значения одного и того же слова *опушка* в значении « меховая обшивка по краям одежды » и *опушка* — « край леса » (но ср. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, изд. 2; ниже сокращенно — Ожегов), *шпилька* в прямом конкретном значении и *шпилька* « язвительное замечание » (ср. *дамские шпильки*, *подпускать шпильку*), *шмыгать* (ногами, щеткой) и *шмыгать* (носом), *шляпка* (женская шляпа) и *шляпка* (гвоздя, гриба), *чугун* « выплавленное из руды железо с примесью углерода » и *чугун* « сосуд округлой формы, горшок, обычно из чугуна », *хмель* « растение » и *хмель* « состояние опьянения » (ср. *хмельной*, *охмелеть*, *похмелье*, *опохмелиться*), *хаос* (первозданный) и *хаос* (всякий вообще беспорядок, неразбериха), и т. п.

Но при разграничении омонимов особенно важна в общей системе языка семантическая необъединимость, несближаемость и даже несопоставимость основных номинативных, предметных значений слов. Например: *проказа* « шалость » и *проказа* « болезнь », *ферма* « сельскохозяйственная ферма » и *ферма* « сооружение из скрепленных брусьев », *парк* « сад » и *парк* « трамвайный, вагонный », *образование* « просвещение, совокупность знаний » (ср. *образованный*, *образовательный*) и образование (ср. *новообразование*, *образовать*, *образоваться*) и т. п.

Принципы выделения и определения омонимов в системе живого, функционирующего языка резко отличаются от приемов исторического и сравнительно-исторического изучения омонимии. Если при историческом изучении процессов омонимического совпадения своих, коренных

и заимствованных слов, а также процессов распадаения когда-то одного слова на омонимы особенно существенная роль выпадает на долю проблем генетического тождества слова, тождества морфем, исторической непрерывности развития слова, проблем контаминации слов, их семантического слияния, а также разделения социальных и географических границ их распространения и других подобных проблем и задач, то при изучении омонимии в системе живого языка центральными вопросами являются — вопрос об основных законах и правилах объединения и сцепления значений в смысловой структуре слов разных типов, слов разных грамматико-семантических категорий и вопрос о закономерности взаимодействий и соотношений активных семантических групп («рядов», «полей») словарного состава общенационального языка с разными системами профессиональной и научно-технической терминологии, а также областной и жаргонной лексики.

Лексика национального языка представляет собой не столько систему, сколько систему систем. Конечно, исторические традиции развития языка находят во многом свое существенное отражение и выражение в области современной омонимии. *Град* «город» и *град* «атмосферическое явление» — омонимы не только в силу резкого различия значений, не уместяющихся в единой смысловой структуре слова, но и в силу лексико-стилистической соотносительности официально-парадной и архаической формы *град* (ср. в сложных словах: *Ленинград*, *Калининград*, *Волгоград*, *Кировоград* и т. п.) с общенародной формой *город*. Точно так же, помещая в словаре современного русского языка как омонимы *язык* в значении «орган в полости рта», *язык* в значении «средства общения», персонифицированное *язык* в военном жаргоне — «солдат или офицер неприятельской армии, захватываемый в плен специально для получения нужных сведений» и архаически-книжное *язык* «народ» (Ожегов), мы отчасти отдаем дань традиции, руководствуемся своими представлениями о церковно-книжных или церковнославянских и народно-разговорных омонимах в их развитии. Ведь *язык* в значении «народ» в современной речи — слово неупотребительное (ср. церковно-архаическое выражение *нашествие галлов и с ними двенадцати язык*), военно-жаргонное *язык* как обозначение лица имеет форму винительного падежа — *языка* и, по-видимому, очень малоупотребительно или даже совсем не употребительно во множественном числе; оно встречается за пределами военно-профессионального словаря лишь в языке художественной литературы. Что касается значений «орган в полости рта» и «средство общения», то это еще больший вопрос, принадлежат ли они разным словам или по-прежнему объединяются в смысловой структуре одного слова.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. IV, 1956—1958) все эти значения рассматриваются как элементы смысловой структуры одного и того же слова, причем значение «народ», «народность» признается старинным, а значение «пленный» — устаревшим. Вместе с тем указывается переходное звено от значения «орган в полости рта... у человека, способствующий так же образованию звуков речи» к значению «система словесного выражения мыслей», «средство общения». Таким переходным звеном признается значение «способность говорить, выражать словесно свои мысли, речь». Это значение иллюстрируется такими примерами, в которых связь между значением «орган в полости рта» и значением «способность говорить» выступает очень яв-

ственно: «Голос мой не задрожит, и язык не отнялся» (Пушкин), «Она без языка лежит, руками объясняется» (Тургенев). Ср. у Пушкина в «Пророке»: «и... вырвал грешный мой язык и празднословный и лукавый» и др. Поэтому открытие в слове язык четырех омонимов, сделанное в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, представляется внутренне не мотивированным. В самом деле, если выделение слова язык «народ» исторически оправдано, а слова язык «пленный» грамматически и фразеологически весомо, то дальнейшее дробление слова язык и его значений на омонимы связано с механическим рассечением живой ткани языка. Так, к «омониму» язык «орган в полости рта» отнесена вся фразеология, характеризующая этот орган именно как орган речи: *держат язык за зубами* (перен.: молчать, когда это нужно), *длинный язык* или *язык без костей у кого-либо* (перен.: о болтливом человеке); *злые языки* (перен.: сплетники, клеветники); *остер на язык* (остер в своей речи), *вопрос был на языке у кого-нибудь* (кто-нибудь был готов задать вопрос); *что на уме, то и на языке*; *придержать язык*, *развязать язык*, *распустить язык*, *прикусить язык*; *язык чешется у кого-нибудь*; *язык не повернется сказать что-нибудь* и т. п. («Словарь русского языка», составленный С. И. Ожеговым, под ред. С. П. Обнорского. М., 1952). Тем страннее кажется, что значение «речь», «способность говорить» выделяется и включается в омоним язык, у которого в качестве семантической базы выдвигается значение «система звуковых и словарно-грамматических средств, закрепляющих результаты работы мышления и являющихся оружием общения людей, обмена мыслями и взаимного понимания в обществе».

Таким образом, ошибки как в разграничении омонимов, связанных со звуковым комплексом язык (в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова), так и в слиянии их (в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) объясняются, с одной стороны, различным отношением к историческим напластованиям в лексике или к архаизмам и жаргонизмам в современном словарном составе, но, с другой стороны — и это самое главное — отсутствием ясного понимания свойственных данному языку правил и принципов сочетания, слияния и объединения значений в смысловой структуре одного слова, иначе говоря, «законов семантики» в их историческом развитии и современном, актуальном, очень сложном и диалектически многообразном воплощении.

Только всестороннее изучение свойственных языку в его современном состоянии законов сочетания и объединения значений в структуре одного и того же слова может привести к правильному и глубокому пониманию как системы соотношений омонимов в современном языке и правил функционирования разных их типов, так и закономерностей активного производства и воспроизводства некоторых категорий омонимов, а также условий отмирания отдельных омонимов.

В самом деле, именно вследствие отсутствия ясных представлений о способах и видах связи значений в слове могли быть отнесены к омонимам *звоздь* в прямом конкретном значении и *звоздь чего-нибудь* в фразеологически связанном значении «самое острое, интересное, значительное в чем-нибудь» — перевод французского *clou* (Ожегов). Несмотря на заимствованно-переводной (калькированный) характер выражений *звоздь сезона*, *звоздь выставки*, *звоздь выступления* и т. п. употребление слова *звоздь* в них, в общем, семантически притягивается к ранее определившимся тенденциям конструктивного развития семантики

этого слова и производных от него (ср. *гвоздить*), хотя и направляет их в новую сторону. Ср. у Гоголя в «Вие»: «Какая-то темная мысль, как гвоздь, сидела в голове его»; в «Мертвых душах»: «А солдатскую шинель, — говорит капитан-исправник, загвоздивши тебе опять в придачу кое-какое крепкое словцо, — зачем стащил?»; у Глеба Успенского в очерке «Из деревенского дневника»: «Начнуть загвазживать разные вопросы, один хитрей другого» и т. д. Переносное значение слова *гвоздь* еще до сих пор иногда подчеркивается кавычками, например, в книжке А. Н. Румянцева «На арене советского цирка» («Искусство», 1954, стр. 55): «Все же это был крупный „афишный номер“, своего рода „гвоздь“».

Точно так же нет никаких оснований, несмотря на происхождение от французского *canard* посредством калькирования соответствующего французского выражения, *газетную утку* (или просто *утку*) для обозначения лживой сенсации, ложного слуха, обособлять в качестве омонима от слова *утка* в прямом, предметно-конкретном значении (ср.: *пустить утку*). Дело в том, что никакого отдельного слова *утка* со значением «ложный слух, газетная сенсация, не основанная на фактах» в русском языке нет. Контекст употребления слова *утка* в этом значении очень ограничен. За пределами соответствующей ситуации или тематики это значение предполагает строго определенные формы его фразеологического воплощения, причем ни одного выражения, соответствующего прямому, предметному значению *утка*, в смысловой функции *газетная утка* образовать по законам семантики русского языка нельзя (ср. некорректность выражений типа *сочинить утку*, *злостно распространить утку* и т. п.).

Исторические связи и отношения в словарном составе языка взаимодействуют с живыми, активными или актуальными современными грамматическими и семантическими отношениями, охватываются ими и влияют на них. Из того факта, что язык представляет собой ряды в синхронном плане не всегда достаточно ясно и точно объединенных и согласованных, внутренне слитных напластований, вытекает историчность и традиционность многих типов и систем словесных сцеплений и группировок в современной лексике. Например, *клуб* (английское *club*) и *клуб* «шарообразная масса» являются омонимами и в силу несоединимости, разобщенности значений, т. е. отчасти в силу разной этимологии, и в силу резкой разницы образуемых ими словопроизводных «гнезд» (ср. *клубный*, устар. *клубмэн* и *клубить*, *клубиться*, но *клубок* — обособилось), и в силу далекости фразеологических связей (ср. *рабочий клуб*, *заводской клуб* и устар. *английский клуб*, с одной стороны, и с другой: *клубы дыма*; *валить*, *нестись клубами* и т. п.), и в силу несовпадения грамматических форм (*клубов*, *клубами* и т. п., но *клубы*, *клубе*, *клубам* и т. п.). Большая часть этих различий унаследована от прошлого и в своих противопоставлениях установилась вскоре после освоения русским языком английского слова *club* (клуб), т. е. около полутора столетий тому назад.

Непосредственный исторический подход отчасти выражается и в том, что при анализе и квалификации омонимов в кругу терминов разных профессий, а также разных областей науки и техники уже заранее более или менее постулируются или предполагаются культурно-исторические отношения между системами терминов и объектами соответствующих видов профессиональной, технической деятельности. Например: *бак* (передняя часть палубы корабля — из голландского *Bak*) и *бак* (сосуд —

из французского *bas*); *кран* (затвор в виде трубки для выпуска жидкостей или газов — из голландского *Kraan*) и *кран* (подъемный механизм — из немецкого *Krahn*) и т. п. Иностранные слова могут заимствоваться в разное время как омонимы: *нота* (в музыке) и *нота* (дипломатическая); *реакция* (в химии, в физиологии, а также действие по глаголу *реагировать*) и *реакция* (в общественно-политическом значении); *дисциплина* (ср. *дисциплинированность*, *дисциплинарный*) и *дисциплина* (отрасль науки); *радикал* (лицо) и *радикал* (в математике и физике); *индукция* (в логике, ср. *индуктивный*) и *индукция* (в естественных науках) и др.

Влияние исторической традиции развития языка особенно остро сказывается в разграничении омонимов по их фразеологическим связям. Например: *лихой наездник*, *лихая песня* и *лихая беда*, *лихое горе*, *лихой недуг* и т. п.

Само собой разумеется, что меньшую роль в разграничении как разных значений слов, так и слов-омонимов играют словообразовательные связи и формы синтаксической сочетаемости, в основном унаследованные современным национальным языком от далекого прошлого, например: *кабачок* (овощ) и *кабачок* (уменьшительное к *кабак*); *проказы шалуна*, *проказы юных лет* и *заболеть проказой* и т. п.

Необходимо помнить также о том, что в ряде случаев условия омонимического деления только намечаются, омонимия находится еще в процессе становления и формирования, что язык представляет большое количество явлений переходных, колеблющихся.

Таким образом, нельзя рассматривать омонимические отношения в системе современного языка оторванно от исторических законов его развития, от его предшествующей истории, в особенности если связать состояние омонимии и условия ее развития с внутренними закономерностями структур разных классов слов и их взаимодействий между собой. Ср. отраженную омонимию прилагательных, произведенных от слов-омонимов *штоф*: «харчевни, ресторации, десятки *штофных* лавочек» (Некрасов) и «В гостиной *штофные* обои» (Пушкин); ср. омонимию союзов и частиц *же*, *и* и т. д.

Вполне понятно, что созвучные слова с непроемной основой должны быть признаны омонимами, если их прямые, номинативные значения не находятся ни в какой, даже переносной, смысловой связи. В таких случаях этимология слов оказывается безразличной к их современным функциям. Например, слова *горн* (кузнечный мех, сюда примыкают этимологически *гореть*, *горшок*, *гончар* и др. под.) и *горн* (духовой инструмент, немецкое *Horn*) омонимичны, так как их номинативные значения не соединимы, не связаны никакими семантическими отношениями. Ср. *филе* (вышивка, французское *filé*) и *филе* (сорт мяса, французское *filet*); *узел* (место, где связаны концы чего-нибудь) и *узел* (мера скорости движения корабля, калька английского *knot*) и т. п.

В словах с производной основой омонимия определяется не только резкими различиями основных, предметных значений, но и общими закономерностями образования омонимов, присущими данному языку, а также законами связи и соотношения разных словообразовательных и семантических категорий и оморфомностью композиционных элементов. Ср., например: *коновод* (с основой первой части *конь*) и *коновод* (от *кон* «зачинщик, вожак»), *сплавить* (*сплав*, *плавить*, *плавка*) и *сплавить* (*лес*,

товар; ср. *сплав, плавуны* и т. д.), *русак* (исконно русский человек) и *русаж* (заяц) и т. п.

Необходимо различать в кругу образований с производными словами омонимию непосредственную и омонимию отраженную. Например, в тех случаях, когда то или иное слово образовано от общей основы и разных, хотя и оморфемных аффиксов, омонимия непосредственно заложена в структуре производного слова, в характере его морфологических элементов или слагаемых: *сложить вместе все вещи* и *сложить с себя то или иное звание*.

*

При изучении омонимов с грамматической и структурно-семантической точек зрения ярко выступают своеобразия и индивидуальные свойства разных частей речи в отношении к омоформии и к омонимии, в значительной степени уясняются и внутренние законы омонимического словообразования в системе разных частей речи. Картина движения и соотношения всех типов омонимов в русском языке целиком раскроется лишь тогда, когда будет всесторонне исследовано распределение полных (а не только частичных) лексических омонимов по частям речи. Впрочем, и среди разных типов частичной омонимии есть такие разновидности, которые очень близки к полным лексическим омонимам. Среди полных лексических омонимов необходимо различать две категории слов:

- 1) омонимы, относящиеся к разряду так называемых неизменяемых слов, лишенных сложного аппарата формообразования и словоизменения;
- 2) омонимы, принадлежащие к таким частям речи, в пределах которых слово обладает разветвленной системой грамматических форм и словообразовательных отростков.

В кругу тех категорий знаменательных слов, которые имеют сложные системы форм словоизменения и словообразования, в русском языке по своей численности и своему семантическому весу особенно выделяются два разряда омонимов: а) омонимы-существительные и б) омонимы-глаголы. Именно внутри этих двух частей речи особенно широко развита омонимия. Этого, впрочем, естественно и ожидать, так как большая часть русской лексики замкнута в пределах классов имени существительного и глагола. Менее развита омонимия в системе имен прилагательных. Здесь омонимия носит почти исключительно отраженный характер. Почти нет омонимии внутри таких частей речи, как местоимения и имена числительные. Относительно немногочисленны омонимы «отраженного» типа в кругу наречий и слов категории состояния. Здесь гораздо ярче и шире обнаруживается междуклассовая и межкатегориальная омонимия. Предметом специального исследования должно быть изучение специфических особенностей омонимии в кругу формальных и служебных слов и частиц.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Стр. 13. «К истории лексики русского литературного языка». — «Русская речь», новая серия, № 1. Л., «Academia», 1927, стр. 90—118. — Статья имеет принципиальное значение как для становления лексикологических взглядов акад. В. В. Виноградова, так и для развития ныне общепризнанных в отечественной науке представлений о русском литературном языке, его истории и лексическом составе, особенно о месте и роли старославянских элементов в его словаре. Исходные установки группы исследователей, открывших в сборнике «Русская речь» особый отдел «Как складывался русский литературный язык», в котором наряду со статьей В. В. Виноградова публиковалась работа акад. С. П. Обнорского «К истории словообразования в русском литературном языке», четко и ясно были изложены редактором сборника акад. Л. В. Щербой в специальном примечании в начале отдела. Ниже приводится текст этого примечания («Русская речь», новая серия, № 1, стр. 74).

XVIII век прошел у нас, несомненно, под знаком языковой борьбы, вернее был посвящен выработке литературного языка, который отвечал бы новым общественным условиям. В начале XIX в. процесс этот в общем закончился, и у зрелого Пушкина мы находим вполне выкристаллизовавшийся литературный язык, подвергавшийся и подвергающийся с тех пор лишь мало осознаваемым обществом изменениям. Борьба эта происходила не только на практике, но и в теории, и отголоски ее звучат еще в первой четверти минувшего века, а торжествующие песни победителей раздавались в качестве пережитков в школе и до наших дней.

Действительно, русское общество в течение всего XIX в. воспитывалось на одностороннем полемическом освещении вопроса и считало, считает и до сих пор, будто реформа, совершавшаяся в начале XIX в., состояла в изгнании «церковно-

славянских» элементов из русского литературного языка, в результате чего мы получили якобы «чистый русский язык».

На самом деле все сводилось к перемещению центра тяжести среди разных стилей русского литературного языка, к выработке под влиянием сношений с Западной Европой способов выражения для новых понятий, новых чувств и их оттенков и в значительно меньшей мере к утрате некоторых традиционных элементов. И потому правильнее всего считать все же современный русский литературный язык непосредственным продолжателем на русской почве «церковнославянского», точнее югославянского литературного языка.

Во всяком случае ко всему этому вопросу давно пора подойти не с полемической, а с объективно-исторической точки зрения, и можно сказать, что вопрос о происхождении русского литературного языка является одним из самых актуальных в русской филологии. Поэтому редакция «Русской речи» предполагает поместить целый ряд статей и исследований, посвященных истории русского литературного языка и, в частности, вопросу о преемстве в нем и вопросу о взаимоотношении как двух его основных стихий «церковнославянской», точнее югославянской литературной, и этнографически-русской, так и второстепенных, прежде всего западноевропейской.

Помещаемые ниже статьи С. П. Обнорского и В. В. Виноградова открывают эту предполагаемую серию, и редакция надеется, что они окажутся не единственными.

Стр. 36. «Заметки о лексике «Жития Саввы Освященного»». — «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников». Под редакцией акад. В. Н. Перетца. Изд-во АН СССР. Л., 1928, стр. 349—353. — Одна

из ранних работ акад. В. В. Виноградова (1926 г.), показывающая его подходы к изучению лексикологии и к исследованию истории слов. Текст заметок почти полностью повторен в статье «Орфография и язык „Жития Саввы Освященного“ по рукописи XIII в.» (раздел «Замечания о лексике „Жития Саввы Освященного“») — В кн.: «Памятники древнерусской письменности, языка и текстологии. М., 1968, стр. 137—198.

Стр. 40. «Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения». — Научная сессия Ленинградского гос. ун-та 16—30 ноября 1945 г. Тезисы докладов по секции филол. наук. Л., 1945, стр. 56—58. — Данная публикация и не печатавшийся доклад непосредственно примыкают к следующей работе и представляют большой интерес для понимания семантико-лексикологической концепции акад. В. В. Виноградова и его взглядов на историю и состав словаря современного русского литературного языка.

Стр. 41. «Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка». — «Научный бюл. ЛГУ, 1946, № 6, стр. 16—18. — Авторская аннотация задуманной, но оставшейся ненаписанной капитальной монографии (см. вступительную статью к тому).

Стр. 44. «Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков». — «Научный бюл. ЛГУ», 1946, № 11—12, стр. 26—29. — Идея этой краткой публикации была впоследствии развита акад. В. В. Виноградовым в работах, посвященных процессам формирования национальных языков у отдельных славянских народов; в собственно лексикологических исследованиях обращений к этой тематике нет (ср., впрочем, этюд о славянских параллелях русского слова *задуматься* в статье «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка», а также ряд отдельных заметок из истории слов и выражений).

Стр. 48. «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка». — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1951, т. X, вып. 3, стр. 218—239. С незначительными разночтениями, главным образом в вводной главе, статья переводилась на словацкий и немецкий языки. Хронологически и по концепции она входит в цикл работ В. В. Виноградова начала 50-х годов, в которых было обосновано и изложено учение о словообразовании как самостоятельной отрасли науки о русском языке, занимающей промежуточное положение между грамматикой и лексикологией. Заклю-

чительные главы статьи непосредственно примыкают к работам, посвященным взаимодействию словообразования и формообразования: «Вопросы современного русского словообразования», «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (1951; обе статьи воспроизводятся в томе «Исследования по русской грамматике» настоящего издания «Избранных трудов» В. В. Виноградова) и др. Однако основная часть статьи посвящена взаимодействию словообразования и лексикологии, лишь бегло затрагиваемому в статье «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии». Очевидна также связь этой статьи с общетеоретическими проблемами, обсуждавшимися в советском языкознании того периода, прежде всего с понятиями «внутренних законов» развития языка, основного словарного фонда и лексического состава языка и др.

Стр. 70. «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии». — «Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 3, стр. 185—210 — Статья воспроизводится с некоторыми сокращениями, отмеченными в тексте (в частности, опущены повторяющиеся и в других статьях этого периода цитаты и критика злоупотребления семантикой в работах Н. Я. Марра). Статья во многом перекликается с общетеоретическими работами и работами по словообразованию, опубликованными в начале 50-х годов: в изложении проблем зависимости образования слов от структуры языка, в понимании роли «внутренних законов» развития языка и т. д. В то же время она знаменует собой возврат В. В. Виноградова к исследованию исторической лексикологии, являясь по существу публикацией материалов из задуманной в середине 40-х годов книги (см. вступительную статью к тому и комментарий к аннотации «Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка»). Интерес к связи словаря с историей народа, к особенностям развития основного устойчивого «корневого ядра» и его базовой роли для общего обогащения словарного состава, разных его лексико-семантических пластов, к национальной специфике семантико-смысловых связей и взаимообусловленностей слов и их разрядов и т. д. отражен также в более поздних работах (см. комментарий к статье «Из истории лексикологии»). Нельзя не отметить, что богатейший иллюстративный материал, особенно из русского литературного языка XVIII—XIX вв., описание конкретно-исторических особенностей формирования русского словаря и другие особенности комментируемой статьи хорошо просле-

живаются в статьях того же времени по словообразованию.

Стр. 95. «Из истории лексикологии». — «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР». М., 1956, № 10, стр. 3—32. — Статья воспроизводится с отдельными сокращениями, отмеченными в тексте. Несмотря на то, что в ней сильна конъюнктурная полемика с рядом современных языковедов и налицо тенденциозные оценки их творчества, статья представляет несомненный интерес для понимания концепции В. В. Виноградова. Продолжая цикл публикаций по исторической лексикологии (см. вступительную статью к тому и комментарий к статье «Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка») и работая параллельно над теорией лексикографии (см. статью 1956 г. «О некоторых вопросах теории русской лексикографии»), он дал в ней общий исторический очерк, критическое изложение лексикологических работ А. А. Потебни, М. М. Покровского, Н. Г. Чернышевского, а также и И. Трира, В. И. Абаева, Р. А. Будагова, С. Д. Кацнельсона, Ф. П. Филина. По своим позитивным идеям статья близка к коллективной публикации О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова и В. В. Иванова «О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии» (ВЯ, 1956, № 3, стр. 3—24). Многие страницы работы очевидно перекликаются с грамматическими трудами, в частности со статьей «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии».

Стр. 121. «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины». — «Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819—1944. Секция филол. наук. Л., 1946, стр. 45—69. — См. комментарий к статье «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке».

Стр. 143. «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке». — «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов». М.—Л., 1947, стр. 339—364. — Вместе с предыдущей публикацией статья представляет собой в сущности одну и ту же работу — классическое исследование русской фразеологии как особой отрасли науки о языке. Публикация обеих версий представляется целесообразной не только в силу многочисленных разночтений, значительного числа разных примеров или разной их интерпретации в деталях, но и для проникновения в особенности творческой манеры В. В. Виноградова, постоянно углублявшего и уточнявшего ранее сде-

ланные наблюдения и выводы. Так, первоначально очерченная в статье 1946 г. концепция значений слова фактически не вошла в статью 1947 г. «отпочковавшись» по замыслу автора в отдельную работу «О свободных и связанных значениях слов», на которую в тексте статьи 1947 г. дается подстрочная ссылка; к сожалению, задуманная работа не была опубликована (предполагалось ее издание в «Уч. зап. кафедры русского языка МГУ»); в значительно расширенном виде этот материал вошел в классическую публикацию взглядов ученого на смысловую структуру слов в целом — статью «Основные типы лексических значений слова» (1953). В тезисном изложении это учение включалось автором в его грамматические труды (см. вступительную статью к тому). Изложенное в комментируемых работах учение о русской фразеологии, ее деление на фразеологические сращения; фразеологические единства и фразеологические сочетания имело громадное значение и авторитет в отечественной науке последующих лет и не утратило своего влияния до сих пор.

Стр. 165. «Основные типы лексических значений слова». — ВЯ, 1953, № 5, стр. 3—29. — Работа была впервые оглашена на расширенном заседании ученого совета Института языкознания АН СССР (19—23 июня 1953 г.) в качестве доклада под тем же названием. Тезисы опубликованы (изд-во АН СССР, 1953, стр. 8—10). К проблеме разных видов значений слов, к изучению «связанных, несвободных» значений слова В. В. Виноградов шел с очевидностью от исследования фразеологии в конце 40-х годов; им была задумана особая статья «О свободных и связанных значениях слов», оставшаяся ненапечатанной (хотя автор ссылается на нее как опубликованную в «Уч. зап. кафедры русского языка МГУ» — см. комментарий к статье «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке»). Семантическая концепция В. В. Виноградова частично отражена также, помимо статей по фразеологии, в его лексикографических работах. Однако комментируемая статья остается единственной развернутой сводкой взглядов ученого на смысловую структуру слова, классической публикацией, во многом предопределившей семантические исследования слова в отечественном языкознании последующих лет.

Стр. 195. «Вопрос об историческом слове русского литературного языка XIII—XX вв.» — «Уч. зап. Московского гос. пед. дефектологического ин-та. Кафедра русского языка». М., 1941, стр. 3—19. — Статья опубликована в качестве

первой части общей публикации под заглавием «Лексикологические заметки»; ч. 2 — «Очерки по истории русской лексики» представляют собою набор этюдов (1. *Витать*, 2. *Мерцать*, 3. *Живоотрещущий*, 4. *Злободневный*, 5. *Втереть очки*, 6. *Квасной патриотизм*); связь разбора именно этих слов с вопросом об историческом словаре представляется условной и иллюстративной, что позволяет в настоящем издании ограничиться воспроизведением лишь первой части публикации как вполне самостоятельной работы. Нельзя, однако, не отметить, что ее концовка, выполненная как переход ко второй части данной публикации, фактически является обоснованием нового научного направления, столь прославившего В. В. Виноградова — истории слов и выражений; она заложила теоретические и практические основы многочисленных дальнейших работ В. В. Виноградова в этой области (см. вступительную статью к тому). По своим теоретическим основам воспроизводимая часть публикации находится в тесной связи с исследованиями автора по исторической лексикологии.

Стр. 209. «Толковые словари русского языка». — «Язык газеты», М.—Л., 1941, стр. 353—395. — Входя в это «практическое руководство и справочное пособие для газетных работников» в качестве отдельного раздела, блестящий монографический очерк русских словарей имеет вполне самостоятельное значение. Тип издания, несомненно, определил популярность стиля, вообще несвойственную В. В. Виноградову манеру изложения: упрощенный синтаксис, отсутствие специальной терминологии и сложных формулировок (ср., например, такие толкования в тексте: «...эвфемистически, т. е. для замены прямого обозначения чего-нибудь описанием с целью скрыть, прикрыть что-нибудь предосудительное», «...и орфоэпическими, т. е. относящимися к вопросам правильного произношения, указаниями»), иллюстрации учебного характера в виде сопоставления словарных статей из разных словарей, минимальное для В. В. Виноградова число библиографических сносок и т. д. Сюда же относятся и опущенные в настоящем издании иллюстрации — титульные листы и отдельные страницы из старых изданий (титульный лист «Лексикона славеноросского Памвы Берынды», «Лексикона тринаязычного Федора Поликарпова» и т. д., всего 11 фото-клише). Все эти особенности, однако, не привели к снижению научного уровня и самостоятельной оригинальности текста, сохраняющего до сих пор не только историческое, но и научное значение.

Стр. 246. «О некоторых вопросах теории русской лексикографии». — ВЯ, 1956, № 5, стр. 80—94. — Несмотря на общетеоретический характер статья непосредственно связана с обсуждением IV тома «Словаря современного русского литературного языка» (М.—Л., 1955). Опубликованная в «Литературной газете» 3 апреля 1956 г. статья В. Важдаяева «Академическое равнодушие и живое дело» и проверка работы над словарем (тогда выпускавшегося как четырнадцатитомный) комиссией Бюро Отделения литературы и языка АН СССР (под председательством Е. А. Бокарева) вызвали обсуждение словаря на расширенном заседании Бюро Отделения литературы и языка АН СССР совместно с лексикографической секцией ученого совета Института языкознания АН СССР и участием сотрудников словарного сектора этого института 12—14 апреля 1956 г. в Ленинграде (на этом заседании В. В. Виноградов как академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР выступил с докладом; см. коллективную публикацию: О. С. Алманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии. — ВЯ, 1956, № 3, стр. 3—24). 9 июня 1956 г. на заседании лексикографической секции ученого совета Института языкознания АН СССР в Ленинграде были приняты поворотные решения, в которых было учтено обсуждение ранее вышедших томов, особенно III и IV, и намечены новые по сравнению с Инструкцией 1938 г. принципы составления последующих томов, число которых было доведено впоследствии до семнадцати (переход на алфавитное расположение слов, новый подход к сочетанию нормативности с историзмом и др.). Комментируемая статья В. В. Виноградова отражает бурную дискуссию этого времени (опубликована в открытом тогда журнале «Вопросы языкознания» особом отделе «Теория и практика русской лексикографии», вместе с близкими по духу статьями Е. А. Земской и И. И. Ковтуновой, также отражавшими их участие в обсуждении словаря), в частности, в ней дается теоретическое обоснование проблем омонимии, вызвавших в ходе дискуссии споры вокруг принципов подачи слов в словарях: Статья написана по тексту доклада, прочтенного В. В. Виноградовым летом 1956 г. и характеризуется полемической заостренностью, спорностью ряда положений, оправданной в контексте упомянутых дискуссий и острого обмена мнениями; критическая требовательность В. В. Виноградова к академическому словарю остро прояви-

лась и в его работах 1966 г. — «Семнадцатитомный „Словарь современного русского литературного языка“ (1948—1965) и лексикографическая традиция» (1966) и «Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания» (1966), в которых наряду с указанием на известную двойственность, компромиссность концепции словаря в целом дана высокая оценка этого капитального труда, отмеченного Ленинской премией 1970 г. В обеих статьях В. В. Виноградова, посвященных 17-томному академическому словарю внимание сосредоточено на проблеме семантической структуры слова и распада разных типов слов на омонимы; критически рассматриваются также принципы стилистического закрепления тех или иных слов и выражений.

Стр. 268. «Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры». — ВЯ, 1968, № 1, стр. 3—22. — В статье, стимулированной критическим обсуждением вышедшей в свет работы Института русского языка АН СССР «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи» (М., 1966), рассматриваются принципиальные вопросы соотношения синхронии и диахронии в языке. Переключаясь с своими работами по исследованию форми-

рования славянских языков, В. В. Виноградов доказывает преемственность между древнерусским и современным русским литературным языком, в силу которой специфично должны решаться проблемы перевода древнерусских текстов и проблемы толкования древнерусских слов, особенно однородных или близких по структуре.

Стр. 291. «Об омонимии в русской лексикографической традиции». — В кн.: «Историко-филологические исследования. Сб. статей к 70-летию акад. Н. И. Конрада». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 51—57. — Наряду со статьями «Об омонимии служебных слов в современном русском языке» (1967), «К изучению вопросов омонимии» (1969), «Омонимы из гнезда „стрела“» (1969) и «Процессы устранения омонимов в русском литературном языке XVIII—XIX вв.» (1969) статья является одной из последних публикаций В. В. Виноградова в области исследования проблем омонимии. К вопросу об омонимах в лексикографической теории и практике В. В. Виноградов обращался также в других статьях более общей тематики, например в статье «О некоторых вопросах теории русской лексикографии» и «Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания» (1966).

**БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. В. ВИНОГРАДОВА
В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКОЛОГИИ, ФРАЗЕОЛОГИИ, СЕМАСИОЛОГИИ
И ЛЕКСИКОГРАФИИ**

1. К истории лексики русского литературного языка. «Русская речь», новая серия, № 1, «Academia», 1927, стр. 90—118.
2. Заметки о лексике «Жития Саввы Освященного». — «Сб. статей ОРЯС АН СССР», 1928, т. 101, № 3, стр. 349—353; см. также: «Замечания о лексике „Жития Саввы Освященного“ в статье «Орфография и язык „Жития Саввы Освященного“ по рукописи XIII в.». — «Памятники древнерусск. письменности. Язык и текстология». М., 1968, стр. 137—198.
3. Толковый словарь русского языка Под ред. Д. Н. Ушакова, т. II—IV. Составители: В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков. М., 1938—1940; 2-е фотоофсетн. изд. М., 1947—1948.
4. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII—XX вв. (в составе публикации «Лексикологические заметки»). «Уч. зап. Московского гос. пед. дефектологич. ин-та. Кафедра рус. языка и лит-ры», т. I, 1941, стр. 3—19.
5. Толковые словари русского языка. — В кн.: Язык газеты. М.—Л., 1941, стр. 353—395.
6. Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения (доклад на научной сессии в ЛГУ 16—30 ноября 1945 г.). «Тезисы докладов по секции филол. наук». Л., 1945, стр. 56—58.
7. Материалы и исследования в области исторической лексикологии русского литературного языка. «Науч. бюл. ЛГУ», 1946, № 6, стр. 16—18.
8. Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков. «Науч. бюл. ЛГУ», 1946, № 11—12, стр. 26—29.
9. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. «Труды юбилейной науч. сес-сии ЛГУ (1819—1944). Секция филол. наук». Л., 1946, стр. 45—69.
10. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В сб.: «А. А. Шахматов (1864—1920)». М.—Л., 1947, стр. 339—364.
11. В. И. Чернышев как исследователь русского литературного языка. «Русск. язык в школе», 1947, № 2, стр. 54—67.
12. Проект словаря языка Пушкина. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 1—124 (отв. редактор).
13. [Рец.] «Русско-украинский словарь» (М., 1948). «Советская книга», 1950, № 2, стр. 91—99.
14. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 10, вып. 3, 1951, стр. 218—239.
15. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. — «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 12, вып. 3, 1953, стр. 185—210.
16. Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, № 5, 1953, стр. 3—30 (по докладу на открытом расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР 19—23 июня 1953 г. Тезисы изд. АН СССР. М., 1953, стр. 8—10).
17. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии. — ВЯ, № 3, 1956, стр. 3—24 (в соавторстве с О. С. Ахмановой и В. В. Ивановым).
18. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. — ВЯ, № 5, 1956, стр. 80—94.
19. Из истории лексикологии. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1956, вып. 10, стр. 3—28.
20. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления. «Труды отдела древнерусской лит-ры», вып. 14, 1958, стр. 371—379.
21. [Предисловие]. Михаил Михайлович Покровский (1868—1924). — В кн.:

- М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., 1959, стр. 3—12.
22. Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка до конца 30-х годов XIX в. — ВЯ, 1959, № 4, стр. 50—51 (тезисы) и 1960, № 6, стр. 59—62.
 23. О культуре русской речи. «Русск. язык в школе», № 3, 1961, стр. 3—9.
 24. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. — ВЯ, 1961, № 4, стр. 3—19.
 25. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания. — ВЯ, 1964, № 3, стр. 3—18.
 26. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией. «Lingua viget» (Commentationes Slavicae in honorem V. Kiparsky), 1965, стр. 178—191.
 27. О процессах развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов. «Studia slavica» (Academiae scientiarum hungaricae), t. XII, fasc. 1—4, Budapest, 1966, стр. 433—451. Том посвящен Ст. Кнежа.
 28. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания. — ВЯ, № 6, 1966; см. также: «Семнадцатитомный „Словарь современного русского литературного языка“ (1948—1965) и лексикографическая традиция». — В кн.: Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного русского литературного языка» (1948—1965) и перспективам работы над словарем современного русского литературного языка. Л., 1966, стр. 3—4.
 29. Об омонимии в русской лексикографической традиции. — «Историко-филолог. исследования. Сб. статей к 70-летию акад. Н. И. Конрада». М., 1967, стр. 51—57.
 30. Об омонимии служебных слов в современном русском языке. — В кн.: To Honor Roman Jakobson, III. The Hague — Paris, 1967, стр. 2152—2158.
 31. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры. — ВЯ, 1968, № 1, стр. 3—22.
 32. Процессы устранения омонимии в русском литературном языке XVIII—XIX вв. «Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та», 1969, т. 66, ч. I, стр. 7—13.
 33. Омонимы из гнезда «стрела». — В кн.: Сборник докладов и сообщений лингвистического об-ва [Калининского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина], 1969, т. I, вып. I, стр. 7—14.
 34. Историкографические заметки об этимологии, семасиологии и лексикологии (применительно к русскому языкознанию). — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, стр. 225—235.
 35. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка. — В кн.: Мысли о современном русском языке. М., 1969, стр. 5—23.
 36. К изучению вопросов омонимии. «Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur (Berlin), 1969, XX, стр. 272—284.
 37. О трудах В. И. Чернышева по русскому языку. — В кн.: В. И. Чернышев. Избранные труды, т. I. М., 1970, стр. 6—48.
 38. О работе Н. В. Гоголя над лексикографией и лексикологией русского языка. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. Сб. статей, посвященный памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1970, стр. 30—53.

ПУБЛИКАЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИСТОРИИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ¹

39. О слове *ахинея* в русском литературном языке. «Русская речь», новая серия, № 3, Academia, 1928, стр. 28—46.
40. Из истории русских слов и выражений: 1) *роддых*; 2) *голословный*; 3) *советник*; 4) *дешевка*; 5) *с пальцем девять*, *с огурцом пятнадцать*; 6) *танцевать от печки*. «Русск. язык в школе», 1940, № 2, стр. 31—37.
41. Из истории русской лексики: 1) *небосклон*; 2) *вдохновить*; 3) *подвергать свою жизнь*; 4) *точить балы (баласы, ласы)*. — «Русск. язык в школе», 1941, № 2, стр. 12—19.
42. Очерки по истории русской лексики: 1) *вигать*; 2) *мерцать*; 3) *животрепещущий*; 4) *злободневный*; 5) *стереть очки*; 6) *квасной патриотизм* (в со-

¹ См.: «Алфавитный список слов и выражений, материал по истории которых дан в работах В. В. Виноградова» (сост. Ф. Ф. Кузьмин). — В кн.: Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. М., 1956, стр. 310—311.

- ставе публикации «Лексикологические заметки»). «Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектологич. ин-та. Кафедра русск. языка и лит-ры», 1941, т. I, стр. 20—50.
43. Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в. «Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ», 1946, вып. 1, стр. 10—12.
 44. Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком: [I]. Слово *мудный*. «Бюллетень диалектологич. сектора ИРЯ АН СССР», вып. 1. М., 1947, стр. 43—46.
 45. История слова *творчество* в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ», 1947, вып. 2, стр. 6—9.
 46. Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков). «Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ», 1947, вып. 3, стр. 7—12.
 47. Из истории русской литературной лексики: 1) история значения слова *свистопляска*; 2) история слова *отсебятина*; 3) история выражения *на мази*; 4) история значения *стрелять — стрельнуть*. — «Вестн. МГУ», 1947, № 7, стр. 3—14.
 48. Из истории русской литературной лексики: 1) *пошлый*; 2) *завиральный*; 3) *неудачник*; 4) *крепостник*; 5) *гвоздь*. «Уч. зап. кафедры русск. языка МГПИ», 1947, № 42, стр. 3—14.
 49. Из истории русской литературной лексики: 1) *мракобесие, мракобес*; 2) *лить, отглаживать пули*. «Докл. и сообщ. ИРЯ АН СССР», 1948, вып. 2, стр. 3—21.
 50. Из истории русской литературной лексики: 1) *распад и разложение*; 2) *обобществлять*. «Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ», 1948, вып. 5, стр. 16—20.
 51. Из истории русской литературной лексики: 1) *в сорочке родился, родилась*; 2) *двурушник, двурушничество*; 3) *отчитать — отчитывать*; 4) *завсегда-тай*; 5) *себялюбие, себялюбивый*. «Уч. зап. кафедры русск. языка МГПИ», 1948, № 56, вып. 2, стр. 3—18.
 52. Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком: 2) *шумиха и неразбериха*; 3) *щуплый*. «Бюллетень диалектологич. сектора ИРЯ АН СССР», вып. 3. М., 1948, стр. 59—65.
 53. Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка: 4) *однокашник*. «Бюл. диалектологич. сектора ИРЯ АН СССР», вып. 4. М., 1948, стр. 100—105.
 54. Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка: 5) *быт*. — «Бюл. диалектологич. сектора ИРЯ АН СССР» вып. 5. М., 1949, стр. 96—101.
 55. Из истории русской литературной лексики: 1) *подписчик*; 2) *наклеиваться — наклеяться — удаваться*. «Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ», 1949, вып. 8, стр. 3—9.
 56. Из истории современной русской литературной лексики. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 376—392.
 57. Из истории русской лексики и фразеологии: 1) история выражения *перемывать косточки*; 2) история слова *простофиля*; 3) история слова *кружок*. «Докл. и сообщ. ИЯЗ АН СССР», 1954, вып. 6, стр. 3—22.
 58. Из истории слов (*полномочный и правомочный; самоуправление*). — ВЯ, 1955, № 5, стр. 100—106.
 59. Из истории русской литературной лексики (*прямолинейный, прямолинейность; односторонний; самочувствие; непосредственный*). «Cercetări de lingvistică» (Ed. academiei republicii populare Române). Cluj, 1958, t. III, p. 537—547.
 60. Из истории русской литературной лексики (*письменность, очерк, суть*). «Докл. и сообщ. ИЯЗ АН СССР», 1959, вып. 12, стр. 31—49.
 61. Историко-этимологические заметки (о русских словах *воззрение* и *завалачивать*). «Этимологические исследования по русскому языку», вып. 1. Изд-во МГУ, 1960, стр. 52—60.
 62. Историко-этимологические заметки—I (*письмоносец, светоч, плюгавый, поединок, предвзятый, предумышленный, представитель, царедворец*). — В кн.: «Этимология». М., 1963, стр. 85—109.
 63. Историко-этимологические заметки — II (*начитанный, начитанность; переживание; интеллигенция; пресловутый; истошный [голос]; дотошный*). — В кн.: «Этимология». М., 1964, стр. 104—119.
 64. История русского слова *незабудка*. «Prace filologiczne» (Warszawa). 1964, XVIII, cz. 2, стр. 379—382.
 65. Из истории русских слов и выражений (*подковырка, пригвоздить, фортель, вертопрах и щелкопер*). — В кн.: Вопросы стилистики. Изд-во МГУ, 1966, стр. 34—43.
 66. История слова *изящный* (в связи с образованием выражений *изящная словесность, изящные искусства*). — В кн.: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-

- кор. АН СССР П. Н. Беркова. М.—Л., 1966, стр. 434—442.
67. Историко-этимологические заметки — III (1. *Закал, закалить; закаленный*; 2. *Набожный, набожность*; 3. *Перелистывать — перелистать*; 4. *Сосредоточенный, сосредоточенность*; 5. *Стрюцкий*). — В кн.: «Этимология — 1965». М., 1967, стр. 161—176.
68. О словах *дружелюбие, дружелюбный*. «Русская речь», 1967, № 6, стр. 83—87.
69. О серии выражений *муху зашибить, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой*. «Русская речь», 1968, № 1, стр. 83—90.
70. История слова *подвиг* в русском языке. «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orietales et Slaves», t. XVIII (1966—1967). Bruxelles, 1968, p. 459—474.
71. Историко-этимологические заметки — IV (1. *Кутить*; 2. История слова *гранжирить*; 3. История слова *зависеть*; 4. Возникновение и развитие слова *сословие*). — В кн.: «Этимология — 1966». М., 1968, стр. 111—137.
72. История возникновения и употребления слова *бытность* в русском языке. «Slavia Orientalis» (Warszawa), 1968, № 3, стр. 457—462.
73. Об экспрессивных изменениях значений и форм слов (1. *Клеврет*. 2. *Рубаха-парень, человек-рубаша*. 3. *Наять*. 4. *Солдафон*). «Советское славяноведение», 1968, № 4, стр. 3—11.
74. Историко-этимологические заметки (1. *И живота весьма лишить*. 2. *Ум, любя простор, теснит*). — В кн.: Труды отдела древнерусской литер., т. 24. Л., 1969, стр. 325—326.
75. История возникновения и употребления слова *бытность* в русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1971, т. 423, стр. 9—19 (История слова *подлый* — стр. 17—19).
76. Историко-этимологические заметки (1. *зодчий*, 2. *поползновение*, 3. *стих нашел*, 4. *отпетый (человек, дурак и т. п.)*, 5. *хоть святых вон выноси*). — В кн.: «Этимология — 1968». М., 1971, стр. 157—170.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

(к библиографии *)

Ахивея 39	Инфлюенция 15	Однокашник 53
Бездарность 115	Истошный (голос) 63	Односторонний 59
Белены объелся 10	Квасной патриотизм 42	Олух 31
Быт 54	Кисейная барышня II, 18	Отпетый (человек, дурак и т. п.) 76
Бытность 72, 75	Кислота 15	Отсебятина 47
Вампир 57	Клеврет 73	Отсталый 15
Вдохновить 41	Кодекс 16	Отчитать — отчитывать 51
Вдуматься, вдумчивый 14	Концовка 16	Отщепенец 46
Вертопрах 65	Крапивное семя, скакать в крапиву 9	Очаровательный 15
Веяние 56	Крепостник 48	Очерк 60
Витать 42	Кругозор 57	Пароход II, 18
Влияние, влиять 15	Кузькина мать 9 и 10	Передовой 15
Воззрение 61	Куры не клюют 9 и 10	Переживанье 63
Впасть 16	Кутить 71	Перелистывать — перелистать 67
В сорочке родился, родилась 51	Лить (отливать) пули 49	Перемывать косточки 57
Втереть очки 42	Личность 43	Письменность 60
Вурдалак 57	Мерцать 42	Письмоносец 62
Выть (см. повытчик) 15	Мракобесие, мракобес 49	Плот [и производные] 14
Гвоздь 48	Муху зашибить (задавить, раздавить, убить), с мухой, под мухой 69	Плюгавый 62
Голос 46 и 15	Набожный, набожность 67	Поветрие 56
Голословный 40	На дружеской (короткой, равной и т. д.) ноге 9	Повытчик (см. выть) 15
Двурушник, двурушничество 51	Наклеиваться — наклюнуться, удаваться 55	Поглотить, поглощать 16
Дешевка 40	На мази 47	Подвергать свою жизнь 41
Дотошный 63	Народ [и производные] 14	Подвиг 70
Дружелюбие, дружелюбный 68	Насолить 16	Подковырка 65
Дума, думать 14	Наука, наукообразный, научный 14	Подлый 75
Животрепещущий 42	Начитанный, начитанность 63	Подписчик 55
Завалищий 61	На ять 4, 73	Подставка 15
Завзятый 46	Небосклон 41	Поединок 62
Завиральный 48	Незабудка 64	Позор, позорище 4
Зависеть 71	Непосредственный 59	Полномочный 58
Завсегдатай 51	Неразбериха 52	Положение хуже губернаторского 48
Задуматься, задумчивый 14	Неудачник 48	Полоумный 31
Закал, закалить (закаленный) 67	Никчемный 46	Поползновение 76
Злободневный 42	Новшество 56	Посредственность 15
Злопыхательство II, 18	Нудный 44	Пошиб 16
Знаменитость 15	Нутро, нутрь 15	Пошлый 48
Зодчий 76	Обаятельный 15	Правомочный 58
Изящный 66	Обворожительный 15	Предвзятый 62
И живота весьма лишить 74	Обобществлять 50	Представитель 62
И викакой 9 и 10		Предумышленный 62
Интеллигенция 63		Преклонный 16
		Пресловутый 63
		Пригвоздить 65

* Арабская цифра означает порядковый номер статьи Библиографии.

Причина 15	Собаку съел 9 и 10	Транжирить 71
Пробудить, пробуждать 16	С боку припека 9 и 10	Трение 16
Прогресс 15	Солдафон 73	Удаваться 55
Проныра, пронырливый 31	Соображать — сообразить 15	Улыбаться 15
Просить 15	Соопоставить 15	Ум, любя простор, теснит 74
Простофиля 57	Сословие 71	Упырь 57
Прямолинейный, прямолинейность 59	Сосредоточенный, сосредоточенность 67	Усмехаться 15
Путевка в жизнь 15	Сочинение, сочинитель, сочинять — сочинить 15	Ухмыляться 15
Разложение 50	С пальцем девять, с огурцом пятнадцать 40	У черта на куличках 9 и 10
Распад 50	Стих нашел 76	Фортель 65
Расхлябанный, расхлябанность 16	Стрела 31	Халатный, халатность 56
Регресс 15	Стрелять — стрельнуть 47	Хлюст 26
Ретроград 15	Стрюцкий 67	Хоть святых вон выноси 76
Роздых 40	Суть 60	Царедворец 62
Рубаха-парень, человек-рубаша 73	Танцевать от печки 40	Чреватый 16
Самоуправление 58	Творчество 45	Шумиха 52
Самочувствие 59	Толконуть (ни в зуб) 9 и 10	Щелкопер 65
Светоч 62	Точить балы (балаасы, ласы) 41	Щуплый 52
Свистопляска 47		Язва, язвительный уязвленный 4
Себялюбие, себялюбивый 51		
Советник 40		

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаев В. И.** 50, 51, 54—56, 298
Абакумов С. И. 122, 127
Аблесимов А. О. 129
Абрамов Н. 92
Абрамович Д. И. 35
Аввакум протопоп 34
Адрианова-Перетц В. П. 265, 273—275
Азбелев С. 274
Аксаков С. Т. 59, 246, 253
Алексеев П. А. 214
Андреев Л. 178
Андрейчин Л. 53, 66
Анненков Ю. П. 251
Антокольский М. М. 252
Арносто Л. 205
Архангельский А. С. 271
Архангельский В. А. 10
Ахманова О. С. 7, 10, 116, 243, 298, 301
Ахматова А. А. 29
- Бакунин М. А.** 257
Балашша Й. 53, 54
Балли Ш. 1, 3, 8, 50—52, 119, 143, 144
Балухатый С. 200, 208
Баратынский Е. А. 169
Барсков Я. Л. 71
Барсов А. А. 24
Батюшков К. Н. 177, 218, 221, 231, 253
Бегичев Д. Н. 146
Белинский В. Г. 57, 257, 260
Бередников Я. И. 223
Берков П. Н. 304
Бернар Р. 287
Бернекер Э. 44, 280
Берында Памва 212, 299
Биларский П. С. 194, 223
Блок А. 101
Боборыкин П. Д. 83, 124, 125, 129, 135, 148, 149, 154
Бобров С. 71
Богданов А. 215
Богданович И. Ф. 18, 218
Богородицкий В. А. 12, 19
- Бодуэн де Куртене И. А.** 12, 119, 120, 175, 229, 230
Бокарев Е. А. 299
Болтин И. Н. 218
Бомарше П.-О. 271
Боткин В. П. 23, 89
Брамбеус барон 24, 25
Брандт Р. Ф. 284
Бреаль М. 100, 138
Бругманн К. 108, 111, 119, 131
Брюкнер А. 44
Брюллов К. П. 82
Будагов Р. А. 112—114, 268, 298
Будде Е. Ф. 12, 18, 174
Будилович А. С. 44, 275, 276
Булаховский Л. А. 92, 236, 269, 284
Булич С. К. 14, 19, 26, 32, 33, 212, 269
Бунин И. А. 174
Буслаев Ф. И. 32, 230
Бутков П. Г. 223
- Важдаев В.** 299
Вандриес Ж. 52
Васильев Л. Л. 19, 35
Васнецов Н. М. 16, 18
Вебер Г. 106
Вейсман Э. 282
Вельтман А. 285
Вересаев В. В. 174
Веселовский А. Н. 84
Виноградов В. В. 1—10, 29, 88, 110, 213, 236, 243, 267, 269, 273, 296—302
Виноградов Н. 15
Винокур Г. О. 9, 277, 301
Водовозов Н. В. 265
Вольтер Ф.-М. 271
Вольтер Э. А. 18
Востоков А. X. 38, 219, 221, 229
Вяземский П. А. 70, 84, 137, 193, 202—204, 210, 236, 241
- Галахов А. Д.** 194
Галкина-Федорук Е. М. 302
Гаршин В. М. 167, 250
Гегель Г. 108
Гельтергоф Ф. 214
Герасимов М. Г. 16
Герцен А. И. 57, 69, 176, 248
Гиляров-Платонов Н. П. 2, 72, 73
Гнедич Н. И. 222
Гоголь Н. В. 58, 59, 83, 124—126, 128, 146, 148, 149, 154, 168, 181, 209, 220, 224, 231, 241, 242, 253, 297, 292, 302
Головин А. Я. 183
Голубов С. 167
Гончаров И. А. 84, 124, 127, 138, 148, 151, 160, 164, 169, 170, 173, 185, 231, 244, 245, 287
Горький А. М. 94, 130, 176, 208, 236, 240, 242, 255
Горяев Н. В. 284
Грандилевский А. 14, 16
Греч Н. И. 22, 23, 230
Грибоедов А. С. 122, 125, 148, 172, 183
Григорович Д. В. 179, 185, 231, 233
Грот Я. К. 34, 58, 78, 86, 92, 122, 153, 165, 166, 170, 192, 197, 198, 227, 230—232, 234, 247, 287
Грузинский А. Е. 12
Гумбольдт В. 107, 120, 194
Гуссерль Э. 108
- Давыдов Д.** 168
Давыдов И. И. 89, 231
Даль В. И. 23, 60, 62, 70, 74, 78, 90, 92, 102, 103, 175, 197, 200, 209, 210, 224—230, 238, 240, 281, 282, 287
Даниил Заточник 275
Данилевский Г. 89

- Давичич Дж. (Давичий В.) 285
 Дашкова Е. Р. 220
 Декарт Р. 209
 Державин Г. Р. 94, 122, 211, 218, 222
 Державин Н. С. 199
 Державина О. А. 265
 Дмитриев И. 84
 Добровольский В. Н. 14
 Добровский И. 218
 Добролюбов Н. А. 169
 Долгорукий И. М. 131
 Достоевский Ф. М. 86, 125, 128, 130, 131, 139, 148, 152, 160, 164, 169, 173, 176, 181, 231, 237, 246
 Драгунов А. А. 82
 Дружинин А. В. 156
 Дудкин С. П. 107
 Дурново Н. Н. 16, 17, 269
 Дювернуа А. 57, 102, 177

 Евгеньева А. П. 58, 196
 Екатерина императрица 71
 Еремин И. П. 273, 274
 Есперсен О. 119

 Жемчужников А. М. 89
 Жильерон Ж. 49
 Житецкий П. И. 212
 Жуков В. П. 10
 Жуковский В. А. 59, 84, 174, 177, 200, 218, 220, 222, 232, 235, 241, 245, 255

 Загоскин М. Н. 83, 126, 249
 Зарудный С. И. 172
 Зеленин Д. К. 48, 49, 286
 Земская Е. А. 300
 Златовратский Н. Н. 233, 246
 Златоуст 271

 Ибрагимов Н. 193
 Иван Грозный 265
 Иван Федорович, рязанский князь 79
 Иванов В. В. 7, 116, 243, 298, 301
 Иванова Т. А. 265
 Измайлов А. А. 164
 Ильинский Г. А. 45
 Иноходцев П. Б. 218
 Ипсен Г. 111
 Исаченко А. В. 277
 Истрин В. М. 16, 35, 194, 199, 200, 269

 Казимир, польский король 79
 Калайдович И. Ф. 194, 257, 258
 Калайдович К. Ф. 211
 Калачев Н. В. 73
 Каптемир А. 60, 61, 71
 Карамзин Н. М. 14, 33, 34, 78, 177, 218, 231
 Каратыгин П. А. 84
 Карпов А. Б. 16, 211, 212
 Карский Е. Ф. 12, 18, 131, 269
 Кассирер Э. 108
 Кацнельсон С. Д. 111, 112, 115, 298
 Кинарский В. 47, 59
 Киреевский И. В. 59
 Киреевский П. В. 129
 Классовский В. 33, 280, 281
 Климент митрополит 284
 Кнежа Ст. 302
 Княжнин Я. Б. 202, 218
 Ковтунова И. И. 299
 Козодавлев О. П. 218
 Кокорев И. Т. 175, 185
 Колбасин Е. А. 177
 Колосов М. А. 15
 Кольцов А. В. 231, 233
 Кондратович К. 214, 215
 Кони А. Ф. 128, 172
 Конрад Н. И. 275, 277, 300, 302
 Коркунов М. А. 223
 Коробка Н. И. 209
 Корш Ф. Е. 10, 281, 282, 286
 Костомаров Н. И. 96
 Котляревский А. А. 195
 Кошутч Р. И. 12, 128
 Кроче Б. 120
 Крылов И. А. 57, 59, 206, 218, 222, 249
 Крымский А. Е. 35
 Кугель А. Р. 166
 Кузьмин Ф. Ф. 304
 Кульбакин С. М. 38
 Куприн А. И. 85, 182, 260, 264
 Куракин, князь 71, 181
 Курганов Н. 213
 Кутузов А. М. 71

 Лаврентий Зизаний Тустановский 212
 Лавров П. А. 16, 37, 38
 Лавровский П. А. 194, 195
 Лажечников И. И. 122, 247
 Ламанский В. И. 44
 Ларин Б. А. 9, 10, 195, 196, 236, 269, 301
 Лафарг П. 76
 Лафонтен Ж. 271
 Левитан И. И. 183
 Левитов А. И. 261
 Лемке М. К. 88
 Лемонте П. 206
 Ленин В. И. 229, 236

 Леонов Л. 167, 252
 Лепёхин И. И. 218
 Лермонтов М. Ю. 59, 124, 136, 146, 151, 169, 179, 220, 235, 246, 256
 Лесков Н. С. 62, 90, 125, 149, 175, 185, 201, 231, 237, 256
 Линде С. 43
 Ливыков Л. А. 260
 Лихачев Д. С. 265, 270, 272—278
 Ломоносов М. В. 12, 22—25, 27, 29, 78, 86, 94, 174, 194, 206, 207, 214, 215, 219
 Лопарев Хр. 284
 Лудольф Г. 27
 Лукьяненко А. М. 37
 Лурье Я. С. 265, 273, 274
 Лядов А. К. 252
 Ляпунов Б. М. 269, 283, 286

 Майков А. 185
 Макаров Н. П. 124, 148
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 248, 252, 260, 264
 Мандельштам И. 84
 Марек А. 59
 Маретич Т. 46
 Маркевич Б. М. 154
 Марков А. В. 286, 287
 Маркс К. 69, 76
 Марлинский А. А. 126, 168
 Марр Н. Я. 111—116, 297
 Маценауер А. 44
 Маяковский В. В. 237
 Мейс А. 45, 46, 56, 119
 Мельников-Печерский 122, 130, 139, 150, 233, 247
 Мельцер Е. М. 172
 Миклошич Ф. 38, 44
 Миллер В. Ф. 287
 Михайло Потока 58
 Михайлов А. В. 12
 Михайлов М. Л. 255
 Михельсон М. И. 89, 130, 139, 153, 172
 Модзалевский Б. Л. 202
 Мольер Ж.-Б. 271
 Мочульский В. Н. 33
 Муравьев Н. Н. 131
 Муравьев-Апостол И. М. 163
 Мусин-Пушкин А. И. 218

 Надеждин Н. И. 83
 Неверов А. С. 256
 Некрасов Н. А. 82, 83, 123, 125, 145, 148, 149, 153, 156, 179, 181, 231, 237, 293
 Никитенко А. В. 88, 166
 Никитин И. С. 185, 256
 Никитин Афанасий 265
 Никифоров С. Д. 79

- Николыч И. 72
 Никольский В. 44
 Никольский Н. К. 211
 Никон Черногорец 267
 Новакович Ст. 44
 Новиков И. А. 265
 Нордстет И. 282, 286
 Носович И. И. 78
- Обнорский С. П. 38, 128,
 195, 199, 269, 270, 291, 296
 Огарев Н. П. 255
 Огиенко И. И. 20
 Ожегов С. И. 9, 10, 170,
 171, 172, 176, 178, 180, 181,
 187, 188, 251, 252, 258,
 288—291, 301
 Озерецковский Н. Я. 218
 Орлов А. И. 236
 Осипов Н. 61
 Остгоф Г. 108, 111
 Островский А. Н. 124, 129,
 130, 139, 150, 153, 176,
 245, 254, 263
 Островский Н. 245, 251
 Остроумова-Лебедева А. 251
- Павский Г. П. 230
 Панаев И. И. 83, 84, 88
 Панферов Ф. И. 153
 Пауль Г. 119
 Паустовский К. Г. 248
 Пахман И. X. 234, 236
 Пекарский П. 214, 215
 Перетц В. Н. 296
 Петерсон М. Н. 52, 269, 270
 Петров А. 32
 Петровский Н. М. 213
 Пиккио Р. 269, 273, 275,
 276
 Пиксанов Н. К. 283
 Пирогов Н. И. 90, 91
 Писемский А. Ф. 90, 128,
 153, 154, 262
 Плевако Ф. Н. 166
 Плетнев П. А. 38, 86, 165,
 166, 223
 Плиний 101
 Погодин М. П. 195, 226
 Погорелов В. 213
 Покровский М. М. 1, 3, 5,
 100—106, 298, 301, 302
 Полевой Б. 246, 249
 Полевой К. 90
 Полевой Н. А. 90
 Поликарпов Ф. 213, 299
 Помяловский Н. Г. 121, 123,
 145, 231
 Попов М. 58, 59
 Попова И. 37,
 Попова Н. 185
 Поржезинский В. К. 122,
 127
 Потемля А. А. 95—101, 120,
 121, 123, 130, 145, 154,
 189, 298
- Преображенский А. Г. 44,
 62, 63, 80, 280, 282, 284—
 286
 Пруссак А. В. 211
 Прыжов И. Г. 177
 Пушкин А. С. 13, 14, 20,
 31, 57, 59, 63, 72, 83, 84,
 90, 91, 126, 153, 165, 166,
 172, 174, 177—180, 185,
 198, 202—209, 211, 220,
 222, 232, 235, 236, 239—
 241, 245, 24, 248, 255, 254,
 260, 261, 269, 270, 271,
 282, 287, 291, 293, 296,
 301
 Пуцин И. И. 235
 Пыпин А. Н. 273
- Радищев А. Н. 203
 Расин Ж. 271
 Решетников Ф. М. 123, 246,
 287
 Розанов С. П. 35
 Романов Б. А. 265
 Румовский С. Я. 218
 Румянцев А. Н. 292
 Руссо Ж.-Ж. 271
 Рыбникова М. А. 229
 Рылов А. А. 251
- Салтыков-Щедрин М. Е.
 59, 124, 125, 127, 129, 137,
 146, 148, 150, 153, 156,
 177, 182, 183, 239, 252,
 259, 264
 Сахаров И. П. 94, 139
 Светов В. П. 19, 29
 Севергин В. М. 78
 Северьянов С. Н. 174
 Селищев А. М. 45
 Сементковский Р. И. 154
 Сепир Э. 142
 Серафимович А. С. 259
 Сергеевко Т. А. 120
 Сешча А. З. 119, 144, 149,
 155
 Симоли П. К. 211
 Симонов К. 250
 Слепцов В. А. 123
 Смирнов И. Т. 16
 Смирнов Н. А. 213
 Снегирев И. М. 123
 Соболевский А. И. 12, 16,
 18, 26, 33—36, 195, 269,
 276, 285, 296
 Соколов П. И. 21, 78, 219,
 221—229, 237
 Солосин И. И. 29
 Сорокин Ю. С. 107, 265
 Сосюр Ф. де 22, 39, 112,
 219
 Спасович В. Д. 139, 160
 Сперанский М. Н. 269
- Срезневский И. И. 38, 43,
 44, 60, 71, 79, 93, 94, 174,
 192, 194—196, 209, 218,
 223, 243, 265, 283
 Стациславский К. С. 74, 75
 Станкевич Н. В. 57
 Станюкович К. М. 90
 Стасов В. В. 177, 252
 Стасюлевич М. М. 84, 128
 Стефан Дечанский 285
 Стоюнин В. 106
 Стоян П. Е. 236
 Стоянович Л. В. 37
 Сумароков А. П. 60, 129,
 210, 215
 Сухово-Кобылин А. В. 122
 Сухомлинов М. И. 78, 215,
 216
- Тагиев М. И. 10
 Тарасенков А. 58
 Тауберт И.-К. 215
 Твардовский А. Т. 245
 Телешов Н. Д. 174
 Тимофеев Иван 265
 Тихонравов Н. С. 242
 Толстой А. К. 268
 Толстой А. Н. 74, 246, 287
 Толстой Л. Н. 60, 89, 120,
 129, 133, 134, 158, 16, 231,
 233, 237, 253, 255, 264
 Толстой Н. И. 269, 275, 276
 Томашевский Б. В. 9, 236,
 301
 Травничек Ф. 66, 67
 Траутман Р. 44
 Треднаковский В. К. 80,
 214, 215
 Трир И. 108—115, 298
 Трубедкой Н. Н. 71
 Трусман Ю. Ю. 286
 Туницкий Н. Л. 37
 Тургенев И. С. 13, 82, 83,
 89, 90, 126, 128, 130, 152,
 154, 158, 164, 168, 172,
 175, 177—179, 187, 206,
 208, 233, 235, 237, 243,
 245, 260, 291
- Унбегаун Б. Г. 269
 Успенский Г. 130, 139, 159,
 160, 231, 233, 254, 292
 Ушаков Д. Н. 9, 90, 136,
 159, 164, 169, 172, 173,
 176, 178—184, 187, 188,
 208, 235—238, 251, 252,
 288, 290, 291, 301
- Фадеев А. 175, 247
 Фалев И. А. 16
 Фасмер М. Р. 280, 282,
 284, 285
 Федин К. А. 252, 259
 Филли Ф. П. 53, 114, 115,
 298

- Фома Пресвитор Смоленский 284
 Фонвизин Д. И. 86, 153, 158, 218
 Фортунатов Ф. Ф. 161
 Фосслер К. 120
 Фурманов Д. А. 259
- Цонев Б. 44
- Черешнин Л. В. 162
 Черкасова Е. Т. 115
 Чернышев В. И. 5, 198, 301, 302
 Чернышевский Н. Г. 106, 107, 298
 Чехов А. П. 123—129, 132, 135, 136, 143, 145, 147—156, 159, 168, 178, 185, 237, 245, 249, 260, 261, 264
 Чудинов А. Н. 236
- Шальк Ф. 111
 Шарль-Луи-Кадет 78
 Шахматов А. А. 8, 12—14, 18—20, 26, 41, 59, 119, 140—143, 161, 185, 197, 199, 200, 207, 232—236, 254, 269, 281, 288, 298, 301
 Шевырев С. П. 230
 Шеллинг Ф.-В. 57
 Шенрок В. И. 243
 Шенье А. 202
 Шимкевич К. 43
 Ширинский-Шихматов П. А. 223
 Шипков А. С. 21, 22, 24—28, 31—34, 192, 193, 203, 223
 Шипков В. 178, 246
 Шлейхер Авг. Б. 13
 Шмелев Д. Н. 10
 Шмидт К. 100, 105
 Шмидт О. Ю. 242
 Шредер Ф. 100
- Штейнталь Г. 120
 Штёклейн 100
 Шумавский Иосиф Франт 44
 Шухардт Г. 111
- Щепкин Д. М. 257
 Щерба Л. В. 1, 6, 65, 82, 162, 168, 187, 201, 231, 258, 268—271, 296
 Щербатов М. М. 60, 218
- Эмин Н. Ф. 123, 155
 Энгельс Ф. 68, 73, 74
 Эртель А. И. 256, 262
- Яблочков Г. 174
 Ягич И. В. 35
 Ягодич Р. 273
 Языков Д. И. 223
 Якубинский Л. П. 48—50, 79, 269, 270, 277
- Aronstein Ph. 119
- Bally Ch. 50, 52, 119, 143
 Behagel O. 111
 Bernard R. 287
 Berneker E. 78
 Betz W. 109
 Bloch O. 91
 Bréal M. 138
 Brugmann K. 111
- Darmsteter A. 91
 Duclos Ch. 52
- Erdmann K. O. 165
- Huguet E. 71, 91
- Jagoditsch R. 273
 Jakobson R. 302
- Kiparsky V. 46, 59
 Koless O. 35
- Marek A. 59
 Mazon A. 175
 Meillet A. 46, 119, 284
 Meister R. 111
 Miklosich F. 17, 37, 38, 102, 284
- Osthoff H. 111
- Picchio R. 273
- Saussure F. de 143, 155
 Sechehaye A. 143, 150, 155, 160
 Schalk F. 111
 Schmidt K. 105
 Streitberg W. 111
- Trautmann R. 44
 Trier J. 108, 109, 111
- Vasmer M. 284
 Vondrak W. 284

СОДЕРЖАНИЕ

Труды академика Виктора Владимировича Виноградова в области лексикологии, фразеологии, семасиологии и лексикографии	1
---	---

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

К истории лексики русского литературного языка (1927)	12
Заметки о лексике «Жития Саввы Освященного» (1928)	35
Слово и значение как предмет историко-лексикологиче- ского изучения (1945)	39
Материалы и исследования в области исторической лек- сикологии русского литературного языка (1946)	40
Об изучении общего лексического фонда в структуре сла- вянских языков (1946)	43
Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка (1951)	47
О некоторых вопросах русской исторической лексиколо- гии (1953)	69
Из истории лексикологии (1965)	95

ФРАЗЕОЛОГИЯ, СЕМАСИОЛОГИЯ

Основные понятия русской фразеологии как лингвисти- ческой дисциплины (1946)	118
Об основных типах фразеологических единиц в русском языке (1947)	140
Основные типы лексических значений слова (1953) . . .	162

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII—XX в. (1941)	192
Толковые словари русского языка (1941)	206
О некоторых вопросах теории русской лексикографии (1956)	243

Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры (1968)	265
Об омонимии в русской лексикографической традиции (1967)	288

ПРИЛОЖЕНИЯ

Комментарии	296
Библиография трудов В. В. Виноградова	301
Алфавитный список слов и выражений	305
Указатель имен	307

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ВИНОГРАДОВ
 ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ
 Избранные труды

Утверждено к печати
 Отделением литературы и языка Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Кучинская*
 Художник *Г. А. Астафьева*
 Художественный редактор *Т. П. Полтюева*
 Технические редакторы *А. П. Гусева, Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 5/IV 1977 г. Подписано к печати 17/X 1977 г.
 Формат 70×100^{1/16}. Бумага типографская № 1
 Усл. печ. л. 25,6. Уч.-изд. л. 26,9.
 Тираж 8400. Тип. зак. 394. Цена 2 р. 20 к.

25-28

ANATOLISCHES MUSEUM